

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 16(3) • 2023

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 27,56 усл. п.л. Заказ № 832.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and
Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-
69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 16(3) • 2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Международная политика устойчивого развития

- 7 Алиев Р.А. – Влияние концепции устойчивого развития на трансформацию энергетической политики стран Каспийского региона
- 56 Булыга Р.П., Мельник М.В., Сафонова И.В., Гисин В.Б. – Модель индекса ESG-транспарентности корпоративной отчётности

История и теория дипломатии

- 81 Matos Franco R. – The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922–1924)
- 109 Михайлов Д.Ю. – Никола Саркози в урегулировании конфликта в Грузии 2008 г.: «коллективный Запад» против России
- 138 Красняк О.А., Шатерников П.С. – Дипломатия малых государств: анализ возможностей и ограничений на примере Восточного Тимора

Внешнеполитические стратегии в меняющемся мире

- 153 Арляпова Е.С., Пономарёва Е.Г. – Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса

- 180 Leonova O.G., Khatri Jagdish – Strategic Partnership between India and the United States: Examining Driving and Restraining Forces

Мировая экономика и внешняя торговля

- 199 Кудрявцева Е.П. – Русская торговля на Чёрном море в первой трети XIX в.
- 222 Шкваря Л.В. – Внешняя торговля России со странами ССАГПЗ: динамика, характеристики и возможности
- 244 Artamonov N.V., Kurbatskii A.N. – Excess Return of US Mutual Funds
- 263 Решикова М.С. – Драйверы и ограничители индийской стартап-индустрии

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 298 Юнгблюд В.Т. – «Увлекательный мир исторического анализа высокой пробы» (О книге В.О. Печатнова «История и политика»)

Table of Contents • 16(3) • 2023

RESEARCH ARTICLES

International Politics of Sustainable Development

- 7 Aliev R.A. – The Role of the Sustainable Development Concept in Shaping Energy Policy Transformations in the Caspian Region Countries
- 56 Bulyga R.P., Melnik M.V., Safonova I.V., Gisin V.B. – A Model of ESG-Transparency Index in Corporate Reporting

Diplomatic History and Theory

- 81 Matos Franco R. – The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922-1924)
- 109 Mikhaylov D.Yu. – Nicolas Sarkozy's Role in the 2008 Georgia Conflict: The "United West" Confronting Russia
- 138 Krasnyak O.A., Shaternikov P.V. – The Diplomacy of Small States: Exploring Opportunities and Limitations in the Case of Timor-Leste

Foreign Policy in a Changing World

- 153 Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. – Cracks and Fault Lines: Foreign Policy Orientations of Western Balkan Capitals in the Context of the Ukrainian Crisis

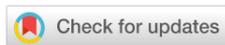
- 180 Leonova O.G., Khatri Jagdish – Strategic Partnership between India and the United States: Examining Driving and Restraining Forces

World Economy and International Trade

- 199 Kudryavtseva E.P. – Russian Black Sea Trade in Early 19th Century
- 222 Shkvarya L.V. – Russia's Foreign Trade with the GCC Countries: Dynamics, Characteristics and Opportunities
- 244 Artamonov N.V., Kurbatskii A.N. – Excess Return of US Mutual Funds
- 263 Reshchikova M.S. – Drivers and Limitations of the Indian Startup Industry

BOOK REVIEWS

- 298 Yungblud V.T. – "The Fascinating World of High-grade Historical Analysis" (About V.O. Pechatnov's book History and Politics)

Влияние концепции устойчивого развития на трансформацию энергетической политики стран Каспийского региона

Р.А. Алиев

Московский государственный институт международных отношений МИД России (университет)

В статье рассматриваются вопросы адаптации энергетической политики государств Каспийского региона к концепции устойчивого развития. В современных условиях нефтегазовые ресурсы стран Каспия имеют важное значение для развития национальных экономик и обеспечения энергетической безопасности ключевых стран-импортёров на фоне перераспределения мировых энергопотоков. Автор анализирует трансформационные изменения в структуре глобального топливно-энергетического комплекса, обусловленные энергопереходом.

Научный вклад и новизна исследования обусловлены формированием комплексного подхода к устойчивости энергетики стран-экспортёров энергоресурсов, сочетающего в себе адаптацию нефтегазового комплекса к процессам декарбонизации на фоне развития безуглеродной энергетики в динамично меняющихся геополитических условиях. Исследовательским вопросом, решаемым в рамках данной работы, является определение основных направлений трансформации энергетической политики нефтегазодобывающих стран Каспийского региона под влиянием императивов устойчивого развития.

На современном этапе наиболее актуальными аспектами энергетической политики стран Каспия становятся дальнейшее развитие нефтегазовых проектов, строгое соблюдение экологических норм и требований, обеспечение энергоэффективности производственных процессов по всей технологической цепочке, а также внедрение мер «операционной декарбонизации» и технологий улавливания и хранения CO₂ в целях сокращения углеродного следа ТЭК. Для минимизации климатических рисков в Каспийском регионе стратегические приоритеты энергетической политики должны предусматривать ресурсную диверсификацию в направлении развития безуглеродной генерации на основе возобновляемых источников.

В рамках исследования автором оценивается, наряду с внедрением мер по «операционной декарбонизации», потенциал стран Каспия по развитию возобновляемой и низкоуглеродной энергетики и рассматриваются перспективы реализации новых амбициозных зелёных проектов.

УДК 338.2-022.316(470+571+574+479.24+55+575.4)

Поступила в редакцию: 03.03.2023

Принята к публикации: 02.06.2023

Ключевые слова: устойчивое развитие, декарбонизация, низкоуглеродная энергетика, энергопереход, возобновляемые источники энергии, энергетическая политика, Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Исламская Республика Иран, Туркменистан, Каспийский регион

Вторая половина XX в. характеризуется концептуальным осмыслением проблем устойчивого развития в общественно-политическом мироустройстве. Новая парадигма цивилизационного развития, удовлетворяющего «потребности настоящего времени, но не ставящего под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹, становится драйвером внедрения иных, экологических и климатических императивов в качестве основы общественного роста.

Вопросы устойчивого развития топливно-энергетического комплекса отдельных стран и регионов в настоящее время являются предметом широкого обсуждения как в научной литературе, так и в программных документах международных организаций в сфере энергетики – Международного энергетического агентства (МЭА), Мирового энергетического форума (МЭФ), Мирового энергетического совета (МЭФ), Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA) и др. Необходимо отметить, что основной вектор трансформационных изменений в мировом ТЭК направлен на развитие возобновляемых источников энергии на фоне сокращения использования традиционных углеводородов. В большинстве научных исследований вопросы устойчивого развития и декарбонизации рассматриваются через призму возобновляемой энергетики. Так, например, М. Радованович (Radovanović 2023: 196) в качестве трёх основных стратегических приоритетов устойчивого управления энергетикой выделяет использование возобновляемых источников энергии, энергоэффективность и управление рисками.

Стремление к углеродной нейтральности под общим политическим лозунгом «Net Zero by 2050»² подразумевает поэтапный отказ от углеводородных энергоресурсов. Столь радикальная стратегия климатического регулирования вызывает опасения ряда учёных – как зарубежных, так и российских. Так, например, Ю. Мирнс и Д. Сорнет (Mearns, Sornette 2023) выражают обеспокоенность, что «отказ от ископаемого топлива может поставить под угрозу западное процветание и капитализм». При этом в статье отмечается недооценённость

¹ *Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)*. 1988. Москва: Прогресс.

² Net Zero by 2050: a Roadmap for the Global Energy Sector. Flagship report. 2021. *International Energy Agency*. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (accessed 25.05.2023)

рисков и последствий данного сценария декарбонизации мировой энергетики. По мнению Е.А. Телегиной и Г.О. Халовой, форсирование развитыми государствами проведения перехода на зелёные источники энергии на фоне сокращения инвестиций в нефтегазовые проекты приведёт к дисбалансам и снижению устойчивости мировых энергетических рынков (Телегина, Халова 2022: 29).

В. Шваниц, А. Вирлинг и П. Шах отмечают, что бесконтрольное наращивание доли возобновляемых источников в энергобалансе в ряде случаев может прямо противоречить целям устойчивого развития, и предлагают компромиссный интегрированный подход к разработке сбалансированной энергетической политики для стран, обеспеченных нефтегазовыми запасами (Schwanitz et al. 2017). Траектория снижения углеродного следа путём наращивания доли возобновляемой энергетики вполне применима для стран нетто-импортёров энерго-ресурсов, энергетическая политика которых основывается на рыночных (налоги на выбросы CO₂) и нерыночных (лимиты выбросов CO₂) механизмах климатического регулирования (Furceri et al. 2023). Помимо этого, развитие системы трансграничного углеродного регулирования (ТУР)³, предусматривающей взимание углеродного налога с импортёров товаров в ЕС, направлено на уравнивание стоимости углеводородной и возобновляемой энергетики. В рамках оптимизации использования инвестиционных ресурсов Л. Сяохуань и А. Ши в своих исследованиях разрабатывают комплексную оценку эффективности финансирования проектов в области возобновляемой энергетики (Xiaohuan, Shi 2018). При этом они отмечают долгосрочную тенденцию роста субсидирования проектов в сфере ВИЭ на фоне сокращения инвестиций в традиционную энергетику.

Программные документы по декарбонизации не особо акцентируют внимание на том, что в настоящее время ископаемые энергоресурсы составляют 84% мирового первичного потребления энергоресурсов (рис. 1). Учитывая высокую инерционность динамики мирового энергобаланса, когда изменение доли какого-либо энергоресурса даже на 10% в течение 10 лет уже считается энергопереходом (Smil 2010), представляется весьма маловероятным полный отказ от углеводородов в ближайшие 30 лет. Таким образом, необходимо не только развивать возобновляемую энергетику, но и решать вопросы, связанные с адаптацией применения углеводородных энергоресурсов к условиям климатического регулирования.

³ Суть механизма трансграничного углеродного регулирования заключается в том, что европейские импортёры будут покупать сертификаты на выбросы углерода, стоимость которых будет соответствовать цене на выбросы углерода, которую следовало бы уплатить, если бы товары были произведены в соответствии с европейскими правилами выплаты за выбросы углерода. Если производитель из третьей страны сможет подтвердить, что в связи с производством импортируемых товаров уже была осуществлена выплата за выбросы углерода, соответствующая сумма может быть полностью вычтена из выставленного импортёру счёта. *Источник: European Union External Action*

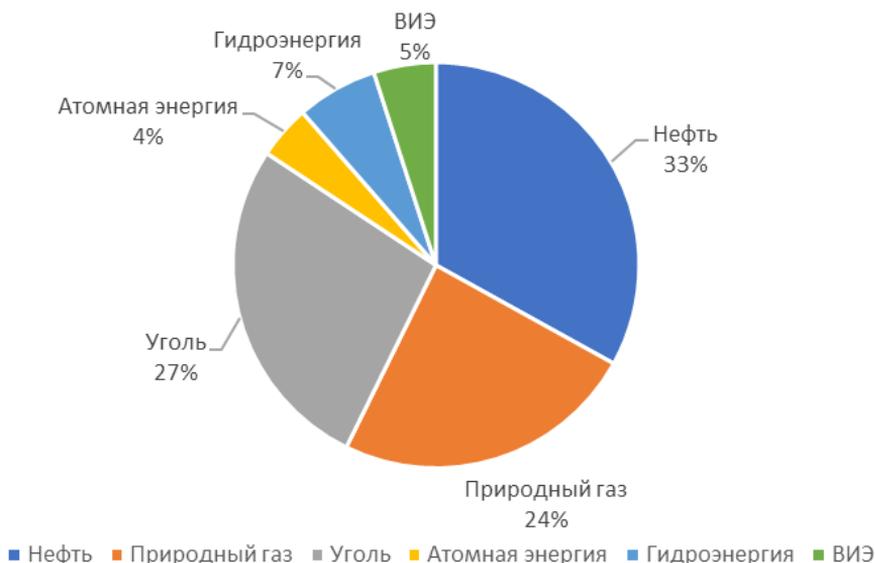

Рисунок 1. Потребление первичных энергоресурсов (энергобаланс) по видам энергоносителей в 2021 г.

Figure 1. Consumption of primary energy resources (energy balance) by types of energy carriers in 2021

Источник: составлено автором по данным BP Statistical Review of World Energy, June 2022⁴.

В связи с этим весьма малоизученными остаются аспекты трансформации энергетических политик государств, располагающих значительными запасами традиционных углеводородных ресурсов, в условиях энергоперехода. В данном случае речь идёт не о политических призывах и инициативах, а о формировании оптимальной стратегии развития национальных ТЭК стран-экспортёров энергоресурсов, не противоречащей принципам устойчивого развития и отвечающей современным требованиям минимизации углеродного следа.

Различные пути реализации энергоперехода и технологические ограничения применения возобновляемых источников энергии рассматриваются в монографии Д.Ф. Алиева и Р.А. Алиева (Алиев, Алиев 2022). В данном исследовании делается попытка «отделить политическую составляющую энергоперехода и беспристрастно оценить реальные перспективы процессов декарбонизации на основе ВИЭ». В результате авторы приходят к выводу о целесообразности

⁴ BP Statistical Review of World Energy, June 2022. 71st edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed 25.05.2023).

использования генерации электроэнергии на основе возобновляемых источников для покрытия пиковых нагрузок, тогда как в качестве источников базовой генерации необходимо использовать тепловые или атомные электростанции.

По мнению Д. Фурсери, М. Гансмайера и Д. Остри (Furceri et al. 2023), политические риски и издержки реализации мероприятий климатической политики (Climate Change Policies, ССР) многократно возрастают в странах, промышленный сектор которых зависит от углеводородных источников энергии, что значительно снижает общественную поддержку правительства.

Таким образом, в текущих геополитических условиях особую актуальность приобретают вопросы адаптации нефтегазовых экономик к современным условиям декарбонизации и противодействия изменениям климата, что, в конечном итоге, является императивом их устойчивого развития в энергетической сфере.

Выбор Каспийского региона в качестве объекта исследования обусловлен его возрастающей ролью в мировой геополитике. В рамках изменения конфигурации современного мироустройства страны Каспия, располагающие богатым природно-ресурсным потенциалом и транспортно-логистическими возможностями, вовлекаются в орбиту перераспределения мировых энергопотоков. Помимо этого, Каспийский регион наглядно демонстрирует такие масштабные последствия процессов глобального потепления, как сокращение ледниковой массы на Кавказе и в Центральной Азии, опустынивание земель в Казахстане и Туркменистане, засухи в Азербайджане, Иране и Туркменистане, следствием которых являются обмеление рек и дефицит пресной воды. Серьёзной проблемой является и снижение уровня самого моря (Алиев, Гулиев 2022: 6). При этом углеродный след стран Каспия оценивается в 2,5 млрд т в СО₂-эквиваленте, что составляет около 8% от общемирового показателя⁵.

Вопросы устойчивого развития Каспийского региона являются предметом активного изучения со стороны мирового и российского научного сообщества. Так, например, А.Б. Долгушин (Долгушин и др. 2021) в качестве основного приоритета устойчивого развития региона выдвигает снижение антропогенной нагрузки на экосистему Каспийского моря. Р.Х. Усманов и О.Э. Гулиев, отмечая роль Каспия как важнейшего узлового центра Евразийского политико-экономического пространства, подчёркивает важность формирования коллективной безопасности стран региона, в том числе и энергетической (Усманов, Гулиев 2022).

В текущих геополитических условиях Каспий становится одним из ключевых регионов энергоснабжения и поставок энергоносителей, в том числе, на энергетические рынки Европейского союза. Очевидно, что исследования в области разработки грамотной энергетической политики и формирования устой-

⁵ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. 71st edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed 25.05.2023)

чивой энергетики стран «Каспийской пятёрки» являются в высшей степени актуальными и требуют комплексного подхода, обеспечивающего как укрепление нефтегазового потенциала с учётом приоритетов экологической безопасности, так и реализацию мер адаптации к изменениям климата.

Исследовательским вопросом, решаемым в рамках данной работы, является определение основных направлений трансформации энергетических политик нефтегазодобывающих стран Каспийского региона под влиянием императивов устойчивого развития.

Вопросы разработки энергетической политики для стран-экспортёров и импортёров энергоресурсов достаточно широко рассматривались в научной литературе. Однако современные климатические ориентиры и требования сокращения углеродного следа ТЭК в условиях энергоперехода к зелёной энергетике создают дополнительные вызовы и риски для нефтегазовых экономик. Для стран Каспийского региона, обладающих существенными запасами углеводородов, устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса связано также и с необходимостью минимизации экологического воздействия на хрупкую экосистему моря. На текущий момент ситуация осложняется внешними факторами геополитической неопределённости и необходимостью реформирования мировых энергопотоков. Перечисленные аспекты обуславливают практическую значимость проводимого исследования, научная новизна которого заключается в формировании комплексного подхода к устойчивости энергетики стран-экспортёров энергоресурсов, сочетающего в себе адаптацию нефтегазового комплекса к процессам декарбонизации на фоне развития безуглеродной энергетики в динамично меняющихся геополитических условиях.

В рамках анализа трансформационных изменений в энергетической политике стран Каспийского региона применяется подход, основанный на критериях устойчивого развития и энергетической безопасности стран-экспортёров энергоресурсов. Исходным в данной работе является информационно-аналитический метод, в рамках которого на основе исследуемых данных автор делает ключевые выводы о текущем состоянии энергетической политики и формулирует основные направления её дальнейшей гармонизации с глобальной климатической стратегией. В исследовании используется статистический анализ, который подразумевает количественно-системный подход к исследованию научных данных в единстве с качественным анализом и помогает выявить основные факторы, влияющие на формирование стратегических приоритетов в ТЭК стран Каспийского региона.

Структура статьи включает в себя обзор во Введении тенденций развития мирового топливно-энергетического комплекса в соответствии с принципами устойчивого развития в условиях соблюдения климатических ориентиров и наращивания доли ВИЭ в энергобалансе. На фоне трансформационных изменений в глобальной энергетической стратегии анализируются приоритеты энергетической политики стран-экспортёров углеводородных энергоресурсов.

В первом разделе статьи определяется научное наполнение концепции устойчивого развития применительно к разработке приоритетов энергетической политики. Во втором разделе рассматриваются основные направления адаптации углеводородного ТЭК стран Каспийского региона к процессам декарбонизации, а также пути повышения энергоэффективности и минимизации экологического воздействия на окружающую среду. В разделах 3–7 анализируются основные направления низкоуглеродной трансформации энергетической политики Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Исламской Республики Иран и Туркменистана. Результаты исследования в виде выводов и рекомендаций представлены в заключительной части.

Концепция устойчивого развития в призме формирования энергетической политики

Устойчивое развитие является важнейшей основой, которая направляет процессы принятия решений для удовлетворения потребностей нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Формирование энергетической политики играет ключевую роль в достижении целей устойчивого развития путём решения социально-экономических, экологических и энергетических задач. Цели устойчивого развития ООН обеспечивают всеобъемлющую основу для достижения устойчивого развития. Несколько ЦУР напрямую связаны с формированием энергетической политики.

ЦУР 7 направлена на обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии. Формирование энергетической политики играет решающую роль в достижении этой цели, способствуя доступности энергии для всех людей и сообществ. ЦУР 13 подчёркивает настоятельную необходимость борьбы с изменением климата и его последствиями. Формирование энергетической политики является ключом к достижению этой цели за счёт сокращения выбросов парниковых газов и продвижения методов, устойчивых к изменению климата. ЦУР 9 направлена на содействие устойчивой индустриализации, повышение надёжности инфраструктуры и поощрению инноваций. Формирование энергетической политики способствует достижению этой цели путём поддержания развития устойчивой энергетической инфраструктуры. ЦУР 11 направлена на создание инклюзивных, безопасных и устойчивых городов и сообществ. Энергетическая политика играет решающую роль в достижении этой цели, продвигая энергоэффективные здания, устойчивые городские транспортные системы и доступ к чистой и доступной энергии для городского населения. ЦУР 12 направлена на продвижение устойчивых моделей потребления и производства. Формирование энергетической политики способствует достижению этой цели путём поощрения энергоэффективности во всех секторах, сокращения потерь энергии и поощрения исполь-

зования возобновляемых источников энергии в производственных процессах. В рамках ЦУР 14 основными рисками, связанными с деятельностью нефтегазового комплекса, являются технологии шельфового бурения, возникновение непреднамеренных разливов нефти и сброс загрязняющих веществ в морскую среду. В отношении ЦУР 15 нефтегазовый сектор оказывает неблагоприятное воздействие на наземные экосистемы из-за вырубке лесов для создания производственной инфраструктуры, включая трубопроводы и подъездные пути. Кроме того, добыча ископаемого топлива требует расчистки земель, что неизменно приводит к разрушению мест обитания, ухудшению качества почвы и уничтожению биологического разнообразия. В свете этих экологических рисков энергетическая политика требует продуманной и надёжной системы реагирования для эффективного согласования с целями, закреплёнными в ЦУР 14 и ЦУР 15.

ЦУР 17 подчёркивает важность глобального партнёрства и сотрудничества для достижения устойчивого развития. Формирование энергетической политики требует международного сотрудничества, обмена знаниями и наращивания потенциала между правительствами, международными организациями, бизнесом и гражданским обществом.

Включив эти ключевые аспекты в формирование энергетической политики, страны могут добиться значительных успехов в достижении соответствующих ЦУР, способствуя доступу к чистой энергии, смягчению последствий изменения климата, устойчивой инфраструктуре, ответственному потреблению и производству, а также глобальному партнёрству для устойчивого развития.

Топливо-энергетический комплекс, включающий добычу, производство и потребление ископаемого топлива, вносит значительный вклад в глобальные выбросы парниковых газов. В 2021 г. выбросы CO₂, связанные с энергетикой, в результате сжигания ископаемого топлива составили примерно 73% от общего объёма выбросов парниковых газов. Чтобы уменьшить выбросы, связанные с функционированием топливо-энергетического комплекса, при формировании энергетической политики следует отдавать приоритет следующим стратегиям:

- **Переход на возобновляемые источники энергии:** увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом энергетическом балансе может значительно сократить выбросы парниковых газов. В последние годы стоимость технологий использования возобновляемых источников энергии снизилась, что делает их всё более конкурентоспособными по сравнению с ископаемыми видами топлива.
- **Повышение энергоэффективности.** Повышение энергоэффективности во всех секторах имеет решающее значение для снижения энергопотребления и связанных с ним выбросов. Энергоэффективные технологии и методы могут обеспечить значительную экономию энергии и экономические выгоды.

Устойчивое развитие нефтегазового комплекса стран Каспийского региона

В странах «Каспийской пятёрки» сосредоточено 17% мировых доказанных запасов нефти и 47% мировых запасов природного газа. При этом на страны Каспийского региона приходится более 18% нефтяных экспортных потоков и около 40% мировых трубопроводных поставок природного газа (таблица 1). Данная статистика ещё раз подчёркивает значимость нефтегазовой отрасли для экономического развития стран региона и обеспечения энергетической безопасности ключевых импортеров энергоресурсов.

Таблица 1. Доказанные запасы и объёмы экспорта нефти и природного газа в странах Каспийского региона в 2021 г.

Table 1. Proved reserves and export volumes of oil and natural gas in the countries of the Caspian region in 2021.

Страны	Доказанные запасы нефти, млрд т	Доказанные запасы природного газа, трлн м ³	Экспорт нефти, млн т	Экспорт природного газа, млрд м ³	
				по трубопроводам	в виде СПГ
Россия	14,8	37,4	263,6	201,7	39,6
Азербайджан	1,0	2,5	27,1	19,6	-
Казахстан	3,9	2,3	67,6	10,6	-
Иран	21,7	32,1	15,4	17,3	-
Туркменистан	0,1	13,6	3,3	42,1	-
Мир, всего:	244,4	188,1	2058,9	704,4	516,2
Совокупная доля стран региона в общемировом показателе, %	17,0	46,7	18,3	41,4	7,7

Источник: составлено автором по данным BP Statistical Review of World Energy 2022.

В мировой практике существует два основных варианта внедрения мер по декарбонизации в рамках проводимой энергетической политики (Pickl 2019). Первый вариант предполагает трансформацию национальных топливно-энергетических комплексов в направлении развития возобновляемой энергетики, тогда как во втором варианте основой ТЭК по-прежнему остаются углеводороды, при этом уменьшение углеводородного следа осуществляется за счёт внедрения мер операционной декарбонизации, повышения энергоэффективности и снижения углеродоёмкости промышленного сектора. Мероприятия, осуществ-

вляемые в ходе проведения операционной декарбонизации, предполагают сокращение сжигания попутного газа в факелах, реализацию проектов улавливания, хранения и утилизации углерода и программ посадки лесов, а также производство зелёного водорода.

Ключевой особенностью разработки шельфовых месторождений на Каспии является соблюдение жёстких экологических требований вследствие крайне уязвимой к внешним воздействиям экосистемы моря. Помимо экологических аспектов, в странах Каспийского региона отчётливо наблюдаются климатические изменения, связанные с процессами глобального потепления. Высокий потенциал ветровой и солнечной энергетики в регионе позволяет развивать возобновляемую генерацию, что поможет сократить внутреннее потребление углеводородов и увеличить объёмы их экспорта.

Основные направления трансформации энергетической политики Российской Федерации

Текущая ситуация в мировой экономике и геополитике повлияла на реализацию проектов в молодой, но динамично развивающейся отрасли возобновляемой энергетики в России. Трансформация глобальных энергетических рынков вносит корректировки в повестку устойчивого развития, однако, направление развития безуглеродной энергетики сохраняет свою актуальность (Положихина 2014).

В связи с возрастающей ролью возобновляемой энергетики в развитии мировой экономики перед Россией стоят новые задачи, связанные с необходимостью ускорения создания технологического, научного и инженерного потенциала (Шепелев 2022). Задел для российской возобновляемой энергетики, созданный в предыдущие годы, позволяет отрасли не только продолжать реализацию ранее утверждённых проектов, но и строить перспективные планы (Бутузов 2022).

Энергетическая политика России базируется на Стратегии энергетического развития России до 2050 года и основывается на принципах энергетической трилеммы: экономической обоснованности, чистотой энергии, доступности для потребителей (Волошин, Назарова 2022).

Принимая во внимание тренд на декарбонизацию и принятые Россией обязательства по Парижскому соглашению, неизбежна качественная структурная перестройка электроэнергетической отрасли благодаря развитию сферы использования низкоуглеродных источников энергии (Бразовская, Гутман 2022). По итогам 2022 г. совокупная установленная мощность ВИЭ в российской энергосистеме составляет порядка 5,7 ГВт, в структурном разрезе ВИЭ-генерации

лидирующие позиции занимают ветровые и солнечные установки электрогенерации: 2,2 и 2,1 ГВт соответственно, совокупная мощность малых ГЭС составляет 1,2 ГВт⁶ (рисунок 2).

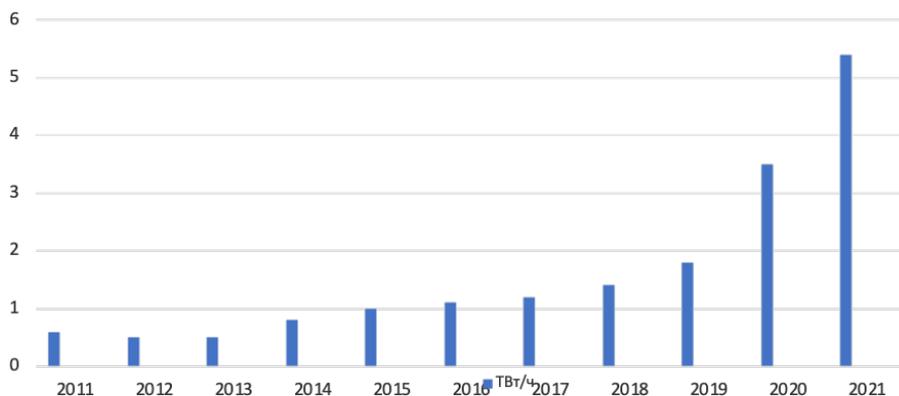

Рисунок 2. Производство электроэнергии на основе ВИЭ в России, ТВт/ч

Figure 2. Electricity generation based on RES in Russia, TWh

Источник: составлено автором на основе данных НП «Market Council», Association «Hydropower of Russia»

В 2022 г. Правительство России приняло решение продлить программу поддержки объектов крупной и малой ВИЭ-генерации до 2035 г. Государственная поддержка проектов по возобновляемой энергетике предполагает финансовую помощь на уровне 350 млрд руб. Ожидается, что до 2035 г. в России будет введено около 6,7 ГВт ВИЭ-мощности, а к 2050 г. на долю выработки электроэнергии ВИЭ придётся порядка 12,5%. Сегодня обсуждается строительство восьми проектов ГЭС в регионе Сибири и Дальнего Востока совокупной мощностью 4,7 ГВт и шесть проектов ГАЭС мощностью 6,5 ГВт⁷.

В 2022 г. зафиксирован рост на 30% показателей выработки ВИЭ в ЕЭС России по сравнению с предшествующим годом, при этом доля ВИЭ-генерации в общей структуре выработки электроэнергии составила всего 0,7% общего производства.

Принципиальное значение для России имеет развитие долгосрочных и стратегических отношений со странами Азии и Африки – государствами-членами IRENA. Такое сотрудничество послужит стимулом для строительства высокотехнологичных промышленных предприятий на территории России, а также

⁶ BP Statistical Review of World Energy 2022. 71st edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed 25.05.2023)

⁷ Вторая программа поддержки возобновляемой энергетики в России является завершающей. 2022. ТАСС. 14 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15215355> (дата обращения: 25.05.2023)

для создания новых рынков сбыта российских технологий ВИЭ, что особенно важно для российских компаний, получающих меры поддержки в зависимости от наличия доли экспортных контрактов (Коданёва 2022).

Китай, будучи стратегическим партнёром для России, видит систему развития возобновляемой энергетики ключевым инструментом для достижения ЦУР ООН. Россия заинтересована в привлечении партнёров из Китая для участия в проектах ВИЭ-генерации, особенно в том, что касается создания в России совместных предприятий по производству оборудования для возобновляемой энергетики. Кроме того, особое внимание уделяется сотрудничеству в направлении обмена опытом по проектированию и интеграции в энергосистему станций ВИЭ-генерации. Страны также заключают договорённости в сфере сертификации источников происхождения электрической энергии. В Китае система сертификации успешно реализуется, в России законопроект, направленный на её введение, находится на этапе активного рассмотрения. Сотрудничество по направлению сертификации откроет возможности для привлечения инвестиций и получения социально-экономических выгод от производства электроэнергии без сжигания ископаемого топлива. Таким образом, целевое сотрудничество России и Китая в сфере ВИЭ открывает новые возможности для обеих сторон в направлении достижения целей устойчивого развития (Wang 2022).

Действия по осуществлению мер поддержки бизнеса и внесение изменений в законодательство России поддержат развитие повестки устойчивого развития, переориентация на новые рынки откроет возможности для роста сектора ВИЭ стабильными темпами⁸. Согласно оценкам Минэнерго РФ, к 2030 г. выработка электроэнергии на генерирующих объектах, функционирующих на основе ВИЭ, достигнет 28,1 млрд кВт/ч и составит 2% в структуре выработки электроэнергии⁹.

В России сохраняется тренд на реализацию климатической повестки, в 2022 г. было принято 13 подзаконных актов основного закона об ограничении выбросов парниковых газов (подробнее объёмы выбросов CO₂ представлены в таблице 2), запущен сахалинский проект по ограничению выбросов CO₂, что подразумевает более жёсткое законодательное регулирование на территории отдельных субъектов Российской Федерации. Помимо этого, Правительство предприняло шаги для перехода к зелёной модели госзакупок, которая подразумевает раскрытие информации об использовании вторсырья для производства

⁸ Мельников А.И. 2020. Перспективы внедрения солнечных и ветряных электростанций в России. *Neftegaz.ru*. №3–5 (апрель). URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/vozobnovlyаемые-istochniki-energii/545613-perspektivy-vnedreniya-solnechnykh-i-vetryanykh-elektrostantsiy-v-rossii/> (дата обращения: 25.05.2023)

⁹ РЭН: эксперты обозначили путь развития ВИЭ в России. 2022. *Ассоциация развития возобновляемой энергетики*. 14 октября. URL: <https://rreda.ru/novosti/tpost/rds5oaeu31-ren-eksperti-oboznachili-put-razvitiya-v> (дата обращения: 25.05.2023)

определённых категорий товаров. Решение внедрить ESG-параметры в систему госзакупок может стать эффективной мерой для перехода к устойчивой модели развития.

Таблица 2. Динамика объёма выбросов CO₂ в России за период 1990–2021 гг., млн т
Table 2. Dynamics of CO₂ emissions in Russia for the period 1990–2021, million tons

1990	2000	2005	2015	2019	2020	2021	Доля в общемировых выбросах, %
2395,6	1553,02	1735,02	1507,0	1548,8	1456,2	1581,3	4.7%

Источник: CO₂ emissions of all world countries – 2022 Report. EUR 31182 EN, Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2022. DOI: 10.2760/730164, JRC130363

Рынок зелёного финансирования в России также продолжает функционировать, в 2022 г. на бирже было осуществлено два крупных размещения зелёных облигаций, совокупная оценка рынка составляет порядка 250 млрд руб.

Переход к новой траектории развития, основанной на инновационном и природно-ресурсном потенциале, является актуальной задачей для России. Базисом для такого перехода может стать развитие водородной энергетики в экономической системе России (рисунок 3), что существенно повлияет на темпы декарбонизации страны за счёт инновационного производства водорода из природного газа, в чем Россия уже заложила потенциально конкурентоспособный фундамент (Keiko, Veselov 2022).

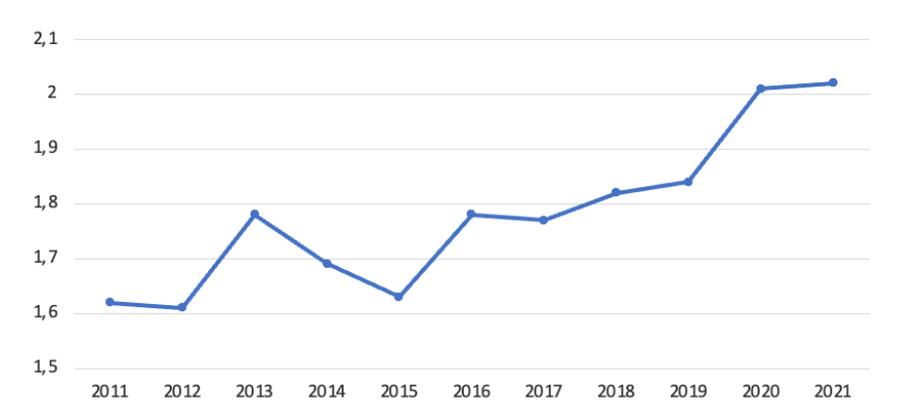

Рисунок 3. Объёмы потребления водорода в Российской Федерации, эДж
Figure 3. Volumes of hydrogen consumption in the Russian Federation, EJ

Источник: составлено автором на основе данных BP Statistical Review of World Energy

Российская Федерация входит в пятёрку крупнейших источников выбросов углекислого газа. Углеродоёмкость российской экономики – одна из самых высоких в мире, поэтому развитие водородной отрасли в России имеет решающее значение, поскольку позволит сократить углеродный след экономики, снизить воздействие на окружающую среду и выйти на новый уровень топливно-производственной базы и энергетического комплекса страны (Кругликова 2016).

В июне 2020 г. в России была принята Энергетическая стратегия до 2035 г. с фокусом на развитие производства и использование водорода. Главные цели стратегии включают:

- создание инфраструктуры для транспортировки и использования водорода в различных формах;
- расширение производства водорода из природного газа с использованием возобновляемых источников энергии и атомных электростанций;
- развитие технологий производства низкоуглеродного водорода;
- расширение внутреннего рынка и усовершенствование нормативно-правовой базы;
- развитие международного сотрудничества и выход на зарубежные рынки (Vazhenov et al. 2022).

По прогнозам, Россия планирует удовлетворить внутренний и международный спрос на водород объёмом 10,5 млн т к 2030 г. Стратегическое внимание уделяется развитию возобновляемых источников энергии для производства экологически чистого *зелёного водорода* на экспорт. В 2020 г. Правительство России одобрило План мероприятий до 2024 г., который ориентирован на создание высокопроизводительной экспортно-ориентированной отрасли водородной энергетики в России на основе использования современных технологий и привлечения высококвалифицированных специалистов.

Учитывая особенности России как энергетической державы, зависящей от экспорта углеводородов, включение в глобальную климатическую повестку несёт как определённые риски, так и возможности для долгосрочного устойчивого развития (Ремизова 2017). Поэтому при разработке национальной стратегии в рамках декарбонизации экономики должны учитываться две ключевые цели: вклад России в осуществление поставленных целей по сохранению и защите климата, а также модернизация и структурная трансформация экономических систем страны для обеспечения долгосрочного непрерывного социально-экономического роста (Vechkinzova et al. 2022).

Такие структурно-технологические направления модернизации, как повышение энергоэффективности и снижение углеродоёмкости позволят снизить количество выбросов парниковых газов. Необходимо реализовывать эти меры с использованием существующих локальных технологий умеренной капиталоемкости, что позволит уменьшить зависимость от импорта и усовершенствовать имеющуюся технологическую базу.

Климатическая повестка затрагивает различные отрасли экономики и является междисциплинарной, следовательно, координация климатической политики в России находится в ведении межведомственных групп, а для её реализации назначены органы исполнительной власти. Перед Правительственной комиссией по природопользованию и охране окружающей среды стоят следующие задачи: координация усилий федеральных органов государственной власти, исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации и иных организаций для выполнения национального плана мероприятий, направленного на адаптацию к изменению климата, сохранение и эффективное использование лесных ресурсов. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности Комиссии по вопросам природопользования и охраны окружающей среды осуществляет Минприроды России, по вопросам адаптации к изменению климата – Минэкономразвития России. Основные цели противодействия климатическим изменениям заключаются в уменьшении выбросов парниковых газов, а также улучшении поглотительной способности природных объектов. В более узком смысле эти меры могут включать в себя введение системы ценообразования на выбросы парниковых газов (углеродного ценообразования). В более широком смысле – они могут охватывать все действия, прямо или косвенно направленные на сокращение выбросов парниковых газов.

Разрабатываемые в России механизмы обеспечения устойчивого (в том числе зелёного) финансирования также могут способствовать продвижению низкоуглеродных технологий. Данные механизмы формируются Минэкономразвития России и ВЭБ.РФ, которые уже представили методические рекомендации, детализирующие направление развития инвестиционной деятельности в области устойчивого финансирования в России¹⁰.

С учётом значительной роли традиционных энергоресурсов в российской экономике возникает актуальный вопрос о соответствии среднесрочных и долгосрочных целей национальной климатической политики, которые должны определить направление перехода к низкоуглеродному развитию в соответствии с международными трендами (Дегтярёв, Соловьёв 2022). Для достижения этих целей разработан проект Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов (ПГ) до 2050 г., который подготовлен Минэкономразвития России. В рамках проекта Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов ПГ предусмотрено создание единой национальной системы мониторинга и прогнозирования выбросов ПГ.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года N 3052-р [О Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ (дата обращения: 25.05.2023)

Для России особый интерес представляет Арктический регион, который занимает обширную территорию страны. Устойчивое развитие Арктической зоны России определено как приоритетное в рамках государственной политики. Одним из ключевых документов является Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности до 2035 г. В этой стратегии определены цели, направленные на повышение качества жизни жителей Арктической зоны, а также цели, связанные с экономическим ростом Арктических регионов и развитием Северного морского пути как международного транспортного коридора. В контексте реализации международного сотрудничества перед Россией стоят цели укрепления двусторонних и региональных отношений, активизация экономического и научного сотрудничества, наращивание усилий по направлению климатического регулирования.

В настоящее время включение принципов ESG в деятельность компаний и банков является неотъемлемым условием для обеспечения устойчивого долгосрочного роста и повышения их стоимости, сокращения экономических, экологических и других рисков, связанных с их деятельностью, а также для содействия устойчивому развитию национальной и мировой экономики. Нарушение этих принципов может не только угрожать устойчивому развитию государств, но и причинить существенный ущерб компаниям-нарушителям и связанным с ними лицам. На начало 2023 г. более 100 российских компаний уже внедрили принципы ESG в свою деятельность («Газпром», «Росатом», «Северсталь», «Полиметалл», «КамАЗ» и др.), а также крупнейшие банки (Сбербанк, Россельхозбанк, Газпромбанк, Росбанк, Альфа-Банк и др.).

Важными инструментами внедрения принципов ESG в российскую экономику являются разработка и совершенствование соответствующих нормативно-правовых документов. При разработке и улучшении данных документов осуществляется анализ, оценка и учёт тенденций, особенностей и перспектив развития российской и мировой экономики. Также принимается во внимание правовое регулирование внедрения принципов ESG как в России, так и за рубежом. Особое внимание уделяется национальным интересам и стратегическим приоритетам развития России¹¹.

Решение проблемы интеграции принципов ESG в российскую экономику требует тщательного и систематического подхода, который включает анализ, оценку и учёт различных аспектов проблемы. Для успешного осуществления этого процесса необходимо учитывать такие факторы, как тенденции и перспективы развития российской и мировой экономики, соблюдение соответствующей

¹¹ Стайс Э.К. 2022. ESG и нефинансовая отчётность: перспективы в мире и России. *Школа управления «Сколково»*. 31 января. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/esg-i-nefinansovaya-otchetnost-perspektivy-v-mire-i-rossii/> (дата обращения: 25.05.2023)

щего правового регулирования, учёт национальных интересов и особенностей России, а также использование опыта и анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, связанных с реализацией этих принципов. В целом, это требует основательного подхода и учёта глобальных прецедентов и рекомендаций.

На пути адаптации к миру, всё больше использующему ВИЭ, Россия может столкнуться с определёнными трудностями, будучи крупнейшим в мире экспортёром газа и вторым по величине экспортёром нефти. В сравнении с производителями нефти стран Ближнего Востока экономика России является более крупной и диверсифицированной, однако для государственного бюджета особую важную роль играет нефтегазовая рента, которая составляет порядка 40% бюджетных доходов. Несмотря на усилия России по расширению использования ВИЭ и рост инвестиций в технологические разработки, страна по-прежнему заметно уступает Китаю и США по количеству патентов на технологии ВИЭ. Текущие геополитические реалии вызывают трансформацию глобальных энергетических отношений с глубокими экономическими и геополитическими последствиями, которые могут подрвать международное сотрудничество в области энергетического перехода и замедлить прогресс в смягчении последствий изменения климата.

Перспективные направления развития энергетической стратегии Азербайджанской Республики

В рамках присоединения к Парижскому соглашению Азербайджан взял на себя обязательство по снижению выбросов парниковых газов на 35% к 2030 г., однако в 2021 г. государство анонсировало цель снизить выбросы CO₂ на 40% к 2050 г. (Гаджиева 2018).

Таблица 3. Динамика объёма выбросов CO₂ в Азербайджане за период 1990–2021 гг., млн тонн

Table 3. Dynamics of CO₂ emissions in Azerbaijan for the period 1990-2021, million tons

1990	2000	2005	2015	2019	2020	2021	Доля в общемировых выбросах, %
54,6	29,51	30,5	33,6	34,4	33,7	35,3	0.1%

Источник: CO₂ emissions of all world countries – 2022 Report. 2022. EUR 31182 EN, Publications Office of the European Union. Luxembourg. DOI: 10.2760/730164, JRC130363

На пути к достижению обозначенных целей основная ставка сделана на возобновляемую энергию, озеленение и экологичный транспорт. Азербайджан реализует стратегию устойчивого развития энергетического сектора за счёт создания зелёных энергетических зон, а также декарбонизации и международного

инвестиционного сотрудничества (Гурбангалиев 2017). Такие международные институты, как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Азиатский банк развития, предоставляют поддержку проектам в области устойчивого развития в Азербайджане¹².

Азербайджан – богатая нефтью страна Южного Кавказа, обладающая значительными возможностями в сфере развития возобновляемых источников энергии. По данным Министерства энергетики Азербайджанской Республики (MERA), совокупный потенциал возобновляемых источников энергии составляет 27 000 МВт, включая 23 000 МВт солнечной энергии, 3 000 МВт энергии ветра, 520 МВт горных рек и 380 МВт биоэнергетического потенциала, что позволит в перспективе нарастить объёмы безуглеродной генерации до 62,8 млрд кВт·ч в год. (таблица 4).

Таблица 4. Производство электроэнергии в Азербайджане по видам электростанций за период 2008–2021 гг.

Table 4. Electricity production in Azerbaijan by types of power plants for the period 2008–2021

Годы млн кВт·ч:	Генерация электро- энергии, млн кВт·ч	В том числе по видам электростанций,				
		ТЭС	ГЭС	ВЭС	СЭС (PV)	Электро- станции на отходах
2008	21 642,0	19 410,0	2232,0	-	-	-
2009	18 869,0	16 558,9	2308,0	2,1	-	-
2010	18 710,0	15 263,5	3446,0	0,5	-	-
2011	20 294,0	17 618,0	2676,0	-	-	-
2012	22 988,0	21 167,0	1821,0	-	-	-
2013	23 354,4	21 729,6	1489,1	0,8	0,8	134,1
2014	24 727,7	23 249,3	1299,7	2,3	2,9	173,5
2015	24 688,4	22 859,9	1637,5	4,6	4,6	181,8
2016	24 952,9	22 761,0	1959,3	22,8	35,3	174,5
2017	24 320,9	22 344,9	1746,4	22,1	37,2	170,3
2018	25 229,2	23 177,0	1768,0	82,7	39,3	162,2
2019	26 072,9	24 162,6	1 564,8	105,4	44,2	195,9
2020	25 839,1	24 425,9	1 069,5	96,1	47,0	200,6
2021	27 856,0	26 238,8	1 277,3	91,5	55,2	193,2

Источник: составлено автором по данным Государственного комитета статистики Азербайджана.

¹² Использование альтернативной энергии в Азербайджане. 2022. *Официальный сайт Министерства энергетики Республики Азербайджан*. URL: <https://minenergy.gov.az/en/alternativ-ve-berpa-olunan-enerji/azerbaycanda-berpa-olunan-enerji-menbelerinden-istifade> (дата обращения: 25.05.2023)

Для качественного перехода на альтернативные источники энергии и достижения целей устойчивого развития принята стратегия «Азербайджан – 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития». В соответствии с документом планируется увеличение доли ВИЭ с 17 до 30% в энергобалансе страны – таким образом, перед энергетической отраслью Азербайджана поставлена цель по наращиванию мощностей ВИЭ в целях сокращения объёмов использования природного газа и наращивания экспорта электроэнергии на внешние рынки, при этом особое внимание уделяется европейскому направлению (Мирзоев 2022). Расширение инфраструктуры альтернативной энергетики будет осуществляться в рамках создания государственно-частных партнёрств и строительства ряда электростанций, работающих на альтернативной энергии (Мамедов 2017).

До 2036 г. Азербайджан планирует реализовать богатый потенциал Каспийского моря по ветроэнергетике, оцениваемый в 7,2 ГВт. Особое внимание уделяется зелёным энергетическим зонам в Карабахе, этот регион обладает огромным потенциалом альтернативных источников энергии, в частности гидроэнергетики. Около четверти водных ресурсов Азербайджана берут начало в Карабахском регионе, что предоставляет возможность создания систем малых ГЭС¹³. На текущий момент Правительство Азербайджана ведёт переговоры по оценке возможности строительства солнечной электростанции мощностью 500 МВт в Нахичеване (рис. 4).

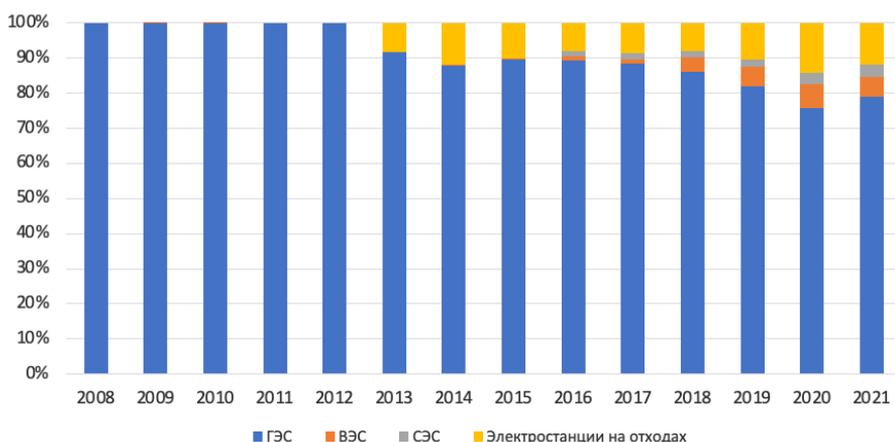

Рисунок 4. Доля безуглеродной энергии в электрогенерации Азербайджана, %
Figure 4. Share of carbon-free energy in power generation in Azerbaijan, %

Источник: составлено автором по данным BP Statistical Review of World Energy 2022

¹³ In-Depth Review of the Energy Efficiency Policy of the Republic of Azerbaijan. Energy charter Protocol on Energy Efficiency and Related Environmental Aspects PEEREA. 2022. *Energy charter*. URL: <https://www.energycharter.org/what-we-do/energy-efficiency/energy-efficiency-country-reviews/in-depth-review-of-energy-efficiency-policies-and-programmes/in-depth-review-of-the-energy-efficiency-policy-of-the-republic-of-azerbaijan/> (accessed 25.05.2023)

Азербайджанский рынок возобновляемых источников энергии умеренно консолидирован. Ключевыми игроками являются АО Azerenerji, ACWA Power International, АО Tamiz Shahar, PJSC Abu Dhabi Future Energy Company (Masdar) и OCA Global Investments SL.

В 2022 г. на межгосударственном уровне нефтяная компания Азербайджана Socar и государственная компания ОАЭ Masdar подписали соглашения о реализации проектов в области возобновляемой энергетики. Согласно принятым документам, компании договорились развивать офшорную ветроэнергетику и реализовывать проекты, связанные с производством водорода мощностью 2 ГВт. Сотрудничество также включает развитие проектов солнечной фотоэлектрической энергии и строительство объектов по ветроэнергетике на суше мощностью 2 ГВт. Суммарная реализуемая мощность в 4 ГВт рассматривается в краткосрочной перспективе, долгосрочное сотрудничество позволит увеличить этот объём до 10 ГВт. Ввиду того, что Азербайджан располагает объёмным потенциалом возобновляемой энергии, сотрудничество с компанией Masdar предоставит стране большие возможности для наращивания экспорта безуглеродной энергии, сокращения выбросов парниковых газов и устойчивого развития¹⁴.

Другой крупный проект – ветровая электростанция «Хызы-Абшерон» мощностью 240 МВт будет осуществлён в партнёрстве с саудовской компанией ACWA Power и обладает потенциалом стать крупнейшей в стране ветряной электростанцией. По предварительным оценкам, благодаря реализации этого проекта открывается возможность сократить выбросы углерода на 400 тыс. т, а также снизить использование природного газа на 200 млн кубометров в год с возможностью наращивания дополнительных объёмов его экспорта¹⁵. В 2023 г. партнёрство Азербайджана с компанией ACWA Power расширилось за счёт подписания новых соглашений о разработке проектов по строительству ветряных электростанций общей мощностью 2,5 ГВт и аккумуляторных систем накопления энергии. Эти проекты являются дальнейшим вкладом в реализацию государственной политики по развитию Азербайджана как страны зелёного роста и поставщика зелёной энергии. Сотрудничество Азербайджана с ACWA Power имеет важное значение для сокращения выбросов углерода и ускорения энергетического перехода, а также для обеспечения новых мощностей для планируемого зелёного энергетического коридора от Каспия до Европы¹⁶.

¹⁴ Гончаренко А. 2023. SOCAR и Masdar разработают два новых проекта в области ВИЭ в Азербайджане. *Neftegaz.ru*. URL: <https://neftgaz.ru/news/Alternative-energy/766534-socar-i-masdar-razrabotayut-2-novykh-proekta-v-oblasti-vie-v-azerbaydzhanе-/> (дата обращения: 25.05.2023)

¹⁵ ACWA Power начала строить в Азербайджане ветряную электростанцию на \$300 млн. 2022. *TACC*. 13 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13420669> (дата обращения: 25.05.2023)

¹⁶ В Баку достигнут ряд договоренностей в сфере развития зелёной энергетики. 2022. *Turan*. 04.02.2022 URL: https://www.turan.az/ext/news/2023/2/free/politics_news/ru/1168.htm (дата обращения: 25.05.2023)

Азиатский банк развития и компания Masdar подписали кредитное соглашение на сумму 21,4 млн долл. США для финансирования солнечной электростанции Masdar мощностью 230 мегаватт (МВт) вблизи посёлка Алят в Азербайджане. Это первая крупная инвестиция частного сектора в возобновляемую энергетику в истории Азербайджана с долгосрочным международным финансированием от финансовых институтов развития. Для АБР этот проект является также первым в области возобновляемых источников энергии в Азербайджане, и ожидается, что он станет знаковой сделкой с демонстрационным эффектом в энергетическом секторе. Также в финансировании данного проекта принимают участие ЕБРР, Японское агентство международного сотрудничества и Фонд развития Абу-Даби. Развитие крупнейшего проекта солнечной энергетики в Азербайджане станет ключевым шагом на пути зелёного роста страны. Электростанция будет стимулировать дальнейшие инвестиции частного сектора в возобновляемые источники энергии в Азербайджане и поможет правительству достичь доли 30% возобновляемой энергии в общей генерирующей мощности к 2030 г. Masdar взял на себя ведущую роль в преобразовании энергетического сектора Азербайджана посредством этого проекта по зелёной энергетике.

В отношениях между Азербайджаном и Западом всё большее значение приобретают энергетические ресурсы, при этом реализация крупных проектов в сфере энергетики повышает геополитическое значение Азербайджана (Абдуллаев 2021). В рамках развития отношений с европейскими партнёрами президент Азербайджанской Республики И. Алиев подписал соглашение с Венгрией, Грузией и Румынией в области развития и передачи зелёной энергии, предусматривающее прокладку подводного электрокабеля через Чёрное море, что позволит укрепить энергетическую безопасность и диверсифицировать поставки энергии. Соглашение подразумевает строительство кабеля длиной 1195 км и мощностью 1000 МВт. Планируется, что Европейская комиссия предоставит 2,3 млрд евро на монтаж кабеля в целях диверсификации поставок энергоресурсов для Европейского союза. К концу 2023 г. будет завершено технико-экономическое обоснование проекта подводного энергомоста, на строительство которого уйдёт от трёх до четырёх лет. Развитие ВИЭ и сотрудничество с зарубежными партнёрами послужит серьёзным стимулом для экономического роста Азербайджана, а также позволит привлечь международное финансирование и обеспечить энергетическую безопасность партнёров. Принимая во внимание зелёный вектор развития стран Европы, рост инвестиций в возобновляемую энергетику Азербайджана и оперативная реализация проектов могут трансформировать региональную энергетическую конфигурацию¹⁷.

¹⁷ Азербайджан и Европа наращивают сотрудничество в зелёной энергетике. 2022. *Вестник Кавказа*. 06.02.2022. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/azerbajdzan-i-evropa-narasivaut-sotrudnicestvo-v-zelenoj-energetike.html> (дата обращения: 25.05.2023)

Крупным европейским партнёром для Азербайджана в области возобновляемой энергетики является норвежская компания Equinor, обладающая ценным опытом реализации крупных объектов ВИЭ и высоким технологическим потенциалом. Стратегия Equinor подразумевает приоритетность реализации проектов по возобновляемой энергетике и нацелена на осуществление масштабных капитальных вложений и в страны с высоким безуглеродным потенциалом. В 2019 г. компания и Министерство энергетики Азербайджана заключили Меморандум о взаимопонимании с целью сотрудничества в области зелёной энергетики. В марте 2020 г. Equinor и Socar подписали Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья, безопасности и окружающей среды (HSE). Стороны договорились об обмене передовым опытом в области управления промышленной и пожарной безопасностью, охраной труда и окружающей среды, а также в ликвидации чрезвычайных ситуаций. Equinor присоединилась к Инициативе по охране окружающей среды Каспия (CEPI), инициированной SOCAR. Инициатива призывает к совместным активным усилиям для обеспечения эффективной и устойчивой защиты окружающей среды Каспийского региона и выполнения обязательств Парижского соглашения по климату. В 2021 г. Equinor подписала Меморандум о взаимопонимании с Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) по определению потенциальных областей сотрудничества для определения условий будущего вклада в реализацию Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) в Азербайджане.

В июне 2021 г. компания BP инициировала соглашение, которое предусматривает строительство солнечной электростанции мощностью 240 МВт в Джебраильском районе. Целью этого соглашения является создание Зоны зелёной энергии в Карабахском регионе.

В ноябре 2022 г. стороны подписали меморандум о взаимопонимании по строительству ветряной электростанции в Гарадагском районе Баку. Документ был подписан Азербайджанской инвестиционной компанией, азербайджанской частной компанией Caspian Hydrogen Development Group (CHDG), занимающейся развитием водородных технологий, и испанской компанией Elecnor, специализирующейся на возобновляемых источниках энергии¹⁸. Проект CHDG рассчитан на производство зелёного водорода в Азербайджане, что в значительной степени расширит возможности диверсификации энергетического экспорта.

В декабре 2022 г. Министерство энергетики Азербайджанской Республики и Fortescue Future Industries (FFI) подписали Рамочное соглашение о совместной работе по изучению и разработке потенциальных проектов в области зелёного

¹⁸ Ахмедова М. 2022. Подписан меморандум о строительстве ветряной электростанции в Гарадагском районе Баку. *Агентство международной информации Trend*. 4 ноября. URL: <https://www.trend.az/business/3665466.html> (дата обращения: 25.05.2023)

водорода и ВИЭ в Азербайджане. Существующее соглашение между Азербайджаном и Fortescue направлено на укрепление партнёрских отношений и включает в себя исследование потенциала проектов с общей мощностью до 12 ГВт в области возобновляемых источников энергии, а также производства зелёного водорода в Азербайджане¹⁹.

Динамично развивающиеся торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Китаем опираются на прочный фундамент дружественных межгосударственных отношений. Азербайджан нацелен выстраивать сотрудничество с Китаем по направлению зелёной энергетики, поскольку Китай располагает крупными технологическими достижениями и опытом реализации проектов ВИЭ. Таким образом, объединение природного и технологического потенциала может привести к взаимовыгодному и плодотворному сотрудничеству²⁰.

Позиция Азербайджана нацелена на активное содействие дальнейшему развитию сферы возобновляемых источников энергии, что отражается в национальном законодательстве. В рамках текущей государственной политики и совершенствования нормативно-правовой базы (действующей либо на основе системы аукционов, либо на основе прямых переговоров с правительством), реализуются механизмы поддержки начиная от гарантированных тарифов и заканчивая дополнительными налоговыми льготами и другими видами механизмов стимулирования притока прямых иностранных инвестиций. Для инвесторов в проекты возобновляемых источников энергии в Азербайджане предлагаются определённые меры государственной поддержки, включающие гарантированный отбор, гарантированное подключение, приоритет в распределении и передаче электроэнергии и долгосрочную аренду земли.

В рамках инвестиционных соглашений для пилотных проектов широко используется предоставление инвестиционного права, которое включает в себя:

- эксклюзивное право проектной компании на преимущества электростанции, в т. ч. право на продажу энергии, вырабатываемой в Азербайджане;
- исключительное право на участок под строительство электростанции на основании и в соответствии с договором аренды земельного участка;
- права, предоставляемые сертификатом поощрения инвестиций.

Обладателям сертификата поощрения инвестиций предоставляются налоговые и таможенные льготы, а также платёжное обязательство правительства и обязательство правительства по конвертации валюты. Правительство Азер-

¹⁹ Fortescue Future Industries and the Ministry of Energy partner to pursue green hydrogen projects in Azerbaijan. 2022. *FMG Fortescue*. December 15. URL: <https://www.fmgil.com.au/in-the-news/media-releases/2022/12/15/fortescue-future-industries-and-the-ministry-of-energy-partner-to-pursue-green-hydrogen-projects-in-azerbaijan> (accessed 25.05.2023)

²⁰ ACE Group Consultants, Azerbaijan and China can expand cooperation in the field of renewable energy. 2022. *ACE Group Consultants*. URL: <https://www.aceconsultants.az/en/news/1268.html> (accessed 25.05.2023)

байджана также принимает участие в обеспечении быстрого и эффективного решения спорных вопросов с государственными органами, если производитель энергии делает уведомление о необоснованном и дискриминационном поведении государственных органов в отношении соответствующего производителя энергии. Кроме того, Правительство побуждает государственные органы рассматривать заявление производителя энергии в отношении государственных разрешений и своевременно выдавать или переоформлять государственные разрешения²¹.

Азербайджан активно поддерживает внедрение принципов ESG в корпоративную культуру бизнес-структур, в связи с чем была утверждена дорожная карта на 2023 г. по стимулированию внедрения принципов экологического, социального и корпоративного управления (ESG). В рамках документа предусмотрена организация взаимного обмена информацией и координация деятельности между бизнес-субъектами. Исполнительным органом по внедрению и развитию ESG-принципов назначено Агентство развития малого и среднего бизнеса Азербайджана.

Быстро меняющаяся геополитическая среда и растущая экономика Азербайджана позволяют стране расширить горизонт возможностей в энергетическом секторе, чтобы внести свой вклад в энергетическую безопасность Европы, став одним из региональных центров зелёной энергетики. Азербайджан традиционно был производителем и экспортёром нефти и газа, а также чистым экспортёром электроэнергии. Сейчас Азербайджан динамично развивает возобновляемые источники энергии вместе с зарубежными партнёрами, в том числе с Объединёнными Арабскими Эмиратами и европейскими странами. Правительство Азербайджана намерено активно выходить на зарубежные энергетические рынки, используя огромный неиспользованный потенциал страны в области возобновляемых источников энергии в дополнение к поставкам ископаемого топлива, поступающего на зарубежные рынки. Инициативы Азербайджана по превращению в региональный центр зелёной энергии также поддерживаются другими международными организациями – в частности, МФК, ЕБРР и ПРООН. Кроме того, транснациональные корпорации, такие как японская TEPCO, британская BP и крупные компании ЕС, участвуют в реализации мегапроектов в области безуглеродной энергетики, что также отражает политическую поддержку инициатив этих стран.

В целом, устойчивому развитию как Российской Федерации, так и Азербайджанской Республики в немалой степени способствуют доверительные партнёрские двусторонние отношения. 22 февраля 2022 г. Президент Россий-

²¹ Azerbaijan renewable energy market: growth, trends, COVID-19 impact, and forecasts (2023–2028). *Mordor Intelligence*. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/azerbaijan-renewable-energy-market> (accessed 25.05.2023)

ской Федерации Владимир Путин и Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев подписали в Москве Декларацию о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, охватывающую все сферы отношений между двумя государствами, строящихся «на основе взаимного сотрудничества, взаимного уважения независимости, государственного суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ двух стран, основанного на соблюдении принципов невмешательства в их внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды, мирного разрешения споров, неиспользования угрозы применения силы»²².

В данном контексте необходимо отметить и тот вклад, который вносит МГИМО в укрепление межгосударственных связей. В 2013 г. по инициативе Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в Баку состоялся Первый Всемирный форум выпускников МГИМО «Вместе в будущее», который собрал более 400 участников из 25 стран мира. В 2023 г. в Баку планируется проведение научной конференции «Энергетическая стабильность как фактор устойчивого развития Каспийского региона», в рамках которой состоится обсуждение роли низкоуглеродных источников энергии в целях осуществления «энергетического прорыва» стран Каспия с учётом минимизации экологических и климатических рисков энергоперехода.

Ресурсно-инновационная стратегия устойчивого развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан

Вопросы энергоперехода и устойчивого развития являются приоритетными для Республики Казахстан, что включает развитие возобновляемых источников энергии и зелёной экономики. Казахстан разработал систему национальной политики, направленную на решение проблем, связанных с изменением климата, и выполнение обязательств в рамках международных климатических соглашений (Жумалиев 2021). В стране имеется значительный природный потенциал для развития возобновляемой энергетики, и к 2025 г. запланирована установка не менее 3000 МВт мощностей ВИЭ. Казахстан стремится к тому, чтобы к 2030 г. не менее 15% производимой электроэнергии в стране было получено из ВИЭ, за исключением крупных гидроэлектростанций²³.

²² Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. *Официальный сайт Президента РФ*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5777> (дата обращения: 25.05.2023)

²³ Kazakhstan's Progress in Green Energy Production Spotlighted on Euronews. *The Astana Times*. URL: <https://astana-times.com/2022/12/kazakhstans-progress-in-green-energy-production-spotlighted-on-euronews/> (accessed 25.05.2023)

В 2021 г. Казахстан заявил о намерении достичь углеродной нейтральности к 2060 г. В соответствии с этим в стране устанавливаются промежуточные цели на 2021–2025 гг. и до 2030 г.:

- оптимизация системы регулирования выбросов с использованием квот торговли (уменьшение бесплатных квот, охват более крупного сектора экономики);
- снижение доли угля в выработке электроэнергии до 40% от общего объёма к 2030 г.;
- значительное увеличение доли возобновляемых источников энергии, таких как солнечная, ветровая энергия и гидроэнергия, с текущих 3% до 24% от общего объёма производства к 2035 г.;
- увеличение производства электроэнергии на основе природного газа до 25%, экономия энергопотребления за счёт повышения энергоэффективности в масштабах всей экономики на 38,9% к 2030 г. и снижение углеродоёмкости экономики на 41,4%²⁴.

В 2022 г. Министерство энергетики Казахстана разработало новую концепцию энергетической безопасности. Министерство энергетики совместно с заинтересованными государственными органами и АО «Национальный газовый оператор “КазТрансГаз”» разрабатывает Комплексный план развития газовой инфраструктуры, направленный на «перезагрузку» всей отрасли. Министерство разработало комплексный план для развития газовой инфраструктуры с целью обновления всей отрасли. План включает следующие мероприятия:

1. Расширение ресурсной базы газа через геологоразведку и новые проекты по добыче на новых и существующих месторождениях.
 2. Разработка новой модели ценообразования на газ, учитывающей ограниченные ресурсы и повышение цен для коммерческих потребителей до уровня рыночных цен.
 3. Обновление основной газотранспортной инфраструктуры, построенной в советское время, что требует значительных инвестиций для обеспечения безопасной эксплуатации.
 4. Обновление генеральной схемы газификации и упрощение правил передачи объектов газификации на баланс Национального оператора для продолжения устойчивой газификации. Прогнозируется, что реализация этих мер позволит к 2030 г.:
- увеличить добычу товарного газа до 42 млрд м³;
 - обеспечить высокую надёжность газовой инфраструктуры;
 - установить модель ценообразования, учитывающую социальную защиту населения и сдерживание цен;
 - повысить уровень газоснабжения страны до 65%.

²⁴ IEA “Kazakhstan Energy Sector Review 2022”. URL: <https://www.iea.org/reports/kazakhstan-2022> (accessed 25.05.2023)

В рамках реализации политики энергетической безопасности страны Минэнерго разработало энергетический баланс страны до 2035 г. Согласно этому документу, уровень потребления электроэнергии прогнозируется на уровне 153 млрд кВт.ч, этот показатель обусловлен экономическим ростом и увеличением численности населения.

Кроме того, возможность сооружения АЭС и дальнейшее развитие ВИЭ видится наиболее перспективным решением в условиях предстоящего растущего спроса на электроэнергию, необходимости снижения зависимости от угольной генерации в связи с глобальной экологической повесткой, изношенности производственных мощностей, а также существенного потенциала Казахстана в добыче природного урана и развитии атомной энергетики.

По данным Минэнерго, дальнейший ввод в эксплуатацию новых угольных электростанций ограничен из-за отказа международных финансовых институтов в финансировании проектов угольной генерации.

В Казахстане значительный объём инвестиций направляется в сферу возобновляемых источников энергии, энергосберегающих технологий и повышения энергоэффективности, а также на природоохранную деятельность. Основными источниками инвестиций выступают собственные средства предприятий, бюджетные и иные заёмные средства, кредиты банков (Самойленко 2019).

В перспективе планируется реализация следующих крупных проектов в области возобновляемых источников энергии:

- Французская компания Total Energies планирует построить ветряную электростанцию с установленной мощностью 1000 МВт и электрической системы накопления энергии мощностью 200 МВт.ч. Этот проект станет пионером в области гибридных электростанций ВИЭ в Казахстане.
- Организация Объединённых Наций в рамках своей программы развития осуществляет инициативу, направленную на уменьшение инвестиционных рисков в области возобновляемых источников энергии при финансовой поддержке Глобального экологического фонда. Проект направлен на привлечение инвестиций и реализацию как крупных, так и малых проектов ВИЭ.

Казахстан принял амбициозные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и активному расширению использования возобновляемых источников для производства электроэнергии, однако зависимость от больших запасов недорогого отечественного угля и отсутствие гибких генерирующих мощностей усложняют выполнение этих задач (рисунок 5). Нефть по-прежнему обеспечивает большую часть экспортных поступлений страны и государственных доходов, в то время как многие страны-импортёры нефти обязались сократить потребление ископаемого топлива, и большая часть экспорта нефти в настоящее время проходит транзитом через Российскую Федерацию. Низкие внутренние цены на энергию являются социальным приоритетом для правительства, но затрудняют реализацию приоритетов энергоэффективности и стимулирования коммерческого производства газа для внутреннего рынка.

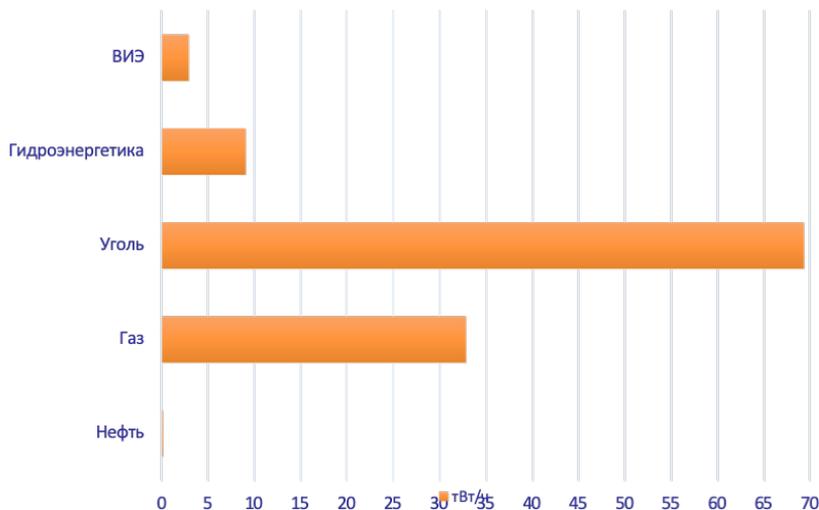

Рисунок 5. Выработка электроэнергии по видам топлива в Казахстане в 2021 г.

Figure 5. Electricity generation by fuel type in Kazakhstan in 2021

Источник: составлено автором по данным BP Statistical Review of World Energy 2022.

Основными факторами успешной реализации стратегии устойчивого развития внутри страны послужили разработка законов в системе государственного законодательства для поддержки развития ВИЭ, а также инвестиции со стороны крупных международных банков и иностранных компаний, таких как Total Eren SA, Nevel, China Power International Holding. Казахстан является членом международных программ по совместному развитию альтернативной энергетики, в том числе в рамках инициативы ШОС – «Зелёный пояс», нацеленной на расширение использования современных энергосберегающих технологий среди стран-членов организации²⁵.

При оценке перспектив развития в области ВИЭ большое внимание уделяется географическим преимуществам Казахстана. Страна располагает в степной зоне со скоростью ветра 4–6 м/с, что открывает возможности для строительства ветровых электростанций. Крупнейший потенциал сосредоточен в Атырауской и Мангистауской областях в районе Каспийского моря (Дробинский 2019). Также страна располагает потенциальными возможностями для реализации проектов в сфере солнечной генерации благодаря высокой продолжительности солнечного излучения. На территории всей страны располагаются значительные гидроэнергетические ресурсы, наиболее крупные из которых —

²⁵ Energy Transition in Kazakhstan – Back to the Sustainable Future 2022. PwC. URL: <https://www.pwc.com/kz/en/energy-report.html> (accessed 25.05.2023)

бассейны рек Иртыш, Сырдарья, Талас и Чу, занимающих Южную и Юго-Восточную территории. Технический потенциал возможностей использования альтернативной энергии на малых ГЭС оценивается в 8 млрд кВт/ч.

По данным Министерства энергетики Республики Казахстан, в 2022 г. в стране эксплуатировалось 142 объекта, использующих ВИЭ. Доля электроэнергии, производимой с использованием ВИЭ, составила 3,7%, а в первом полугодии 2022 г. она увеличилась до 4,24%. В структуре ВИЭ гидроэлектростанции занимают 21%, солнечные электростанции – 37%, ветровые электростанции – 42%, биогазовые установки – 0,2%. Объем производства электроэнергии объектами ВИЭ в 2021 г. составил 4 220,3 млн кВт·ч. По сравнению с 2020 г. (3 245,1 млн кВт·ч), прирост составил 30,1%. В 2021 г. были анонсированы планы по реализации до 2030 г. 180 проектов по ВИЭ, которые в будущем обеспечат выработку до 9 ГВт электроэнергии. Большая часть выработки электроэнергии среди объектов ВИЭ приходится на ветровые электростанции – 42,1%, годовой прирост за 2021 г. составил 65%. Несмотря на значительную установленную мощность, выработка электроэнергии на солнечных электростанциях была меньше, чем на ветровых, на 38,9%, увеличившись за 2021 г. в абсолютных показателях на 21,6%.

Планы Правительства подразумевают, что к 2035 г. необходимо обеспечить ввод новых генерирующих мощностей, из них 11 ГВт низкоуглеродных источников генерации, в том числе 6,5 ГВт объектов ВИЭ (солнечной и ветровой)²⁶.

Компании, работающие в секторе ВИЭ, получают ряд преференций: гарантированный выкуп энергии, освобождение от НДС, земельного, имущественного и корпоративного подоходного налога, таможенных пошлин, а также льготное финансирование и получение субсидий.

В 2021 г. в Казахстане была разработана система классификации зелёных проектов. Она включает несколько основных направлений:

- развитие возобновляемой энергии, такой как солнечная, ветровая, геотермальная, гидроэнергия, водородная и биоэнергия. Также учитывается весь цикл производства и поставок энергии из этих источников;
- меры, направленные на повышение энергоэффективности, включая снижение энергопотребления на строящихся предприятиях, в коммунальном секторе, а также строительство энергоэффективных зданий и сооружений;
- создание зелёных зданий и использование экологических материалов и систем, связанных с ними;
- развитие зелёной инфраструктуры;
- принятие мер по предотвращению и контролю загрязнения, включая улучшение качества воздуха и сокращение загрязнения почвы;
- устойчивое использование водных ресурсов и управление отходами;

²⁶ Сколько объектов ВИЭ действует в Казахстане. *Forbes Kazakhstan*. URL: https://forbes.kz/news/2022/03/15/news-id_271620 (дата обращения: 25.05.2023)

- продвижение чистого транспорта, включая использование низкоуглеродных транспортных средств и развитие соответствующей инфраструктуры.

Эта система классификации зелёных проектов поможет Казахстану продвигаться в направлении снижения выбросов парниковых газов и увеличения доли возобновляемых источников энергии в общей структуре электрогенерации²⁷.

Ввиду значительных объёмов добычи природного газа для Казахстана открыта возможность производства голубого водорода. Однако необходимо принять экономические и юридические меры на национальном уровне, чтобы производство водорода стало привлекательным и жизнеспособным с точки зрения экономической целесообразности. На текущий момент в Казахстане нет действующих водородных проектов, несколько проектов находятся на этапе строительства. В 2021 г. Министерство энергетики Казахстана и европейский холдинг Svevind подписали дорожную карту, подразумевающую строительство завода по производству зелёного водорода в 2026 г. производительностью 2 млн тонн в год в Мангистауской области с реализацией продукции на внутренний рынок и экспорт в ЕС. Кроме того, компания Svevind планирует строительство ветряных и солнечных электростанций общей мощностью в 45 МВт на территории Казахстана.

Интенсивность выбросов CO₂ в ВВП Казахстана почти на 70% выше, чем в среднем по миру, что отражает структуру его экономики, которая включает энергоёмкую тяжёлую промышленность и зависимость от угля при производстве электроэнергии (таблица 5). Согласно последнему национальному кадастровому отчёту Казахстана для РКИК ООН, выбросы, связанные с энергетикой, в 2020 г. составили около 80% от общего объёма выбросов ПГ, за исключением эффектов землепользования. В 2020 г. сжигание топлива с высоким углеродным следом было крупнейшим источником (90%) выбросов в энергетическом секторе Казахстана, а оставшиеся 10% приходилось на летучие выбросы.²⁸

Таблица 5. Динамика объёма выбросов CO₂ в Казахстане за период 1990–2021 гг., млн тонн

Table 5. Dynamics of CO₂ emissions in Kazakhstan for the period 1990–2021, million tons

1990	2000	2005	2015	2019	2020	2021	Доля в общемировых выбросах, %
251,79	131,42	182,63	200,07	222,85	212,89	211,21	0,56

Источник: CO₂ emissions of all world countries – 2022 Report. EUR 31182 EN. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2022. DOI: 10.2760/730164, JRC130363.

²⁷ Казахстан: ESG-досье. Сбep PRO. URL: https://sber.pro/digital/uploads/2022/09/ESG_Kazakhstan_A3_65b0d19d82.pdf (дата обращения: 25.05.2023)

²⁸ Climate Action Tracker Kazakhstan. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/kazakhstan/> (accessed 25.05.2023)

Казахстан является первой страной в бывшем Советском Союзе, внедрившей схему торговли квотами на выбросы (СТВ). Однако, несмотря на несколько поправок и доработок, количество транзакций было крайне низким. Важными причинами этого выступают большое количество бесплатных квот и относительно высокие коэффициенты бенчмаркинга, особенно для угольных электростанций. Сектора, не относящиеся к ETS, включая транспорт, жилой сектор и услуги, увеличивают потребление энергии и выбросы парниковых газов, в то время как политика и меры по сокращению выбросов в этих секторах ещё не разработаны.

Перспективы низкоуглеродной трансформации ТЭК Исламской Республики Иран

Иран принимает участие в международных климатических переговорах и подписал Парижское соглашение. Однако, из-за наложенных санкций, страна до сих пор не ратифицировала соглашение (Шупанова 2019). В 2020 г. Иран занимал шестое место по объёму выбросов CO₂ в мире, которые достигли 690,2 мегатонн. К 2030 г. планируется сократить выбросы парниковых газов на 4% в основном сценарии и на 12% при условии получения международной финансовой и технической поддержки.

В Иране имеется значительный потенциал для развития возобновляемых источников энергии, в особенности солнечной генерации (рисунок 2). По состоянию на конец 2022 г. общая операционная мощность возобновляемых источников энергии в Иране составляла 956,20 МВт, из которых доля солнечной энергии была наибольшей – 502,1 МВт (рисунок 6) (Shahsavari et al. 2019). В 2020 г. совокупная мощность гидроэнергетики составила 13 ГВт, однако производство электроэнергии на гидроэлектростанциях изменяется каждый год из-за нестабильности осадков. Доля атомной энергетики в общей структуре производства электроэнергии является незначительной, объём установленной мощности АЭС составляет 0,9 ГВт. На текущий момент на этапе строительства находятся второй и третий энергоблоки Бушерской АЭС, общая мощность которой составит 2,2 ГВт. Уровень установленной мощности возобновляемых источников энергии в Иране остаётся незначительным, а объём производства электроэнергии на основе ВИЭ в 2020 г. оценивался всего в 0,7 ГВт, что составляет менее 1% от общей установленной мощности²⁹.

²⁹ Iran: Key energy statistics. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries/iran> (accessed 25.05.2023)

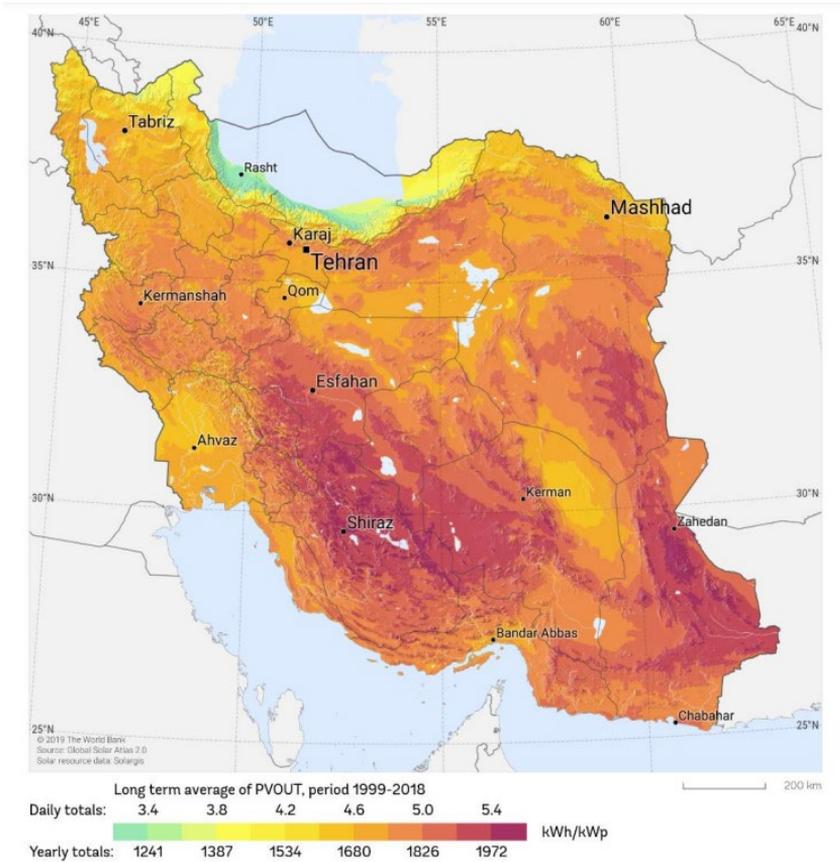

Рисунок 6. Фотоэлектрический потенциал в Иране

Figure 6. Photovoltaic potential in Iran

Источник: Sciences Po Kuwait Program “Opportunities for alternative energies deployment in Iran” By Quentin Minier

В начале 2022 г. Иран представил свои планы по созданию дополнительных 10 ГВт мощностей возобновляемых источников энергии в течение ближайших четырёх лет. Эти планы являются частью общей стратегии страны, направленной на развёртывание 30 ГВт генерирующих мощностей (Рещиков 2020).

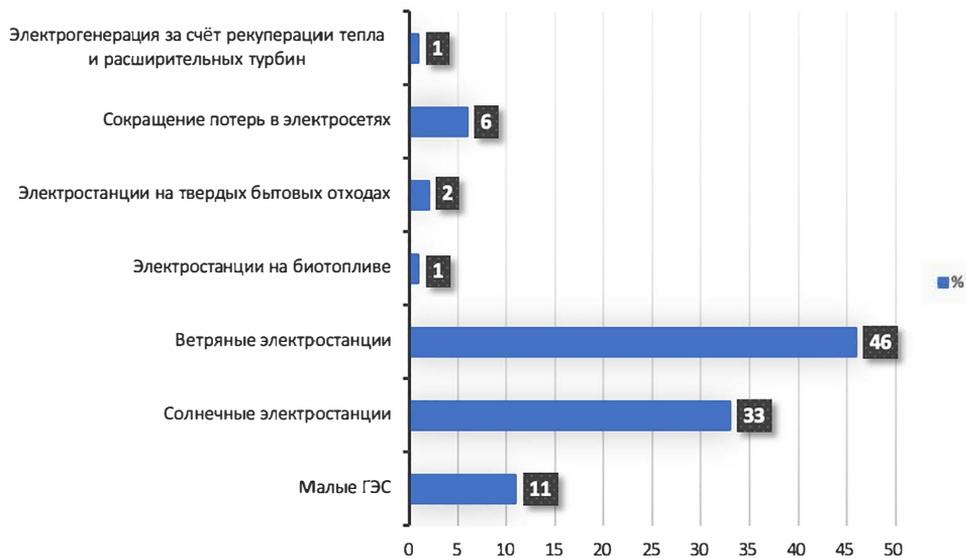

Рисунок 7. Доля различных типов электростанций в общем объёме возобновляемой генерации в Иране в 2022 г.

Figure 7. Share of various types of power plants in total renewable generation in Iran in 2022

Источник: составлено автором

Иран проявляет активный интерес к развитию возобновляемых источников энергии по нескольким причинам. Во-первых, страна стремится повысить энергетическую безопасность и сократить зависимость от ископаемого топлива, при этом удовлетворяя внутренний спрос на электроэнергию. Кроме того, Иран видит себя потенциальным энергетическим центром, способным экспортировать избытки произведённой электроэнергии в соседние страны (Solaamani 2021). Важно отметить, что развитие возобновляемой энергетики также представляет собой возможность для привлечения иностранных инвестиций в этот сектор, поскольку финансирование строительства электростанций в Иране является наиболее актуальной проблемой, требующей решения³⁰.

Внешние инвестиции в ВИЭ в значительной степени сократились в результате введения экономических санкций, вследствие которых крупные западные компании остановили строительство электростанций. Однако, несмотря на санкционное давление, в январе 2022 г. Министерство энергетики Ирана объявило о планах добавить 10 ГВт возобновляемых мощностей к концу 2026 г. для

³⁰ Iran renewable energy market: growth, trends, COVID-19 impact, and forecasts 2023–2028. *Mordor Intelligence*. URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/iran-renewable-energy-market> (accessed 25.05.2023)

достижения долгосрочной цели по наращиванию совокупной мощности ВИЭ до 30 ГВт. Организация по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности подписала Меморандум о взаимопонимании с частными инвесторами для выполнения плана и указала, что выделит 71,4 млн долл. США на первые проекты в предстоящем бюджете, при этом в рамках данного соглашения были получены заявки на более чем 80 ГВт проектов в сфере возобновляемой энергетики. Правительство также планирует освобождение от таможенных пошлин для ввоза оборудования, используемого при строительстве электростанций на базе ВИЭ³¹.

Снятие санкций обеспечит необходимый импульс иранскому сектору возобновляемых источников энергии. В соответствии с текущей тенденцией к 2026 г. будет достигнута только четверть запланированного увеличения мощности. Иностранные инвестиции в сектор возобновляемой генерации и обеспечение доступа к новейшим технологиям в сфере ВИЭ позволят заинтересованным сторонам использовать значительный потенциал иранского рынка возобновляемых источников энергии (Mollahosseinia et al. 2017).

Ожидается, что рынок возобновляемых источников энергии Ирана будет в основном зависеть от строящихся гидроэнергетических проектов, которые, как ожидается, добавят почти 1650 МВт к общей энергомощности страны в течение прогнозируемого периода. Помимо гидроэнергетики, Иран также планирует наращивать мощности солнечной генерации, что в будущем обеспечит динамичный рост сектору ВИЭ.

Одним из наиболее перспективных путей достижения Ираном поставленных целевых ориентиров является использование солнечной энергии. Иран, расположенный в солнечном поясе, обладает значительным фотоэлектрическим потенциалом, однако в настоящее время страна далека от его реализации. Как уже отмечалось, существует множество проблем, стоящих перед Ираном в области чистой энергии, однако энергетический потенциал страны служит мотивирующим фактором для дальнейших активных действий в данном направлении. Дефицит пресной воды и загрязнение воздуха могут способствовать снижению зависимости страны от нефтяных ресурсов в пользу реализации своего солнечного потенциала.

Иран представил свой национальный план по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата, основанный на Предполагаемом определённом на национальном уровне вкладе, с целью регулирования своего углеродного следа (таблица 6).

³¹ Iran wants to deploy 10 GW of renewables over the next four years. *PV Magazine*. URL: <https://www.pv-magazine.com/2022/01/03/iran-wants-to-deploy-10-gw-of-renewables-over-the-next-four-years/> (accessed 25.05.2023)

Таблица 6. Динамика объёма выбросов CO₂ в Иране за период 1990–2021 гг., млн тонн

Table 6. Dynamics of CO₂ emissions in Iran for the period 1990–2021, million tons

1990	2000	2005	2015	2019	2020	2021	Доля в общемировых выбросах, %
204,82	369,15	467,95	531,0	628,1	645,4	660,5	1,9%

Источник: CO₂ emissions of all world countries – 2022 Report, EUR 31182 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022. DOI: 10.2760/730164, JRC130363

В 2017 г. Иран представил Национальный стратегический план по борьбе с изменением климата. Документ излагает стратегии по смягчению последствий ущерба, нанесённого окружающей среде, цели по управлению водными ресурсами, регулирование отрасли сельского хозяйства, вопросы продовольственной безопасности, сохранения биоразнообразия и здоровья населения на 15-летний период. Тем не менее Кабинет министров Ирана не одобрил этот документ, однако в Пятилетний план развития Ирана до 2021 г. были включены основные поставленные цели, а именно:

- увеличение доли ВИЭ (с учётом ГЭС) до 5% от совокупных установленных генерирующих мощностей;
- выработка рыночных мер и механизмов, направленных на повышение энергоэффективности;
 - имплементация мер по экологичному управлению отходами;
 - сокращение объёмов сжигания попутного газа на факелах на 90%;
 - рост энергоэффективности на электростанциях;
 - снижение объёма энергопотребления в строительном секторе на 5%;
 - введение ограничительных мер по регистрации транспортных средств, не соответствующих стандарту Евро-4;
 - реструктуризация и модернизация промышленности с целью достижения более низкой энергоёмкости³².

Согласно аналитическим оценкам, по завершении 2021 г. реализация этих целей в полном объёме не была достигнута.

³² Иран: ESG-досье. Сбер PRO. URL: https://sber.pro/digital/uploads/2022/09/ESG_Iran_A3_fc18bbac28.pdf (дата обращения: 25.05.2023)

Особенности концепции национальной энергетической безопасности Туркменистана

В последние годы правительство Туркменистана выступило с инициативами по переходу к более зелёной экономике для решения проблемы изменения климата (Оразмаммедов и др. 2022). В Туркменистане были опубликованы несколько ключевых документов, в том числе Национальная стратегия развития возобновляемой энергетики до 2030 г. Этот стратегический документ подчёркивает преимущества использования возобновляемых источников энергии для будущего экономического развития страны и перехода к модели низкоуглеродного развития. Таким образом, энергетическая политика Туркменистана опирается на следующие принципы:

1. *Развитие инфраструктуры энергетического сектора.* Страна наращивает свои усилия по восстановлению существующей энергетической инфраструктуры, вводу в эксплуатацию новых энерготранспортных мощностей, обеспечению будущей надёжности поставок и увеличению своих экспортных возможностей.

2. *Расширение экспортных возможностей.* Правительство планирует расширить экспортные возможности страны, активизировав свои усилия по установлению региональных взаимосвязей, включая Центральную Азию и КНР.

3. *Акцент на энергоэффективность.* Принимая во внимание темпы социально-экономического развития и необходимость снижения энергоёмкости, страна планирует внедрить методы, способствующие повышению энергоэффективности, при этом законодательными органами власти параллельно разрабатываются законы об энергоэффективности и энергосбережении, которые в ближайшее время вступят в силу.

4. *Переход на возобновляемые источники энергии.* Понимая острую необходимость сокращения углеродного следа энергетического сектора (таблица 2), страна стремится перейти к безуглеродным методам производства энергии, используя значительный потенциал возобновляемых источников энергии. В качестве первого шага правительство совместно с международными финансовыми институтами разработало Национальную стратегию развития возобновляемой энергетики в Туркменистане на период до 2030 г., и ожидается, что в ближайшее время страна продолжит разработку нормативных документов, которые будут дополнять и обеспечивать реализацию стратегии.

5. *Улучшение инвестиционного климата для частного сектора.* Недавно принятое законодательство в области производства возобновляемой энергии является необходимым шагом к открытию инвестиционных возможностей для частного сектора. Однако необходимы дополнительные действия для повыше-

ния привлекательности Туркменистана для инвесторов, включая установление чёткой структуры тарифов, сокращение длительности административных процедур и обеспечение открытого недискриминационного доступа на рынок производства электроэнергии³³.

Таблица 7. Динамика объема выбросов CO₂ в Туркменистане за период 1990–2021 гг., млн тонн

Table 7. Dynamics of CO₂ emissions in Turkmenistan for the period 1990–2021, million tons

1990	2000	2005	2015	2019	2020	2021	Доля в общемировых выбросах, %
45,64	39,37	53,00	75,90	75,51	72,34	83,32	0,22

Источник: CO₂ emissions of all world countries – 2022 Report, EUR 31182 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022. DOI: 10.2760/730164, JRC130363

Энергетическая политика Туркменистана основана на диверсифицированном использовании и распределении энергоресурсов, эффективности и энергосбережении, оптимальном использовании энергоресурсов, энергетической безопасности, инвестициях, энергетической дипломатии, инновациях и, что не менее важно, развитии возобновляемых или экологически чистых источников энергии. Более того, увеличение внутренних национальных производственных мощностей для удовлетворения внешних потребностей, диверсификация маршрутов экспорта энергии, увеличение экспортных мощностей, обеспечение транспортировки энергии и сетей на внешние рынки также являются приоритетными направлениями трансформации энергетической политики государства.

В последнее время Туркменистан значительно увеличил объёмы добычи углеводородов с целью диверсификации маршрутов транспортировки энергоресурсов. При этом роль Туркменистана в поставках энергоносителей на мировой рынок возрастает и определяет уровень его геополитического влияния. Приоритетной стратегией Туркменистана является расширение транспортной инфраструктуры, способной обеспечивать поставку энергоресурсов через разветвлённую сеть многовариантной трубопроводной системы. В рамках данного направления стратегии предусматривается комплексное развитие энергетического сотрудничества с участием стран-поставщиков, стран-транзитёров, стран-потребителей, а также заинтересованных сторон и международных организаций, включая ООН и Энергетическую хартию.

³³ Turkmenistan Energy Outlook 2030 – Chapter from CAREC Report – Part Five. *News Central Asia*. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/01/25/turkmenistan-energy-outlook-2030-chapter-from-carec-report-part-five/> (accessed 25.05.2023)

Хотя развитие возобновляемых источников энергии было определено в качестве приоритета правительства в Национальной программе по изменению климата в 2012 г., участие частного сектора в производстве энергии не достигло достаточной зрелости, чтобы полностью реализовать этот приоритет. Имея почти 670 ГВт потенциальной технической мощности, реализация проектов по возобновляемой энергии может существенно способствовать смягчению последствий изменения климата. Полный технический потенциал возобновляемых источников для производства электроэнергии в стране оценивается в 1,3 ГВт для малой гидроэнергетики, 10 ГВт для энергии ветра и 655 ГВт для солнечной энергии. В краткосрочной перспективе планируется производство возобновляемой энергии на малых и средних установках в отдалённых и малонаселённых районах³⁴.

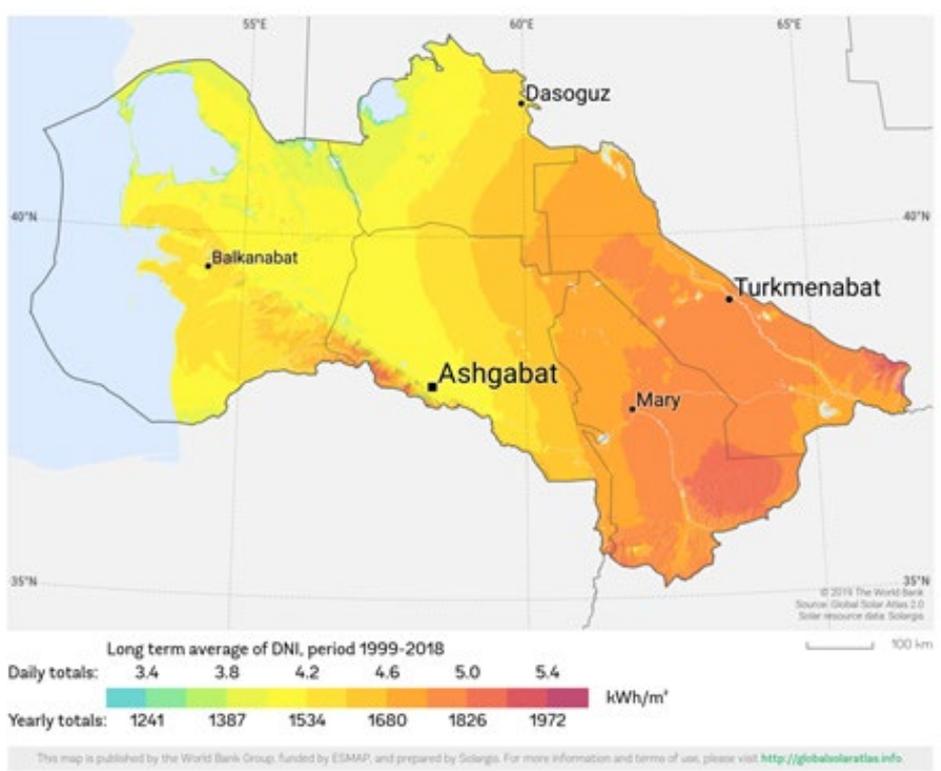

Рисунок 8. Интенсивность солнечного излучения на территории Туркменистана, кВт ч/м²

Figure 8. Intensity of solar radiation on the territory of Turkmenistan, kWh/m²

Источник: Data World Bank Group

³⁴ Turkmenistan: Key Energy Statistics. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries/turkmenistan> (accessed 25.05.2023)

Высокий потенциал солнечной энергетики в Туркменистане обусловлен среднегодовой интенсивностью солнечного излучения в пределах 700–800 Вт/м² (рисунок 8). Принимая во внимание значительные убытки газового сектора вследствие утечек газа, диверсификация энергетической системы с включением большего количества возобновляемых источников энергии могла бы стать частичным решением этой проблемы. Хотя в стране ещё не разработаны какие-либо крупномасштабные солнечные фотоэлектрические проекты, на рынке присутствуют компании, специализирующиеся на автономных системах, а в некоторых отдалённых регионах солнечные установки используются вместо дизельных генераторов (Джумаев 2020).

Кроме того, внимание правительства к дальнейшему развитию проектов возобновляемой энергетики частично обусловлено высоким содержанием кремния в песках пустыни Каракумы, что в перспективе создаст возможность для страны позиционировать себя как центр производства солнечных фотоэлектрических панелей. В целом, развитие фотовольтаики представляет собой значительную возможность для передачи технологий, так как внедрение фотоэлектрических солнечных батарей снизит зависимость страны от производства электроэнергии на природном газе, что окажет благотворное влияние на усилия по декарбонизации³⁵.

Как уже отмечалось, технический потенциал ветровой энергии в Туркменистане оценивается в 10 ГВт мощности. В настоящее время этот потенциал практически остаётся неиспользованным, поскольку в стране нет крупномасштабных проектов в области ветроэнергетики. Совместно с фотоэлектрическими солнечными батареями, ветровая энергетика может помочь правительству достичь своей цели по диверсификации энергетического баланса и частичному переходу на возобновляемые источники энергии. Побережье Каспийского моря известно своими сильными ветрами и является регионом с самым высоким потенциалом ветроэнергетики в стране. Однако из-за отсутствия технологической базы страна нуждается в трансфере технологий (Сарыев 2020).

В 2022 г. Министерство энергетики Туркменистана объявило тендер на материалы для солнечных батарей, а в ближайшие несколько лет, вероятно, будут проведены тендеры или аукционы по установке мощностей. Тем не менее у частных и иностранных компаний мало стимулов для входа в энергетический сектор страны, поскольку он непрозрачен и полностью контролируется государством без какой-либо поддерживающей нормативной базы.

³⁵ Turkmenistan: Energy Country Profile. *Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/energy/country/turkmenistan> (accessed 25.05.2023)

В 2021 г. Masdar, одна из ведущих мировых компаний в области возобновляемых источников энергии, подписала Соглашение о совместном развитии с Государственной энергетической корпорацией «Туркменэнерго» Министерства энергетики Туркменистана в целях разработки солнечной фотоэлектрической электростанции мощностью 100 МВт, которая станет первым проектом компании в Туркменистане. Также в рамках соглашения планируется изучение возможностей развития и привлечения инвестиций в проекты солнечной и ветровой энергетики в Туркменистане на основе государственно-частного партнёрства. Туркменистан стремится к современному обновлению своей энергетической инфраструктуры и сокращению зависимости от углеводородных источников энергии. Несмотря на то, что страна обладает огромными запасами природного газа, она также располагает благоприятными природными условиями для развития солнечной и ветровой энергетики³⁶.

В энергетическом секторе Туркменистана существует множество инвестиционных возможностей, в том числе в области производства возобновляемой энергии и устойчивого производства ископаемого топлива. Однако необходимы дальнейшие действия для снятия ограничений на вход на рынок. Политические рекомендации для Туркменистана включают дальнейшую поддержку производства возобновляемой энергии, улучшение инвестиционного климата, реализацию программы модернизации инфраструктуры и изучение возможностей производства водорода.

В контексте климатического регулирования все национальные программы развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу включают в себя вопросы совершенствования процессов природоохранного управления, рационального использования ресурсов, развития экономики страны с учётом механизмов устойчивого регулирования. На международном уровне национальная стратегия Туркменистана в области изменения климата является основным инструментом для определения его позиции на переговорах в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, а также базовым документом для отчётности по выполнению своих обязательств в рамках глобальных климатических инициатив (Тао 2022). Текущие приоритетные задачи национальной стратегии в области изменения климата заключаются в следующих основных направлениях:

- совершенствование гидрометеорологических наблюдений за погодой и изменением климата на территории Туркменистана;

³⁶ Turkmenistan to host first large scale solar plants. *PV Magazine*. URL: <https://www.pv-magazine.com/2022/11/24/turkmenistan-to-host-first-large-scale-solar-plants/> (accessed 25.05.2023)

- разработка и реализация мер по смягчению и адаптации к изменению климата, реализация мероприятий по экономии топливно-энергетических ресурсов и стабилизации выбросов парниковых газов до 2030 г. за счёт использования энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий;
- повышение уровня международного сотрудничества по направлению противодействия изменениям климата.

В стране ведутся работы по созданию лесопарковых зон, проводится инвентаризация всех лесов, осуществляются мероприятия по восстановлению лесов в засушливых зонах³⁷.

Заключение

Концепция устойчивого развития в контексте формирования энергетической политики стран Каспия охватывает широкий круг факторов, включающий в себя обеспечение доступа к недорогим и надёжным источникам энергии, минимизацию антропогенного и техногенного воздействия на экосистемы, соблюдение мер по ограничению глобального потепления путём сокращения выбросов парниковых газов и др.

Постепенный переход крупных экономик на бестопливную энергетику создаёт весомые предпосылки для существенной трансформации энергетической политики стран-экспортёров углеводородных энергоресурсов. С одной стороны, ископаемое топливо составляет 84% от общемирового объёма потребления первичных энергоресурсов, что обеспечивает достаточно стабильный мировой спрос на него. Поэтому представляется целесообразным дальнейшее развитие нефтегазовой отрасли, несмотря на существенное сокращение инвестиций в углеводородные проекты вплоть до полного их прекращения со стороны международных инвесторов.

С другой стороны, глобальные последствия изменения климата накладывают определённые обязательства по уменьшению углеродного следа ТЭК, что может быть достигнуто путём внедрения в деятельность нефтегазовых компаний мер «операционной декарбонизации», энергоэффективности и активного применения технологий улавливания и хранения углерода. Одним из наиболее популярных направлений формирования устойчивой модели энергетики является развитие ВИЭ и совершенствование технологий производства «декарбонизированного газа» – зелёного водорода. Водородные проекты в Каспийском регионе реализуются в России и Азербайджане.

³⁷ Turkmenistan presented the priorities of the national climate change strategy at the SPECA Economic Forum in Almaty. *News Central Asia*. URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/11/16/turkmenistan-presented-the-priorities-of-the-national-climate-change-strategy-at-the-speca-economic-forum-in-almaty/> (accessed 25.05.2023)

Таким образом, в результате исследования автором были сделаны следующие выводы:

1. Необходимо признать, что страны, располагающие значительными доказанными запасами углеводородов, находятся в ситуации политического нивелирования их конкурентных преимуществ на фоне сокращения объёмов инвестиций в нефтегазовые проекты на внешних финансовых рынках. Тем не менее для стран Каспийского региона этот процесс наименее выражен ввиду высокой политической значимости каспийских углеводородов для обеспечения энергетической безопасности ЕС.

2. Углеводородные энергоресурсы постепенно утрачивают свою безальтернативность и превращаются в обычные товары, что влечёт за собой конкурентную борьбу стран-экспортёров за потребителя на мировых энергетических рынках.

3. Устойчивое развитие нефтегазовой отрасли подразумевает, в первую очередь, снижение углеродного следа по всей технологической цепочке, начиная с процессов разведки и добычи углеводородов, их транспортировки и переработки, и заканчивая их использованием, т.е. сжиганием. В данном контексте основное внимание должно быть уделено мерам операционной декарбонизации в нефтегазовой отрасли, повышению энергоэффективности и внедрению технологий улавливания и хранения углерода.

4. Процессы декарбонизации и энергоперехода в текущих геополитических условиях являются объективной реальностью, вследствие чего развитие безуглеродной зелёной энергетики выступает ключевым условием соответствия энергетической политики стран-экспортёров энергоресурсов современным энергетическим трендам, что, в конечном итоге, расширяет перспективы эффективного энергодиалога.

5. Реализация проектов в сфере ВИЭ для нефтегазовой экономики выступает как драйвер инновационного развития топливно-энергетического комплекса. Для данной ситуации скорее важны качественные технологические сдвиги в альтернативной энергетике, а не наращивание объёмов возобновляемой генерации как таковое. Реализация имеющегося потенциала ВИЭ в странах-экспортёрах ископаемых энергоресурсов будет способствовать расширению новых научных направлений, промышленному росту в смежных отраслях, созданию новых рабочих мест и др. Для ряда стран за счёт увеличения доли ВИЭ в энергобалансе используется возможность наращивания углеводородного экспорта.

Страны Каспийского региона, являющиеся ведущими экспортёрами углеводородов, сталкиваются с необходимостью декарбонизации своих экономик и перехода к новой энергетической парадигме. Это требует трансформации энергетической политики и пересмотра традиционных стратегий развития в нефтегазовой отрасли, внедрения инновационных технологий и применения мер «операционной декарбонизации». Кроме того, активное развитие альтернативной и возобновляемой энергетики становится приоритетом для этих стран,

с целью увеличения их доли в энергобалансе. В рамках анализа потенциала возобновляемых источников энергии в Азербайджане, Иране, Казахстане, России и Туркменистане выявляются значительные ресурсные и технологические возможности национальных ТЭК. В связи с этим, региональное энергетическое сотрудничество и интеграция в мировое энергетическое пространство становятся особенно актуальными, учитывая их конкурентные преимущества и разработку инновационных технологий развития.

Об авторе:

Руслан Аллахверди оглы Алиев – торговый представитель Азербайджанской Республики в Российской Федерации, кандидат экономических наук, руководитель Комиссии по устойчивому развитию РАС ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса. 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 16, офис 701 Б. E-mail: torgpredaz@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 338.2-022.316(470+571+574+479.24+55+575.4)

Received: March 03, 2023

Accepted: June 02, 2023

The Role of the Sustainable Development Concept in Shaping Energy Policy Transformations in the Caspian Region Countries

R.A. Aliev

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-7-55](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-7-55)

MGIMO-University

Abstract: The article explores the challenges associated with the adaptation of energy policies in the Caspian region to the principles of sustainable development. In the contemporary context, the oil and gas resources of Caspian countries play a vital role in national economic development and ensuring energy security for key importing nations amidst the global reshuffling of energy flows. The author analyzes the transformative changes brought about by the energy transition within the structure of the global fuel and energy complex.

The study contributes to the field by proposing an integrated approach to promoting energy sustainability in energy-exporting countries. This approach entails the adaptation of the oil and gas sector to decarbonization processes, while simultaneously embracing the develop-

ment of carbon-free energy sources within a dynamically evolving geopolitical landscape. The research endeavor seeks to determine the main directions for transforming the energy policies of oil and gas producing countries in the Caspian region in response to imperatives of sustainable development.

At present, the most relevant aspects of energy policy in the Caspian countries involve the further development of oil and gas projects, strict adherence to environmental standards and regulations, ensuring energy efficiency across the entire production chain, and the implementation of "operational decarbonization" measures and carbon capture and storage technologies to reduce the carbon footprint of the fuel and energy complex. Additionally, to mitigate climate risks in the Caspian region, strategic energy policy priorities should encompass resource diversification towards the advancement of carbon-free generation based on renewable energy sources.

The study assesses the potential of the Caspian countries not only in implementing "operational decarbonization" measures but also in developing renewable and low-carbon energy sources. Furthermore, it examines the prospects for realizing ambitious "green" projects in the region.

Keywords: sustainable development, decarbonization, low-carbon energy, energy transition, renewable energy sources, energy policy, Russian Federation, Republic of Azerbaijan, Republic of Kazakhstan, Islamic Republic of Iran, Turkmenistan, Caspian region

About the author:

Ruslan A. Aliev – Trade Representative of the Republic of Azerbaijan in the Russian Federation, Ph.D. in Economics, Head of the Commission for Sustainable Development of the UN Association of Russia, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the 2nd class. 125009, Russian Federation, Moscow, Tverskaya street, 16, 701 B. E-mail: torgpredaz@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bazhenov S., Dobrovolsky Yu., Maximov A., Zhdaneev O.V. 2022. Key Challenges for the Development of the Hydrogen Industry in the Russian Federation. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. Vol. 54. P. 2213-1388. URL: [10.1016/j.seta.2022.102867](https://doi.org/10.1016/j.seta.2022.102867)
- Furceri D., Ganslmeier M., Ostry J. 2023. Are Climate Change Policies Politically Costly? *Energy Policy*. Vol. 178. DOI: [10.1016/j.enpol.2023.113575](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113575)
- Keiko A., Veselov F., Solyanik A. 2022. Decarbonization Options in the Russian Energy Sector: A Comparative Study on Their Economic Efficiency. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 12(4). P. 368-378. URL: <https://econjournals.com/index.php/ijeep/article/download/13100/6850/30775> (accessed 25.05.2023) DOI: [10.32479/ijeep.13100](https://doi.org/10.32479/ijeep.13100)
- Mearns E., Sornette D. 2023. Are 2050 Energy Transition Plans Viable? A Detailed Analysis of Projected Swiss Electricity Supply and Demand in 2050. *Energy Policy*. Vol. 175. DOI: [10.1016/j.enpol.2022.113347](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.113347)
- Mollahosseinia A., Hosseinib S.A., Jabbaric M., Figolid A., Rahimpour A. 2017. Renewable Energy Management and Market in Iran: A Holistic Review on Current State and Future Demands. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 88. P. 774–788. DOI: [10.1016/j.rser.2017.05.236](https://doi.org/10.1016/j.rser.2017.05.236)

- Pickl M. 2019. The Renewable Energy Strategies of Oil Majors – from Oil to Energy? *Energy Strategy Reviews*. Vol. 26. P. 100370. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100370
- Radovanović M. 2023. *Sustainable Energy Management: Planning, Implementation, Control, and Security*. Second Edition. Academic Press. 277 p.
- Schwanitz V.Ja., Wierling A., Shah P. 2017. Assessing the Impact of Renewable Energy on Regional Sustainability—A Comparative Study of Sognog Fjordane (Norway) and Okinawa (Japan). *Sustainability*. 9(11). P. 1969. DOI: 10.3390/su9111969
- Shahsavari A., Yazdi F.T., Yazdi H.T. 2019. Potential of Solar Energy in Iran for Carbon Dioxide Mitigation. *International Journal of Environmental Science and Technology*. 16(8). P. 507–524. DOI: 10.1007/s13762-018-1779-7
- Smil V. 2010. *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. ABC-CLIO, LLC, Santa Barbara. 171 p.
- Solaymani S.A. 2021. Review on Energy and Renewable Energy Policies in Iran. *Sustainability*. Vol. 13. P. 7328. DOI: 10.3390/su13137328
- Vechkinzova E., Steblyakova L.Пю, Roslyakova N., Omarova B. 2022. Prospects for the Development of Hydrogen Energy: Overview of Global Trends and the Russian Market State. *Energies*. 15(22). Page: 8503. DOI: 10.3390/en15228503
- Wang X. 2022. Chinese-Russian Energy Governance in the Context of Carbon Neutrality: Current Situation, Problems and Promotion Paths. *Bulletin of Higher Education Institutes North Caucasus Region*. 2(214). P. 129-136.
- Xiaohuan L., Shi A. 2018. Research on the Renewable Energy Industry Financing Efficiency Assessment and Mode Selection. *Sustainability*. 10(1). DOI: 10.3390/su10010222
- Abdullaev N.N. 2021. Pravovaya osnova sotrudnichestva mezhdru Azerbaydzhanskoj Respublikoy i ES v energeticheskoj sfere [Legal Basis for Cooperation between the Republic of Azerbaijan and the EU in the Energy Sector]. *International Law*. №3. P. 1-14. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.35859 (In Russian)
- Aliyev D.F., Aliyev R.A. 2022. *Energeticheskij perekhod. Chast' 1. Bazovaya beskarbonovaya generatsiya* [Energy Transition. Part 1. Basic Decarbonized Generation]. Moscow: "Prometheus" Publishing House. 526 p. (In Russian)
- Aliyev R.A., Guliyev I.A. 2022. *Energoperekhod kak faktor razvitiya ustoychivoy energetiki stran Kaspiyskogo regiona* [Energy Transition as a Factor for Sustainable Energy Development in the Caspian Region]. Moscow: "Aspect Press" Publishing House. 272 p. (In Russian)
- Brazovskaya V.V., Gutman S.S. 2022. Problemy pri realizatsii proektov vuzobnovlyаемoy energetiki v Rossiyskoj Federatsii [Problems in Implementing Renewable Energy Projects in the Russian Federation]. *Economics and Industry 5.0 in the Conditions of a New Reality (IN-PROM-2022)*. Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Saint Petersburg: "Politekh-Press" Publishing House. P. 225-228. (In Russian)
- Butuzov V.A. 2022. Sovremennoe sostoyanie razvitiya vuzobnovlyаемoy energetiki Rossii [Current State of Renewable Energy Development in Russia]. *Environment and Energy Studies*. №1. P. 18-31. (In Russian)
- Deptyarev K., Solovyov D. 2022. Problemy i perspektivy razvitiya vuzobnovlyаемoy energetiki v Rossii v novykh usloviyakh [Problems and Prospects of Renewable Energy Development in Russia in New Conditions]. *Energy Policy*. 6(172). P. 55-69. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_6172_56 (In Russian)
- Dolgushin A.B. 2021. Kontseptsiya strategii ustoychivogo razvitiya Kaspiyskogo regiona

[Concept of Sustainable Development Strategy for the Caspian Region]. A.B. Dolgushin, A.A. Tsukanov, A.A. Stepanova. *Moscow Economic Journal*. №11. P. 356-376. DOI: 10.24412/2413-046X-2021-10705 (In Russian)

Drobinsky A.V., Kadkin A.G. 2019. Vetroenergetika Kazakhstana [Wind Energy in Kazakhstan] [Electronic resource]. *Bulletin of the Innovative Eurasian University*. №3. P. 107-112. URL: <https://articlekz.com/article/13422> (accessed 25.05.2023) (In Russian)

Dzhumaev A.Ya. 2020. Vozmozhnosti ispol'zovaniya solnechnoy energii v regionakh Turkmenistana [Possibilities of Solar Energy Utilization in the Regions of Turkmenistan]. *Journal of P.O. Sukhoi Gomel State Technical University*. 3-4(82-83). P. 74-80. (In Russian)

Gadzhieva N.A. 2018. Osobennosti i perspektivy "zelenogorosta" v Azerbaydzhane [Features and Prospects of "Green Growth" in Azerbaijan]. *Web of Scholar*. 1(19). Vol. 3. P. 16-28. (In Russian)

Gurbanhaliyev A.I., Ismailova G.F. 2017. "Zelenaya ekonomika" v Azerbaydzhanskoj Respublike: predposylki i napravleniya razvitiya ["Green Economy" in the Republic of Azerbaijan: Preconditions and Development Directions]. *Moscow Economic Journal*. №1. P. 72-91. DOI: 10.15862/107EVN615 (In Russian)

Kodanova S.I. 2022. Osnovnye napravleniya i perspektivy energeticheskogo perekhoda v Rossii [Key Directions and Prospects of Energy Transition in Russia]. *Economic and Social Problems of Russia*. №1. P. 79-94. DOI: 10.31249/espr/2022.01.05 (In Russian)

Kruglikova T.V. 2016. Problemy formirovaniya "zelenoy ekonomiki" v Rossii [Problems of Forming a "Green Economy" in Russia]. *Russia and the Contemporary World*. №2. P. 155-168. (In Russian)

Mamedov D.I. 2017. Strukturnye usovershenstvovaniya po ispol'zovaniyu al'ternativnykh i vozobnovlyаемых istochnikov energii v Azerbaydzhane, normativno-pravovye akty, programmy deyatel'nosti i ikh primenenie [Structural Improvements in the Use of Alternative and Renewable Energy Sources in Azerbaijan, Regulatory Acts, Activity Programs, and Their Implementation]. *Azimut of Scientific Research: Economics and Management*. 2(19). Vol. 6. P. 186-190. (In Russian)

Mirzoev R.K., Mirzoeva S.M. 2022. Perspektivy razvitiya al'ternativnoy i vozobnovlyаемoy energetiki v Azerbaydzhane [Prospects for the Development of Alternative and Renewable Energy in Azerbaijan]. *Science Bulletin*. 11(56). Vol. 1. P. 293-303. (In Russian)

Orazmammedov A., Geldyev A.A., Orazmammedov P. 2022. *Strategiya razvitiya vozobnovlyаемoy energetiki v Turkmenistane kak faktor zashchity okruzhayushchey sredy* [The Development Strategy of Renewable Energy in Turkmenistan as an Environmental Protection Factor]. Research and Development in Mechanical Engineering, Power Engineering, and Management. Materials of the XXII International Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists. In 2 parts. Part 1. Edited by A.A. Boyko. Gomel: P.O. Sukhoi Gomel State Technical University. P. 232-235. (In Russian)

Polozhikhina M.A. 2014. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya Rossii [The Concept of Sustainable Development in Russia]. *Economic and Social Problems of Russia*. №2. P. 108-125. (In Russian)

Remizova T.S. 2017. Razvitiye vozobnovlyаемых istochnikov energii v Rossii [Development of Renewable Energy Sources in Russia]. *National Interests: Priorities and Security*. 10(13). P. 1882-1895. DOI: 10.24891/ni.13.10.1882 (In Russian)

Reshchikov O.I. 2020. Vetrovaya i solnechnaya energetika Irana [Wind and Solar Energy in Iran]. *World Economy and International Relations*. 64(4). P. 45-52. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-45-52 (In Russian)

Samoylenko A.G. 2018. Razvitiye vobnovlyаемoy energetiki v Respublike Kazakhstan: vzglyad na mezhdunarodnyy opyt [Development of Renewable Energy in the Republic of Kazakhstan: View on International Experience]. *Young Scientist*. №11. P. 238–241. (In Russian)

Saryev K.A. 2020. Opredeleniye vetroenergeticheskikh resursov v Turkmenistane energetiki [Determination of Wind Energy Resources in Turkmenistan]. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Problems of Power Engineering*. 22(6). P. 143–154. DOI: 10.30724/1998-9903-2020-22-6-143-154 (In Russian)

Shepelev G.V. 2022. Energeticheskiy perekhod: podkhody k formirovaniyu povestki issledovaniy dlya rossiyskoy nauki [Energy Transition: Approaches to Formulating the Research Agenda for Russian Science]. *Science Management: Theory and Practice*. 4(1). P. 101–121. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.6 (In Russian)

Shupanova R.E. 2019. Planirovaniye i ego rezul'taty v sfere vobnovlyаемykh istochnikov energii v Islamskoy Respublike Iran [Planning and Results in the Field of Renewable Energy Sources in the Islamic Republic of Iran]. *Bulletin of Modern Research*. 3-6(30). P. 202–207. (In Russian)

Tao X. 2022. Yevropeyskaya energeticheskaya bezopasnost' i Turkmenistan [European Energy Security and Turkmenistan]. *Innovation and Investment*. №10. P. 61–64. (In Russian)

Telegina E.A., Khalova G.O. 2022. Geokonomichekiye i geopoliticheskiye vyzovy energeticheskogo perekhoda. Posledstviya dlya mirovoy ekonomiki [Geo-economic and Geopolitical Challenges of Energy Transition. Consequences for the Global Economy]. *World Economy and International Relations*. 66(6). P. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-26-34 (In Russian)

Usmanov R.Kh., Gulyev O.E. 2022. Kollektivnaya bezopasnost' Kaspiyskogo regiona: sovremennyye vyzovy i ugrozy ustoichivomu razvitiyu [Collective Security of the Caspian Region: Modern Challenges and Threats to Sustainable Development]. *Russia and the World*. №2. P. 89–92. (In Russian)

Voloshin V.I., Nazarova O.E. 2022. Nizkouglerodnoye razvitiye energetiki: ugrozy dlya Rossii i vozmozhnosti ikh preodoleniya [Low-Carbon Energy Development: Threats to Russia and Opportunities for Overcoming Them]. *Russian Foreign Economic Bulletin*. №2. P. 5–15. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-2-5-15 (In Russian)

Zhumaliev D.M. 2021. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya vobnovlyаемoy energetiki v Respublike Kazakhstan [Current State and Prospects for the Development of Renewable Energy in the Republic of Kazakhstan]. *Week of Science of the Institute of Science and Innovation*. P. 400–402. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Абдуллаев Н.Н. 2021. Правовая основа сотрудничества между Азербайджанской Республикой и ЕС в энергетической сфере. *Международное право*. №3. С. 1–14. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.35859 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35859 (дата обращения: 25.05.2023)

Алиев Д.Ф., Алиев Р.А. 2022. *Энергетический переход. Часть 1. Базовая бескарбоновая генерация*. Москва: Издательство «Прометей». 526 с.

Алиев Р.А., Гулиев И.А. 2022. *Энергопереход как фактор развития устойчивой энергетики стран Каспийского региона*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 272 с.

Бразовская В.В. С.С. Гутман. 2022. *Проблемы при реализации проектов возобновляемой энергетики в Российской Федерации. Экономика и Индустрия 5.0 в условиях новой реальности (ИНПРОМ-2022)*. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием. Санкт-Петербург: Издательство «Политех-Пресс». С. 225–228.

Бутузов В.А. 2022. Современное состояние развития возобновляемой энергетики России. *Окружающая среда и энергетика*. №1. С. 18–31.

Волошин В.И., Назарова О.Е. 2022. Низкоуглеродное развитие энергетики: угрозы для России и возможности их преодоления. *Российский внешнеэкономический вестник*. №2. С. 5–15. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-2-5-15

Гаджиева Н.А. 2018. Особенности и перспективы «зелёного роста» в Азербайджане. *Web of Scholar*. 1(19). Том 3. С. 16–28.

Гурбангалиев А.И., Исмаилова Г.Ф. 2017. «Зелёная экономика» в Азербайджанской республике: предпосылки и направления развития. *Московский экономический журнал*. №1. С. 72–91. DOI: 10.15862/107EVN615

Дегтярёв К., Соловьёв Д. 2022. Проблемы и перспективы развития возобновляемой энергетики России в новых условиях. *Энергетическая политика*. 6(172). С. 55–69. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_6172_56

Джумаев А.А. 2020. Возможности использования солнечной энергии в районах Туркменистана. *Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого*. 3–4(82-83). С. 74–80.

Долгушин А.Б., Цуканов А.А., Степанова А.А. 2021. Концепция стратегии устойчивого развития Каспийского региона. *Московский экономический журнал*. №11. С. 356–376. DOI: 10.24412/2413-046X-2021-10705

Дробинский А.В., Кадкин А.Г. 2019. Ветроэнергетика Казахстана. *Вестник Инновационного Евразийского университета*. №3. С. 107–112.

Жумалиев Д.М. 2021. *Современное состояние и перспективы развития возобновляемой энергетики в Республике Казахстан*. Сборник трудов «Неделя науки ИСИ». С. 400–402.

Коданёва С.И. 2022. Основные направления и перспективы энергетического перехода в России. *Экономические и социальные проблемы России*. 1(49). С. 79–94. DOI: 10.31249/espr/2022.01.05

Кругликова Т.В. 2016. Проблемы формирования «зеленой экономики» в России. *Россия и современный мир*. №2. С. 155–168.

Мамедов Д.И. 2017. Структурные усовершенствования по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии в Азербайджане, нормативно-правовые акты, программы деятельности и их применение. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2(19). Т. 6. С. 186–190.

Мирзоев Р.К., Мирзоева С.М. 2022. Перспективы развития альтернативной и возобновляемой энергетики в Азербайджане. *Вестник науки*. 11(56). Том 1. С. 293–303.

Оразмаммедов А., Гельдыев А.А., Оразмаммедов П. 2022. *Стратегия развития возобновляемой энергетики в Туркменистане как фактор защиты окружающей среды. Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления*. Материалы XXII Междунар. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. В 2 ч. Ч. 1. Под общ. ред. А.А. Бойко. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого. С. 232–235.

Положихина М.А. 2014. Концепция устойчивого развития России. *Экономические и социальные проблемы России*. №2. С. 108–125.

Ремизова Т.С. 2017. Развитие возобновляемых источников энергии в России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 10(13). С. 1882–1895. DOI: 10.24891/ni.13.10.1882

Решиков О.И. 2020. Ветровая и солнечная энергетика Ирана. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(4). С. 45–52. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-45-52

Самойленко А.Г. 2018. Развитие возобновляемой энергетики в Республике Казахстан: взгляд на международный опыт. *Молодой учёный*. №11. С. 238–241.

Сарыев К.А. 2020. Определение ветроэнергетических ресурсов в Туркменистане. *Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики*. 22(6). С. 143–154. DOI: 10.30724/1998-9903-2020-22-6-143-154

Тао Х. 2022. Европейская энергетическая безопасность и Туркменистан. *Инновации и инвестиции*. №10. С. 61–64.

Телегина Е.А., Халова Г.О. 2022. Геоэкономические и геополитические вызовы энергетического перехода. Последствия для мировой экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. 66(6). С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-26-34.

Усманов Р.Х., Гулиев О.Э. 2022. Коллективная безопасность Каспийского региона: современные вызовы и угрозы устойчивому развитию. *Россия и мир*. 2(32). С. 89–92.

Хуторова Н.А. 2015. Зеленый рост как новый вектор развития российской экономики. *Лесной вестник*. №1. С. 190–198.

Шепелев Г.В. 2022. Энергопереход: подходы к формированию повестки исследований для российской науки. *Управление наукой: теория и практика*. 4(1). С. 101–121. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.6

Шупанова Р.Э. 2019. Планирование и его результаты в сфере возобновляемых источников энергии в Исламской Республике Иран. *Вестник современных исследований*. 3–6(30). С. 202–207.

Модель индекса ESG-транспарентности корпоративной отчётности

Р.П. Булыга, М.В. Мельник, И.В. Сафонова, В.Б. Гисин

Финансовый университет при Правительстве РФ

Цель статьи состоит в разработке и апробации модели индекса транспарентности бизнеса, способной измерить уровень ESG-прозрачности компаний. Гипотеза исследования заключается в том, что оценка ESG-транспарентности без учёта качества и достоверности информации ограничивает точность результатов. Предлагается математическая модель, которая учитывает факторы количества, качества и достоверности отчётности. Обзор нормативного регулирования, международной и российской практики, научных исследований в области ESG-раскрытия показал, что на мировом уровне за период с 2000 по 2023 гг. сложился пул авторитетных профессиональных стандартов и рамок, играющих концептуальную роль в формировании раскрытия финансовой и нефинансовой информации по устойчивому развитию в корпоративной отчётности. В то же время в научном и деловом сообществе отсутствуют устоявшиеся практики определения уровня ESG-прозрачности, соответствующего, с одной стороны, запросам ключевых заинтересованных пользователей, с другой стороны, возможностям бизнеса по раскрытию информации о своей деятельности. Применяемые для этих целей индексы транспарентности международных и российских рейтинговых агентств комплексно не учитывают данные факторы, методологически не сопоставимы и содержат пробелы в отношении учёта качества и достоверности оцениваемых значений. Для решения обозначенной проблемы авторами предложена математическая модель (формула расчёта) индекса ESG-транспарентности корпоративной отчётности, позволяющего учесть факторы количества, качества и достоверности раскрываемой публичными компаниями информации. Проведённое сравнительное исследование практик раскрытия и верификации отчётной информации в разрезе ESG-факторов по видам деятельности публичных акционерных обществ в России на основе апробированной модели позволило произвести рейтинговую градацию отраслей, что будет способствовать определению требуемого для общества (государства) и оптимального для бизнеса уровня раскрытия информации о деятельности публичных компаний.

Ключевые слова: устойчивое развитие, корпоративная отчётность, ESG-транспарентность, индекс, модель

УДК 338.2-022.316

Поступила в редакцию: 11.02.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

Развитие ESG-принципов и практики зелёного финансирования мотивирует компании формировать расширенный формат корпоративной отчётности, раскрывая политику социальной и экологической ответственности, о чём свидетельствуют данные различных авторитетных международных регистров, например, IIRC¹, GRI² и др., а также регулярно проводимых исследований. Раскрытие нефинансовой (ESG³) информации уже является сложившейся мировой практикой. По данным Института управления и отчётности, за период с 2012 г. по 2017 г. доля компаний из списка S&P 500, публикующих отчётность об устойчивом развитии, возросла с 53% до 82%⁴. На основании регистра IIRC, в 2010 г. интегрированные отчёты выпускало 5% компаний (185 интегрированных отчётов); по состоянию на 2023 г. концепция интегрированной отчётности внедрена более чем в 2 500 компаниях свыше чем в 70 странах⁵.

Как свидетельствуют результаты проводимых исследований (Escrig-Olmedo, Muñoz-Torres & Fernández-Izquierdo 2013; Hill, Ainscough, Shank & Manullang 2007; Friede, Busch, Bassen 2015), за последние 15 лет наблюдается значительный рост интереса к ESG-повестке со стороны государства, бизнеса и общества. В результате обзора международных и российских публикаций по ESG-проблематике можно выделить ряд ключевых трендов, актуальных для профессионального и научного сообщества с точки зрения направлений исследования. Базовым вопросом стало изучение концепции ESG и её влияние на инвестиционную активность участников финансового рынка. Экспертов интересовали влияние ESG-стратегии на повышение эффективности инвестиционной политики, преимущества ESG-стратегии по сравнению с традиционной инвестиционной политикой (Margolis & Walsh 2003; Richardson 2009; De Bakker, Groenewegen & Den Hond 2005; Фёдорова, Хрустова, Дёмин 2020).

Важным был также вопрос о влиянии отчётности по ESG на рыночную стоимость компаний (Micale and Cheng 2022; Vitolla, Salvi, Raimo, Petruzzella & Rubino 2020). На протяжении последних 50 лет, начиная с 1970-х гг., было проведено более 2000 исследований, из которых более 60% установили положительную корреляцию между учётом ESG-факторов и стоимостью публичных компаний (Friede, Busch & Bassen 2015). Сейчас важным аспектом является раскрытие отчётности в формате ESG и возможное введение обязательного составления

¹ IIRC (International Integrated Reporting Council) – Международный совет по интегрированной отчётности.

² GRI (Global Reporting Initiative) – Глобальная инициатива по отчётности.

³ ESG (Environmental, Social, Governance) – аббревиатура, расшифровывается как «окружающая среда, общество и корпоративное управление».

⁴ The Quality of ESG Disclosures – Joint Research From G&A Institute and Baruch College Shows. 2017. *Governance and Accountability Institute*. URL: <https://www.ga-institute.com/research/ga-research-directory/collaborations/using-the-gri-sustainability-reporting-framework-improves-the-quality-of-esg-disclosures.html> (accessed 20.06.2023)

⁵ 10 Years of the IIRC. *Integrated Reporting*. URL: <https://www.integratedreporting.org/10-years/10-years-summary> (accessed 20.06.2023).

нефинансовой отчетности (Aghamolla, An, Mandatory 2021; Hummel, Jobst 2022; Ishikawa 2022). Изначально формирование такой отчетности было добровольным и определялось преимущественно сложившейся практикой. Впоследствии нефинансовая отчетность начала регулироваться на законодательном уровне, что усилило её роль и статус в информационной среде компаний и экономике в целом (Fiechter, Hitz и Lehmann 2022).

Проведённое авторами исследование выявило, что в период с 2000 по 2023 г. сложился ряд подходов и методик в области раскрытия информации об устойчивом развитии, представленных международными рекомендациями и стандартами (например, GRI – Глобальная инициатива по отчетности, IIRC – Международный совет по интегрированной отчетности, SASB – Совет по стандартам учёта в области устойчивого развития, TCFD – Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата и др.)⁶. Многочисленные требования различных систем стандартов нефинансовой отчетности привели к формированию дорогостоящей и сложной отчетности. В 2022 г. достигнут значительный прогресс в определении глобальных стандартов отчетности в области устойчивого развития – сформирован ряд треков развития, направленных на стандартизацию подходов. При этом для оценки качества раскрытия в формате ESG важнейшим является разработка индексов и рейтингов. Именно данные инструменты позволяют осуществить измерение прозрачности корпоративной отчетности различных экономических субъектов в сопоставлении с запросами заинтересованных пользователей и возможностями самих публичных компаний.

В настоящее время сформировался целый пул авторитетных ESG-рейтингов и индексов (табл. 1).

Таблица 1. ESG-рейтинги и индексы

Table 1. ESG ratings and indexes

Агентство	ESG-рейтинг	Сущность измерения
MSCI (США)	MSCI ESG Rating	Оценка управления компанией финансово значимыми ESG-рисками и возможностями
Sustainalytics (Нидерланды)	ESG Risk Rating	Оценка подверженности компании значимым отраслевым ESG-рискам
S&P Global (США)	ESG Score	Оценка компании на основе процесса S&P Global Corporate Sustainability Assessment (ежегодной оценки практик устойчивого развития)
Refinitiv (Великобритания)	ESG Score	Оценка деятельности компании в области устойчивого развития на основе поддающихся проверке данных, опубликованных в открытом доступе

⁶ Ряд стандартов (SASB, CDSB, IIRC) в 2023 г. теряют свою актуальность из-за утверждения стандартов ISSB (International Sustainability Standards Board), войдя в состав стандартов ISSB.

Агентство	ESG-рейтинг	Сущность измерения
Bloomberg	ESG Scores	Измерение ESG-прозрачности на основе оценки экологических, социальных показателей и показателей управления по данным открытых источников
Thomson Reuters	ESG Scores	Оценивает информационную прозрачность компании на основе опубликованных ESG-данных
RAEX-Europe	ESG-рейтинг	Измерение ESG-прозрачности на основе оценки экологических, социальных показателей и показателей управления по данным открытых источников
АКРА (Россия)	ESG-оценка	Мнение о качестве и результатах деятельности компании в области устойчивого развития по трём аспектам (E, S, G)
«Эксперт РА» (Россия)	Рейтинг ESG	Мнение о том, в какой степени процесс принятия ключевых решений в компании (регионе) ориентирован на устойчивое развитие в экологической, социальной и экономической сферах
НКР (Россия)	ESG-рейтинг	Мнение относительно соответствия текущей деятельности и стратегии рейтингуемого лица целям устойчивого развития, в том числе защите и восстановлению окружающей среды, социальной ответственности, развитию корпоративного управления для реализации этих целей
НРА (Россия)	ESG-рейтинг	Мнение о подверженности компании экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления на основе оценки качества соблюдения соответствующих практик и их соответствия базовым международным и российским ориентирам, стандартам и лучшим практикам в области устойчивого развития

Источник. Модельная методология ESG-рейтингов. 2023. Банк России.

Рейтинговые агентства проводят анализ ESG-раскрытий в трёх областях: окружающая среда, социальная сфера и управление. Каждая область включает множество критериев, таких как несчастные случаи на производстве, потребление энергии, выбросы парниковых газов и другие, а также стандарты, включающие конвенции Международной организации труда, Глобальный договор ООН и другие. Затем каждый критерий анализируется с учётом политики, установленной компанией, реализации мер, отчётности об инициативах и их результативности. Агентства используют этот анализ для определения рейтинга по каждому критерию и общего рейтинга компании. Рейтинг может использоваться для сравнения компаний по критериям ESG. Критерии и система взвешивания между индикаторами могут различаться в зависимости от сектора бизнеса (например, выбросы CO₂ в автомобильной отрасли). Рейтинговые агентства получают ESG-информацию из различных источников: от самих компаний (доступные документы, специальные анкеты, коммуникация), агрегаторов данных и средств массовой информации. Так как нет общей основы для ESG-рейтингов,

каждое агентство разработало свою собственную методологию. Однако большинство агентств используют международные стандарты для установления сопоставимых рейтинговых критериев, которые обычно не содержат оценки качества и достоверности нефинансовой информации.

ESG-показатели, используемые для оценки компаний и стран, часто являются качественными, что затрудняет сравнение между ними. Для того чтобы эти показатели могли быть использованы, требуется их глубокая и сложная предварительная обработка, чтобы привести их к сопоставимым шкалам. В этом процессе экспертные оценки, отражающие общественные предпочтения, играют важную роль, а нефинансовая информация, предоставляемая компаниями, служит основой для агрегированных оценок. Для повышения объективности таких оценок важно иметь жёстко регламентированные процедуры оценивания.

С точки зрения измерения, ключевое значение имеет наличие измеряемого результата (а не только описания эффективности, мотиваций, процессов или организационных структур) для разработки агрегированных показателей.

Считается, что агрегированный показатель должен:

1. Учитывать множество факторов.
2. Быть независимым от особенностей организации.
3. Основываться на показателях результатов, а не на восприятии.
4. Отражать ценности заинтересованных сторон.

В соответствии с первыми двумя требованиями необходимо выбирать измерения, которые отражают специфические показатели ESG-эффективности. При этом выбор этих параметров не должен зависеть от конкретных оцениваемых объектов, а должен отражать общепринятые социальные нормы. Базовая формула расчёта агрегированного показателя информационной прозрачности компании выглядит следующим образом:

$$G_l = w_1 S_{1l} + w_2 S_{2l} \dots + w_n S_{nl}, \text{ где} \quad (1)$$

G_l – агрегированный показатель информационной прозрачности компании l , ($l=1,2,\dots,p$);

S_{il} – значение локального (агрегируемого) показателя i ($i=1,2,\dots,n$) для компании l , ($l=1,2,\dots,p$);

w_i – весовые коэффициенты показателя i ($i=1,2,\dots,n$).

В этой достаточно простой формуле в компетенции эксперта выбор показателей (S_{il}) и подбор соизмеримых шкал (весовых коэффициентов w_i).

Для определения весовых коэффициентов (w_i) применяется так называемый метод анализа иерархий (Analytic Hierarchy Process, АНР). Этот метод был разработан Саати более 40 лет назад (Саати 2015) и получил широкое рас-

пространение в теории принятия решений (Сапко 2021; Волокобинский 2016). Метод имеет психологическое обоснование и тесно связан с теоремой о невозможности Эрроу (Saaty 2013).

Основой метода анализа иерархий является попарное сравнение альтернатив относительно их соответствия цели, выполняемое экспертами. В контексте построения агрегированной оценки прозрачности роль альтернатив играют показатели. Например, используются следующие показатели: продукт / обязательства; отношения с сотрудниками; женщины / меньшинства; окружающая среда; общественные связи; использование атомной энергии; контракты с военными ведомствами; контракты с ЮАР (Ruf 1998).

Относительная важность показателей оценивается по шкале

$$\left\{ \frac{1}{9}, \frac{1}{7}, \frac{1}{5}, \frac{1}{3}, 1, 3, 5, 7, 9 \right\}.$$

Если даны показатели i и j , пусть a_{ij} обозначает результат сравнения. Экспертным путём требуется определить $\frac{n^2 - n}{2}$ значений a_{ij} с учётом того, что для всех i и j должны выполняться соотношения $a_{ii} = 1$ и $a_{ij} \cdot a_{ji} = 1$. Коэффициент a_{ij} отражает важность показателя i при сравнении его с показателем j . Оценки даются в соответствии с вербальным описанием значений $\{1, 3, 5, 7, 9\}$ (см. таб. 2).

Чётные градации 2, 4, 6, 8 используются, если необходимы промежуточные значения.

Показатели образуют обратно симметричную матрицу $A = (a_{ij})$ порядка n . Наибольшее по модулю собственное значение $\lambda_{\max}(A)$ матрицы A является положительным числом, а координаты соответствующего собственного вектора $w = (w_1, \dots, w_n)$ неотрицательны. Вектор $w = (w_1, \dots, w_n)$ выбирается так, что $w_1 + \dots + w_n = 1$. Его координаты и служат весовыми коэффициентами в формуле (1).

Таблица 2. Вербальные градации важности показателей

Table 2. Verbal gradations of the importance of indicators

Относительная важность показателя i при сравнении с показателем j	Содержательное описание
1	Равная значимость
3	i немного более важен, чем j
5	i явно более важен, чем j
7	i существенно более важен, чем j , что подтверждается практикой
9	Большая важность i очевидна и имеет неоспоримые подтверждения

Ниже приведён пример оценки важности показателей и расчёта значений весовых коэффициентов показателей (w_i), используемых в (Ruf, 1998) (см.: табл. 3).

Таблица 3. Весовые коэффициенты показателей социального измерения (Ruf 1998)

Table 3. Weighting coefficients of social measurement indicators (Ruf 1998)

Показатель (социальное измерение)	Вес	Ранг
продукт / обязательства	0.2289	1
отношения с сотрудниками	0.1828	2
женщины / меньшинства	0.1523	3
окружающая среда	0.1407	4
общественные связи	0.1250	5
использование атомной энергии	0.0740	6
контракты с военными ведомствами	0.0502	7
контракты с ЮАР	0.0460	8

В (Ruf 1998) для первых пяти показателей использована шкала из пяти оценок $\{-2, -1, 0, 1, 2\}$, а для последних трёх — шкала $\{-2, -1, 0\}$. Таким образом, агрегированная оценка компании с вектором показателей, например, $(-1, 2, 0, 1, 2, -1, -1, 0)$ рассчитана по формуле:

$$0.2289 \cdot (-1) + 0.1828 \cdot 2 + 0.1523 \cdot 0 + 0.1407 \cdot 1 + 0.1250 \cdot 2 + 0.0740 \cdot (-1) + 0.0502 \cdot (-1) + 0.0460 \cdot 0 = 0.4032$$

В рассматриваемом алгоритме агрегации показателей важную роль играет согласованность экспертных оценок a_{ij} .

Проблемам измерения согласованности и методов устранения несогласованности посвящена обширная литература (Brunelli 2018).

В специальной литературе абсолютной согласованностью считается сильная транзитивность оценок, при которой $a_{ij} \cdot a_{jk} = a_{ik}$ для любых i, j, k . При выполнении этого условия $\lambda_{\max}(A) = n$. В общем случае $\lambda_{\max}(A) \geq n$.

Саати предложил считать индексом несогласованности матрицы A величину

$$CI(A) = \frac{\lambda_{\max}(A) - n}{n - 1},$$

которая, как им было показано, является дисперсией ошибки, обусловленной неточностью и несогласованностью оценок.

Критерий согласованности $CR(A)$ получается, как отношение коэффициента $CI(A)$ к поправочному коэффициенту $RI(n)$, рассчитанному на основе статистических оценок (см. табл. 4).

Таблица 4. Поправочные коэффициенты для оценки согласованности матрицы**Table 4. Correction coefficients for evaluating the consistency of the matrix**

Порядок n	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
$RI(n)$	0.52	0.89	1.11	1.25	1.35	1.40	1.45	1.49	1.52	1.54	1.56	1.58	1.59
Порог	0.52	0.37	0.22	0.14	0.10	0.05	0.05	0.04	0.03	0.02	0.02	0.02	0.01

С момента публикации работ Саати и до настоящего времени индекс рас- согласованности (индекс Saaty) остаётся основным инструментом для измерения несогласованности в матрицах оценок. Однако в последнее время начали использоваться и другие индексы (например, индекс Brunelli), которые также способны оценивать несогласованность.

При небольших значениях индекса рассогласованности большинство ин- дексов дают схожие результаты при ранжировании матриц. То есть они показы- вают сходство в несогласованности.

Если матрица, построенная на основе оценок эксперта, оказывается несо- гласованной, эксперт должен скорректировать свои оценки. Существует широ- кий спектр процедур корректировки оценок, которые могут иметь различную степень формализации. Однако исследования показывают, что процедуры, в которых эксперт самостоятельно пересматривает свои оценки, хотя и требуют больше усилий, обеспечивают лучший результат и повышают согласованность матрицы (Temesi 2019).

Модель индекса ESG-транспарентности корпоративной отчётности публичных акционерных обществ

Для определения уровня раскрытия и верификации информации в разрезе ESG-факторов публичными компаниями авторы статьи на основании иссле- дования данных, содержащихся в корпоративной отчётности 100 крупнейших ПАО России⁷, разработали формулу расчёта (математическую модель) индекса ESG-транспарентности корпоративной отчётности:

$$T_{\text{ко}} = (N_{\text{инд}} / N_{\text{max}})^{0,097} * (K_{\text{инд}} / K_{\text{max}})^{0,333} * (W_{\text{инд}} / W_{\text{max}})^{0,570}, \text{ где (2)}$$

⁷ Выборка исследования представлена 100 крупнейшими ПАО России по объёму реализации согласно рэнкингу RAEX-600 за 2021 г. Рейтинг крупнейших компаний России RAEX-600, 2021 г. RAEX. URL: https://raex-rr.com/pro/largest/RAEX-600/biggest_companies/2021/ (accessed 20.06.2023)

Выборка формировалась исходя из отчётности за 2020 и 2021 г. при условии наличия данной отчётности в доступе в сети Интернет. Изучению подлежали годовые и нефинансовые отчёты ПАО (вне зависимости от вида нефинансового отчёта), а также финансовые отчёты компаний, составленные по РСБУ и МСФО.

T_{ко} – «индекс прозрачности» корпоративной отчётности публичной компании, в долях единицы;

N_{инд.} – индивидуальное значение, количества показателей фактически раскрытого в корпоративной отчётности конкретной публичной компании (единиц);

N_{max} – максимально возможное количество показателей, которое может раскрыть публичная компания;

K_{инд.} – индивидуальное значение, суммы баллов, набранных конкретной публичной компанией за качество раскрытия информации в корпоративной отчётности;

K_{max} – максимально возможное количество баллов, которое может набрать публичная компания, если раскроет все показатели из анализируемой выборки по наивысшему критерию;

W_{инд.} – индивидуальное значение, суммы баллов, набранных конкретной публичной компанией за процедуру верификации информации, раскрытой в корпоративной отчётности;

W_{max} – максимально возможное количество баллов, которое может набрать публичная компания, если осуществит процедуру верификации всех компонентов корпоративной отчётности по наивысшему критерию, предусмотренному авторской методикой.

Для оценки количественного фактора информационной прозрачности отчётности публичных компаний авторы с учётом требований ЦБ РФ⁸, Московской биржи⁹ и Российской региональной сети по интегрированной отчётности¹⁰ разработали систему из 96 показателей, охватывающих различные аспекты раскрытия нефинансовой информации, сгруппированных по 10 областям: (1) информация о стратегии; (2) сведения о корпоративном управлении; (3) сведения о бизнес-модели; (4) сведения о политиках и процедурах; (5) сведения о рисках и возможностях; (6) экологические аспекты деятельности общества; (7) социальные аспекты деятельности общества; (8) сведения о цепочке поставок; (9) иные аспекты раскрытия; (10) заверение отчётности и удобство пользования.

За раскрытие/нераскрытие каждого из 96 показателей присваивался балл по принципу «да/нет»: если информация, отражённая в показателе, раскрыта в отчётности, данному показателю выставляется значение «1», иначе – «0».

⁸ Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 N ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ».

⁹ Руководство для эмитента – как соответствовать лучшим практикам устойчивого развития. 2021. *Московская биржа*. URL: <https://fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁰ Официальный портал исследования корпоративной прозрачности Российской региональной сети по интегрированной отчётности. URL: <http://corptransparency.ru/> (дата обращения: 20.06.2023).

По итогам исследования рассчитывался показатель «*фактора количества*» как доля показателей, раскрытых в корпоративной отчётности публичной компании, определяемый по формуле:

$$N_i = N_{\text{инд.}} / N_{\text{max}}, \text{ где:} \quad (3)$$

N_i – индивидуальный коэффициент количества информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы.

Для оценки качественного фактора информационной прозрачности корпоративной отчётности публичных компаний авторы из генеральной совокупности в 96 показателей отобрали 18 укрупнённых показателей, агрегированных в шесть предметных областей: (1) информация о стратегии; (2) бизнес-модель; (3) сведения о рисках и возможностях; (4) экологические аспекты деятельности ПАО; (5) социальные аспекты деятельности ПАО; (6) иное (см. табл. 5).

Таблица 5. Структура и состав показателей, оцениваемых по качественным параметрам

Table 5. Structure and composition of indicators evaluated by qualitative parameters

Предметные области раскрытия информации	Показатели
Информация о стратегиях	1. Информация о стратегии
	2. Информация о стратегии устойчивого развития
	3. Информация о стратегии в разрезе ЦУР
Бизнес-модель	4. Информация о бизнес-модели
	5. Информация о внешней среде
Сведения о рисках и возможностях	6. Информация о рисках
	7. Сценарный анализ
	8. Информация о действиях и мерах реагирования на оценённые риски
Экологические аспекты деятельности общества	9. Информация об использовании энергии
	10. Информация о выбросах парниковых газов
	11. Информация об отходах
	12. Информация об использовании воды
	13. Информация об экологической политике
Социальные аспекты деятельности общества	14. Раскрытие информации о кадровой политике
	15. Раскрытие информации об охране труда
	16. Раскрытие информации о социальной политике
Иное	17. Раскрытие информации о цепочке поставок
	18. Раскрытие информации о противодействии коррупции

Источник: составлено авторами.

Для целей качественной оценки выделено четыре типа раскрытия, каждому из которых присваивается соответствующее цифровое значение (балл) (см. табл. 6): «0» – не раскрыто; «1» – заявление (отдельное упоминание факта/события/действия без конкретных данных); «2» – контент-раскрытие (системное раскрытие конкретного факта/события/действия описательного характера); «3» – количественное раскрытие (измерение факта/события/действия в натуральных/трудовых показателях): «3.1» – период один год; «3.2» – период два года; «3.3» – период три года; «4» – финансовое раскрытие (измерение факта/события/действия в денежном выражении): «4.1» – период один год; «4.2» – период два года; «4.3» – период три года.

Таблица 6. Авторская методика оценки качества раскрытия информации в публичной отчётности ПАО России (определения значения $K_{инд(j)}$)

Table 6. The author's methodology for assessing the quality of information disclosure in the public statements of PJSC of Russia (determining the value of $K_{ind(j)}$)

Вид качественного раскрытия информации в публичной отчётности	Баллы
Финансовое раскрытие: измерение факта/события/действия в денежном выражении	4
Количественное раскрытие: измерение факта/события/действия в натуральных/трудовых показателях	3
Контент-раскрытие: системное раскрытие конкретного факта/события/действия описательного характера)	2
Заявление: отдельное упоминание факта/события/действия без конкретных данных	1
Отсутствие раскрытия	0

Источник: составлено авторами.

На основе предложенной методики рассчитывался показатель «фактора качества» информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании, определяемый по формуле:

$$K_i = K_{инд} / K_{max}, \text{ где} \quad (4)$$

K_i – индивидуальный коэффициент качества информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы;

$K_{инд}$ – индивидуальное значение, суммы баллов, набранных конкретной компанией за качество раскрытия информации в корпоративной отчётности, то есть:

$K_{инд} = \sum K_{инд(j)}$, где $K_{инд(j)}$ – балл, присваиваемый по указанной выше авторской методике конкретной компании за степень раскрытия в корпоративной отчётности конкретного (j -го) показателя;

K_{max} – максимально возможное количество баллов, которое может набрать каждая компания, если раскроет все 18 показателей выборки по наивысшему критерию (в условиях проводимого исследования – 72 балла = $18 \cdot 4$).

Для оценки фактора верификации информационной прозрачности корпоративной отчётности публичных компаний авторы на основе разработанной методики (см. табл. 7) изучили следующие аспекты: количество и градация субъектов верификации; вид подтверждения достоверности (аудит, профессиональное подтверждение, общественное заверение), используемый для верификации публичной информации, содержащейся в конкретном отчёте; уровень уверенности (высокий, ограниченный, никакой), предоставляемый субъектом верификации заинтересованным пользователям.

Таблица 7. Авторская методика оценки достижения базовых параметров процедуры верификации корпоративной отчётности публичной компании (определения значения $W_{инд(s)}$)

Table 7. The author's methodology for assessing the achievement of the basic parameters of the verification procedure for corporate reporting of a public company (determining the value of $W_{ind(s)}$)

Код параметра (s)	Базовые параметры процедуры верификации корпоративной отчётности публичной компании	Баллы
1	Количество верифицированных отчётов	20¹¹
1.1	Аудит бухгалтерской (финансовой) отчётности, составленной по РСБУ	7
1.2	Аудит финансовой отчётности, сформированной по МСФО	8
1.3.1	Профессиональное подтверждение нефинансовой отчётности (как самостоятельного отчёта, так и в составе годового отчёта) на её соответствие стандартам раскрытия с выражением уровня уверенности	4
1.3.2	Профессиональное подтверждение нефинансовой отчётности (выборочной нефинансовой информации или отдельных нефинансовых показателей) без выражения уровня уверенности	2
1.4	Общественное заверение нефинансовой отчётности (как самостоятельного отчёта, так и в составе годового отчёта) или выборочной нефинансовой информации	1
2	Количество привлечённых аудиторских фирм	10¹²
2.1	Один аудитор для верификации всех видов отчётности (1.1 + 1.2 + 1.3.1 или 1.3.2)	10
2.2	Два аудитора для проверки финансовой и нефинансовой отчётности (1.1 + 1.2; 1.3.1 или 1.3.2)	8

¹¹ Определяется как сумма баллов по строкам 1.1, 1.2, 1.3.1, 1.3.2, 1.4

¹² Выбирается одна из позиций из 2.1-2.8. Максимально возможное количество баллов равно 10.

Код параметра (s)	Базовые параметры процедуры верификации корпоративной отчётности публичной компании	Баллы
2.3	Два аудитора для проверки финансовой и нефинансовой отчётности (1.2; 1.3.1 или 1.3.2)	7
2.4	Один аудитор для аудита финансовой отчётности (1.1 + 1.2)	6
2.5	Один аудитор для аудита финансовой и нефинансовой отчётности (1.2 + 1.3.1 или 1.3.2)	5
2.6	Три аудитора для проверки каждого типа отчётности (1.1; 1.2; 1.3.1 или 1.3.2)	4
2.7	Два аудитора для аудита финансовой отчётности (1.1; 1.2)	2
2.8	Один аудитор для аудита финансовой отчётности (1.1 или 1.2)	1
W_{max}	ИТОГО	30

На основе авторской методики рассчитывался показатель «фактора качества» информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании, определяемый по формуле:

$$W_i = W_{\text{инд.}} / W_{\text{max}}, \text{ где} \quad (5)$$

W_i – индивидуальный коэффициент верификации информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы;

$W_{\text{инд.}}$ – индивидуальное значение, суммы баллов, набранных конкретной публичной компанией за процедуру верификации информации, раскрытой в корпоративной отчётности, то есть:

$W_{\text{инд.}} = \sum W_{\text{инд}(s)}$, где $W_{\text{инд}(s)}$ – балл, присваиваемый по авторской методике за достижение базовых параметров процедуры верификации публичной отчётности по каждой (s -му) параметру;

W_{max} – максимально возможное количество баллов, которое может набрать публичная компания, если осуществит процедуру верификации всех компонентов корпоративной отчётности по наивысшему критерию, предусмотренному авторской методикой (в условиях проводимого исследования – 30 баллов).

Обоснование формулы функциональной зависимости «индекса транспарентности» корпоративной отчётности от факторов

Алгоритм обоснования базовых параметров формулы (2) включал в себя последовательность следующих шагов:

1) определение вида функциональной зависимости интегрального показателя ($T - T_{\text{ко}}$) от выбранных факторов ($N - N_i$); ($K - K_i$); ($W - W_i$);

- 2) оценка корреляции между факторами модели;
- 3) определение весовых значений факторов в модели;
- 4) определение окончательного вида формулы расчёта «индекса прозрачности» корпоративной отчётности;
- 5) проверка согласованности индекса прозрачности с эффективностью компаний с использованием ранговой корреляции.

При определении вида функциональной зависимости в качестве исходной была принята информация, что каждый из факторов «индекса прозрачности» представлен числом в промежутке от 0 до 1. Следовательно требуется построить интегральный индекс прозрачности $T = f(N, K, W)$, значение которого также находится на промежутке от 0 до 1.

Исходя из условия, что факторы неодинаковы по важности, принято решение приписать им индекс значимости с использованием метода Саати.

В соответствии с этим методом на первом этапе экспертным путём была составлена матрица доминирования A (см. табл. 8).

Таблица 8. Вид матрицы доминирования третьего порядка

Table 8. Type of the third-order dominance matrix

	N	K	W
N	1	a_{NK}	a_{NW}
K	$a_{KN} = \frac{1}{a_{NK}}$	1	a_{KW}
W	$a_{WN} = \frac{1}{a_{NW}}$	$a_{WK} = \frac{1}{a_{KW}}$	1

Значения искомым коэффициентов – целые числа от 1 до 9 или их обратные, отражают вербальное доминирование в соответствии таблицей 9 (чётные градации 2, 4, 6, 8 используются, если необходимы промежуточные значения).

Критерий согласованности $CR(A)$ был получен, как отношение коэффициента $CI(A)$ к поправочному коэффициенту $RI(3) = 0,52$, рассчитанному на основе статистических оценок. В соответствии с рекомендациями Саати, матрицу A (третьего порядка) можно считать согласованной, если $CR(A) \leq 0,05$. Если построенная на основе оценок эксперта матрица D оказывается несогласованной, эксперт должен провести корректировку своих оценок.

Выберем собственный вектор $w = (\alpha, \beta, \gamma)$, соответствующий $\lambda_{\max}(A)$ так, чтобы

$$\alpha + \beta + \gamma = 1.$$

Тогда в качестве интегрального критерия естественно выбрать критерий, определяемый формулой

$$T = N^\alpha K^\beta W^\gamma \quad (6)$$

Такая форма, в отличие от аддитивной модели линейной регрессии, обеспечивает постоянную эластичность индекса прозрачности по факторам ($E_{T,N} = \alpha, E_{T,K} = \beta, E_{T,W} = \gamma$), и является более адекватной.

Между факторами имеется довольно высокая корреляция. А именно:

$$\sigma_{NK} = 0.944; \sigma_{NW} = 0.511; \sigma_{KW} = 0.428.$$

Ранговая корреляция также высока. Укажем коэффициенты Спирмена:

$$r_s(N, K) = 0.947; r_s(N, W) = 0.405; r_s(W, K) = 0.390.$$

Несмотря на то, что значения σ_{NK} и $r_s(N, K)$ близки к единице и значительно превышают значения других аналогичных коэффициентов, представляется целесообразным использование всех трёх факторов, поскольку они учитывают разные и существенные аспекты представления информации (этим же, в частности, объясняется отказ авторов от использования метода главных компонент, при котором осложняется содержательная интерпретация результатов). Исключение одного из факторов потенциально может привести к существенным ошибкам и служить неверным сигналом для компаний в части раскрытия информации. Высокая корреляция факторов косвенно является дополнительным аргументом в пользу использования предложенного подхода.

По экспертным оценкам авторов исследования, основанного на анализе данных, для определения конкретных значений формулы «индекса прозрачности» корпоративной отчётности публичных компаний были приняты следующие соотношения значимости между факторами:

- 1) фактор К явно более значим, чем фактор N;
- 2) фактор W явно более значим, чем фактор N;
- 3) фактор W немного более значим, чем фактор К, но это доминирование незначительно.

В соответствии с этими оценками:

$$A = \begin{pmatrix} 1 & 0.2 & 0.2 \\ 5 & 1 & 0.5 \\ 5 & 2 & 1 \end{pmatrix}.$$

Для этой матрицы $\lambda_{\max}(D) = 3.0536$ и $CR(D) = 0.051$, так что матрица оказывается недостаточно согласованной.

Используя общие методы спектрального анализа, можно определить, какой из коэффициентов следует корректировать. Для этого нужно вычислить собственный вектор w матрицы A и собственный вектор v транспонированной матрицы A^t , имеющие положительные координаты. Затем нужно выбрать такую пару индексов i, j , для которой величина достигает наибольшего по абсолютной величине значения.

$$q_{ij} = v_i w_j - a_{ji}^2 v_j w_i$$

Имеем:

$$v = (0.9584, 0.2415, 0.15214), \quad w = (0.13312, 0.52827, 0.83858).$$

Соответственно,

$$q_{12} = -0.29742, \quad q_{13} = -0.11897, \quad q_{23} = 0.29737.$$

Наиболее близкая к первоначальным оценкам корректировка связана с уменьшением коэффициента a_{21} . Отрицательное значение a_{12} говорит о том, что этот коэффициент должен быть уменьшен. Впрочем, ненаправленная экспертная оценка дала тот же результат корректировки.

После корректировки:

$$A = \begin{pmatrix} 1 & 0.25 & 0.2 \\ 4 & 1 & 0.5 \\ 5 & 2 & 1 \end{pmatrix}.$$

Имеем: $\lambda_{\max}(D) = 3.0246$ и $CR(D) = 0.024 < 0.05$. Полученная матрица удовлетворяет условию согласованности Саати.

Собственный вектор, отвечающий собственному значению $\lambda_{\max}(D) = 3.0246$:

$$w = (0.097392, 0.33307, 0.569547).$$

Соответственно:

$$\alpha = 0.097, \quad \beta = 0.333, \quad \gamma = 0.570.$$

Таким образом, для расчёта «индекса прозрачности» корпоративной отчётности публичной компании формула (6) приобрела следующий вид:

$$T_{\text{ко}} = (N_i)^{0,097} * (K_i)^{0,333} * (W_i)^{0,570}, \quad \text{где} \quad (7)$$

$T_{\text{ко}}$ – «индекс прозрачности» корпоративной отчётности публичной компании, в долях единицы;

N_i – индивидуальный коэффициент количества информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы ($N_i = N_{\text{инд.}} / N_{\text{max}}$);

K_i – индивидуальный коэффициент качества информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы ($K_i = K_{\text{инд.}} / K_{\text{max}}$);

W_i – индивидуальный коэффициент верификации информации, раскрытой в корпоративной отчётности публичной компании (i -го ПАО; $i=1;100$), определяемый в долях единицы ($W_i = W_{\text{инд.}} / W_{\text{max}}$).

Проверка согласованности индекса T с эффективностью компаний проведена с использованием ранговой корреляции. Связано это с тем, что, во-первых, информации для надёжной оценки коэффициентов Тобина Q недостаточно, во-вторых, по изложенным ранее соображениям согласованность в этом случае окажется малоинформативной.

Коэффициент Спирмена для ранговой корреляции индекса T с индексом RAEX составляет величину:

$$r_s(T, RAEX) = 0.694.$$

В пользу адекватности экспертной оценки значимости важности факторов (и, соответственно, приведённых значений коэффициентов α , β и γ) говорит тот факт, что наибольшего согласования с индексом RAEX удаётся добиться при значениях

$$\alpha^* = 0.14, \beta^* = 0.32, \gamma^* = 0.54.$$

В этом случае коэффициент Спирмена ранговой корреляции индекса T^* и индекса RAEX равен 0.697. При этом коэффициент Спирмена ранговой корреляции индекса T и индекса T^* составляет 0.999. При этом изменение ранга более, чем на три позиции, не встречается ни разу, изменение ранга на три позиции встречается дважды.

С использованием разработанной модели были рассчитаны индексы транспарентности корпоративной отчётности 100 крупнейших публичных акционерных обществ России, на основании которых сформированы индивидуальный и отраслевой рейтинги и проведено сравнительное выборочное исследование практик раскрытия и верификации отчётной информации в разрезе ESG-факторов по видам деятельности (отраслям) ПАО России. Выборка исследования представлена 100 крупнейшими ПАО России по объёму реализации согласно ранкингу RAEX-600 за 2021 г.¹³

Проведённое исследование позволило:

а) произвести рейтинговую градацию отраслей по критерию и уровням транспарентности, функционирующих в них ПАО (см.: табл. 9);

¹³ Официальный сайт агентства «РАЭК-аналитика». URL: https://raex-rr.com/pro/largest/RAEX-600/biggest_companies/2021/ (дата обращения: 20.06.2023)

- б) выделить четыре уровня прозрачности компаний отрасли [$T_{\text{ко(ср)}}$]¹⁴:
- высокий [$T_{\text{ко(ср)}} \geq 0,750$];
 - выше среднего (рациональный) [$0,750 > T_{\text{ко(ср)}} \geq 0,600$];
 - средний [$0,6000 > T_{\text{ко(ср)}} \geq 0,500$];
 - низкий [$0,500 > T_{\text{ко(ср)}}$].

Таблица 9. Отраслевые уровни прозрачности ПАО России
Table 9. Sectoral transparency levels of PJSC of Russia

Т-рейтинг (отрасли)	Отрасль (вид деятельности ПАО)	Кол-во ПАО в выборке	Кол-во ПАО публ. отчёты	$T_{\text{ко(ср)}}$	Уровень прозрачности
1	Обработка драгоценных металлов и алмазов	4	3	0,863	Высокий
	Итого	4	3		Высокий
2	Металлургическое производство	10	10	0,667	Выше среднего
3	Добыча нефти и природного газа	10	10	0,664	Выше среднего
4	Транспорт и логистика	9	8	0,625	Выше среднего
5	Агропромышленный комплекс	1	1	0,625	Выше среднего
6	Производство пищевых продуктов	4	2	0,624	Выше среднего
7	Телекоммуникации и ИТ	4	4	0,622	Выше среднего
8	Производство химических веществ и химических продуктов	9	9	0,617	Выше среднего
	Итого	47	44		Выше среднего
9	Банковская деятельность	11	8	0,596	Средний
10	Инвестиции и страхование	2	2	0,590	Средний
11	Торговля розничная (ритейл)	6	6	0,563	Средний
12	Обеспечение электрической энергией	13	13	0,556	Средний
	Итого	32	29		Средний

¹⁴ $T_{\text{ко(ср)}}$ – средний по отрасли индекс прозрачности корпоративной отчётности ПАО

Т-рейтинг (отрасли)	Отрасль (вид деятельности ПАО)	Кол-во ПАО в выборке	Кол-во ПАО публ. отчёты	T _{ко(ср)}	Уровень прозрачности
13	Производство машин и оборудования	9	6	0,480	Низкий
14	Строительство зданий и инженерных сооружений	5	5	0,424	Низкий
	Другие виды деятельности	3	0	-	
	Итого	17	11		Низкий
	ВСЕГО	100	87		

Источник: составлено авторами

Как показали результаты проведённого исследования, для большинства отраслей – семь из 14 исследованных (или 50%) и работающих в них ПАО (47%) – характерным является рациональный (выше среднего) уровень прозрачности корпоративной отчётности. К указанным отраслям относятся следующие (в порядке убывания индекса): металлургическое производство (0,667); добыча нефти и природного газа (0,664); транспорт и логистика (0,625); агропромышленный комплекс (0,625); производство пищевых продуктов (0,624); телекоммуникации и ИТ (0,622); производство химических веществ и химических продуктов (0,617).

Вторую существенную группу составляют отрасли со средним уровнем прозрачности корпоративной отчётности ПАО: четыре из 14 отраслей (29%) и 29% работающих в них ПАО. Это следующие отрасли: банковская деятельность (0,596); инвестиции и страхование (0,590); торговля розничная (0,563); электроэнергетика (0,556).

К третьей (экстраординарной) группе нами отнесены отрасли либо с очень высоким, либо очень низким уровнем прозрачности корпоративной отчётности ПАО. Экстремально высокий (0,863) индекс прозрачности показала отрасль по обработке драгоценных металлов и алмазов. Учитывая тот факт, что указанная отрасль представлена всего тремя ПАО, опубликовавшими корпоративные отчёты, авторы полагают, что такой статистики недостаточно для экстраполяции результатов исследования на всю генеральную совокупность.

К отраслям с низким уровнем прозрачности корпоративной отчётности отнесены: машиностроение (0,480) и строительство (0,424).

Применение предложенной модели для определения оптимального для бизнеса уровня раскрытия информации о деятельности публичных компаний

Учёт специфики осуществляемых публичными компаниями видов деятельности в совокупности с необходимостью идентификации их заинтересованных пользователей является составной частью одного из важнейших принципов раскрытия и верификации отчётной информации в разрезе ESG-факторов – принципа индивидуальности.

Объективная необходимость учёта отраслевой специфики при определении требований к раскрытию и верификации информации о деятельности ПАО Российской Федерации обусловлена следующими факторами:

- наличием специальных нормативных требований¹⁵ и развитием отраслевых стандартов раскрытия информации¹⁶ в отношении ПАО, по виду деятельности подпадающих под определение «субъекта естественных монополий»;
- зависимостью правил раскрытия финансовой информации в отношении отдельных активов, обязательств и капитала от специфики и особенностей ведения конкретного вида деятельности;
- дифференцированным влиянием ESG-повестки на требования к раскрытию нефинансовой информации в отношении видов деятельности экономических субъектов.

Определение индивидуального порядка раскрытия информации и уровня прозрачности ПАО, по мнению авторов, рациональнее всего осуществлять с использованием «концепции трех линз», сформулированной «группой пяти»¹⁷.

¹⁵ О естественных монополиях: Федеральный закон от 17.08.1995 N 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021), ст.8, п.5.

¹⁶ Стандарты раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии, утв. Постановлением Правительства РФ от 21.01.2004 N 24 (ред. от 18.05.2022); Стандарты раскрытия информации субъектами естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок, утв. Постановлением Правительства РФ от 27.11.2010 N 939 (ред. от 04.02.2021); Стандарты раскрытия информации субъектами естественных монополий, оказывающими услуги по транспортировке газа по трубопроводам, утв. Постановлением Правительства РФ от 29.10.2010 N 872 (ред. от 30.01.2018); Стандарты раскрытия информации субъектами естественных монополий, осуществляющими деятельность в сферах услуг в транспортных терминалах, портах и аэропортах и услуг по использованию инфраструктуры внутренних водных путей, утв. Постановлением Правительства РФ от 27.11.2010 N 938 (ред. от 04.09.2015); Стандарты раскрытия информации субъектами естественных монополий, оказывающими услуги по транспортировке нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам, утв. Постановлением Правительства РФ от 18.10.2010 N 844 (ред. от 29.03.2011); Стандарты раскрытия информации субъектами естественных монополий, осуществляющими деятельность в области оказания услуг связи, утв. Постановлением Правительства РФ от 09.06.2010 N 401.

¹⁷ Reporting on enterprise value Illustrated with a prototype climate-related financial disclosure standard (December 2020). Отчётность о стоимости предприятия, проиллюстрированная прототипом стандарта раскрытия финансовой информации, связанного с изменением климата. Progress towards a comprehensive corporate reporting system, from leading sustainability and integrated reporting organisations CDP, CDSB, GRI, IIRC and SASB. Продвижение к всеобъемлющей системе корпоративной отчётности от ведущих организаций по устойчивому развитию и интегрированной CDP, CDSB, GRI, IIRC and SASB. URL: https://29kjwb3armds2g3gi4lq2sx1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/Reporting-on-enterprise-value_climate-prototype_Dec20.pdf

Самая большая (первая) линза должна охватывать всю информацию ПАО об устойчивом развитии, учёте ESG-факторов, национальных целей России в его деятельности. Она должна включать всю информацию о деятельности ПАО, создании им долгосрочной стоимости, общей стратегии и подходах менеджмента. Эта информация предназначается, прежде всего, для использования мегарегулятором и должна обеспечивать максимально возможную степень информационной открытости (транспарентности). Раскрытие конкретным ПАО информации в рамках первой линзы должно осуществляться в рамках принципа двойной существенности, обеспечивающей взаимосвязь финансовых показателей бизнеса и ESG-метрик нефинансовой отчётности.

Вторая линза – это та часть нефинансовой информации, которая оказывает влияние на стоимость организации. Такое раскрытие именуется раскрытием информации, связанной с устойчивостью и участием ПАО в реализации национальных проектов России. Оно подразумевает разделение информации на экстерналии, которые оказывают позитивное или негативное влияние на процесс создания стоимости бизнеса. Раскрываемая информация не обязательно должна находить своё отражение в денежном выражении – это может быть описание того, как, к примеру, другие виды капитала (производственный, интеллектуальный и т. д.) влияют на процесс создания стоимости и на саму стоимость. Информация в рамках данной линзы ориентирована на поставщиков финансового капитала и координаторов национальных проектов. Она должна обеспечивать «рациональную информационную прозрачность» необходимую и достаточную для привлечения инвестиций и выполнения нормативных требований в рамках национальных проектов.

Наконец, третья линза – это та часть финансовой информации, которая нашла своё отражение непосредственно в финансовой отчётности ПАО и имеет денежное выражение. К примеру, такой информацией может являться информация об обесценении активов в результате реализации климатических рисков (физических или переходных), информация об уплаченных штрафах за превышение квот выбросов и т. д. Данное раскрытие информации ориентировано на широкий круг заинтересованных пользователей и должно продемонстрировать им «информационную открытость» ПАО для общества.

Заключение

Разработанная авторами «Математическая модель “Индекса прозрачности корпоративной отчётности” ПАО» существенно отличается от аналогичных индексов, рассчитываемых рейтинговыми агентствами: во-первых, анализом качества раскрываемой информации (в идеале – доведённого до финансовых измерителей отчётных показателей); во-вторых, оценкой качественных и количественных параметров применяемой процедуры подтверждения достоверности раскрываемой информации.

Об авторах:

Роман Петрович Булыга – доктор экономических наук, ординарный профессор, руководитель Департамента аудита и корпоративной отчётности Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Верхняя Масловка, 15, комн. 521а. E-mail: RBulyga@fa.ru

Мargarита Викторовна Мельник – доктор экономических наук, профессор, ординарный профессор Департамента аудита и корпоративной отчётности Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Верхняя Масловка, 15.

Ирина Викторовна Сафонова – кандидат экономических наук, доцент, профессор Департамента аудита и корпоративной отчётности Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Верхняя Масловка, 15.

Владимир Борисович Гисин – кандидат физико-математических наук, профессор Департамента математики Факультета информационных технологий и анализа больших данных; ведущий научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Верхняя Масловка, 15.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ на 2023 год.

UDC 338.2-022.316

Received: February 11, 2023

Accepted: June 15, 2023

A Model of ESG-Transparency Index in Corporate Reporting

R.P. Bulyga, M.V. Melnik, I.V. Safonova, V.B. Gisin

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-56-80](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-56-80)

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: The increasing importance of Environmental, Social, and Governance (ESG) assessments in advancing the international sustainable development agenda necessitates the disclosure of ESG reporting information by public companies. Such disclosure plays a crucial role in facilitating effective global business communication with stakeholders and enhancing the credibility of ESG transparency measurements. The primary objective of this study

is to develop and validate a robust model for a business transparency index. By leveraging mathematical tools, this model quantitatively measures the level of Environmental, Social, and Governance (ESG) transparency, taking into account the requirements of stakeholders and evaluating a public company's ability to disclose comprehensive information.

The research hypothesis posits that assessing ESG transparency in public company reporting based solely on the "quantity" of estimated values, while neglecting the critical factors of "quality" and "reliability," undermines the accuracy and reliability of the results. By utilizing existing mathematical tools, a business value management model is constructed, incorporating a balanced system of "quantity," "quality," and "reliability" factors present in the ESG information disclosed in public company reports.

The research methodology adopts a comprehensive approach, combining logical and structural analysis, mathematical modeling, and content analysis methods. A thorough examination of the regulatory framework, international and Russian practices, and scientific research in ESG disclosure reveals the emergence of authoritative professional standards and frameworks between 2000 and 2023. These standards and frameworks play a pivotal role in shaping the disclosure of financial and non-financial information related to sustainable development in corporate reporting. However, a significant gap exists in established practices for determining ESG transparency levels. Current "transparency indices" fall short in incorporating these factors, leading to methodological incomparability and gaps in assessing the "quality" and "reliability" of estimated values.

To address this gap, the authors propose a novel mathematical model for the ESG transparency index in corporate reporting. This model effectively integrates the factors of "quantity," "quality," and "reliability" within the disclosed information of public companies. Through a comparative analysis of disclosure and verification practices across various types of activities within Russian public joint-stock companies (PJSCs), the established model enables the creation of an industry rating gradation. This rating gradation assists in determining the level of information disclosure about public companies' activities, fulfilling societal (state) requirements and optimizing business objectives.

Keywords: sustainable development, corporate reporting, ESG transparency, index, model.

About the authors:

Roman P. Bulyga – Doctor of Economics, Tenured Professor, Head of the Audit and Corporate Reporting Department of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Chief Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Verkhnyaya Maslovka, 15, room 521a. E-mail: RBulyga@fa.ru

Margarita V. Melnik – Doctor of Economics, Professor, Tenured Professor of the Department of Audit and Corporate Reporting of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Chief Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Verkhnyaya Maslovka, 15

Irina V. Safonova – Candidate of Economic Sciences (Ph.D. in Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Audit and Corporate Reporting of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Leading Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Verkhnyaya Maslovka, 15

Vladimir B. Gisin – Candidate of Physical and Mathematical Sciences (Ph.D in Physics and Mathematics), Professor of the Department of Mathematics, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis; Leading Researcher, Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Verkhnyaya Maslovka, 15

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledges:

The article uses the research findings funded by the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2023.

References:

- Auer B.R. 2016. Do Socially Responsible Investment Policies Add or Destroy European Stock Portfolio Value? *Journal of Business Ethics*. 135(2). P. 381–397. DOI: 10.1007/s10551-014-2454-7
- Aghamolla C., An B.-J. 2021. Mandatory vs. Voluntary ESG Disclosure, Efficiency, and Real Effects. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3975948
- Brunelli M.A. 2018. A Survey of Inconsistency Indices for Pairwise Comparisons. *International Journal of General Systems*. 47(2). P. 751–771. DOI: 10.1080/03081079.2018.1523156
- Canco I., Kruja D., Iancu T. 2021. AHP, a Reliable Method for Quality Decision Making: A Case Study in Business. *Sustainability*. 13(24). C. 13932. DOI: 10.3390/su132413932.
- De Bakker F.G.A., Groenewegen P., Den Hond F. 2005. A Bibliometric Analysis of 30 Years of Research and Theory on Corporate Social Responsibility and Corporate Social Performance. *Business and Society*. 44(3). P. 283–317. DOI: 10.1177/0007650305278086.
- Escrig-Olmedo E., Muñoz-Torres M.J., Fernández-Izquierdo M.Á. 2013. Sustainable Development and the Financial System: Society's Perceptions about Socially Responsible Investing. *Business Strategy and the Environment*. 22(6). P. 410–428. DOI: 10.1002/bse.1755.
- Fiechter P., Hitz J.-M., Lehmann N. 2022. Real Effects of a Widespread CSR Reporting Mandate: Evidence from the European Union's CSR Directive. *Journal of Accounting Research*. 60(4). URL: <https://ssrn.com/abstract=4246052>. DOI: 10.2139/ssrn.3725603
- Friede G., Busch T., Bassen A. 2015. ESG and Financial Performance: Aggregated Evidence from More than 2000 Empirical Studies. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 5(4). P. 210–233. DOI: 10.1080/20430795.2015.1118917.
- Hill R.P., Ainscough T., Shank T., Manullang D. 2007. Corporate Social Responsibility and Socially Responsible Investing: A Global Perspective. *Journal of Business Ethics*. 70(2). P. 165–174. DOI: 10.1007/s10551-006-9103-8
- Hummel K., Jobst D. 2022. The Current State and Future of Corporate Sustainability Reporting Regulations in the European Union. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3978478.
- Ishikawa T. 2022. The Effects of Mandatory Disclosure on Investment Efficiency. *Journal of Business Ethics*. DOI: 10.2139/ssrn.4068082.
- Margolis J.D., Walsh J.P. 2003. Misery Loves Companies: Rethinking Social Initiatives by Business. *Administrative Science Quarterly*. 48(2). P. 268–305. DOI: 10.2307/3556659.
- Micale J., Cheng M. 2022. ESG Risks and the Value Relevance of Current and Historical Earnings. *Financial Markets Institutions & Instruments*. DOI: 10.1111/fmii.12162
- Richardson B.J. 2009. Keeping Ethical Investment Ethical: Regulatory Issues for Investing for Sustainability. *Journal of Business Ethics*. 87(4). P. 555–572. DOI: 10.1007/s10551-008-9958-y.

Ruf B.M., Muralidhar K., Paul K. 1998. The Development of a Systematic, Aggregate Measure of Corporate Social Performance. *Journal of Management*. 24(1). P. 119–133. DOI: 10.1177/014920639802400101

Saaty T.L. 2013. On the Measurement of Intengibles. A Principal Eigenvector Approach to Relative Measurement Derived from Paired Comparisons. *Notices of the American Mathematical Society*. 60(2). C. 192–208. DOI: 10.1090/noti944

Temesi J. 2019. An Interactive Approach to Determine the Elements of a Pairwise Comparison Matrix. *Central European Journal of Operations Research*. 27(2). P. 533–549. DOI: 10.1007/s10100-018-0539-6

Vitolla F., Salvi A., Raimo N., Petruzzella F., Rubino M. 2020. The Impact on the Cost of Equity Capital in the Effects of Integrated Reporting Quality. *Business Strategy and the Environment*. 29(2). P. 519–529. DOI: 10.1002/bse.2384.

Bulyga R.P. Safonova I.V. 2022. Standarty nefinansovoj otchyotnosti dlya publicnyh kompanij: trendy razvitiya [Non-Financial Reporting Standards for Public Companies: Trends of Evolution]. *Samoupravlenie*. 3(131). P. 31–34. (In Russian)

Efimova O.V., Volkov M.A., Korolyova D.A. 2021. Analiz vliyaniya principov ESG na dohodnost' aktivov: empiricheskoe issledovanie [The Impact of ESG Factors on Asset Returns: Empirical Research]. *Finansy: teoriya i praktika*. 25(4). P. 82–97. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97. (In Russian)

Volokobinskij M.YU., Pekarskaya O.A., Razi D.A. 2016. Prinyatie reshenij na osnove metoda analiza ierarhij [Decision-Making Based on The Hierarchy Analysis Method]. *Finansy: teoriya i praktika*. 2(92). P. 33–42. (In Russian)

Saati T.L. 2015. *Prinyatie reshenij pri zavisimostyah i obratnyh svyazyah: analiticheskie seti* [Decision Making with Dependence and Feedback: The Analytic Network Process]. Moscow: URSS LENAND. 357 p. (In Russian)

Fedorova E.A., Hrustova L.E., Demin I.S. 2020. Vliyanie kachestva raskrytiya nefinansovoj informacii rossijskimi kompaniyami na ih investicionnyu privilekatel'nost' [Completeness of Non-Financial Disclosure by Russian Companies: The Influence on Investment Attractiveness]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. 18(1). P. 51–72. DOI: 10.21638/spbu18.2020.103. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

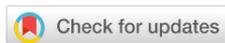
Бulyга Р.П. Сафонова И.В. 2022. Стандарты нефинансовой отчётности для публичных компаний: тренды развития. *Самоуправление*. 3(131). С. 31–34.

Ефимова О.В., Волков М.А., Королёва Д.А. 2021. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование. *Финансы: теория и практика*. 25(4). С. 82–97. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97.

Волокобинский М.Ю., Пекарская О.А., Рази Д.А. 2016. Принятие решений на основе метода анализа иерархий. *Финансы: теория и практика*. 2(92). С. 33–42.

Саати Т.Л. 2015. *Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети*. Пер. с англ. Москва: URSS ЛЕНАНД. 357 с.

Федорова Е.А., Хрустова Л.Е., Демин И.С. 2020. Влияние качества раскрытия нефинансовой информации российскими компаниями на их инвестиционную привлекательность. *Российский журнал менеджмента*. 18(1). С. 51–72. DOI: 10.21638/spbu18.2020.103.

The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922–1924)

R. Matos Franco^{1,2}

¹ National Research University – Higher School of Economics (Saint Petersburg), Russia

² University of Turin, Italy

Abstract: The article examines the Soviet responses to the Lausanne Process, which took place from May to November 1923. The process involved the trial of Russian émigrés Moritz Conradi and Arkadii Polunin, who were accused of murdering Vatslav Vatslavovich Vorovskii, the Soviet representative in Italy and head of the delegation to the Lausanne Conference, on May 10, 1923. The acquittal of Conradi and Polunin by a Swiss jury on November 16, 1923, under the verdict of "not guilty," as they were seen as avenging victims of Soviet repression, had a significant impact on the Russian emigration. While the historiography increasingly recognizes the role of various Russian émigrés in turning the trial into a denunciation of Bolshevism, little is known about the Soviet government's response to Vorovskii's killing and the efforts of the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) to participate in the legal proceedings. By analyzing unpublished letters written by Soviet government officials found in the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation and considering the international context of 1923, this study aligns with the historiographic trend that emphasizes collective leadership and institutional autonomy in Soviet foreign policy decisions following Lenin's increasing isolation in late 1922. The research demonstrates that when the Swiss government prevented the Soviet counterpart from participating as a legal party in the process, Moscow resorted to non-traditional foreign projections, which encompassed actions beyond formal diplomacy, and even involved non-communist actors to present the USSR in a positive and "objective" light at Lausanne. However, the bureaucratic complexities of the Soviet state hindered success in court. Thus, the handling of the Lausanne Process by the prosecution serves as an illustrative example of how post-Civil War Soviet institutions operated in relation to one another, characterized by intricate dynamics and an entrenched bureaucracy, far from the alleged "totalitarian" tendencies.

Key words V.V. Vorovskii, Lausanne Process, M.M. Conradi, early Soviet diplomacy, People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID), M.M. Litvinov

UDC 327.8(47+57+494)"1922/1924"

Received: November 30, 2022

Accepted: June 04, 2023

Introduction

Vatslav Vatslavovich Vorovskii (1871–1923), the first Soviet diplomat and personal friend of Lenin, was assassinated at the Hotel Cécil in Lausanne, Switzerland, on May 10, 1923. He was attending the Lausanne Conference (November 1922 – July 1923) as the Soviet delegate while concurrently serving as the USSR representative in Italy. Vorovskii's secretary, Maksim Divilkovskii, and his aide and press secretary, Ivan Arens, who was a former Bundist affiliated with the Soviet security services and assigned to the Soviet embassy in Berlin, were also injured during the incident. Six months later, both Divilkovskii and Arens, along with Vorovskii's widow Dora and daughter Nina, became plaintiffs in the ensuing trial.

The perpetrator, Moritz Conradi, a Russian émigré of Swiss origin, surrendered to the police and claimed that his actions were motivated by a desire for revenge against the "red dogs" (the Bolsheviks). Conradi alleged that they had killed his uncle and aunt in 1918 and caused his father's death by starvation in 1919 due to their affiliation with the bourgeoisie in Petrograd (Conradi 1923). Three days later, the police arrested Arkadii Polunin, an accomplice and the secretary of the (émigré) Russian Society of the Red Cross (ROKK) in Geneva, which was headed by Dr. Iurii Lodyzhenskii (Rossiiskoe Obshchestvo Krasnogo Kresta 1925; Fayet 2014; Lodyzhenskii 2013). On November 16, 1923, Conradi and Polunin were acquitted by a Lausanne jury following a rigorous and successful defense campaign that sought to shift the focus of the trial toward a condemnation of Bolshevism¹. Aleksandr Ivanovich Guchkov, the former Minister of War and Navy in the Provisional Government, led this campaign, with assistance from Lodyzhenskii and Polunin's lawyer, Théodore Aubert (Ganin 2019a; Matos 2023).

The "Lausanne Process" held significant relevance during its time. Eighty court passes were allocated for the attendance of Swiss and foreign press, and the trial garnered extensive coverage in major European newspapers. The trial's appeal derived from the fact that it involved a judgment on Bolshevism itself rather than solely focusing on the accused individuals. The defense presented "evidence" of Bolshevik "atrocities," which had been compiled by Russian émigrés and utilized by Aubert during his remarkable nine-hour plea. Aubert's plea can be considered a historical document of remarkable scholarly ambition, involving genuine research and the comparison of over 150 sources. It condensed a substantial portion of the anticommunist literature in multiple languages since the October Revolution (Aubert 1924; Matos 2023). The British *Times* remarked that the acquittal had "reminded the whole world of those Bolshevik horrors which seemed to be receding into forgetfulness just when foreign cooperation and recognition had become so necessary for propping up the shaky edifice

¹ The jury voted 5-4 for both men's guilt, but a 6-3 majority was needed for a conviction. The 5-4 figure was called *minorité de faveur* in the Canton of Vaud: a moral condemnation yet an acquittal (Perrot 2020).

of the Soviets"². Aubert's plea was widely published, distributed, and translated in the subsequent years, even competing with the famous Zinov'ev Letter during the British election of October 1924 in the context of the "Red Scare"³ (Ganin 2019a; Matos 2023). The Lausanne Process occupied a central position in historian Sergei Mel'gunov's seminal work, *Red Terror in Russia* (Mel'gunov 1924), as it was partly based on Mel'gunov's testimony in the Lausanne court and expedited for publication in the aftermath of the trial by Guchkov (Ganin 2019a; Matos 2023).

The most tangible outcome of the Lausanne Process was the establishment, in June 1924, of the *Entente Internationale Anticommuniste* (1924–1950) by Aubert himself. This organization emerged as the most ambitious transnational anticommunist entity of the interwar period (Ruotsila 2010: 26; Caillat 2016).

Not much has been written about the Lausanne Process. The existing literature focuses on the heated debates during the trial and less on the six previous preparatory months (Gattiker 1975; Senn 1981; Dragunov 1989; Stoeva 2019; Perrot 2020). Annetta Gattiker provided the first study on the subject, a strong legal and political critique of the case as handled by Swiss political and judicial authorities. Based on a wide scope of sources, especially Swiss archive material and the European contemporary press, Gattiker gives a complete picture of the process, yet she quotes no Russian primary sources, neither of Soviet – difficult, if not impossible, to access at the time – or of Russian émigré origin (Gattiker 1975). Additionally, Gattiker assumes things beyond what the sources can say. The other wide study of the Lausanne Process was written by Alfred Senn, an authority on Swiss-Soviet relations, which incorporated Russian sources from the Bakhmeteff Archive at Columbia University and the Hoover Institution Archives. Senn complements Gattiker's work by broadening the European and Soviet contexts and has probably the best account and summary of the trial in the literature. He shed light on the mood around the process, such as the centrality of religious persecution in the USSR for the Curzon ultimatum (8 May 1923) and for Conradi's deed – as the latter stated in his "Confession" (Conradi 1923), or the "Us vs. Them" rhetoric of the trial. Unfortunately, Senn outdoes Gattiker with a penchant for getting in the minds of his characters with a more explicit novelistic tone, out of tune with his previous work and with the basics of academic historical writing. In fact, Senn does not cite his sources at all, merely supplying a "bibliographical essay" at the end (Senn 1981).

No other study to date has concentrated solely on the Lausanne Process, but many have mentioned it in passing, specifically late Soviet and Russian monographies dedicated to "émigré activism", as the topic became of interest once again since the 1980s onwards (Genri 1981: 63-73; Shkarenkov 1987: 58-60; Chistiakov 2000: 22-25, 93-98).

² *The Times*. 19 November 1923. P. 14.

³ A Record of Blood and Agony. *Daily Mail*. 14 October 1923. P. 8; Horrors of Red Rule in Russia. *The Daily Mirror*. 15 October 1924. P. 3.

We know more details of the murder, the police investigation and the trial proceedings than about the work backstage done by prosecution and defense: the gathering of evidence, selection (and rejection) of witnesses, funding, and networking across state boundaries, situated in the proper context of 1923, the first year without a single war in Europe in over a decade.

While there are some insights into the involvement of Guchkov and other Russian émigrés in the defense at the trial (Ganin 2019a; Matos 2023), the actions of the prosecution, and thus the Soviet government, remain largely unknown. As Vorovskii was deliberately considered a private individual rather than a diplomat, the Swiss government strictly prohibited the nascent Soviet Union from participating as a legal party in the trial. In response, the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) resorted to alternative participants and resources to represent and assert its demands through channels that went beyond formal diplomacy. It is important to note that Moscow and Bern had no formal relations since the expulsion of the Berzin mission in November 1918, which was blamed for the Swiss General Strike during that time (Senn 1974). This convoluted and perplexing path led to the Soviet government's defeat at the Lausanne trial.

Drawing on predominantly unpublished materials consulted at the *Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation* (AVPRF) in 2021–22, as well as to a lesser extent, the Russian State Archive for Sociopolitical History (RGASPI), the State Archive of the Russian Federation (GARF), and the Lodyzhenskii collection at the Hoover Institution Archives, this study sheds light on the efforts of the prosecution and the Soviet government regarding the Lausanne Process from May to November 1923. This occurred against the backdrop of what Soviet and European actors perceived as imminent diplomatic recognition by major European powers, which was being negotiated during those months. Consequently, Soviet officials adopted a pragmatic approach, seeking to exclude "communists" from participating in the process and presenting Soviet life in a favorable light. This approach aimed to gain support not only from the broader "leftist" camp but also among "centrist" political views. In this context, the *Smenovekhovstvo* tendency within the Russian emigration fitted perfectly. Owing to the Lausanne Process, *Smenovekhovstvo*, in decay at the time, was given a final boost as a Soviet tool to achieve concrete results abroad, right before its withering in 1924 as Moscow achieved full diplomatic recognition by the Entente powers.

The efforts of NKID officials and Soviet diplomats abroad to construct a case in the Lausanne Process, even at odds with the interests of other Soviet agencies and actors, provide partial confirmation of the historiographical hypothesis synthesized by Jacobson (Jacobson 1994: 101). This hypothesis suggests that Lenin's withdrawal from foreign affairs due to illness since late 1922 led to NKID gaining more autonomy in policymaking. The role of Deputy NKID Chairman Maksim Litvinov is crucial in this regard. The existing literature often portrays Litvinov as a secondary figure in the NKID hierarchy and a constant dissenter from Commissar Georgii Chicherin (Sheinis

1989; Phillips 1992; Jacobson 1995: 101-105). However, Litvinov's centrality and his tireless advocacy in letters during the second half of 1923 for an institutional response to Vorovskii's assassination challenge this perception⁴.

It is important to acknowledge that the primary sources used in this study are private letters exchanged between public officials, intended for consumption within the Soviet bureaucracy and its leadership. While these letters provide valuable primary sources, they may contain omissions, unverified information, assumptions, and diplomatic language that may obscure true intentions. All translations from Russian in this study are the author's own.

Adapting to a New Order. The USSR and Europe (1921–1923)

Studying the Lausanne Process from the perspective of the prosecution provides valuable insights into the heterodox and multi-faceted foreign policy of Soviet Russia, as well as its operational mechanisms. The years 1921–1924 marked a period of transition from War Communism to the New Economic Policy (NEP) and the Soviet Union's pursuit of official diplomatic recognition from the Entente powers. During this time, non-communist actors within the transnational Left were also grappling with the Soviet experiment. During the early 1920s, divisions among European socialist parties regarding their stance towards the Communist International (Comintern) added complexity to the relationship with Soviet Russia. While some parties were supportive of the Comintern's goals, others held reservations or outright opposition. These divisions influenced the reception of Soviet Russia among non-communist actors and further shaped diplomatic interactions during that period (Jacobson 1994: 81-86; Sergeev 2019: 371-432). Liberal Prime Minister David Lloyd George even proposed the inclusion of both Germany and Soviet Russia in the European concert in early 1922. While the resulting Genoa Conference had limited success, partly due to Moscow's uncompromising stance (White 2002: 113-116), it granted Soviet Russia a measure of acceptance following the implementation of the NEP. Relations with Germany, under the centrist Wirth cabinet, significantly improved during Genoa, culminating in the signing of the Treaty of Rapallo on April 16, 1922, which marked the beginning of a mostly positive bilateral partnership in the subsequent decade.

Lenin played a significant role in shaping the Soviet delegation's approach at the Genoa Conference, engaging in direct correspondence with NKID chairman Chicherin (Jacobson 1994: 87-89). Lenin not only included Soviet diplomats in the delegation but also invited Iurii Kliuchnikov, the leader of the *Smena Vekh* (Change of Landmarks) group within the Russian emigration, as an international law expert. *Smena Vekh* had accepted the Red Army's victory in the Russian Civil War and sought to work with Soviet authorities to restore Russia as a global power. Their goal was to in-

⁴ Litvinov's major biographies (Sheinis 1989; Phillips 1992) omit the Lausanne Process and most of 1923.

fluence Bolshevism from within, envisioning a future "Great Russia" with nationalistic tendencies. This collaboration, sought by the *smenovekhovtsy* themselves, particularly Kliuchnikov, became more serious in the context of NEP, and their publications began receiving financial support from the Soviet government (Hardeman 1994: 108, 145; Kozlov 1997; Kvakin 2006: 166-172). The weekly publication *Smena Vekh*, funded by the Soviet trade mission in London, was launched in October 1921, followed by the more "Bolshevized" Berlin daily *Nakanune* in March 1922. The staff of *Nakanune* organized French politician Édouard Herriot's trip to Russia in the summer of 1922, influencing his nuanced perspective on the Soviet regime (Hardeman 1994: 133, 157). *Smenovekhovstvo* proved to be a valuable asset for Soviet foreign projections and a logical alternative for promoting pro-Soviet sentiments abroad in the absence of official diplomatic recognition. As we will see, Kliuchnikov and other members of the *Smena Vekh* group, both original and newly affiliated, naturally fit as witnesses in the Lausanne trial once the Swiss government rejected the participation of their Soviet counterparts.

The optimistic trend initiated with the Genoa Conference came to an abrupt halt in late 1922 as European politics underwent significant changes, leading to a series of setbacks for Soviet interests. In October, Benito Mussolini's rise to power in Italy through the March on Rome provided a boost to transnational anticommunism. Concurrently, a new Conservative government was formed in Britain, with Lord Curzon retaining his position as Secretary of Foreign Affairs from the previous Liberal-Conservative coalition under Lloyd George, where he had been a staunch critic of Soviet policies. Supported by the new Conservative Prime Minister Bonar Law, Curzon issued a note to Moscow on 8 May 1923, often referred to as the "Curzon ultimatum" in Russian, threatening to disrupt trade negotiations with the USSR unless it curbed its perceived excesses, including the recent arrest of British subjects in Murmansk, Comintern activities in Asia, and intensified religious persecution in Russia⁵. The Curzon note posed the most significant diplomatic crisis for Moscow in over two years, with possible war implications (Sergeev 2019: 433-474).

In addition, the Franco-Belgian occupation of the Ruhr in January 1923 unleashed a period of instability in Germany, which Moscow sought to exploit by denouncing French imperialism and, albeit chaotically and unsuccessfully, attempting to foment revolution in the country (Broué 2005: 709-789). Furthermore, Vorovskii's assassination on 10 May, just two days after the Curzon note, was followed a month later by the first successful coup d'état in Bulgaria, which directly blamed communism, and later witnessed the suppression of a failed communist takeover in September.

⁵ The execution of Catholic prelate Konstanty Budkiewicz on Easter 1923—highlighted by Conradi as yet another motive for his crime (Conradi 1923) – was particularly shocking (Senn 1981: 17, 34). Arens (Vorovskii's press secretary) found a hostile mood in Switzerland after it (Arens's diary. 22 April 1923. *AVPRF*. F. Lozanskaia Konferentsiia [henceforth: LK], O. 1, D. 30, folder 3, L. 19).

Significant changes were also taking place within Soviet Russia during this period. The "Socialist-Revolutionaries' Process" in the summer of 1922 effectively eliminated the only remaining credible opposition to Bolshevism, further isolating the Soviet government from the transnational Left. In December 1922, Lenin suffered a second stroke, which led to his withdrawal from direct involvement in foreign policy. The nominally independent Soviet republics unified to form a single state, the Soviet Union, in the closing days of 1922. Additionally, the goodwill engendered by the Genoa Conference had dissipated by April 1923 as religious persecution resumed, exemplified by the trials of Catholic prelates Budkiewicz and Cieplak, as well as Moscow Patriarch Tikhon. These intertwined foreign and domestic factors created a unique context during the late 1922 and 1923 period.

After Vorovskii's Murder: From Reaction to Inaction

A few hours after Vorovskii's assassination, Arens, who was still wounded, contacted two individuals who would play a central role in the preparations for the legal process. The first person was Dr. Sergei Bagotskii, the representative of the Soviet Red Cross in Geneva. Bagotskii, an early Bolshevik and loyalist of Lenin, had accompanied the leader during his exile in both Cracow and Zurich, serving as his personal secretary (Bagotskii 1971). After the Berzin mission was expelled in November 1918, Bagotskii effectively acted as the de facto Soviet ambassador to Switzerland through his Red Cross position until 1936. Given his extensive experience in the local context, Bagotskii's understanding of Swiss affairs was highly valued in Moscow. In fact, his initial advice to Arens was to contact another key figure in the Lausanne Process: Jacques Dicker.

Jacques Dicker, a lawyer from Geneva, was a revolutionary of Bessarabian-Jewish origin and a former member of the Socialist-Revolutionary Party. Following the 1905 Russian Revolution, he emigrated to Switzerland and obtained citizenship in 1915. By 1923, Dicker had become a member of the Swiss Socialist Party and served as the president of its Genevan section since 1922 (Gattiker 1975: 107, 232). Although Dicker was a socialist deputy in the National Council, he distanced himself from "communist" ideals while maintaining a strong pro-Comintern stance. Dicker had previously worked with the Berzin mission in 1918, and although he was not a communist himself, there were claims that he and his wife Lea were close to Lenin, although the extent of their relationship may have been exaggerated⁶.

⁶ An anonymous, handwritten report from c. June 1923 in the archive of Dr. Lodyzhenskii, representative of ROKK in Geneva, reported this (Hoover Institution Archives. Iurii Il'ich Lodyzhenskii papers. Reel 3, Box 3: 3.1-345). In a letter to Conradi (18 March 1924), Vladimir Burtsev said Dicker was among those in Switzerland "closely linked" to Lenin, while Conradi answered (21 March 1924) that Dicker's wife was "in touch with Moscow" (GARF. F. R5802, O. 1, D. 327, LL. 2-8). No one offered any proof.

Following Bagotskii's advice, Arens contacted Dicker, who wrote directly to Chicherin on May 11, 1923, stating that he was acting on Arens's directive since Arens himself was too weak to write a letter⁷. Dicker proposed that Arens, Divilkovskii, and Vorovskii's widow Dora and daughter Nina should be plaintiffs in the case, which would give the process a "full political character." He also suggested two Swiss lawyers to join the prosecution: Franz Welti, the leader of the small Swiss Communist Party, and Paul Magnenat, a member of the Radical Party. Dicker emphasized the importance of refraining from any repressions against Swiss individuals in Russia for the time being⁸. A few days later, Dicker made this request public through the Swiss press, which garnered criticism from various quarters.

Nikolai Krestinskii, the Soviet representative in Berlin, suggested to Deputy NKID head Maksim Litvinov that Dicker should be removed from the process for turning a mere opinion into a "condition" that implied "blackmail"⁹. Grigorii Shklovskii, the Soviet consul in Hamburg, who knew Dicker from the days of the Berzin mission, categorically opposed his involvement in the process and described Dicker as "one of our most vulgar opponents."¹⁰ Although Shklovskii did not provide evidence to support his accusation, Litvinov took his opinion seriously and proposed replacing Dicker with a Soviet lawyer¹¹. However, in the end, Dicker was retained as Arens's attorney for two reasons. First, Bagotskii insisted on Dicker's involvement, defending him as someone who understood both the "Russian and Swiss conditions" and hailing him as the "best candidate" for a "serious process" (which demonstrated Bagotskii's authority in the eyes of Moscow)¹². Second, since the Swiss press had already targeted Dicker, it would have been politically uncomfortable to remove him from the case¹³.

The Swiss Federal Council found a way to keep the case as a private matter concerning only Vorovskii's person, confined to a cantonal court instead of a federal court. The justification was that Vorovskii was not in Switzerland in an official capacity, following the logic of the Allies' invitation to the Soviet delegation for the Lausanne Conference, which was solely meant to address concerns regarding the Straits question – transit rights through the Dardanelles and Bosphorus – considered settled since December 1922. However, Vorovskii had obtained a Swiss diplomatic visa in Rome on April 23, 1923, for the second part of the Conference, although he did not notify his arrival on April 26. This fact became the main pretext for the Federal Council to initially ignore him, effectively "placing their neutrality at the service" of the Allies (Gattiker

⁷ Arens to Chicherin. 16 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 37.

⁸ *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 26, folder 3, L. 2.

⁹ 14 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 41.

¹⁰ Shklovskii to Litvinov. 23 May 1923. *Ibid.*, L. 47.

¹¹ Bagotskii to S. I. Bratman-Brodovskii (secretary of the Soviet legation in Berlin). 28 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 31, folder 3, L. 41.

¹² Litvinov to Krestinskii. 1 June 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 59.

¹³ Krestinskii to Litvinov. 31 May 1923. *Ibid.*, L. 58.

1975: 200-201). After the assassination, they used this as an opportunity to distance themselves from any responsibility, labeling it as "an individual act of vengeance" by Conradi¹⁴.

Although the case was framed as a private matter, it did not mean that it would not have political implications. In fact, the involvement of key figures such as Bagotskii and Dicker, as well as the proposal for a "political case," demonstrated the intention to make it politically significant. However, as Alfred Senn noted, the prosecution's insistence on a "political trial" instead of a mere criminal case ironically undermined the chances of convicting Conradi and Polunin. The Vaud prosecutor, August Capt, expressed his confusion as to why the plaintiffs were insisting on a "political case" (Senn 1981: 132).

With the terms defined, it was time for the Soviet government to react. From the beginning, Vorovskii's murder was hardly a priority in Moscow. At the Politburo meeting on May 11, 1923, the case was relegated to the third place on the agenda. The urgent matters discussed that day included approving Chicherin's memorandum in response to Curzon's note of May 8 and addressing a telegram from French prime minister Raymond Poincaré regarding the safe passage of a Soviet Red Cross delegation in Marseille to repatriate Russian soldiers (MID SSSR 1962: 303-304). Only after these discussions did the Politburo read Chicherin's briefing on Vorovskii's assassination. Three decisions were made: 1) instructing *Pravda* and *Izvestiia* to extensively cover the crime and broadcast Vorovskii's biography abroad, 2) informing British Labor leader Ramsay MacDonald about the murder in response to his telegram calling for appeasement following Curzon's note, and 3) sending a note of inquiry to Bern¹⁵.

In the following days, Vorovskii's murder served as a pretext for various purposes both inside and outside the Soviet Union. Paired with Curzon's note, and in the most suspicious minds, seen as a consequence of it, the crime sparked intense reactions in the USSR. *Izvestiia*, on May 12, wrote: "It is evident that the British government's note and the murder of Comrade Vorovskii are links in the same chain of an offensive by the world bourgeoisie and international fascists against the Soviet Republic." Numerous demonstrations took place across the country. The Moscow Soviet reached out to its honorary member, Fridtjof Nansen, the League of Nations' High Commissioner for Refugees, asking him to "speak out against the instigators of war" and emphasizing Soviet Russia's commitment to peace, stating that "it is unacceptable to address the great Russian people through ultimatums"¹⁶. In Tsaritsyn, a group of physicians used Vorovskii's murder as an opportunity to express their well wishes for Lenin's health amid rumors of his illness¹⁷.

¹⁴ For Gattiker, the Federal Council's declaration "sought to mitigate and transform the physiognomy of the crime", jumping to conclusions before the police investigation even started (Gattiker 1975: 57). The best recount of Vorovskii's stay in Lausanne from 26 April to the murder is Senn (Senn 1981: 24-34).

¹⁵ "Protokol PB № 4 ot 11 maia 1923 g.". *RGASPI*. F. 17, O. 3, D. 352, L. 1.

¹⁶ *AVPRF*. F. 421, O. 1, D. 94, folder 6, L. 22-23.

¹⁷ *RGASPI*. F. 92, O. 1, D. 12, L. 17.

Abroad, the Comintern organized demonstrations in England in collaboration with left-wing Laborites and the Trade Unions Congress, as well as in Germany. Karl Radek informed Grigorii Zinov'ev and Stalin from Berlin that the German Communist Party had organized a protest of "almost 100,000 people" in the Lustgarten on May 13, aimed at opposing any new war¹⁸. Radek also described plans for a subsequent demonstration featuring Vorovskii's coffin, which was set to arrive in Berlin from Lausanne on its way to Moscow, intending to protest against Curzon's note and the occupation of the Ruhr¹⁹. Indeed, on May 16, 1923, a procession of approximately 150,000 people accompanied Vorovskii's coffin through the streets of Berlin, marking the largest gathering the German Communist Party had seen thus far (Broué 2005: 707)²⁰. The evening procession, which took place amidst heavy rain and was illuminated by torches, left a lasting impression on Krestinskii²¹. The event was also described by Victor Serge, who noted that "the torch-lit demonstration around Vorovskii's coffin marked the beginning of a period of revolutionary mobilization" in Germany.

After Vorovskii's body was sent to Moscow, where it was part of a grand procession, Arens arrived in Berlin to begin planning the prosecution strategy with Ambassador Krestinskii. While Dicker's involvement as a lawyer was still being debated in Moscow in late May, with only Welti's participation secured, Krestinskii suggested that NKID choose between two Russian lawyers who were in Berlin at the time and had experience in Russian imperial and Soviet courts. One candidate was Aleksandr Bobrishchev-Pushkin, a former member of Aleksandr Guchkov's "Union of October 17" and one of the original members of *Smena Vekh* since July 1921. Krestinskii justified his possible involvement by highlighting Bobrishchev-Pushkin's talent as an advocate, his strong opposition to emigration, and his proficiency in French, despite his past association with the Octobrists²². The second candidate was Semën Chlenov, an Economics teacher at Moscow's Institute of Red Professors, who advised the Soviet government on international commerce and law. Although not a communist, Chlenov empathized with Bolshevism and was the first non-émigré who contributed to the weekly *Smena Vekh* in late 1921. In the words of critic Gleb Struve, Chlenov was the publication's "own Moscow *smenovekhovets*" (Hardeman 1994: 118). More importantly, Chlenov had been picked in Summer 1922 to defend the second, "pseudo-defendant" group of Socialist-Revolutionaries (SR) at their Moscow trial. For this reason, the perceptive Litvinov favored Chlenov: "Owing to his participation in the SR process, [he is] acquainted with materials that could be useful at the Lausanne court"²³.

¹⁸ 14 May 1923. *RGASPI*. F. 326, O. 1, D. 18, L. 6-7. Krestinskii calculated 75,000 (Krestinskii to Litvinov, 14 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 41). *The Deutsche Allgemeine Zeitung* (14 May 1923) calculated 30,000. On the same day, the *Berliner Volks-Zeitung* merely spoke of "large numbers" (zahlreiche).

¹⁹ This would show German workers that Curzon supported France's reparations claim against Germany, and that "a blow against Soviet Russia would be followed by the asphyxiation of Germany" (Radek to Zinov'ev and Stalin, 14 May 1923. *RGASPI*. F. 326, O. 1, D. 18, L. 6-7).

²⁰ The French conservative press estimated 80 000 protestors (*Le Petit Journal*, 17 May 1923. P. 3).

²¹ 17 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 46.

²² Krestinskii to Litvinov, 28 May 1923. *Ibid.*, L. 52.

²³ Litvinov to Krestinskii, 1 June 1923. *Ibid.*, L. 60.

On June 6, 1923, Litvinov sought Stalin's final instruction regarding Dicker's participation, expressing his personal preference for Chlenov over Bobrishchev-Pushkin²⁴. On June 11, the Politburo instructed Chlenov to join Welti as a prosecution attorney and also approved Dicker's inclusion, citing Krestinskii as the official who proposed it²⁵. Paul Magnenat, a Genevan lawyer, was added only in late August upon Dicker's insistence. Some sources explain Magnenat's late inclusion as the need for a "moderate", non-leftist attorney (Gattiker 1975: 108; Lodyzhenskii 2013: 246)²⁶. However, it is clear that Dicker's preference for Magnenat arose after the Lausanne tribunal hinted at Chlenov's involvement as a foreign lawyer. Krestinskii reported to Moscow that Dicker was not pleased with Chlenov's participation, as he believed having a "Bolshevik commissar [*sic*]" in court could negatively influence the trial. Nevertheless, Krestinskii acknowledged that Chlenov possessed knowledge of the "Soviet version" of the Civil War that Dicker and Welti lacked, a topic the defense would inevitably address. On September 11, Chlenov's participation was approved by the court, once Magnenat received ratification from the Politburo. While Welti, a communist, did not meet expectations in his role in the trial, he was still considered a valuable asset as a reliable local lawyer.

In contrast to the defense's constant financial concerns, the prosecution attorneys, particularly Dicker, spared no expense and expected funding from Moscow (Matos 2023). As early as May 13, Dicker and Welti requested 5000 Swiss Francs each, stating that they needed the funds immediately for expenses²⁷. Additionally, they requested their own personal fees, although the exact amount is unclear²⁸. Magnenat requested 3000 Swiss Francs for expenses and fees, and Dicker urged for the immediate transfer of this amount²⁹. This contradicts earlier claims that the prosecution attorneys represented their clients for free out of ideological commitment (Gattiker 1975: 109)³⁰.

During the preparations, the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID) requested assistance from the Central Political Department (GPU) in gathering evidence to present at the Lausanne trial. In an early July 1923 letter, NKID Collegium member Fiodor Rotshtein summarized the strategy to GPU's foreign department head, Meer Trilisser. As Conradi's defense would use materials "on the Red Terror", GPU "needs then to gather counter-materials on the questions touched upon by the defense, as well as on White Guard conspiracies and cruelties and on material losses to the Russian people caused by White generals in the civil war"³¹.

²⁴ AVPRF. F. LK, O. 1, D. 24, folder 3, L. 3.

²⁵ *Ibid.*, L. 8.

²⁶ Senn wrongly states that Magnenat was a socialist (Senn 1981: 122).

²⁷ Dicker and Welti to (in all likelihood) Chicherin. AVPRF. 13 May 1923. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 14. Arens noticed this was no exaggeration, as "they need to travel a lot" (Arens to Chicherin. 16 May 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 39).

²⁸ 12 August 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 35, folder 4, L. 12.

²⁹ Dicker to Chlenov. 20 August 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 17.

³⁰ On his part, Aubert did defend Polunin for free, owing to the latter's "help" to Switzerland and "her parties of order" by aiding Conradi (Lodyzhenskii to Georgii G. Witte. 20 May 1923. *Hoover Institution Archives*. Iu. I. Lodyzhenskii Papers: 3.1-373).

³¹ C. 11 July 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 12.

Arens confirmed this reactive strategy, stating on July 23 that the trial would be a "struggle against Soviet Russia," and the prosecution's tactic should focus on exposing and condemning the methods of the Whites and discrediting the monarchist emigration in the eyes of the broader masses³². Arens basically followed the reasoning of figures he clearly trusted like Dicker and especially Bagotskii. Indeed, on 20 July, Bagotskii warned that "the greatest shortcoming" for the preparation of the process was "the complete absence of materials on White Guard atrocities", which were pretty relevant in his view as the accused, Conradi and Polunin, were White army officers³³. Bagotskii urged Arens to acquire any émigré "historical literature" in Berlin, such as "Gessen's Archive," a collection compiled by émigré publicist Iosif Gessen, known as *Arkhiv Russkoi Revoliutsii*³⁴. This marked the first mention of a document to be used as evidence by the prosecution in the Lausanne Process³⁵.

The Soviet embassy in Berlin became the gathering place for speculating on the prosecution strategy in the absence of more specific directives from Moscow. By mid-July 1923, Krestinskii informed Litvinov that they still did not have a definite plan for conducting the affair, and the attorneys were unsure about the additional data they should bring or what to add to the judicial inquiries. Only then did it occur to Krestinskii "to summon [to Berlin] Welti and Dicker from Switzerland, and Chlenov from Moscow, and here, all together, work out in detail the plan for the conduct of the affair"³⁶. Indeed – to add to the confusion, – Krestinskii ordered Chlenov to go to Moscow in those days, but when he showed up at Litvinov's office "he could not say why he came". For Litvinov, Chlenov's arrival "was totally unexpected"³⁷. This disorganization and delay are revealing, considering that two months had already passed since Vorovskii's murder, and the trial was expected to take place at the end of August. This meant the prosecution had over a month to assemble its case. It is remarkable that as late as August 13, Krestinskii, bypassing NKID, wrote directly to GPU deputy head Iosif Unshlikht, emphasizing the urgency of obtaining the genuine biographies of the accused³⁸. Even on August 25, Rotshtein was still unsure about the specific information Chlenov wanted to know about Conradi and Polunin, citing confusing messages from Berlin³⁹. The day before, Chicherin personally complained to Stalin that "NKID just cannot manage to get the necessary responses and materials from other institutions"⁴⁰. Fortunately, in late August, the tribunal scheduled the trial for November 5.

³² Arens to Chlenov. 23 July 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 27, folder 3, L. 38.

³³ *Ibid.*, L. 39.

³⁴ Bagotskii to Arens, 27 July 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 65.

³⁵ Its importance was such that, after the acquittal in November 1923, Guchkov asked Gessen to incorporate in the *Arkhiv* a reduced stenographic version of the trial, to no avail (Guchkov to N. E. Paramonov. 29 February 1924. *GARF*. F. 5868, O. 1, D. 236, L. 341).

³⁶ Krestinskii to Litvinov. 16 July 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 65.

³⁷ Litvinov to Krestinskii. 19 July 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 35, folder 4, L. 4. Litvinov had scolded Krestinskii before for including Dicker in the affair without waiting for a final decision from Moscow (1 June 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 59).

³⁸ *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 25.

³⁹ Rotshtein to G. E. Prokof'ev (deputy chairman of GPU's foreign department). 25 August 1923. *Ibid.*, L. 29.

⁴⁰ 24 August 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 24, folder 3, L. 9.

At this point, Moscow's orders oscillated between the Politburo's general directives and NKID's promises of evidence and funding. The only progress made during these two months was GPU's rather slow investigation into Conradi and Polunin, as well as the collection of "counter-materials," which were ultimately not used in the trial. It is not an exaggeration to state that, in contrast to the defense's energetic organization by late Spring 1923, the prosecution made little progress during the summer, relying on several disconnected individuals engaged in different matters simultaneously. On August 21, Arens and Chlenov expressed this sentiment when they complained to Chicherin and the Politburo about Moscow's passive attitude. They noted that the defense's strategy, based on the correspondence they had obtained, was standing on its own with regard to witnesses and evidence. Arens and Chlenov urged the Politburo to appoint a responsible figure with decisive capacity to oversee the preparation of the process⁴¹. The letter also included demands for 1000 British pounds to be sent to the Berlin embassy, 20,000 gold rubles for the Lausanne Process, urgent information on Conradi and Polunin, archive material on White atrocities, and relevant witnesses. The letter ended with a harsh note: "In a word, it is necessary that in Moscow they realize that this process has no less political significance than the SR process in its day, with the only difference that it will unfold under more difficult circumstances, and that it should have the attention it deserves"⁴².

It was only when the Politburo responded to this petition that things started to move more swiftly. On August 30, Radek was entrusted with special supervision of the Conradi affair and was instructed to take every necessary measure for the development and coverage of the process. However, only 2,000 gold rubles were allocated for the matter. Radek brought a member of NKID's Collegium, Viktor Kopp, to help organize the process and coordinate with the cabinet "a list of Russian, non-party professors, who will go to court to give impressions on Soviet Russia"⁴³. On September 6, the Politburo authorized Krestinskii to confer the necessary expenses in minimal amounts, not exceeding 5,000 gold rubles, and granted Arens the final say on the use of intelligence materials for the process⁴⁴. Finally, after nearly four months since Vorovskii's death, a vertical working dynamic had been established regarding the future trial.

⁴¹ Arens and Chlenov to Chicherin (cc Politburo). 21 August 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 20. The correspondence alluded to, leaked to the French communist paper *L'Humanité*, were letters "between Paris, Berlin, and Geneva" that showed how Russian émigrés were assisting the defense with evidence. The cities meant Vladimir Gurko (who led a group of attorneys assembled by Guchkov in Paris), Guchkov (who spent Summer 1923 in Berlin) and Lodyzhenskii (in Geneva) (Matos in press).

⁴² Arens and Chlenov to Chicherin (cc Politburo). 21 August 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 21; Chicherin to Stalin. 24 August 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 24, folder 3, L. 9-10.

⁴³ The timing seems unmistakable in Radek's political career, who merely a week before had changed his mind from pessimistic reservations to carrying out a revolution in Germany (Fayet 2004: 467-477). Was this a way in which Stalin, opposed to a "German revolution" — as for him it meant "war with France and Poland" (*ibid.*: 470), — sought to distract Radek? And is Radek's involvement of Kopp a way to detach himself from the task, as he concentrated in his German revolutionary project? In the end Kopp, not Radek, became the main figure responsible in Moscow for the Lausanne Process.

⁴⁴ *RGASPI*. F. 17, O. 163, D. 362, L. 15.

Building a Case

Who should go to Lausanne, and for what purpose? One of the initial decisions made at the Soviet embassy in Berlin, agreed upon by Krestinskii and the attorneys, was to exclude Conradi's living victims, Arens and Divilkovskii, from the courtroom. Chlenov hinted to Kopp that Arens' presence, in particular, would "raise the temperature" in Lausanne due to his contentious personality⁴⁵. Instead, "respected" (*uvazhaemye*) and "prominent" (*vidnye*) individuals should be brought in to speak in favor of Soviet Russia, such as Fridtjof Nansen or writers Henri Barbusse and Maksim Gor'kii. They would demonstrate that "Soviet rule did not engage in any atrocities [during the civil war], and that its opponents, on the contrary, committed considerable sins." However, Krestinskii opposed these names for practical reasons. It would be difficult to control what Gor'kii might suddenly say, Nansen was unlikely to come and his rejection would create a negative impression, and Barbusse had not been in Russia⁴⁶. Therefore, the witnesses needed to be both "respected" and politically reliable, with knowledge of Soviet Russia, preferably if they had personal experience there, which coincided with the defense's approach (Matos 2023).

The intention was to seek "objective" outsiders, not necessarily communists, who could attest to the harmony of Soviet society and the normalcy of everyday life in the first socialist state, rather than explicitly defending communism. There was a subtle attempt to portray the Russian Revolution in non-militant, Thermidorian terms, as described by Shlapentokh (1995). Chlenov, for instance, suggested to Natal'ia Sedova-Trotskaia to emphasize in a brief report "what we have done regarding the preservation of art monuments"⁴⁷. Kopp asked Education Commissar Anatolii Lunacharskii to find witnesses of White crimes among "loyal professors of European name" in places like Tomsk, Kiev, or Odessa⁴⁸. More realistically, Rotshtein ordered several figures who witnessed White "atrocities" and worked for NKID's press service to send "documents and authentic, exact testimonies", and to "inform the names and location of people not in our [ideological] field, yet loyal to Soviet power" who could become potential witnesses⁴⁹. In this design, *Smenovekhovstvo* fitted perfectly.

It was Bagotskii, the USSR's representative in Switzerland, who astutely proposed bringing Iurii Kliuchnikov, the original leader of *Smena Vekh*, as a witness to Lausanne. Bagotskii identified Kliuchnikov in May as a valuable source on ROKK and

⁴⁵ 10 October 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 47.

⁴⁶ Krestinskii to Chicherin. 12 August 1923. F. LK, O. 1, D. 35, folder 4, L. 12. Only Barbusse provided later written testimony. Propagandistic in tone, it caused a bad impression in the highly anticommunist mood of the court (*Journal de Genève*. 11 November 1923. P. 6; *Gazette de Lausanne*. 11 November 1923. P. 2).

⁴⁷ 2 October 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 82. This followed the trend against what Richard Stites called "excessive negation" of the past, initiated by Lenin to "depoliticize" *ancien régime* artifacts and cultural products – thus preserving them – through museums (Stites 1985: 16-19).

⁴⁸ 20 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 31.

⁴⁹ AVPRF. F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 30.

its Geneva representative, Dr. Lodyzhenskii, as Kliuchnikov had served as ROKK's deputy delegate in Paris while still in the White camp⁵⁰. Bagotskii reiterated the potential inclusion of the *smenovekhovets* as witnesses on September 10, and Dicker supported Kliuchnikov's involvement as an intellectual who would "counter the ideas expressed by the representatives of the Russian reaction"⁵¹. Chlenov went further by asking Radek for his opinion on including other *smenovekhovtsy* like biologist Sergei Chakhotin⁵². Bagotskii echoed this idea, proposing additional *smenovekhovtsy* such as Sergei Luk'ianov and Grigorii Kirdetsov, who had become editors of the Berlin daily *Nakanune* since August 1922 (after Kliuchnikov was ousted from the journal and returned to Russia).

Among the original *Smena Vekh* contributors, only Kliuchnikov went to Lausanne⁵³, but the suggestions to include such figures reveal that this current was still seen in Soviet government and diplomatic circles as a useful element as late as mid-1923, a year after *Smenovekhovstvo* started to become publicly criticized in Soviet officialdom in parallel with Lenin's growing isolation⁵⁴. This is supported by the fact that on 30 August the Politburo, on Stalin's initiative, categorically rejected Krestinskii's advice to dissolve *Nakanune*, based on economic grounds given the financial situation in Germany⁵⁵. *Nakanune*, mouthpiece of *Smenovekhovstvo* and Sovietophile attitudes outside the USSR, was still needed in Moscow, all the more so given the serious preparations for a German revolution. The continuous coverage of the Lausanne Process in the daily did not go unnoticed among Soviet authorities either, and might have been an additional basis for its prolongation. In that regard, a few days before the Lausanne trial, *Nakanune* became a tool to discredit Conradi's and Polunin's defense, as Chlenov confirmed that "we published" in *Nakanune* one of Guchkov's leaked letters summarizing the *modus operandi* of the defense, with full names of émigrés who contributed evidence or became witnesses⁵⁶.

⁵⁰ Bagotskii to "NKID". AVPRF. 20 May 1923. F. LK, O. 1, D. 31, folder 3, L. 18.

⁵¹ Dicker to Chlenov. AVPRF. 12 September 1923. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 59.

⁵² AVPRF. 12 September 1923. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 18.

⁵³ Andrei Kvakin is thus wrong when he writes that Chakhotin was sent to "Geneva" as "prosecutor" [*obvinitel'*] (Kvakin 2006: 390). Kvakin is clearly confusing Chakhotin with Chlenov, probably based on Fediukin (Fediukin 1977: 128).

⁵⁴ Bolshevik leaders at times used *Smenovekhovstvo* to detach themselves from it and boast their communist credentials, but they never condemned it altogether until after Lenin's death in January 1924. Lenin criticized Nikolai Ustrialov's article "Evolutsiia i taktika" at the XI Party Congress (27 March – 2 April 1922), insisting that NEP was not a "step towards capitalism" as Ustrialov suggested. In the XII Party Conference (22-27 August 1922), Zinov'ev reminded that, for all its pragmatic utility in the transitional context of NEP, it should not be forgotten that *Smenovekhovstvo* strived, just as the Mensheviks and SRs, for "bourgeois democracy" (Rossiiskaia Kommunisticheskaia Partiiia (Bol'sheviki) 1922: 76).

⁵⁵ "O zakrytii 'Nakanune' – pis'mo tov. Krestinskogo". 30 August 1923. RGASPI. F. 17, O. 163, D. 360, L. 37-38. Krestinskii had twice before (12 November 1922 and 29 April 1923) posed to the Politburo the question whether *Nakanune* should be liquidated or continued, himself supporting the latter view ("if we close it we destroy the only more or less influential Sovietophile organ abroad"), until he changed his mind in August given Germany's financial crisis (Krestinskii to Stalin. 29 April 1923. RGASPI. F. 17, O. 163, D. 334, L. 17; Kvakin 2006: 164-171).

⁵⁶ Chlenov to Kopp and Rotshtein. 22 October 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 84. See "Posobnichestvo belomu terroru? Zhdëm otveta!". *Nakanune*, 21 October: 3 and "Zhdëm otveta! Pis'mo v redaktsiiu". *Nakanune* 25 October 1923: 1.

Besides Chlenov, other non-original members of *Smenovekhovstvo* were brought too. Bagotskii pointed out two former White generals to the Berlin staff on 17 September 1923⁵⁷. One was Sergei K. Dobrorol'skii⁵⁸, appointed Governor-General of Novorossiisk during the Civil War by General Anton Denikin. The other was Evgenii I. Dostovalov, who knew Polunin personally as former Chief of Staff of General Aleksandr Kutepov (Dostovalov 1995). Dostovalov had joined Dobrorol'skii in Berlin after the latter was expelled from Serbia for collaborating with the Berlin pro-Soviet journal *Voina i Mir* and for his contacts with the Bolsheviks (Ganin 2019b: 188; Lukomskii 2015: 490). Both were valuable eyewitnesses on White misdeeds in southern Russia during the Civil War and contributed regularly to *Nakanune*. Fully trusting Bagotskii's choices, Arens informed (never asked!) Kopp in Moscow that "we are negotiating with two generals of Wrangel's army", adding that Dostovalov's knowledge of Polunin was crucial to his "murderous description"⁵⁹. Arens clearly considered the testimony of both generals and of Kliuchnikov superior to that of non-Russian witnesses. The three, however, proved disastrous at court, as Aubert had studied their weak points beforehand with information provided by Wrangel's headquarters in Belgrade through Guchkov (Matos 2023).

Another suggestion put forward by Bagotskii was to call upon Italian acquaintances of Vorovskii, who had served as the Soviet representative in Rome at the time of his murder⁶⁰. The Berlin staff was uncertain about suitable candidates and delegated the task to Moscow. To facilitate communication and avoid triangulation with the Soviet government, Chlenov proposed in mid-September that Radek directly contact the Soviet legation in Rome through their Berlin counterpart⁶¹. Acting upon this suggestion, Chicherin instructed Nikolai Iordanskii, Vorovskii's replacement in Rome and an émigré of Menshevik origin who had returned to Russia in 1922, to establish contact with Italian politicians who maintained good relations with the USSR (Matos 2023).

Several potential witnesses from both the Italian government and opposition were considered and summoned for testimony. Chicherin initially proposed Giovanni Colonna Romano, Duke of Cesarò, who was serving as the Minister of Posts in Mussolini's first cabinet, as well as Luigi Facta, Mussolini's predecessor as prime minister and a liberal⁶². Additionally, Iordanskii, in consultation with Vorovskii's widow Dora Mamutova, suggested Fabrizio Maffi, a socialist deputy respected "among political circles in Switzerland" (Matos 2023). Iordanskii had already informed Bagotskii about Maffi's

⁵⁷ Chlenov to Bagotskii. 21 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 73.

⁵⁸ In a letter to Piotr I. Aver'ianov (5 July 1923), Dobrorol'skii espoused typical *smenovekhovskie* arguments on Russia's future renaissance (Ganin 2019b: 188-189).

⁵⁹ 28 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 34.

⁶⁰ Dicker to Chlenov, 12 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 59.

⁶¹ Chlenov to Radek and Kopp. 17 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 26.

⁶² Chicherin to Iordanskii. 19 September 1923. AVPRF. F. LK, O. 1, D. 26, folder 3, L. 22.

candidacy, urging him to consult with the attorneys handling the case⁶³. However, on September 27, the Berlin staff rejected Maffi on the grounds that he was "too leftist," preferring Italian politicians from "more moderate circles"⁶⁴.

The course of events took a different turn, ultimately leading to the selection of Maffi as the sole Italian witness at the Lausanne trial. This decision was influenced by several factors that shed light on the early relations between the USSR and Fascist Italy. First, Iordanskii reported that Facta was unavailable due to retirement, while Cesarò had become "unfriendly" after joining Mussolini's government⁶⁵. Nevertheless, as late as 22 October, Iordanskii assured Chicherin: "We have prepared as witnesses [...] Maffi, Facta and Cesarò. The latter in his ministerial capacity even asked for Mussolini's approval for his departure"⁶⁶. However, Dicker rejected Cesarò to avoid compromising Rome regarding the Corfu affair, as Mussolini had occupied the Greek island of Corfu in response to the killing of an Italian emissary (Matos 2023). Given the sensitivity of the situation and the ongoing League of Nations investigation into state responsibilities for crimes committed on their territories, Dicker concluded that Cesarò would be placed in an uncomfortable position at the Lausanne trial⁶⁷. Iordanskii agreed, but his concern was also focused on the future of Soviet-Italian relations, as Mussolini had hinted at the possibility of *de jure* recognition of the USSR, a matter allegedly discussed with Vorovskii⁶⁸. The decision reached at NKID was to strictly avoid any "attacks on the Italian government" and to instruct the lawyers not to build their accusation on such questionable grounds, emphasizing the need to refrain from targeting Italy at that moment⁶⁹. Consequently, Maffi became the sole Italian witness at the Lausanne trial, despite his futile attempts to lecture on Italian socialism, and Cesarò's brief sympathy letter was also read in court (Matos 2023).

Moscow's significant investment in securing witnesses for the Lausanne Process included bringing two Americans from different parts of the world to testify about the White Terror in Siberia. Unable to find suitable candidates in England, Boris Skvirskii,

⁶³ Iordanskii to Chicherin. 29 September 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 88; Iordanskii to (in all likelihood) Bagotskii. 15 September 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 66.

⁶⁴ *Loc. cit.* Maffi spent Summer 1923 in the USSR while still a member of the Italian Socialist Party, as head of the faction that would join the Italian Communist Party in early 1924 (Detti 1987: 281-292).

⁶⁵ Iordanskii to Chicherin. 29 September 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 88.

⁶⁶ *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 26, folder 3, L. 23.

⁶⁷ Dicker to Chlenov. 18 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 106. See Cesarò to Iordanskii. 5 November 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 107; *Gazette de Lausanne*, 11 November 1923: 2.

⁶⁸ Bagotskii to Krestinskii. 26 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 35, folder 4, L. 21. Iordanskii informed Chicherin on 15 August 1923 about his meeting with Mussolini on the 14, where the Italian Prime Minister offered to recognize the Soviet Union *de jure* (Sevost'ianov 2002: 77-82). Mussolini said he had already drawn a plan with Vorovskii to that effect, right before the latter went back to Lausanne in late April 1923. Ignorant of this, Iordanskii explained to Chicherin the absence of any recognition plan, assuming that it was among the papers burnt by Rosta correspondent Hermann Stürmer on Arens's orders right after Vorovskii's murder (Gattiker 1975: 49) (*AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 32). On 8 October, Iordanskii informed that the Italian press considered recognition "predetermined in a positive sense" (Sevost'ianov 2002: 100). See Khormach (Khormach 1993).

⁶⁹ Litvinov to Krestinskii. 25 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 71.

the Soviet trade representative in Washington, informed the Soviet embassy in Berlin on September 11th that Major Sidney Carroll Graves, the son of General William S. Graves, who headed the American Expeditionary Force in Siberia, had agreed to testify in person⁷⁰. Major Graves had actively participated in the campaign against White excesses during his time in Siberia (Graves 1921). He agreed to receive a payment of \$2000 for the trip and compensation for his time⁷¹.

In his initial correspondence, Skvirskii also mentioned another potential American witness, Charles H. Smith, who was living in Chita at the time and serving as the American representative to the Inter-Allied Railway Committee (Matos 2023). Smith had held this position since March 1919 and collaborated with the authorities of the Far Eastern Republic (Chervonnaya & Evans 2014). Contacted in late September through the NKID and the *Far Eastern Revolutionary Committee*⁷², Smith agreed to testify but informed them that all his evidence had already been passed on to Graves. It had previously been used in April 1922 by the United States Senate Committee on Education and Labor, chaired by Senator William Borah, in a case against Ataman Grigorii Semënov when Semënov arrived in America (Bisher 2005: 350-352).

When asked by an insecure Kopp about the potential American witnesses, Arens cautioned about losing “big money” on them, but was “ready to abide” by Skvirskii’s opinion⁷³. In turn, Kopp bestowed on Arens the final word on Smith, as he sent the latter’s *exposé*, describing it as valuable testimony⁷⁴. Arens thought that Smith’s “very interesting” *exposé* would only be replicated by Graves’s testimony, and now left the final decision to Moscow⁷⁵. It is striking how these men played the hot potato when actually Smith’s *exposé* was probably the best documented source in possession of the prosecution for the Lausanne Process, covering White misdeeds in Siberia from November 1918 to January 1920. In the end, it was decided to ignore the text, as Smith indeed went from Chita to Lausanne to rephrase it at court. Probably its reading would have made a bigger impact at the trial than Smith’s oral testimony, which fell into the sensationalist mood set by the defense (for example, stating that atamans Semënov and Kalmykov “lived for their pockets”)⁷⁶.

⁷⁰ Chlenov to A. F. Nuorteva (head of NKID’s Anglo-American Sector). 11 September 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 74.

⁷¹ Skvirskii mentioned the sum was “quite moderate” and asked for immediate reimbursement (Skvirskii to Arens. 28 September 1923. *Ibid.*, L. 87).

⁷² Chicherin to Pavlov (Dal’revkom representative in Chita). Late September 1923. *Ibid.*, L. 76.

⁷³ Arens to Kopp. After 21 September 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 25.

⁷⁴ Kopp to Arens. 10 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 96.

⁷⁵ Arens/Chlenov to Kopp and Radek. 12 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 54.

⁷⁶ Smith informed NKID he possessed “copies of protests of peasants and other Russians re[garding] terrorism practiced by the Whites”, and his own eyewitness testimony from Vladivostok. He even mentioned in his *exposé* some “cases where the Japanese alone terrorized the Russian people”, but did not detail them as they “involved another nation”. The document is worth reading in *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, LL. 108-112.

Potential witnesses living in the USSR were sought, but none made it to Lausanne. Some were rejected outright for being communists⁷⁷, but most were not. When approached by Rotshtein in late August, Ivan Maiskii – another former Menshevik turned NKID bureaucrat, – who witnessed White crimes in Siberia, listed solely former Mensheviks and SRs⁷⁸. Their testimony was indeed gathered by GPU, along with 22 folders of materials on White atrocities⁷⁹. In the end, such witnesses were not sent to Lausanne, nor was the material used except for some mentions by Dicker and Chlenov in their pleas. The reasons behind their exclusion remain unclear, but time constraints and a delayed start in searching for Soviet candidates may have played a role.

Revealing his rush, Chlenov mentioned that further witnesses could even be communists, as long as they were not well known "as such" and if they testified on "outstanding and relevant" facts⁸⁰. And although another letter from Berlin asked Kopp the same day to bring a "non-communist" from "the southern front, and not from Siberia"⁸¹, the inclusion of Generals Dostovalov and Dobrorol'skii was reason enough to cease the look for Soviet witnesses from the south⁸².

Two interesting witnesses completed the prosecution list. One was the Swiss physician who upon Bagotskii's call attended the wounded Arens and Divilkovskii the night of the crime, Dr. George Montandon. There was more to it for Montandon than testifying on the wounds of Conradi's bullets: he was a pertinent example of the larger influence projections of the Soviet state through non-communist actors⁸³. Montandon had been in Siberia during the Russian Civil War on a Red Cross mission, becoming close to Bolshevik luminaries like Evgenii Preobrazhenskii. Montandon was very close to Bagotskii – who probably suggested his inclusion, – working with the Soviet delegation to the Lausanne Conference back in February 1923 (Gattiker 1975: 231-232)⁸⁴. At the Lausanne trial he testified on the White Terror in Siberia and harshly criticized atamans Semënov and Kalmykov.

⁷⁷ "I agree with your reasoning for not bringing Sergeev (especially because he is a communist)" (Arens to B.R. Minlos (NKID press department). "September 1923". F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 48.

⁷⁸ Rotshtein to Maiskii. 25 August 1923. *Ibid.*, L. 30; Maiskii to Rotshtein. 28 August 1923. *Ibid.*, L. 37-39. Maiskii's candidates were all members/collaborators of the Siberian Revkom, like former SRs Evgenii E. Kolosov and Piotr Ia. Derber, and former Mensheviks Piotr P. Maslo and Konstantin A. Popov.

⁷⁹ Kopp to Arens. 16 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 30, folder 3, L. 97.

⁸⁰ Chlenov to Minlos. 5 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 29, folder 3, L. 70.

⁸¹ Arens (in all likelihood) to Kopp. 5 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 42.

⁸² Arens/Chlenov to Kopp. 12 October 1923. *Ibid.*, L. 54.

⁸³ Montandon hosted at his home in Lausanne the two secretaries of the Soviet Embassy in Berlin sent to retrieve Vovrovskii's corpse, Aleksei Ustinov (SR until 1920) and Stefan Bratman-Brodovskii (Ustinov's report. 12 May 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 27, folder 3, L. 13). On Montandon and his later career as racist physical anthropologist and Vichy functionary, see Conklin, 2013: 91-99 and Fayet, 2014: 244-246. On his Siberian trip see Montandon 1921; 1922.

⁸⁴ Montandon would become the first Swiss to found a "friendship society" with the "New Russia" (May 1924): the Society of Documentary Studies on Contemporary Russia. He was its vice-president, controlled by Bagotskii as local representative of the Soviet All-Union Society for Cultural Relations Abroad (VOKS) (Fayet 2014: 243-251).

The final witness – and only communist militant – added to the list was the Lithuania-born revolutionary Charles Rappoport, former Russian Social-Democrat and founder of the French Communist Party. Although a communist, Rappoport's inclusion, consistent with other witnesses, did not follow ideological lines. In the hasty missive sent to him from Berlin as late as 20 October 1923, Rappoport was asked to testify as his daughter had recently been attacked by a White Army officer: "Given that this same monarchist gang committed a vile attempt on your daughter, we took the liberty, without asking you earlier due to lack of time, to summon you as a witness"⁸⁵. The prosecution thought Rappoport's testimony would make a good story at court as the crime of yet another former White officer. At the trial, Chlenov even mentioned that the publication of Conradi's "Confession" – the note he left before murdering Vorovskii – influenced Fanny Rappoport's attacker, as Conradi exhorted other White officers to follow his example (Conradi 1923). However, Rappoport's political speech from the stand, forced out by Dicker, did not bring any sympathy to Fanny's suffering in the quite anticommunist mood at court. The *Gazette de Lausanne* described him (8 November) as a typical "outmoded nihilist". Allegedly, Rappoport himself considered that the prosecution's case was badly assembled from the start (Senn 1981: 169-170).

Amidst the exchanges and negotiations between Berlin (Krestinskii, Arens, Chlenov), Geneva (Bagotskii), and Moscow (NKID), an additional challenge needed to be addressed. In late September 1923, when the completed indictment bill, signed by the Vaud prosecutor, was delivered, it deeply unsettled the prosecution to the extent that they contemplated whether they should even appear in court. Prosecutor Capt presented a meticulously crafted document that, while accusing Conradi and Polunin of murder, displayed significant leniency by attempting to provide context for Conradi's personal circumstances. Furthermore, the bill absolved ROKK (Polunin's employer) and the Swiss government from any wrongdoing. Naturally, the prosecution interpreted this as a blatant justification of the murder. As Chlenov succinctly expressed, "it is pointless to expect a normal flow of the process."⁸⁶ Alongside their objections, the Berlin staff took a more radical approach in mid-October. They proposed to Kopp, "Wouldn't it make more sense, given the evident bias displayed by the detective, general prosecutor, and court, to declare at the outset of the session that we demand further investigation into the case, the annulment of the indictment, the dismissal of the prosecutor, etc.? They will, of course, reject this, and then we will leave, declaring that we do not wish to be part of this farce." This perspective represented "one point of view." The other viewpoint was "to do everything possible to secure a strong conviction of the assassins, which some comrades familiar with the case believe is achievable." In other words, actively participating in the trial without "starting with a major scandal or con-

⁸⁵ Probably Krestinskii to Rappoport. 20 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 34, folder 4, L. 76.

⁸⁶ Chlenov to Kopp. 10 October 1923. *Ibid.*, L. 47.

demning Swiss justice."⁸⁷ Krestinskii promptly expressed his support for the second tactic⁸⁸. Ultimately, Litvinov wrote that "NKID does not agree with Comrade Chlenov's suggestion to boycott the trial," but emphasized that the court's bias should be condemned "right from the start of the proceedings." If this criticism fell on deaf ears, the prosecution should then "continue to participate." A definitive withdrawal should only be considered if the evident bias became further reinforced⁸⁹. NKID consistently advocated for the institutional approach, with "political" backlash seen as a last resort.

Concluding remarks

German sociologist Max Weber thought that the October Revolution was the imposition of intellectuals through force on Russian society, a military dictatorship doomed to collapse. As Reinhard Bendix noted (1974: xli), the early Soviet regime hardly fitted into Weber's fixed types, and so before his death in June 1920 he failed to analyze Bolshevik government in terms of his ideas on the virtual indestructibility of bureaucracy. Around the time of Weber's death, the British philosopher Bertrand Russell visited Soviet Russia, and concluded that the country would "likely" see "the establishment of a bureaucratic aristocracy, concentrating authority in its own hands", as revolutions usually turn power into an end (Russell 1962: 68).

Contrary to Weber, and nuancing Russell's prediction, it is clear from all the above that by 1923 a functioning bureaucracy had been installed in the Soviet Union. The Lausanne Process provides a hint of how early Soviet foreign policy decisions were arrived at in the very particular context of 1923. It offers a glimpse of the methods by which outward decisions were generated, shaped, and implemented at a time when, on one hand, the European scenario turned more hostile towards the USSR since October 1922 — through the rhetoric and violence of Fascism in Italy, the Curzon note of a militant Conservative cabinet in Britain, or the first coup d'état blaming "communism" for a country's misfortunes as in Bulgaria in June 1923 — and, on the other, collective leadership was reinforced domestically after Lenin's isolation. The sources show a massive bureaucratic machine entrenched in its respective specializations, with different agencies jealous of their own information, mutually reprimanding each other, and petitioning a higher authority (the Politburo) to intercede on their behalf. There was a huge constellation of people doing different things at the same time — precisely the contrary to what Weber saw in Bolshevik rule three years prior.

In regard to NKID, trust in the judgment of representatives abroad, based on their sensibility to local conditions, was clearly a working principle. This was the case with Viktor Kopp's trust in Arens's judgments (and on his personal impositions!), or the

⁸⁷ Arens and Chlenov to Kopp. 17 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 33, folder 4, L. 104-105.

⁸⁸ Krestinskii to Litvinov (cc Stalin). 19 October 1923. *AVPRF*. F. LK, O. 1, D. 32, folder 3, L. 68.

⁸⁹ Litvinov to Krestinskii. 22 October 1923. *AVPRF*. F. 4, O. 46, D. 54040, folder 281, L. 40.

leeway with which Sergei Bagotskii – someone who had not even lived in Soviet Russia—conducted himself in Switzerland. This is all the more remarkable as many of these figures had not had Bolshevik origins (Arens, Maiskii) or had been anti-Bolshevik agents at some point (Iordanskii, Kliuchnikov), not to talk about the toleration of non-communist figures with direct responsibility in the Lausanne Process who most of the time acted on their own (Dicker, Magnenat, Chlenov). There is hardly a better indicator of bureaucratic specialization than working over ideological lines. Many proposals that materialized in the trial came from Arens, Chlenov or ambassador Krestinskii upwards, were debated at the NKID Collegium – or, in delicate matters, at the Politburo, – and devolved with approval, amendments, or rejection. At least in foreign policy terms, this is a far from “dictatorial” or “totalitarian” moment, in which each actor did what they considered best—and usually got away with it.

Having a concrete working method does not mean NKID bureaucrats took the initiative. As the attitudes towards the Lausanne Process reveal, the strategies followed were part of a wider Soviet foreign reactive policy in the early years, a total “deference to the post-Versailles world order” (Matos 2021: 144), in which international decisions were taken elsewhere – mostly in the Entente powers – and Moscow adapted to them. Such a realistic approach helped functionaries like Litvinov to pursue institutional responses to foreign anxieties, like his clear rebuke towards the prosecution lawyers regarding the Corfu affair (“to leave Italy alone at the moment”). Litvinov clearly valued more the ongoing negotiations for recognition, even with Fascist Italy, than stating a case with a sound argument at the Lausanne court. This reactive stance infected the prosecution, which fell into the retaliation game set by the defense: react to Civil War-era accusations rather than focusing on a simple case of murder. The clear implications were that, through such a scheme, the prosecution lost the case with Conradi’s and Polunin’s acquittal on 16 November 1923 – in their defense, even if the prosecution case had been more solid, it would have been hard to wither the extremely anticommunist mood at court⁹⁰.

On 10 May 1924, the anniversary of Vorovskii’s murder, in the central courtyard of NKID in Moscow, a statue dedicated to him – still standing on Bol’shaia Lubyanka street – was unveiled. Three days before the opening, commissar Chicherin warned that “it is ill-timed to give this ceremony a wide, massive, general proletarian character, given that such a demonstration of force would [inexorably] be directed against England and would damage negotiations. It is better to maintain the ceremony within an intimate character”⁹¹. At the ceremony, however, Maksim Litvinov’s speech was all but diplomatic. Confident that now the Labor Party was in power in Britain, the NKID deputy head referred to the former British foreign minister Lord Curzon as “the

⁹⁰ Besides, it should not be forgotten that Conradi and Polunin were found guilty by 5 out of 9 jurors, but the technical device of *minorité de faveur* allowed them to walk free (Perrot 2020).

⁹¹ Chicherin to anonymous. 7 May 1924. AVPRF. F. 421, O. 1, D. 99, folder 6, L. 1.

worthiest representative of the old, obsolete rotting world” and as a “stinking mrakobes and bloody hater of mankind”⁹². Just as one year prior the most suspicious minds had linked the issuing of Curzon’s ultimatum with Vorovskii’s murder, Litvinov raised the temperature declaring that two days after the ultimatum “the worthy apprentice and servant of the British Lord, an offspring of Russian Black-Hundredism, the White guard Conradi, shot at the representative of the Soviet Republics, comrade Vorovskii”⁹³. This was the only time, at a public event, that Litvinov left his classic careful wording and cautious tone in his office.

About the author:

R. Matos Franco – PhD student, Department of History, National Research University – Higher School of Economics (Saint Petersburg), Russian Federation, 190068, Saint Petersburg, Griboedov channel, 123, lit. A; PhD student, The University of Turin, Italy, 10124, Torino, Via Verdi, 8.
E-mail: rmatosfranko@hse.ru, rmmatosf@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The author is very grateful to Tatiana Borisova, Evgenii Egorov, Iana Gorbatenko, Martin Beisswenger, Lorenz Erren, Claudio Coloma, Alexandra Jima and two anonymous reviewers for their comments. Thanks to Alfonso Gómez Arciniega for the German press sources. The author is particularly grateful to Mariia Anatol’evna Donets at AVPRF for her guidance through the use of documents.

УДК 327.8(47+57+494)“1922/1924”
Поступила в редакцию: 30.11.2022
Принята к публикации: 04.06.2023

Разноречивые советские отклики на Лозаннский процесс (1922 – 1924 гг.)

Р. Матос Франко^{1,2}
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108)

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Россия

² Туринский университет, Италия

В статье рассматривается советская реакция на так называемый «Лозаннский процесс» (май – ноябрь 1923 г.), процесс и суд над русскими эмигрантами Морицем Конради и Аркадием Полуниным, убившими 10 мая 1923 г. советского представителя в Италии, главу делегации на Лозаннской конференции Вацлава Вацлавовича Воровского. Лозаннский

процесс оказал положительное влияние на русскую эмиграцию после того, как 16 ноября 1923 г. Конради и Полуниин были оправданы швейцарским судом присяжных и признаны «невиновными» по причине того, что они «мстили» за жертв советских репрессий. Всё более признанным фактом в историографии является то, что многие русские эмигранты способствовали превращению судебного процесса в обличение большевизма. Однако почти ничего не известно о реакции советского правительства на убийство Воровского и о том, как Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) пытался организовать участие в обвинительном процессе. Статья базируется в основном на найденных в Архиве внешней политики Российской Федерации неопубликованных письмах, написанных советскими правительственными чиновниками. Обращая внимание на международный контекст 1923 г., текст следует историографической тенденции, в которой прослеживается больше коллективного руководства и институциональной автономии в советских внешнеполитических решениях после возрастающей изоляции Ленина с конца 1922 г. В статье показано, как после запрета швейцарским правительством советскому правительству участвовать в процессе в качестве истца Москва прибегла к нетрадиционным действиям, выходящим за рамки формальной дипломатии, в том числе к сотрудничеству с некоммунистическими акторами для того, чтобы изображать СССР в Лозанне в позитивном, «объективном» свете. Однако в данной статье выдвигается тезис о том, что бюрократическая составляющая, присущая советскому государству, мешала победе в суде. Ведение Лозаннского процесса со стороны обвинения является в то же время показательным примером работы после Гражданской войны советских государственных учреждений, с трудом взаимодействующих друг с другом через укоренившуюся бюрократию, в далекой от предполагаемых «тоталитарных» привычек манере.

Ключевые слова: В.В. Воровский, Лозаннский процесс, М.М. Конради, ранняя советская дипломатия, Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), М.М. Литвинов

Об авторе:

Р. Матос Франко – аспирант Департамента истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Россия, 190068, Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 123, лит. А; аспирант Туринского университета, Италия, 10124, Torino, Via Verdi, 8. E-mail: rmatosfranko@hse.ru, rmmatosf@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор благодарит Татьяну Борисову, Евгения Егорова, Яну Горбатенко, Martin Beisswenger, Lorenz Erren, Claudio Coloma, Alexandra Jima и двух анонимных рецензентов за их ценные комментарии. Благодарю также Luis Alfonso Gómez Arciniega за источники немецкой прессы. Огромное спасибо Марии Анатольевне Донец (АВПРФ) за её ценную помощь.

References:

- Aubert T. 1924. *Le procès du bolchévisme. L'affaire Conradi : plaidoirie prononcée pour Arcadius Poloumine devant le Tribunal criminel de Lausanne, les 14 et 15 novembre 1923*. Geneva: Sonor. 132 p. (In French)
- Bendix R. 1974. *Work and Authority in Industry*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press. 514 p.
- Bisher J. 2005. *White Terror. Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. London: Routledge. 534 p.

- Broué P. 2005. *The German Revolution 1917–1923*. Trad. John Archer. Leiden: Brill. 991 p.
- Caillat M. 2016. *L'Entente internationale anticommuniste de Théodore Aubert. Organisation interne, réseaux et actions d'une internationale antimarxiste, 1924–1950*. Lausanne: Société de l'Histoire de la Suisse Romande. 783 p. (In French)
- Chervonnaya S.A., Evans D.J. 2014. Left Behind: Boris E. Skvirsky and the Chita Delegation at the Washington Conference, 1921–22. *Intelligence and National Security*. 29(1). P: 19–57. DOI: 10.1080/02684527.2012.746413
- Conklin A.L. 2013. *In the Museum of Man. Race, Anthropology, and Empire in France, 1850–1950*. Ithaca: Cornell University Press. 368 p.
- Conradi M.M. 1923. Traduction de la déclaration de M. Conradi, assassin du diplomate russe V. Vorovski à Lausanne. Diplomatic Documents of Switzerland, 1848–1975. URL: <https://dodis.ch/48619>. (In French)
- Deti T. 1987. *Fabrizio Maffi. Vita di un medico socialista*. Milan: Franco Angeli. 311 p. (In Italian)
- Fayet J.-F. 2004. *Karl Radek (1885–1939)*. Biographie politique. Bern: Peter Lang. 813 p.
- Fayet J.-F. 2014. *VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique d'entre-deux-guerres*. Geneva: Georg. 598 p. (In French)
- Gattiker A. 1975. *L'affaire Conradi*. Bern: H. Lang. 323 p. (In French)
- Graves S. C. 1921. The Truth About Kolchak. *Current History*. 14(4). P. 668–671. DOI: 10.1525/curh.1921.14P2.1.668
- Hardeman H. 1994. *Coming to Terms with the Soviet Regime. The “Changing Signposts” Movement among Russian Émigrés in the Early 1920s*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 319 p.
- Jacobson J. 1994. *When the Soviet Union Entered World Politics*. Berkeley: University of California Press. 388 p.
- Matos Franco R. 2021. Socialist Internationalism and National Classifications at the Comintern Schools, 1922–1943. *Ab Imperio*. №3. P. 136–165. DOI: 10.1353/imp.2021.0056.
- Matos Franco R. 2023. The Last White Victory. Aleksandr Guchkov and the Conradi – Polunin Process of 1923. *Revolutionary Russia*. DOI: 10.1080/09546545.2023.2210006.
- Montandon G. 1921. Mission en Sibérie. 22 mars 1919 – 17 juin 1921. *Revue Internationale de la Croix-Rouge*. №36. P. 1197–1232. DOI 10.1017/S102688120006997X. (In French)
- Montandon G. 1922. *Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques, pour la Croix-Rouge de Genève (1919–1921)*. Paris: Félix Alcan. 319 p. (In French)
- Moore F.F., Skvirskii B.E. & Smith C.H. 1922. *The Far Eastern Republic, Siberia, and Japan. Together with a Discussion of Their Relations with the United States*. New York: Foreign Policy Association. 17 p.
- Perrot A. 2020. *L'affaire Conradi, un acquittement douteux rendu possible par la minorité de faveur*. BA diss., Université de Lausanne. 37 p. (In French)
- Phillips H.D. 1992. *Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim M. Litvinov*. Boulder: Westview Press. 256 p.
- Ruotsila M. 2010. International Anti-Communism before the Cold War: Success and Failure in the Building of a Transnational Right. M. Durham and M. Power (Eds.). *New Perspectives on the Transnational Right*. London: Palgrave Macmillan. P. 11–37.
- Russell B. 1962. *The Practice and Theory of Bolshevism*. London: Allen & Unwin. 96 p.
- Senn A.E. 1974. *Diplomacy and Revolution. The Soviet Mission to Switzerland, 1918*. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 221 p.

- Senn A.E. 1981. *Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky*. Madison: University of Wisconsin Press. 220 p.
- Serge V. 2017. *Mémoires d'un révolutionnaire 1905–1945*. Montreal: Lux. 632 p.
- Shlapentokh D. 1995. In Search of Thermidor. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 15 (1-3). P. 1-67. DOI: 10.1108/eb013204
- Stites R. 1985. Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: Destroying and Preserving the Past. In A. Gleason, P. Kenez, & R. Stites (Eds.). *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana University Press. P. 1-24.
- Stoeva G. 2019. Posledna vecheria za Vatslav Vorovski i posledstviia ot negovoto ubistvo – antibolshevizm kato “bial internatsionalizim”. *Anamneza*. XIV(3). P. 20-30.
- White S. 2002. *The Origins of Détente. The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922*. Cambridge: Cambridge University Press. 255 p.
- Bagotskii S.Iu. .1971. *O vstrechakh s Leninyim v Pol'she i Shveitsarii*. [About Meetings with Lenin in Poland and Switzerland]. Moscow: Politizdat. 72 p. (In Russian)
- Chistiakov, K.A. 2000. *Ubit' za Rossiiu! Iz istorii russkogo emigrantskogo "aktivizma": 1918-1939 gg.* [Kill for Russia! From the History of Russian Emigrant "Activism": 1918–1939]. Moscow: Ippolitova. 139 p. (In Russian)
- Chlenov S.B. 1923. *Rech' po delu ob ubiistve V.V. Vorovskogo* [Speech on the Murder of V.V. Vorovsky]. Moscow: Glavlit. 22 p. (In Russian)
- Dostovalov E.I. .1995. O belykh i belom terrore [About Whites and White Terror]. *Rossiiskii Arkhiv. Istorica Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh*. Moscow: Studia TRITE—Ros. Arkhiv. P. 637-697. (In Russian)
- Dragunov G. 1989-. *Novye fakty o gibeli V.V. Vorovskogo* [New Facts about the Death of V.V. Vorovsky]. *Mezhdunarodnaia Zhizn'*. №4. P. 244-259. (In Russian)
- Fediukin S.A. 1977. *Bor'ba s burzhuaznoi ideologii v usloviiakh perekhoda k NEPu* [The Struggle against Bourgeois Ideology in the Transition to the NEP]. Moscow: Nauka. 350 p. (In Russian)
- Ganin A. 2019a. “Krasnyi terror” v cherno-belom izobrazhenii [“Red Terror” in Black and White Image]. *Rodina*. №7. P. 126-129. (In Russian)
- Ganin A. 2019b. “Tepereshniaia nasha zhizn' – ne zhizn', a tol'ko sushchestvovanie...”. *Russkie ofitsery v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev po materialam arkhiva general-leitenanta P.I. Aver'ianova* [“Our Present Life is not Life, but Only Existence...”. Russian Officers in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes Based on the Materials of the Archive of Lieutenant General P.I. Averyanov"]. A. Iu. Timofeev, A. A. Silkin, V. S. Putiatin & M. Zhivanovich (Eds.). *Stoletie dvukh emigratsii. 1919–2019. Sbornik statei*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Belgrade: Informatika. P. 179-192. (In Russian)
- Genri E. 1981. *Professional'nyi antikommunizm. K istorii vozniknoveniia*. [Professional Anti-communism. To the History of the Origin]. Moscow: Politizdat. 368 p. (In Russian)
- Khormach I.A. 1993. *Otnosheniia mezhdou sovetским gosudarstvom i Italiei, 1917–1924 gg.* [Relations between the Soviet State and Italy, 1917–1924]. Moscow: IRI RAN. 125 p. (In Russian)
- Kozlov V.N. 1997. *Provokatsiia (Tainaia operatsiia Politbiuro TsK RKP(B) – izdanie smenovekhovskoi gazety. 1922-1924 gg.)* [Provocation (Secret Operation of the Politburo of the Central Committee of the RCP (B) – the Publication of the Smenovekhovskaya Newspaper. 1922–1924]. *Zvezda*. №5. P. 157-160.

Kvakina A. 2006. *Mezhdru belymi i krasnymi. Russkaia intelligentsia 1920–1930 godov v poiskakh Tre'tego Puti* [Between White and Red. The Russian Intelligentsia of 1920–1930 in Search of a Third Way]. Moscow: Tsentrpoligraf. 413 p. (In Russian)

Lenin V.I. 1970. *Polnoe sobranie sochinenii*. [The Complete Works]. T. 44. Moscow: Politizdat. 725 p. (In Russian)

Lodyzhenskii Iu.I. 2013. *Ot Krasnogo Kresta k bor'be s Kominternom*. [From the Red Cross to the Fight against the Comintern]. Moscow: Airis-Press. 576 p. (In Russian)

Lukomskii A.S. 2015. *Ocherki iz moei zhizni. Vospominaniia* [Essays from my Life. Memoirs]. Moscow and Berlin: DirectMedia. 643 p. (In Russian)

MID SSSR [Ministry of Foreign Affairs of The USSR]. 1962. *Dokumenty Vneshnei Politiki SSSR, T. 6 (20 noiabria 1922 g. – 31 dekabria 1923 g.)*. Moscow: Politizdat. 671 p. (In Russian)

Rossiiskaia Kommunisticheskaia Partiiia (Bol'sheviki) [The Russian Communist Party (Bolsheviks)]. 1922. *Materialy Vserossiiskoi Partiinoi Konferentsii, 4-7 avgusta 1922 g.* Tula: Izd. Agitpropotdela Tulgubkoma. 98 p. (In Russian)

Rossiiskoe Obshchestvo Krasnogo Kresta [Russian Red Cross Society]. 1925. *Russkii Krasnyi Krest posle 1917 goda: ocherk deiatel'nosti Rossiiskago obshchestva Krasnogo Kresta (staroi organizatsii)*. Paris: Rapid. 40 p. (In Russian)

Sergeev E.Iu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskii otnosheniia, 1918–1924 gg. Ot interventsii k priznaniuu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924 From Intervention to Recognition]. Saint Petersburg: Nauka. 832 p. (In Russian)

Sevost'ianov G.N. (Ed.). 2002. *Moskva – Rim. Politika i diplomatiia Kremliia 1920–1939* [Moscow – Rome. Kremlin politics and Diplomacy (1920–1939)]. Moscow: Nauka. 483 p. (In Russian)

Sheinis Z.S. 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov. Revoliutsioner, diplomat, chelovek* [Maxim Maksimovich Litvinov. A Revolutionary, a Diplomat, a Person]. Moscow: Politizdat. 432 p. (In Russian)

Shkarenkov, L.K. 1987. *Agoniia beloi emigratsii* [The Agony of White Emigration]. Moscow: Mysl'. 239 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Багоцкий С.Ю. 1971. *О встречах с Лениным в Польше и в Швейцарии*. Москва: Политиздат. 72 с.

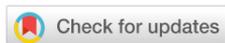
Ганин А. 2019. «Красный террор» в чёрно-белом изображении. *Родина*. № 7. С. 126–129.

Ганин А. 2019. «Теперешняя наша жизнь – не жизнь, а только существование...». Русские офицеры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев по материалам архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова». А.Ю. Тимофеева, А.А. Силкина, В.С. Пуяткина и М. Живановича (ред.). *Столетие двух эмиграций. 1919–2019*. Москва: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика. С. 179–192.

Генри Э. *Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения*. Москва: Политиздат. 368 с.

Достовалов Е.И. 1995. О белых и белом терроре. *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв.* Вып. 6. Москва: Студия Тритэ — Рос. Архив. С. 637–697.

- Драгунов Г. 1989. Новые факты о гибели В.В. Воровского. *Международная жизнь*. №4. С. 244-259.
- Козлов В.Н. 1997. Провокация (Тайная операция Политбюро ЦК РКП(Б) – издание сменевеховской газеты. 1922–1924 гг. *Звезда*. №5. С. 157-160.
- Квакин А. 2006. *Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути*. Москва: Центрполиграф. 413 с.
- Ленин В.И. 1970. *Полное собрание сочинений*. Т. 44. Москва: Политиздат. 725 с.
- Лодыженский Ю.И. 2013. *От Красного креста к борьбе с Коминтерном*. Москва: Айрис-Пресс. 576 с.
- Лукомский А.С. 2015. *Очерки из моей жизни. Воспоминания*. Москва; Берлин: DirectMedia. 643 с.
- МИД СССР. 1962. *Документы внешней политики СССР. Т. 6 (20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г.)*. Москва: Политиздат. 671 с.
- Российская коммунистическая партия (большевики). 1922. *Материалы Всероссийской Партии Конференции, 4–7 августа 1922 г.* Тула: Изд. Агитпропотдела Тулгубкома. 98 с.
- Российское Общество Красного Креста. 1925. *Русский Красный Крест после 1917 года: очерки деятельности Российского общества Красного Креста (старой организации)*. Париж: Рапид. 40 с.
- Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От вмешательства к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 832 с.
- Севостьянов Г.Н. (ред.). 2002. *Москва – Рим. Политика и дипломатия Кремля (1920–1939)*. Москва: Наука. 483 с.
- Федюкин С.А. 1977. *Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу*. Москва: Наука. 350 с.
- Хормач И.А. 1993. *Отношения между Советским государством и Италией, 1917–1924 гг.* Москва: ИРИ РАН. 125 с.
- Чистяков К.А. 2000. *Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма»: 1918–1939 гг.* Москва: Ипполитова. 139 с.
- Членов С.Б. 1923. *Речь по делу об убийстве В.В. Воровского*. Москва: Главлит. 22 с.
- Шейнис З.С. 1989. *Максим Максимович Литвинов. Революционер, дипломат, человек*. Москва: Политиздат. 432 с.
- Шкаренков Л.К. 1987. *Агония белой эмиграции*. Москва: Мысль. 239 с.

Николя Саркози в урегулировании конфликта в Грузии 2008 г.: «коллективный Запад» против России

Д.Ю. Михайлов

Департамент лингвистического обеспечения МИД России

Усилия президента страны-председателя ЕС Николя Саркози по налаживанию переговоров между Москвой и Тбилиси в августе–сентябре 2008 г. были приоритетно нацелены на скорейшее прекращение кровопролития. Однако стратегическими задачами для президента Франции были недопущение возврата Грузии в сферу влияния России и демонстрация способности ЕС урегулировать кризисы на постсоветском пространстве собственными силами. Н. Саркози удалось убедить Москву и Тбилиси принять его «добрые услуги» по нормализации ситуации в Южной Осетии, а также заручиться поддержкой его посредничества со стороны США и ЕС, что позволило ему выступить в диалоге с Россией в качестве представителя всего «коллективного Запада». Сталкиваясь с непримиримыми позициями сторон, президент Франции нередко использовал подлог. Так, продвигая свой мирный план из «шести пунктов», Н. Саркози неоднократно без предварительного согласования со сторонами существенно изменял его содержание, что в итоге негативно сказалось на качестве достигнутых договорённостей, которые Москва и Тбилиси до сих пор трактуют взаимоисключающим образом. Благодаря посредничеству Н. Саркози в августе 2008 г. удалось избежать полномасштабного кризиса в отношениях между Россией и Западом. В то же время президент Франции первым официально использовал угрозу «оставить на паузу» всякое взаимодействие «коллективного Запада» с Москвой в случае, если она решится противодействовать экспансии ЕС и НАТО на постсоветском пространстве военными средствами.

Ключевые слова: Саркози, грузино-югоосетинский конфликт, внешняя политика Франции, российско-французские отношения, политика ЕС на постсоветском пространстве

УДК 327, 327.8

Поступила в редакцию: 27.07.2022

Принята к публикации: 27.02.2023

Утверждение, что в августе 2008 г. Н. Саркози внёс существенный вклад в урегулирование конфликта в Грузии, само по себе не нуждается в каком-либо научном обосновании. «В те дни подключение Франции в качестве председателя Европейского союза к нашим усилиям по прекращению развязанной М. Саакашвили агрессии сыграло большую роль в разрешении грузино-югоосетинского кризиса»¹, — написал Президент России Д.А. Медведев в послании своему французскому визави 8 августа 2009 г. Тем не менее осмысление мотивов, которые двигали Н. Саркози в ходе его посредничества в диалоге между Москвой и Тбилиси; анализ стратегии, которая определяла в тот период логику демаршей Парижа на грузинском треке; наконец, разбор переговорных приёмов и методов, которыми пользовался французский лидер, добиваясь своих целей — все эти задачи представляются актуальными как с научной точки зрения, так и в плане решения конкретных внешнеполитических проблем, остро стоящих сегодня перед Россией в контексте текущего кризиса на Украине.

Цель настоящей статьи — предложить аргументированные ответы на данные вопросы, с тем чтобы, во-первых, дать историографическую трактовку вкладу Н. Саркози в «купирование» острой фазы конфликта в Закавказье; во-вторых, на грузинском примере проанализировать тот «дипломатический инструментарий», который «коллективный Запад» наверняка вновь постарается задействовать в диалоге с Москвой, как только ситуация на украинском театре военных действий станет для Киева по-настоящему катастрофической.

В статье рассмотрены дипломатические действия президента Франции Н. Саркози по урегулированию конфликта в Грузии в период с 8 августа 2008 г. (когда французскому лидеру стало известно о начале боевых действий в Закавказье) до 8 сентября 2008 г. (когда в ходе вторых переговоров в подмосковном Майендорфе были найдены решения, позволившие стабилизировать ситуацию в регионе на длительную перспективу).

Дипломатический активизм Н. Саркози применительно к ситуации, сложившейся в Южной Осетии и Абхазии в августе-сентябре 2008 г., с различной степенью детализации описан в работах французских исследователей Ф. Отрэ (Autret 2008), Т. Дежардэна (Desjardins 2009), А. Буйяге (Bouilhaguet 2010), П. Лёголя (Legoll 2012) К. Панона (Panon 2015), А. Дезюэна (Desuin 2017.)

Тема участия Н. Саркози в урегулировании конфликта в Закавказье не осталась без внимания крупнейших российских специалистов по современной Франции. Она, в частности, освещалась в монографиях и статьях Ю.И. Рубинского (Рубинский 2011: 307–308), П.П. Черкасова (Черкасов 2019), О.С. Самутина, К.В. Юматова (Самутин, Юматов 2014), Е.О. Обичкиной (Обичкина 2009;

¹ В связи с годовщиной трагических событий в Южной Осетии Дмитрий Медведев направил послание президенту Франции Н. Саркози. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/5135> (дата обращения: 03.02.2023).

Обичкина 2012: 344–346), Т.В. Зверевой (Зверева 2014: 317-318) и М.А. Волхонского (Волхонский 2009), написанных «по горячим следам» грузинского кризиса.

Николя Саркози в поисках стратегии урегулирования конфликта в Грузии

В Китае цифра 8 считается числом удачи. В 8 вечера по пекинскому времени 8 августа 2008 г. на стадионе «Птичье гнездо» в Пекине начиналась церемония открытия XXIX летних Олимпийских игр², на которой в числе почётных гостей присутствовал президент Франции (и с 1 июля 2008 г. по декабрь 2008) — председатель Совета Европейского союза) Н. Саркози.

Тем временем в Южной Осетии почти сутки шла война, развязанная президентом Грузии М. Саакашвили. Грузинские войска к тому моменту уже успели потерпеть неудачу при ночном штурме Цхинвала, авиация России активно работала по целям в районе конфликта, в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. по Рокскому тоннелю в регион начали прибывать российские сухопутные войска³.

Однако Н. Саркози вплоть до начала церемонии открытия Олимпиады ничего не знал о боевых действиях в Закавказье. Несмотря на более чем широкое разведывательное и дипломатическое присутствие Франции в Грузии, французский президент, по его собственному свидетельству, был проинформирован о событиях в Южной Осетии только перед самым началом церемонии открытия Олимпиады в Пекине, то есть около 20:00 по пекинскому времени: «Жан-Давид Левитт — одновременно шеф моей дипломатической команды и мой шерпа — приблизился ко мне с озабоченным и очень бледным лицом: “Я только что узнал о чрезвычайно настораживающей новости. Российская армия в настоящее время пересекает границу Грузии” (Sarkozy 2020: 470).

Факт, что Н. Саркози узнал о происходящем в Грузии лишь вечером 8 августа 2008 г. со слов Ж.-Д. Левитта подтверждает К. Паннон (Panon 2015: 108). Не ставит его под сомнение и А. Дезюэн: «8 августа 2008 г. Н. Саркози присутствовал на церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине, где ему доложили о блистательном русском контрнаступлении» (Desuin 2017: 87).

Столь запоздалое ознакомление президента Франции с отнюдь не рядовым событием международной повестки выглядит, по меньшей мере, странно. Когда в Пекине открывались Олимпийские игры, в Париже было уже два часа дня.

² Олимпийские игры в Пекине 2008. *Официальный сайт Олимпийских игр*. URL: <https://olympics.com/ru/olympic-games/beijing-2008> (дата обращения: 25.05.2023)

³ Согласно свидетельству командующего 58-й армией ВС РФ генерала А.Н. Хрулева, две российские батальонно-тактические группы численностью до 700 человек, усиленные двумя батареями САУ и батареей РСЗО «Град», 8 августа 2008 г., в 01:40 по московскому времени вышли из Рокского туннеля на территорию Южной Осетии. См: Шурыгин В. В. 2012. За Родину! За Россию! *Завтра*. 963(17).

Французские центральные газеты, в большинстве своём распространяющие свои тиражи ранним утром, вышли в этот день уже с репортажами о боевых действиях в Южной Осетии. Таким образом, у пресс-службы администрации президента Франции было не менее семи часов для доведения до сведения первого лица государства, соответствующего пресс-дайджеста — и это только на основании открытой информации, не говоря о более «скоростных» закрытых каналах оперативного оповещения.

Примечательно также, что Ж.-П. Жуйе (госсекретарь по европейским делам Франции) был проинформирован о событиях в Грузии в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. (Jouyet 2009: 82). Правда, в курс дела его ввели не французские дипломаты, журналисты или разведчики — о начавшейся войне сообщила еврокомиссар по внешним связям Б. Ферреро-Вальднер. Однако и Ж.П. Жуйе что то помешало своевременно поделиться этой информацией с президентом Республики (возможно, каникулы, которые госсекретарь проводил тогда с семьёй в Венеции (Jouyet 2009).

Узнав в Пекине о тревожных новостях из Грузии, Н. Саркози незамедлительно начал добиваться прекращения боевых действий, поскольку осознал, что их продолжение неизбежно закончится поражением грузин и, как следствие, укреплением позиций России в Закавказье. «Я представлял себе наихудший сценарий, согласно которому русские возьмут Тбилиси, свергнут Саакашвили и посадят там пророссийское правительство», — признаётся он позднее в своих мемуарах (Sarkozy 2020: 472).

На VIP-трибуне «Птичьего гнезда» также находился премьер-министр Российской Федерации В.В. Путин. Н. Саркози сразу обратился к нему с просьбой немедленно остановить продвижение российских войск вглубь грузинской территории: «Владимир Путин был в двадцати метрах от меня. Я направился к нему, чтобы сразу на месте всё выяснить. Я попросил его дать нам хотя бы 48 часов на то, чтобы разрядить обстановку. Он сухо отказал мне» (Sarkozy 2020: 470).

Лично присутствовавший при этой сцене Ж.-Д. Левитт уточняет, что Н. Саркози не сразу удовлетворился «сухим отказом» российского премьера и попытался выпросить у В.В. Путина приостановку боевых действий «хотя бы на 24 часа» (Panon 2015: 107) — впрочем, с тем же результатом.

Среди почётных гостей на церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине был и президент США Дж. Буш-младший. Однако с ним обсуждать грузинскую тему Н. Саркози «по горячим следам» не стал. Чтобы выступить в качестве эмиссара всего «коллективного Запада» в налаживании переговорных мостов между Москвой и Тбилиси президенту Франции ещё только предстояло убедить США в том, что конфликт в Закавказье должен быть урегулирован силами европейских союзников. Достижение этой цели не обещало быть лёгким по причине тесных политических связей между режимом М. Саакашвили и Вашингтоном (Wetzinger 2011).

«Я всегда утверждал, что данная проблема должна была быть решена европейцами, а не американцами. Это наш регион влияния, не их. США бы лишь осложнили ситуацию, превратив грузинский конфликт в российско-американское противостояние», — читаем в воспоминаниях Н. Саркози (Sarkozy 2020: 481).

Однако среди европейцев были и те, кто всерьёз верил в возможность военной победы Грузии над Россией и считал, что режиму М. Саакашвили должна быть оказана соответствующая помощь (Польша⁴, прибалтийские государства⁵). Намереваясь действовать на закавказском треке от имени всего Евросоюза, Н. Саркози не мог игнорировать мнение и таких стран.

Наконец, для успешного выполнения роли посредника в налаживании диалога между Москвой и Тбилиси Парижу было необходимо, чтобы обе стороны приняли его «добрые услуги». С учётом традиционной насторожённости российского руководства к любой политической активности европейцев в постсоветских странах, а также принимая во внимание ожидаемые преференции М. Саакашвили в пользу американского посредничества, такая задача отнюдь не представлялась лёгкой. Работать над её решением Н. Саркози начал по прибытии в Тулон утром 9 августа 2008 г.

Пока президент Франции находился в самолёте, в Закавказье открылся второй фронт — для обеспечения безопасности Абхазии 9 августа 2008 г. в неё прибыли российские войска⁶.

Сразу по возвращении во Францию 9 августа 2008 г. Н. Саркози активно включился в работу по поиску решения грузино-югоосетинской проблемы, которую он воспринял как прямой вооружённый конфликт между Россией и Грузией. Уже утром 9 августа 2008 г. на сайте Елисейского дворца появилось официальное коммюнике⁷, информационной сердцевиной которого был первый план урегулирования конфликта в Закавказье, составленный лично президентом Республики. Он состоял из трёх пунктов:

- немедленное прекращение военных действий;
- полное уважение суверенитета и территориальной целостности Грузии;
- восстановление ситуации в том виде, в каком она была на местах до возникновения конфликта, что подразумевает отвод российских и грузинских войск на их изначальные позиции (при этом с использованием неких «формул международного содействия»).

⁴ Poland, Georgia fates linked vs Russia – Kaczynski. 2008. *Reuters*. 26 November. URL : <https://www.reuters.com/article/idUSLQ97422> (accessed 05.06.2023).

⁵ Traynor I., Black I. Georgian conflict leaves west reeling and Russia walking tall. 2008. *The Guardian*. 12 August. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/aug/12/georgia1> (accessed 05.06.2023).

⁶ Новости за 9 августа 2008 г. *Интерфакс*. URL: https://www.interfax.ru/news/2008/08/09/all/page_2 (дата обращения: 10.06.2023)

⁷ Communiqué de la Présidence de la République, en date du 9 août 2008, sur la situation en Géorgie. 2008. *Vie publique*. 9 août. URL : <https://vie-publique.fr/discours/171837-communique-de-la-presidence-de-la-republique-en-date-du-9-aout-2008-su> (accessed 10.06.2023).

Главной целью первого плана Н. Саркози было недопущение свержения режима М. Саакашвили Россией с последующим военно стратегическим укреплением влияния Москвы в Закавказье. Показательно, что никакой ответственности Грузии за развязанную ею войну документ не предусматривал.

Для комфортного продвижения своих «трёх пунктов» на международной арене президенту Франции требовалось одобрение его инициативы со стороны США. 9 августа 2008 г. дипломатический советник Н. Саркози Ж.-Д. Левитт по телефону обсудил ситуацию в регионе с советником президента США по национальной безопасности С. Хэдли⁸. По итогам этого разговора у Парижа появилась уверенность в том, что американцы не намерены вступать в войну на стороне Грузии и настроены на скорейшее завершение вооружённой фазы конфликта. Такая позиция Вашингтона совпадала с подходом Н. Саркози, поскольку представляла ему необходимое поле для дальнейшего дипломатического манёвра.

В тот же день французы направили на согласование в Вашингтон, Лондон и Берлин проект резолюции СБ ООН, субстантивной основой которого были три пункта первого плана Саркози. Вскоре документ, получивший статус франко-британо-германской инициативы, был представлен в Нью Йорке и получил там одобрение американцев.

Однако постпред России при ООН В.И. Чуркин сразу ясно дал понять: Москва проголосует против этого документа, так как содержащееся в нём требование немедленно прекратить боевые действия неприемлемо до тех пор, пока в Южной Осетии находятся грузинские войска⁹.

Стало ясно, что придать инициативе Н. Саркози статус резолюции СБ ООН не получится. В то же время поддержка демарша европейской «тройки» со стороны США ясно свидетельствовала: за океаном не видят особых проблем в том, что ведущую роль в урегулировании конфликта в Закавказье начинает играть Франция.

В воскресенье 10 августа 2008 г. в 15:00 по парижскому времени по инициативе американской стороны состоялся телефонный разговор по грузинской теме между президентами Франции и США. «Мне позвонил Дж. Буш-младший, чтобы сказать, что он поддержит французский план, но настаивал на том, чтобы русские были наказаны. В то же время, к счастью, речь не шла о военном вмешательстве», — читаем в мемуарах Н. Саркози (Sarkozy 2020: 472).

⁸ Setting the Record Straight : President Bush has Taken Action to Ensure Peace, Security and Humanitarian Aid in Georgia. 2008. *The American Presidency Project*. 13 August. URL : <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/setting-the-record-straight-president-bush-has-taken-action-ensure-peace-security-and> (accessed 22.06.2023)

⁹ РФ отклонила предложенный Западом проект резолюции по Грузии. 2008. *РБК*. 12 августа. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2008/5703ce409a79473dc81482f0> (дата обращения: 20.06.2023)

Выраженная Дж. Бушем поддержка французского плана означала окончательный «зелёный свет», данный Вашингтоном Парижу на исполнение «первой скрипки» в налаживании посредничества между россиянами и грузинами, причём уже не только от имени Франции или Евросоюза, но всего «коллективного Запада».

Вот как объясняет причины такого доверия к президенту Республики со стороны руководства США П. Леголль: «Хозяин Белого дома не желал за несколько месяцев до истечения своего мандата пускаться в рискованную дипломатическую операцию. Поскольку США считали, что связанный с Грузией кризис априори должен решать Евросоюз — бразды дипломатического правления, которым в тот момент находились в руках Франции — выбор Соединённых Штатов уступить первую роль был понятен. Если к этому добавить близость французского президента к лицам, принимающим за океаном политические и экономические решения, а также позитивное отношение лично к нему в Вашингтоне, всё окончательно становится на свои места: Европейский союз может и должен решить данную проблему, пока она не вышла за пределы локального уровня» (Legoll 2012: 136–137).

Параллельно Н. Саркози активно просил о поддержке своего плана глав государств и правительств Евросоюза. Так, согласно коммюнике Елисейского дворца от 9 августа 2008 г.¹⁰, только за утро этого дня президент Республики успел обсудить грузинскую тему с премьер-министрами Великобритании — Г. Брауном, Испании — Х.Л. Сапатеро, Италии — С. Берлускони.

Продвигая своё мирное предложение, Н. Саркози все ещё не имел твёрдой уверенности в том, что оно подходит Грузии. Действующему председателю Совета ЕС было необходимо убедить грузинское руководство в том, что предложенный им алгоритм выхода из кризиса является в сложившихся обстоятельствах не просто наилучшим, а единственно возможным для Тбилиси.

Утром 9 августа 2008 г. Н. Саркози провёл телефонный разговор с М. Саакашвили, в ходе которого предложил грузинскому коллеге принять за основу урегулирования конфликта три пункта предложенного Францией плана.

Инициатива Парижа изначально была воспринята президентом Грузии без особого энтузиазма. М. Саакашвили увидел в ней лишь призыв признать, что его «военная операция» де факто провалилась, и теперь сторонам следует вернуться к совершенно не устраивающему Тбилиси доконфликтному статус-кво. Грузинский лидер на тот момент уже вполне осознал, что Россия не позволит его армии захватить Южную Осетию, но все ещё питал надежду, что к нему на помощь придут заокеанские и европейские союзники. Эта иллюзия заставляла

¹⁰ La communauté internationale peine à éteindre le feu dans le Caucase. 2008. *Libération*. 9 août. URL : https://www.liberation.fr/planete/2008/08/09/la-communaute-internationale-peine-a-eteindre-le-feu-dans-le-caucase_17148/ (accessed : 20.06.2023).

президента Грузии продолжать упорствовать в стремлении решить югоосетинскую проблему силовым путём и серьёзно мешала налаживанию переговорного процесса, скорейшего запуска которого добивался Н. Саркози. Президенту Республики было необходимо быстро и доходчиво донести до Тбилиси, что никакого военного вмешательства в конфликт со стороны Запада не будет.

«Ситуация была неприемлемая, но я должен честно признать, что грузинский президент Саакашвили заранее сделал всё для того, чтобы она была напряжённой. По этой причине нам пришлось вызвать в МИД посла этой страны с тем, чтобы предупредить: ни Европа, ни США не будут вмешиваться в конфликт военным образом в случае ответа со стороны русских. Бернар Кушнер [министр иностранных дел Франции] позвонил своему грузинскому коллеге, чтобы сказать то же самое», — так описывает этот политически важный момент Н. Саркози (Sarkozy 2020: 471–472).

Понимание того, что военной помощи от США и Европы ожидать бессмысленно, заставило М. Саакашвили пересмотреть мирное предложение Н. Саркози. Французский план, как уже было отмечено, предоставлял грузинскому лидеру полную амнистию за его нападение на Южную Осетию, а в перспективе открывал путь для западного «миротворческого присутствия» в регионе.

10 августа 2008 г. во второй половине дня президент Грузии решил принять предложение Парижа. Сразу после этого (в 16:30 по московскому времени) М. Саакашвили официально запросил у Москвы мира. Новые успехи российской армии вкупе с описанными выше «разъяснениями» французского президента возымели своё действие.

Тем временем «три пункта» Н. Саркози начали вызывать всё большее раздражение в тех столицах Евросоюза, которые считали необходимым показательно наказать Россию за её «агрессивные действия» в Закавказье. 9 августа 2008 г. президенты Литвы, Латвии и Эстонии (соответственно В. Адамкус, В. Затлерс и Т.Х. Ильвес) направились в Варшаву, откуда выступили с совместным с их польским коллегой Л. Качинским заявлением, в котором призвали Францию как председателя ЕС «срочно собрать чрезвычайный саммит Евросоюза» — для обсуждения модальностей «отражения атаки российского империализма всеми необходимыми способами»¹¹.

Н. Саркози начали критиковать за «излишнюю мягкость» в отношении Москвы и в самой Франции, причём не только в рядах оппозиции — президента Республики в стремлении «играть на стороне России» упрекал даже однопартиец премьер министр Ф. Фийон (Bouilhaget 2010: 105–107).

Вечером 9 августа 2008 г. Франция от имени ЕС выступила с официальным заявлением по ситуации в Закавказье. В нём, помимо упомянутых трёх пунктов «плана Саркози», фигурировавших в утреннем коммюнике Елисейского дворца,

¹¹ Quatre pays d'Europe de l'Est s'opposent à l'impérialisme russe. Le Nouvel Observateur du 9 août 2008.

значился четвёртый: «Страна председатель действительно заявляет о своей приверженности суверенитету и территориальной целостности Грузии в её международно признанных границах и призывает Россию уважать таковые. Она подчёркивает, что продолжение военных действий может иметь последствия для отношений между Россией и ЕС»¹².

Поскольку сформулированное таким образом французское мирное предложение по указанию Н. Саркози в регион повёз министр иностранных дел Франции Б. Кушнер, указанные четыре пункта дипломаты окрестили «Планом Кушнера»¹³, который, как видим, совпадал с «планом Саркози» лишь отчасти.

Важно подчеркнуть, что четвёртый пункт заявления французского председательства в ЕС прямо увязывал тактически значимый для западников вопрос о незамедлительном прекращении огня в Южной Осетии с несопоставимо более важным стратегическим вопросом о будущем всего комплекса многогранных отношений между Россией и Евросоюзом. Это стало первым документально зафиксированным свидетельством того, что Европа готова пожертвовать всем накопленным потенциалом взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией, если Москва откажется играть на пространстве бывших республик СССР по навязываемым европейцами правилам.

Важным элементом внешнеполитического контекста, в котором президенту Пятой Республики приходилось реагировать на конфликт в Закавказье, была польско-шведская инициатива «Восточное партнёрство», вброшенная 26 мая 2008 г. и направленная на выдавливание России из сферы её исторического влияния в бывших республиках СССР. Этот сюжет стал одной из ключевых тем обсуждения на состоявшемся 19–20 июня 2008 г.¹⁴ заседании Совета ЕС в Брюсселе. События в Южной Осетии напрямую затрагивали одну из «фокусных» стран «Восточного партнёрства», и в этой связи позволить России силовым путём ликвидировать прозападный режим в Грузии означало поставить под вопрос всю долгосрочную стратегию экспансии Евросоюза в странах постсоветского пространства.

Процесс выявления точек соприкосновения Парижа с Москвой по грузинской проблеме шёл непросто. Вечером 8 августа 2008 г. по указанию Н. Саркози министр иностранных дел Франции Б. Кушнер обсудил ситуацию в Южной Осетии со своим российским коллегой С.В. Лавровым. Переговоры оказались сложными: Б. Кушнер жёстко настаивал на немедленном прекращении огня.

¹² Déclaration de la Présidence au nom de l'Union Européenne sur la situation en Géorgie publié le 10/08/2008. *Ambassade de France en Géorgie*. URL : <https://ge.ambafrance.org/Declaration-de-la-Présidence-au> (accessed 20.06.2023).

¹³ EU presses for peace plan over South Ossetia conflict. 2008. *France 24*. 11 août. URL: <https://www.france24.com/en/20080811-eu-presses-peace-plan-over-south-ossetia-conflict-georgia-russia> (accessed 23.06.2023).

¹⁴ Presidency Conclusions – Brussels, 19/20 June 2008. *Council of the European Union*. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11018-2008-INIT/en/pdf> (accessed 20.06.2023).

С.В. Лавров, в свою очередь, не менее бескомпромиссно требовал сначала вывести грузинские войска из зоны конфликта. Стало понятно, что ситуация срочно требует российско-французского контакта на высшем уровне.

На этом этапе президент Франции столкнулся с неожиданной трудностью — мнения его советников по России разошлись по поводу того, кому именно в Москве следует звонить: «Я решил позвонить Дмитрию Медведеву, который был на тот момент российским президентом. Это решение стало поводом для интенсивной дискуссии между дипломатами. Среди них были те, кто считал, что я должен говорить с настоящим и единственным руководителем, занимавшим тогда пост премьер-министра — с Владимиром Путиным; и те, кто высказывался за соблюдение протокольных правил, то есть за диалог между президентами. Я принял решение в пользу второй опции, так как считал, что действовать иначе — означало поставить Дмитрия Медведева в неудобное положение», — читаем в воспоминаниях Н. Саркози (Sarkozy 2020: 471).

10 августа 2008 г. французский лидер впервые обсудил грузинский вопрос по телефону с Президентом России. Всячески подчёркивая, что говорит от имени всего Евросоюза, Н. Саркози начал решительно требовать от Д.А. Медведева немедленного прекращения огня российской армией.

Президент России, в свою очередь, жёстко обусловил прекращение боевых действий полным и без каких-либо предварительных условий выводом грузинских вооружённых сил из зоны конфликта — с последующим подписанием юридически обязывающего соглашения между Тбилиси и Цхинвалом о взаимном отказе от применения силы.

Столкнувшись с непреклонной позицией Д.А. Медведева, Н. Саркози попробовал вести дискуссию в более наступательном, даже агрессивном ключе. «На кону не Грузия, а ваши отношения с Западной Европой! Велик риск возврата в десятилетия Холодной войны! Россия заплатит за это длительным разрывом сотрудничества! Ваш имидж будет разрушен, как и наши связи!» — цитирует президента Франции К. Панон (Panon 2015: 108).

Таким образом, первые телефонные переговоры по Грузии между лидерами России и Франции закончились ничем. Однако первичный контакт был всё же установлен, и уже на следующий день Н. Саркози вновь позвонил Д.А. Медведеву¹⁵. На этот раз он стал настаивать на очных переговорах по Грузии в Москве.

Следует отметить, что со стороны президента Республики это был весьма рискованный шаг — российские войска были на тот момент уже в 25 километрах от Тбилиси, и действующий председатель ЕС вполне мог оказаться с визитом в России одновременно с низложением режима М. Саакашвили. «Н. Саркози не решался лететь в Москву, рискуя быть там застигнутым новостью о взятии Тби-

¹⁵ Между президентами России и Франции состоялся ещё один телефонный разговор. 2008. *Официальный сайт Президента России*. 2008. 10 августа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/1057> (дата обращения: 23.06.2022).

лиси российскими войсками. Опасаясь ловушки, окружение главы государства также настоятельно не советовало ему посещать Москву», — свидетельствует К. Панон (Panon 2015: 109).

Вот как этот эпизод описывает сам президент Франции: «Я ещё два раза поговорил с Дмитрием Медведевым по телефону. Я смутно ощущал, что он близок к пониманию того, что я ему без устали объяснял: всё это стало заходить слишком далеко, и что последствия для репутации России могли быть значительными. Он не доходил до того, чтобы сказать мне об этом прямым текстом, но я чувствовал, что он становился всё менее и менее привязан к официальной позиции. Я понимал, что последнее слово было не за ним, но, несмотря ни на что, Путин ему доверял. Я решил воспользоваться этим моментом нерешительности (или тем, что я за него принимал) для того, чтобы сделать новый смелый ход. Я предложил моему собеседнику принять меня в Москве, чтобы приступить к реальному обсуждению проблемы. Я поставил лишь одно, но принципиальное условие: российские войска должны прекратить продвижение вглубь грузинской территории. Я сформулировал его ещё более чётким образом: «Я прилечу в Москву, но как только шасси моего самолёта коснутся взлётной полосы, я жду депеши о том, что российские войска остановились. В противном случае я не выйду из самолёта и сразу же улечу назад!» Мне нужна была такая гарантия, так как часть моих сотрудников опасалась того, что мой визит окажется ловушкой, которая позволит русским выиграть время и завершить их работу. Несмотря ни на что, я решил рискнуть и довериться Медведеву» (Sarkozy 2020: 472–473).

По итогам телефонного разговора президентов России и Франции, состоявшегося 11 августа 2008 г., была достигнута договорённость о визите Н. Саркози 12 августа в Москву.

План Медведева–Саркози

Утром 12 августа 2008 г. Н. Саркози вылетел из Тулона в Москву. Сразу по прибытии в аэропорт «Внуково-2» президент Республики убедился в том, что его условие — приостановка продвижения российских войск вглубь грузинской территории — Москвой добросовестно выполнено: «Не прошло и десяти минут после нашей посадки, как сопровождавший меня в президентском самолёте офицер-связист передал мне текст коммюнике, в котором говорилось, что русским танкам дан приказ остановиться. Я вздохнул с облегчением. Наконец, пришла хорошая новость. В то же время остановить их было хорошо, но недостаточно. Теперь надо было заставить их отступить!» (Sarkozy 2020: 472–473).

У трапа французского лидера встретил Д.А. Медведев, который сразу информировал гостя о том, что в обсуждении грузинской проблемы также будет участвовать премьер министр России В.В. Путин¹⁶. Вот как этот момент описывает Н. Саркози: «Сразу по прибытии Дмитрий Медведев отвёл меня в сторону: “Ты не против, если Владимир Путин присоединится к нам во время обеда?” ... Это непредвиденное присутствие свидетельствовало о том, какое важное значение русские придают этому делу. Я подумал даже, что это облегчит мне задачу, так как я не был уверен в том, что русские генералы подчиняются Медведеву» (Sarkozy 2020: 474).

Переговоры в подмосковном замке Майендорф должны были пройти в формате рабочего обеда, однако затянулись на всю вторую половину дня — запланированная на 15:00 совместная пресс-конференция Н. Саркози и Д.А. Медведева в итоге состоялась только в 19:00.

Основная дискуссия развернулась за главным столом, за которым присутствовали Д.А. Медведев, Н. Саркози, В.В. Путин и Ж.Д. Левитт. Параллельно работал «экспертный формат» — министры иностранных дел С.В. Лавров и Б. Кушнер, а также представлявшие дипломатические управления президентских администраций С.Э. Приходько и Д. Лора.

Согласно Н. Саркози, майендорфская беседа началась следующим образом: «Говорить начал Путин. Он был в гневе. Он взял дискуссию в свои руки и монополизировал трибуну на добрую четверть часа. Это был мощный обвинительный акт против Саакашвили, его методов, его политики, его личных качеств. Он вышел из себя и дошёл до того, что всякий раз крестился, когда произносил имя грузинского президента. Это было впечатляюще. В конце он даже сказал мне: “После всех преступлений, которые Саакашвили совершил, он не может остаться у власти!”» (Sarkozy 2020: 475). В версии К. Панона В.В. Путин «пообещал повесить» М. Саакашвили (Panon 2015: 110).

Президент Республики, если верить его версии событий, решительно прервал «гневную тираду» российского лидера: «Я покинул Кап-Негр¹⁷ не для того, чтобы выслушивать оскорбления и угрозы в адрес президента страны члена ООН. Я приехал из добрых побуждений помочь вам выбраться из ситуации, проигрышной для всех и, в первую очередь, для тебя. Ты ничего не хочешь слушать. Я уезжаю, с меня довольно!» (Sarkozy 2020: 475).

Согласно воспоминаниям президента Франции, он остался на переговорах только по настоятельной просьбе В.В. Путина. После того, как лидеры вернулись за стол, атмосфера ещё некоторое время была натянутой. Со слов Н. Саркози,

¹⁶ Премьер Путин присоединился к переговорам Медведева и Саркози. 2008. *Интерфакс*. 12 августа. URL: <https://www.interfax.ru/russia/26784> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁷ *Domaine du Cap Nègre* — частное владение семьи Бруни-Тедесчи на Лазурном берегу с замком Фаражи (*Château de Faraghi*), который использовался в качестве временной летней резиденции президента Республики в период президентства Н. Саркози.

разрядил её следующий эпизод: «Путин продолжил: “Я хочу задать тебе один вопрос. Когда твой друг Буш повесил Саддама Хусейна, ты не протестовал?” Я ответил: “Так значит мечта твоей жизни — закончить как Буш, чтобы тебя ненавидело две трети населения планеты. Я не знал, что он твой кумир!” Путин расхохотался и искренне ответил мне: “Гол в твою пользу!”» (Sarkozy 2020: 476).

Российская позиция, в самом начале переговоров чётко озвученная Д.А. Медведевым, заключалась в том, что режим прекращения огня является временным и представляет собой жест доброй воли российской стороны, сделанный французскому председательству в ЕС и лично Н. Саркози. Оно станет окончательным только тогда, когда Грузия вернёт все свои войска в казармы, при этом российские военные должны остаться на грузинской территории, причём не только в зоне конфликта.

Президент Франции, в свою очередь, выражал понимание озабоченностью России по поводу безопасности Абхазии и Южной Осетии, но предлагал вместо возврата грузинских войск в пункты их постоянной дислокации создать на границах мятежных регионов своего рода буферную зону, свободную от их присутствия — достаточно широкую для того, чтобы полностью исключить новые военные провокации со стороны Тбилиси.

Идея зоны разграничения не вызвала отторжения у российского руководства. Тогда Н. Саркози стал убеждать Д.А. Медведева и В.В. Путина в том, что развёртывание наблюдательной миссии Евросоюза в регионе могло бы способствовать стабилизации ситуации в зоне конфликта. Россияне не спешили давать на это добро, но, по оценкам французов, были готовы использовать эту «карту» в переговорном торге по другим вопросам.

Не было взаимного понимания и по статусу Абхазии и Южной Осетии. В этой связи победой для президента Франции было то, что он сумел убедить Москву в необходимости обсуждать данный вопрос «в международном формате» (то, что в итоге обрело форму Женевских дискуссий по безопасности в Закавказье).

Параллельно шла работа за экспертным столом. Помощник Президента России С.Э. Приходько обсуждал с главой МИД Франции Б. Кушнером и дипломатическим советником президента Франции Ж.Д. Левиттом «расширенный» (из четырёх пунктов) проект документа об урегулировании ситуации в Грузии, уже существенно переработанный российской стороной. Суть поправок Москвы свидетельствовала о том, что предложение Франции в том виде, в каком оно было изначально представлено Н. Саркози, для России оказалось совершенно неприемлемо. Проблемы в той или иной степени вызывали все четыре пункта французского плана:

- «прекратить огонь» Москва по-прежнему была согласна только после полного вывода грузинских войск из региона конфликта;

- обязательство «уважать суверенитет и территориальную целостность Грузии» Россия жёстко увязывала с юридически обязывающими гарантиями не пытаться решить проблемы Абхазии и Южной Осетии силой;
- покидать «проблемные территории» до имплементации гипотетического «международного наблюдательного механизма» российская армия также не собиралась;
- в реализуемость содержащейся в четвертом пункте угрозы Евросоюза «поставить на паузу» весь комплекс отношений с Россией в случае сохранения Москвой военного присутствия в Грузии россияне, по ощущениям французов, не верили и, соответственно, выражали недоумение, к чему вообще подобные формулировки в мирном плане.

Переговоры зашли в тупик. Было необходимо срочно спасти положение. Для этого был нужен новый базовый документ, который в достаточной степени учитывал бы принципиальные требования российской стороны. В перерыве между переговорными сессиями президент Франции буквально «на салфетке» собственноручно составил новый проект мирного плана по Грузии, состоящий уже из шести пунктов. К. Панон в своей книге публикует фотоснимок этого наброска, написанного рукой Н. Саркози (Panon 2015: 469).

«Я уединился со своей командой и лично составил план из шести пунктов, который я затем представил на одобрение русских. Главное в нём было — вывод российских войск из Грузии, но с возможностью для них оставаться на территориях Южной Осетии и Абхазии. Таким образом, освобождалось 90% грузинской территории. Это не было идеально, но значительно лучше, чем полная оккупация. Путин согласился, когда я ему сказал, что намерен организовать в будущем в Женеве переговоры между русскими и грузинами о статусе этих двух территорий», — свидетельствует об этом эпизоде Н. Саркози (Sarkozy 2020: 476).

12 августа 2008 г. в 18:30 по московскому времени на официальном сайте Кремля был опубликован итоговый отчёт о российско-французских переговорах по Грузии, в котором впервые фигурировали (немного в иной последовательности) «шесть пунктов», экспромтом разработанные президентом Франции¹⁸. Именно они впоследствии стали знаменитым «Планом Медведева–Саркози» и международно признанной основой для урегулирования конфликта в Закавказье. Приведём их полностью:

1. не прибегать к использованию силы;
2. окончательно прекратить все военные действия;
3. обеспечить свободный доступ к гуманитарной помощи;
4. вооружённые силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации;

¹⁸ Операция по принуждению грузинских властей к миру завершена в связи с тем, что достигнута главная цель: защищена российские миротворцы и гражданское население Южной Осетии. 2008. *Официальный сайт Президента России*. 12 августа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/1073> (дата обращения: 23.06.2023).

5. вооружённые Силы Российской Федерации выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий, до создания международных механизмов российские миротворческие силы принимают дополнительные меры безопасности;

6. начало международного обсуждения вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

В тот же день согласованный план мирного урегулирования в Закавказье был представлен общественности на совместной пресс-конференции Д.А. Медведева и Н. Саркози. На ней французский лидер заявил следующее: «Нужно выйти из кризиса. А для того, чтобы выйти из кризиса, надо, чтобы участники боевых действий прекратили эти боевые действия... Два решения: либо мы пытаемся урегулировать всё сейчас – и ничего не сможем сделать, либо мы пытаемся восстановить мир – и попытаемся через диалог найти решение на длительную перспективу... Если вы хотите быть посредником, то надо сблизить стороны, находящиеся на различных позициях. Именно в этом я вижу свою роль как президента Франции, председателя Совета Евросоюза... Грузия – это независимая страна. Россияне, российская сторона — и президент Медведев это подтвердил — не имеют никакого намерения оставаться в Грузии»¹⁹.

«Это был несомненный успех. Худшего удалось избежать. Теперь оставалось убедить в этом грузин», — так описывает результаты своих переговоров в Москве Н. Саркози (Sarkozy 2020: 476).

Однако на тот момент французский лидер с М. Саакашвили согласовал только первый план, состоявший из трёх пунктов. Теперь же речь шла о совершенно другом документе. Было необходимо срочно лететь в Тбилиси и уговаривать президента Грузии согласиться на новые условия, на этот раз во многом продиктованные Россией.

12 августа 2008 г. в 20:40 по московскому времени самолёт президента Франции приземлился в аэропорту Тбилиси. «Была кромешная ночь. Страна была в состоянии войны, и танки оккупационной армии были в двадцати пяти километрах от того места, где мы приземлились. Между аэропортом и президентским дворцом, где меня ждал М. Саакашвили, атмосфера была зловещей. Я впервые пересекал город, находящийся так близко от линии фронта», — вспоминает Н. Саркози (Sarkozy 2020: 477).

По версии президента Грузии, его переговоры с французским коллегой начались ещё в аэропорту (то есть в районе 21:00). Согласно официальному протоколу, глава государства лично встречает у трапа лидера дружественной

¹⁹ Совместная пресс-конференция Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Президента Французской Республики Н. Саркози. Москва, 12 августа 2008 г. *Официальный сайт Президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (дата обращения: 23.06.2023).

иностранной державы. Нет никаких оснований полагать, что М. Саакашвили решил по каким-то причинам сделать исключение для Н. Саркози из этого известного правила.

Вот как описывает прибытие европейского гостя М. Саакашвили: «Через день из Москвы в Тбилиси прилетел Саркози. После него должны были прилететь и другие мировые лидеры. Я встречал Саркози в аэропорту... Саркози долго не выходил. “Ты не понимаешь, с кем имеешь дело, – бросил он, спустившись с трапа. Путин – маньяк, он вас всех убьёт”. Он выглядел очень уставшим и взволнованным. Он рассказал, что во время переговоров Путин долго тряс его за галстук, угрожая повесить Саакашвили» (Саакашвили 2016: 165).

В аэропорту Н. Саркози начал пугать М. Саакашвили самыми ужасными последствиями, если грузинский лидер не согласится принять его новый мирный план. В том же духе француз продолжил и в ходе основных переговоров в президентской резиденции в Тбилиси: «Я пояснил, что либо Грузия принимает мой план, либо бои возобновятся, Тбилиси падёт, и это будет конец независимой Грузии. Саакашвили отказался, зацепившись за вопрос о международных дискуссиях о статусе Южной Осетии и Абхазии. Это была ошибка с его стороны, ведь переговоры были косвенной гарантией того, что факт оккупации этой территории Россией не будет признан как окончательный» (Sarkozy 2020: 477).

Данный эпизод в описании М. Саакашвили выглядит следующим образом: «Мы прошли в здание, и Саркози изложил шесть пунктов своего мирного плана. Четыре из них полностью повторяли план Кушнера, а пятый гласил, что после прекращения огня создаётся зона безопасности, и её границы определяет Россия. Фактически речь шла о зоне оккупации. В шестом пункте говорилось о том, что статус Абхазии и Южной Осетии будет решён позже, в процессе мирных переговоров. В действительности речь шла об отторжении территорий. Я бросил ему эту бумагу обратно: «Ты, наверное, шутишь, я этого никогда в жизни не подпишу». В ответ Саркози вышел из себя и начал кричать, что я ничего не понимаю, что русские будут в Тбилиси завтра же. “Твой друг Буш не прислал тебе солдат, у меня тоже нет солдат, чтобы тебе помочь! Тебе конец, я же говорил, что он хочет тебя повесить, и он это сделает, я знаю, что он не шутит”, – ну и все в таком духе» (Саакашвили 2016: 167).

Задачу Н. Саркози склонить президента Грузии принять уже одобренный Россией мирный план существенно осложняло присутствие на переговорах представителей «ястребиного крыла» Евросоюза. Незадолго до того в Тбилиси прилетели президенты Литвы и Польши (соответственно В. Адамкус и Л. Качинский), к которым затем присоединился президент Украины В. Ющенко. Все они были решительно настроены на побуждение Грузии к продолжению вооружённого сопротивления «до победного конца», и миротворческая активность французского председательства в ЕС на грузинском треке вызывала у них нескрываемое раздражение.

За визитом Н. Саркози в Тбилиси не менее пристально следили из Вашингтона. Так, прибыв в зал для переговоров в резиденции президента Грузии, Н. Саркози заметил, что там, помимо перечисленных выше гостей из Восточной Европы, также присутствовали и американские советники М. Саакашвили: «Я сразу обратил внимание на двух человек, которые держались особняком в углу президентского кабинета. Мне сказали, что это были два американских советника М. Саакашвили. Я попросил, чтобы они немедленно покинули комнату» (Sarkozy 2020: 477).

К. Панон тоже описывает этот эпизод, однако в версии французского исследователя фигурирует только один американский советник Д. Кулин (Daniel Kouline), который якобы на русском языке (чтобы не понял Н. Саркози) настойчиво убеждал М. Саакашвили не подписывать согласованный в Москве мирный план. Однако французский посол в Грузии Э. Фурнье успел перевести президенту Республики суть американо-грузинских перешёптываний, и Н. Саркози разразился в адрес Д. Кулина гневной тирадой: «Хватит! Прежде чем давать плохие советы, сколько американских кораблей и солдат будут направлены в Грузию, если русские решат продолжить своё наступление?» (Panon 2015: 111).

Вспоминает об этом моменте и М. Саакашвили: «Саркози почему-то очень не понравился мой американский советник Дэниэл Кулин, который жил в Грузии с 1991 года. Дэн, можно сказать, полностью “огрузинился” — у него была грузинская жена, он говорил по-грузински без акцента, он стал моим советником. Друг с другом мы общались по-английски. Увидев американца, Саркози стал кричать, что это агент ЦРУ, ничего хорошего он не посоветует, что я не должен его слушать» (Саакашвили 2016: 168).

Все участники переговоров в ночь с 12 на 13 августа 2008 г. в Тбилиси маниакально опасались российской «прослушки». Н. Саркози и М. Саакашвили были полностью уверены в том, что каждое произнесённое ими слово немедленно становится известно в Москве. Это вносило дополнительную нервозность и без того эмоционально накалённую обстановку.

«Я ни секунды не сомневался, что мои собеседники за рабочим завтраком в Москве обладали всеми техническими и агентурными средствами для того, чтобы быть прекрасно информированными о том, что происходило в Тбилиси», — читаем в мемуарах Н. Саркози (Sarkozy 2020: 479).

«Саркози то и дело отходил в сторону, чтобы позвонить своей жене Карле и рассказать ей о ходе переговоров. Он говорил, например, какой пункт Грузия не принимает. Естественно, все эти разговоры слушали русские — Советский Союз позаботился о том, чтобы все кабели из Грузии шли через Россию», — озвучивает это же опасение М. Саакашвили, обвиняя президента Франции в непрофессионализме и неосторожности (Саакашвили 2016: 168).

Тем временем президент Грузии продолжал упорствовать. М. Саакашвили по-прежнему не устраивал шестой пункт плана, который касался обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии. Посреднические усилия Н. Саркози в очередной раз оказались на грани провала, причём не из-за позиции Москвы, а дружественного Тбилиси.

Президент Республики решил позвонить Д.А. Медведеву, чтобы попытаться убедить его отказаться от неприемлемого для грузин шестого пункта плана: «В час ночи я решил позвонить Медведеву, чтобы убедить его отказаться от этого упоминания о международной дискуссии о статусе двух регионов. Российская армия при этом могла бы продолжать находиться на их территориях... К моему большому удивлению, он без особых дискуссий согласился и даже сообщил мне, что отдал приказ российскому высшему военному командованию о выводе войск. Это было замечательно и неожиданно. Таким образом, введённый накануне в три часа ночи режим прекращения огня стал постоянным» (Sarkozy 2020: 479–480).

М. Саакашвили также вспоминает об этом телефонном разговоре: «Медведев согласился убрать шестой пункт, в котором говорилось об открытом статусе территорий — пусть только останется зона безопасности. Я ответил Саркози, что подпишу, если определимся со сроком, когда зону безопасности уберут. Медведев согласился и на это. Это был единственный пункт, по которому нам пришлось уступить» (Саакашвили 2016: 169–170).

В 3 часа ночи 13 августа 2008 г. президенты Франции и Грузии на совместной пресс-конференции представили новые шесть пунктов мирного плана, теперь уже согласованные и с Москвой, и с Тбилиси. Последний пункт в новой редакции выглядел следующим образом: «Создание международных гарантий в Абхазии и Южной Осетии для обеспечения стабильности и безопасности». Из текста документа исчезло упоминание о будущем статусе проблемных регионов. Пятидневная российско-грузинская война завершилась, однако впереди была ещё напряжённая дипломатическая работа по реализации достигнутых договорённостей.

Выход на финальные договорённости по урегулированию конфликта

Благодаря найденной 12 августа 2008 г. переговорной развязке в Грузии прекратились масштабные боевые действия. В то же время французские дипломаты не могли не понимать, что переговорный успех Н. Саркози в Закавказье носит лишь тактический характер, тогда как для долговременного решения грузинской проблемы было необходимо придать «шести пунктам» статус юридически обязывающего документа, а также предусмотреть конкретные механизмы контроля над практической реализацией достигнутых договорённостей.

Представляя итоги переговоров 12-13 августа 2008 г. на пресс-конференции по итогам экстренного заседания Совета ЕС по иностранным делам в Брюсселе, французский министр иностранных дел Б. Кушнер был далёк от регистра победной реляции: «Действуя в плотном постоянном контакте с Х. Соланой и Еврокомиссией, а также с финским министром иностранных дел Александром Стуббом, исполняющим функции действующего председателя ОБСЕ, мы — в том числе, и я как представитель действующего председательствования в ЕС — постарались прекратить кровопролитие. Совместно с президентом Н. Саркози мы попытались представить это в виде текста — по определению компромиссного, по определению неидеального, по определению не являющегося достаточным... Этот текст никем не подписан, это не исторический документ. Он лишь резюмирует принципы»²⁰.

Французский мирный план, с большими оговорками одобренный Тбилиси и Москвой, пока действительно представлял собой лишь список задекларированных принципов, при этом стороны совершенно по-разному понимали суть достигнутых договорённостей. Так, Россия, согласившись на предложенную формулировку шестого пункта без упоминания вопроса о будущем статусе Абхазии и Южной Осетии, продолжала исходить из того, что предстоящее «международное обсуждение путей обеспечения прочной безопасности» двух проблемных регионов подразумевает субстантивную дискуссию и по этой теме, о чём Президент России Д.А. Медведев прямо заявил 26 августа 2008 г. в интервью телекомпании «Би Би Си».

Грузия, напротив, была убеждена в том, что согласованная при посредничестве Н. Саркози формулировка шестого пункта плана однозначно выносила дебаты о статусе Абхазии и Южной Осетии за скобки предстоящих международных дискуссий.

Выяснилось также, что русская и английская версии не совпадают в небольшом, но принципиально важном моменте. Английская формулировка об обеспечении безопасности «для Южной Осетии и Абхазии» в трактовке представителей Запада допускала, что заниматься этим будет «международное сообщество» (то есть ООН, ОБСЕ и Евросоюз), тогда как российские войска должны будут покинуть рассматриваемые территории сразу, как только будет развернут соответствующий «многонациональный механизм». В то же время русский текст «международное обсуждение путей обеспечения прочной безопасности Южной Осетии и Абхазии» обозначал ровным счётом то, что написано, и в со-

²⁰ Déclaration de M. Bernard Kouchner, ministre des Affaires étrangères et européennes, lors de la conférence de presse conjointe avec Javier Solana, Haut représentant pour la politique étrangère et de sécurité commune, et de M. Olli Rehn, Commissaire européen, sur le contenu de l'accord de cessez-le-feu provisoire entre la Russie et Géorgie, Bruxelles le 13 août 2008. *Vie publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/172080-declaration-de-m-bernard-kouchner-ministre-des-affaires-etrangees-et> (accessed: 23.06.2023).

ответствии с пунктом 5 плана предоставлял российским войскам право находиться в указанных регионах параллельно с международными дискуссиями на сей счёт и развёртыванием многосторонних мониторинговых миссий, которые, как полагали в Москве, будут действовать за пределами мятежных республик.

Кроме того, 13 августа 2008 г. президент М. Саакашвили «вчитался» в пятый пункт плана и понял, что Н. Саркози фактически предложил ему добровольно и на неопределённое время (до создания неких «международных механизмов» по обеспечению безопасности Южной Осетии) передать контроль над зоной конфликта российским военным.

Н. Саркози находился в своей средиземноморской резиденции «Форт Брегансон», когда ему доложили, что Грузия категорически отказалась подписывать ранее согласованный с ней мирный план — теперь уже не из за шестого, а из-за пятого пункта. Стало ясно, что согласованные 12 августа 2008 г. договорённости придётся дополнительно «подгонять» под новые требования М. Саакашвили. Для придания большей убедительности своим действиям президент Франции решил на этот раз привлечь к давлению на Тбилиси американцев.

14 августа 2008 г. в «Форт Брегансон» прилетела госсекретарь США К. Райс. Её совместная с Н. Саркози пресс-конференция²¹ по итогам состоявшихся переговоров ещё раз подтвердила, что Вашингтон полностью поддерживает «миротворческое посредничество» Парижа в урегулировании конфликта в Грузии и намерен всесторонне способствовать реализации предложенного Францией мирного плана.

15 августа 2008 г. К. Райс прибыла в Тбилиси. Среди аргументов, при помощи которых она намеревалась убедить М. Саакашвили подписать французский документ, значилось личное письмо Н. Саркози грузинскому лидеру. Приведём текст этого послания полностью: «Господин Президент, касательно пункта пять соглашения из шести пунктов, на который Вы — а затем Президент Медведев — дали своё согласие 12 августа 2008 г. во время нашей встречи в Тбилиси и который предусматривает, что “российские вооружённые силы будут отведены на линии, где они находились до начала боевых действий”, и что “до создания международного механизма российские миротворческие силы предпримут дополнительные меры безопасности”, я хотел бы довести до Вашего сведения следующие уточнения:

- как я пояснил на нашей совместной пресс конференции в Тбилиси, эти “дополнительные меры безопасности” будут реализовываться только в непосредственной близости к Южной Осетии, исключая другие регионы Грузии, они будут действовать внутри зоны глубиной в несколько километров вдоль адми-

²¹ Remarks With French President Nicolas Sarkozy on the Situation in Georgia. 2008. *Secretary Condoleezza Rice*. Le Fort de Brégançon, France August 14. URL : <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/08/108254.htm> (accessed : 23.06.2023).

нистративной границы между Южной Осетией и остальной Грузией таким образом, чтобы не затрагивать ни один крупный населённый пункт — я имею в виду, прежде всего, город Гори;

- отдельные меры будут определены для обеспечения свободы передвижения по автомобильным трассам и железным дорогам Грузии;
- эти “дополнительные меры безопасности” будут осуществляться в виде патрулей, в которых будут участвовать только российские миротворцы, количество которых не будет превышать параметры, установленные существующими договорённостями; прочие российские силы будут выведены на позиции, на которых они находились до 7 августа 2008 г. в соответствии с протоколом договора;
- эти “меры” будут временными и будут действовать до создания в скором будущем “международного механизма”, мандат и параметры которого уже согласовываются на различных международных площадках, а именно в ОБСЕ, ЕС и ООН.

С учётом этих уточнений я настоятельно прошу Вас подтвердить Ваше согласие на договор, которое Вы мне дали и подтвердили публично в Тбилиси, поставив Вашу подпись под протоколом к соглашению из шести пунктов, который я также подписал как свидетель и гарант от имени Евросоюза. Президент Медведев мне вчера подтвердил, что за Вашей подписью последует отвод российских войск согласно достигнутым договорённостям. Прошу Вас принять, господин Президент, уверения в моём высоком к Вам уважении»²².

Несложно заметить, что конкретные модальности реализации пятого пункта, изложенные в письме Н. Саркози, заметно выходили за рамки соответствующей лаконичной формулировки, согласованной 12 августа 2008 г. с Президентом России Д.А. Медведевым. М. Саакашвили предлагалось принять пятый пункт фактически на новых условиях, которые его, конечно, устраивали: российская армия (за исключением миротворческого батальона) должна была покинуть территорию Южной Осетии, тогда как миссия российских миротворцев ограничивалась отныне временным патрулированием административной границы региона.

Весомым аргументом в глазах грузинской стороны было и то, что обновлённую трактовку пятого пункта в Тбилиси привезла лично госсекретарь США К. Райс. Это означало, что Вашингтон полностью поддерживает позицию Парижа, изложенную в послании президента Франции, и выступает гарантом того, что мирный план Н. Саркози будет реализовываться именно по такому сценарию. Вечером 15 августа 2008 г. М. Саакашвили на совместной с К. Райс пресс-конференции в Тбилиси объявил, что подписал мирный план из шести пунктов²³.

²² Lettre de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, adressée à M. Mikhaïl Saakachvili, Président de la Géorgie, sur les modalités de mise en œuvre de l'accord de cessez-le-feu entre la Géorgie et la Russie. *Vie publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/171853-lettre-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-adressee-m> (accessed 23.06.2023).

²³ Condoleezza Rice Holds Joint Conference with Georgian President. *CNN*. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2008-08-15/segment/03> (accessed 23.06.2023).

В Москве сразу поняли, что президентом Франции был осуществлён подлог — вместо согласованного 12 августа 2008 г. текста М. Саакашвили представили на подпись, подкреплённую авторитетом К. Райс новую «брегансонскую импровизацию» Н. Саркози. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров на пресс-конференции по итогам встречи с его бельгийским коллегой К. де Гюхтом 3 сентября 2008 г. в Москве справедливо заметил: «В той версии, которую несколько дней спустя удалось заставить подписать М. Саакашвили, содержится целый ряд искажений тех договорённостей, которые были достигнуты президентами Д.А. Медведевым и Н. Саркози»²⁴.

В подписанном президентом Грузии новым документе отсутствовала согласованная 12 августа 2008 г. вводная часть, согласно которой стороны отказывались от применения силы при разрешении конфликта. М. Саакашвили, таким образом, пытался развязать себе руки на случай, если ситуация вдруг вновь станет благоприятной для Грузии в плане возвращения утраченных территорий военным путём.

15 августа 2008 г. Н. Саркози позвонил Президенту Д.А. Медведеву. По итогам общения он понял, что новая трактовка пятого пункта плана для Москвы неприемлема. Однако, стремясь добиться скорейшего подписания документа фактически любой ценой, Н. Саркози предпочёл сделать основной акцент на пунктах документа, не являющихся предметом разногласий, и предложил «отложить на потом» обсуждение противоречий по трактовке рассматриваемого параграфа.

16 августа 2008 г. на заседании Совета Безопасности России Д.А. Медведев объявил, что подписал план из шести пунктов. Ранее по настоянию Москвы свои подписи под документом поставили представители Южной Осетии и Абхазии. При этом отвода российских войск из мятежных регионов, который Н. Саркози обещал М. Саакашвили «сразу после того, как план будут подписан обеими сторонами», так и не произошло.

Таким образом, президенту Франции удалось получить подписи лидеров России и Грузии под его мирным планом, однако по факту Д.А. Медведев и М. Саакашвили подписали две различных версии документа, содержащих в себе противоречия принципиального плана. В итоге стороны по-прежнему взаимноисключающим образом трактовали пятый и шестой пункты: российские вооружённые силы не собирались покидать потерянные для Тбилиси регионы, а грузины неизменно добивались прекращения «оккупации» всей территории их страны, включая Абхазию и Южную Осетию.

²⁴ Совместная пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и министра иностранных дел Королевства Бельгия К. де Гюхта. Москва, 3 сентября 2008 г. *Официальный сайт МИД России*. URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1602939&lang=ru> (дата обращения: 23.06.2023).

18 августа 2008 г. Н. Саркози в интервью газете «Фигаро» обозначил свою решимость продолжать борьбу за реализацию своего плана по сценарию, изложенному в его письме на имя М. Саакашвили от 14 августа 2008 г.: «Этот план не решал проблему полностью, да это и не было его целью. Однако он позволил получить согласие сторон на прекращение огня. Его подписание президентами Медведевым и Саакашвили, а также мною от имени Европейского союза, делает возможным отведение российских войск на позиции, на которых они находились до начала боевых действий. Это должно быть сделано незамедлительно. По моему мнению, это не подлежит обсуждению. Отвод должен касаться всех российских сил, которые вошли в Грузию с 7 августа 2008 г. Если это положение договора не будет исполнено полностью и немедленно, я буду вынужден созвать внеочередное заседание Совета ЕС»²⁵.

23 августа 2008 г. президент Франции вновь позвонил в Москву в надежде убедить Д.А. Медведева вывести российские войска из Абхазии и Южной Осетии. Однако судя по тому, что 26 августа 2008 г. Россия официально признала независимость этих двух государств, аргументы Н. Саркози не убедили российского лидера. Уже на следующий день в своём выступлении на ежегодной конференции французских послов президент Республики от имени всего Евросоюза «решительно осудил» этот шаг российской стороны²⁶.

Пересмотрев по собственной инициативе и в одностороннем порядке достигнутые ранее договорённости с Москвой, Н. Саркози к концу августа 2008 г. в очередной раз оказался в переговорном тупике. Нужно было снова срочно ехать в Россию. Во избежание тактических ошибок первого раунда посредничества (когда действия французского председательства на грузинском треке критиковали восточноевропейские столицы, то и дело указывая Н. Саркози на отсутствие у него мандата на то, чтобы говорить с Кремлем по Грузии от имени всего Евросоюза) президент Пятой Республики решил до контакта с Д.А. Медведевым заручиться поддержкой своей позиции на внеочередном саммите ЕС.

1 сентября 2008 г. по инициативе Франции в Брюсселе состоялось экстренное заседание Совета ЕС, посвящённое ситуации в Грузии. Его выводы²⁷ в числе прочего содержали официально зафиксированный мандат, выданный Н. Саркози (теперь уже всеми без исключения странами членами) на продолжение его посредничества в урегулировании конфликта в Закавказье. На пресс-

²⁵ Sarkozy N. La Russie doit se retirer sans délais de la Géorgie. *Le Figaro* du 18 août 2008.

²⁶ Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur les défis et priorités de la politique étrangère de la France, à Paris le 27 août 2008. *Vie publique*. URL : <https://www.vie-publique.fr/discours/171977-declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-d> (accessed 23.06.2023).

²⁷ Conclusions de la présidence du Conseil de l'Union européenne sur le conflit armé russo-géorgien, le 1er septembre 2008. *Vie publique*. URL : <https://www.vie-publique.fr/discours/172172-conclusions-de-la-presidence-du-conseil-de-l-union-europeenne-sur-le-con> (accessed 23.03.2023).6

конференции по итогам саммита президент Франции заявил: «Мы предпримем усилия в политической сфере, продолжая посредничество между сторонами и с согласия всех членов Союза направимся в Москву и Тбилиси вместе с председателем Баррозу..., высоким представителем Хавьером Соланой и, конечно же, с Бернаром Кушнером. Мы потребуем от России скрупулёзного выполнения плана из шести пунктов. Европа будет всемерно содействовать восстановлению Грузии, которой мы продолжим оказывать наше гуманитарное содействие... Наконец, Европейский союз ускорит создание международного наблюдательного механизма для обеспечения полного исполнения сторонами их обязательств»²⁸.

8 сентября 2008 г. в подмосковном замке Майендорф состоялся ключевой для грузино-абхазо-осетинского урегулирования второй тур переговоров по конфликту в Закавказье, на котором со стороны Запада вновь солировал президент Франции.

В ходе беседы Н. Саркози передал Д.А. Медведеву послание М. Саакашвили, в котором президент Грузии обязался более не пытаться решить проблемы Абхазии и Южной Осетии военным путём, а также совместное письмо председателя Комиссии европейских сообществ М. Баррозу и генерального секретаря Совета ЕС Х. Соланы с подтверждением того, что Евросоюз берет на себя обязательство гарантировать исполнение достигнутых договорённостей.

Однако основным результатом «Майендорфа 2» стало принятие документа под названием «Осуществление Плана 12 августа»²⁹, представлявшего собой согласованную с российской стороной дорожную карту реализации шести пунктов «Плана Медведева–Саркози».

«У нас было четыре цели. Отвод российских войск в соответствии с чётким графиком — цель достигнута! Развёртывание миссии международных наблюдателей — сделано! Вопрос с беженцами — проработан! Наконец, международные дискуссии — если они начинаются в Женеве, значит, есть что обсуждать!»³⁰ — сообщил Н. Саркози на совместной с Д.А. Медведевым пресс-конференции по итогам переговоров в Майендорфе 8 сентября 2008 г.

9 сентября 2008 г. делегация во главе с действующим председателем Евросоюза прибыла в Тбилиси, где получила одобрение подписанных накануне в Майендорфе документов со стороны президента М. Саакашвили. Спровоци-

²⁸ Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République ; sur l'action de l'Union européenne face au conflit armé russo-géorgien concernant l'Ostéite du Sud et l'Abkhazie, à Bruxelles le 1er septembre 2008. *Élysée*. URL : <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-11647-fr.pdf> (accessed 23.06.2023).

²⁹ Осуществление плана 12 августа. 2008. *Официальный сайт Президента России*. 9 сентября. URL: <http://kremlin.ru/supplement/201> (дата обращения: 23.06.2023).

³⁰ Conférence de presse conjointe de MM. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Dmitry Medvedev, Président de la Fédération de Russie, sur la résolution du conflit russo-géorgien concernant les régions séparatistes de Géorgie, l'Ostéite du Sud et l'Abkhazie, à Moscou le 8 septembre 2008. *Élysée*. URL : <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/08/conference-de-presse-conjointe-de> (accessed 23.06.2023).

рованный грузинским лидером конфликт в Закавказье завершился мирным соглашением, фактически навязанным Тбилиси солидарными усилиями представлявшей Евросоюз Франции и России, выступившей в роли гаранта безопасности Южной Осетии и Абхазии.

Выводы

Посреднические усилия президента Франции Н. Саркози в августе-сентябре 2008 г. лишили Россию её самого большого внешнеполитического «приза»: враждебный Москве режим М. Саакашвили не был низложен, Тбилиси сохранил прозападную ориентацию, и угроза безопасности Российской Федерации, исходящая от страны, ориентированной на интеграцию во враждебные нам НАТО и ЕС, полностью не ликвидирована до сих пор.

В то же время, согласно майендорфским договорённостям, Россия сохранила своё военное присутствие в стратегически важной для её интересов географической зоне и приобрела надёжных союзников в регионе в лице независимых Абхазии и Южной Осетии. В качестве отдельного «дипломатического бонуса» Москва получила возможность продвигать своё видение обеспечения безопасности в Закавказье в ходе международных дискуссий, которые стартовали 15 октября 2008 г. в Женеве.

Однако главным итогом «майендорфского решения» для Российской Федерации было то, что она с минимальными внешнеполитическими, экономическими и даже имиджевыми потерями выходила из острого кризиса в отношениях с ЕС (были всего лишь «приостановлены» переговоры о новом базовом соглашении между Россией и Евросоюзом).

«Коммунитарный Брюссель», представленный президентом Франции Н. Саркози, достиг пусть и не всех, но основных своих внешнеполитических целей. Так, с одной стороны, европейцам пришлось довольствоваться тем, что после военной авантюры М. Саакашвили в Южной Осетии в Грузии всё же сохранился прозападный режим (то, что в состав страны де факто более не входили «проблемные регионы», на фоне угрозы полноформатного возвращения Тбилиси под влияние Москвы в ЕС были вынуждены считать «приемлемым злом»).

С другой стороны, посредством развёртывания собственной наблюдательной миссии³¹ в Закавказье Евросоюз впервые получал шанс сыграть самостоятельную роль в урегулировании крупного регионального конфликта на постсоветском пространстве, что не могло не льстить экспансионистским амбициям, зафиксированным в программе «Восточного партнёрства».

³¹ В соответствии с майендорфскими договорённостями с 1 октября 2008 г. на границы Абхазии и Южной Осетии направлялась наблюдательная миссия Евросоюза в составе «не менее 200 человек», что ставило ЕС в политико-дипломатическом плане в один ряд с ООН и ОБСЕ, уже имевших наблюдательное присутствие в регионе.

Бесспорно проигравшим от новых геополитических реалий в Закавказье, зафиксированных в документе «Осуществление Плана 12 августа», оказался Тбилиси, начавший войну против Южной Осетии в надежде «окончательно покончить с сепаратизмом», однако в итоге потерявший всякий контроль над Абхазией и Южной Осетией.

В то же время лично у М. Саакашвили были вполне понятные основания для того, чтобы поставить свою подпись под майендорфским мирным планом: найденный с подачи Н. Саркози «международный компромисс» не предусматривал для грузинского политика никакой ответственности за его военные преступления в Южной Осетии и даже сохранял за ним президентское кресло.

Итак, Н. Саркози сумел воспользоваться дипломатическими преимуществами, которые предоставил ему статус действующего председателя ЕС, для прекращения кровопролития в Закавказье, а также для временной нормализации отношений Евросоюза с Россией. При этом именно он в августе 2008 г. помешал низложению М. Саакашвили, для чего у России тогда имелись как реальные военные возможности, так и все необходимые моральные основания.

В заключение следует подчеркнуть, что в ходе урегулирования конфликта в Закавказье Н. Саркози стал первым западным политиком, открыто увязавшим весь спектр отношений «свободного мира» с Россией с ясным требованием к Москве отказаться от силового противодействия экспансии США, НАТО и ЕС на постсоветском пространстве. Тогда данный тезис казался элементом обычного переговорного шантажа, однако последующие события на Украине наглядно показали, что в августе 2008 г. Президент Франции отнюдь не блефовал.

Об авторе:

Дмитрий Юрьевич Михайлов – начальник отдела Департамента лингвистического обеспечения МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса, выпускник французской Национальной школы администрации (I'ENA, 2002, promotion «Sorpernic») и Парижского института политических исследований (Science Po de Paris, 2000), Смоленская-Сенная площадь, дом 32/34, 119200, Россия, г. Москва. E-mail : mikhailov_1ed@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327, 327.8
Received: July 27, 2022
Accepted: February 27, 2023

Nicolas Sarkozy's Role in the 2008 Georgia Conflict: The "United West" Confronting Russia

D. Mikhaylov
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-109-137](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-109-137)

Department of Linguistic Support of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: This article examines the efforts of Nicolas Sarkozy, the President of the European Union (EU) at the time, in facilitating negotiations between Moscow and Tbilisi during the Georgia conflict in August-September 2008. While Sarkozy's primary objective was to end the bloodshed promptly, his strategic goals also encompassed preventing Georgia from falling back into Russia's sphere of influence and demonstrating the EU's capacity to independently resolve crises in the post-Soviet region.

Sarkozy successfully persuaded Moscow and Tbilisi to accept his mediation, known as the "good offices," to normalize the situation in South Ossetia. Additionally, he garnered support from the United States and the EU, positioning himself as a representative of the entire "collective West" in dialogue with Russia. Confronted with the parties' entrenched positions, the French President occasionally resorted to altering the content of his proposed "six-point" peace plan without prior agreement, ultimately impacting the quality of the resulting agreements. These differing interpretations continue to hinder the reconciliation efforts between Moscow and Tbilisi.

Through Sarkozy's mediation, a full-scale crisis in relations between Russia and the West was averted in August 2008. Significantly, Sarkozy was the first to officially articulate the threat of suspending all interaction between the "collective West" and Moscow if Russia employed military means to oppose EU and NATO expansion in the post-Soviet space. This article sheds light on Sarkozy's role in resolving the Georgia conflict while highlighting his strong stance against Russia's actions and aspirations in the region.

Keywords: Sarkozy, Georgian-South Ossetian conflict, French foreign policy, Russian-French relations, EU policy in the post-Soviet area

About the author:

Dmitry Yu. Mikhaylov – Head of Division, Department of Linguistic Support of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the Second Class, Graduate of the National School of Administration (l'ENA, 2002, promotion «Copernic») and the Institute of Political Studies in Paris (Science Po de Paris, 2000). Smolenskaya-Sennaya square 32/34, 119200, Russia, Moscow. Email: mikhailov_1ed@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Autret F. 2008. *Sarkozy à Bruxelles*. Paris : Seuil. 137p. (In French).
- Bouilhaguet A. 2010. *La carpe et le lapin*. Paris : Edition du Moment. 201p. (In French).
- Desjardins T. 2009. *Sarkozy. Ses balivernes et ses fanfaronnades*. Paris : Fayard. 356p. (In French).
- Desuin H. 2017. *La France atlantiste ou le naufrage de la diplomatie*. Paris : Edition du Cerf. 191 p. (In French).
- Jouyet J.-P. 2020. *L'Envers du décor*. Paris : Albin Michel. 317p. (In French).
- Jouyet J.-P., Coignard S. 2009. *Une présidence de crises*. Paris: Albin Michel. 237p. (In French).
- Legoll P. 2012. *Nicolas Sarkozy. Un Européen en action*. Paris : Harmattan. 233p. (In French).
- Panon X. 2015. *Dans les coulisses de la diplomatie française de Sarkozy à Hollande*. Paris : l'Archipel. 473p. (In French).
- Sarkozy N. 2020. *Le Temps des Tempêtes*. T. 1. Paris : Edition de l'Observatoire. 523p. (In French).
- Wetzinger J. 2011. "Georgians Aussenpolitik unter Michael Saakaschwili: Ein riskantes Spiel im Spannungsfeld zwischen Washington und Moskau." *Internationale Politik und Gesellschaft*. №1. P. 66-79. (In German)
- Cherkasov P.P. 2019. *Pervye litsa Frantsii. Ot Genrikha IV do Emmanuelya Makrona* [First Figures of France. From Henry IV to Emmanuel Macron]. Moscow: KMK. (In Russian).
- Obichkina E.O. 2009. K itogam evropeyskogo predsedatel'stva Frantsii v ES (vtoroe polugodie 2008) [Results of France's European Presidency in the EU (Second Half of 2008)]. *MGIMO Review of International Relations*. 5(8). P. 7-21. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-7-20 (In Russian).
- Obichkina E.O. 2012. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi* [Foreign Policy of France from de Gaulle to Sarkozy]. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Rubinskiy Yu.I. 2011. *Frantsiya. Vremya Sarkozi* [France. The Sarkozy Era]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. (In Russian).
- Saakashvili M.N. 2016. *Probuzhdenie sily. Uroki Gruzii – dlya budushchego Ukrainy* [Awakening of the Force. Lessons from Georgia for the Future of Ukraine]. Kharkiv: Folio. (In Russian).
- Samutina O.S., & Yumatov K.V. 2014. Informatsionnoe obespechenie deyatelnosti po uregulirovaniyu gruzino-yuzhnoosetinskogo konflikta Missii nablyudateley Evropeyskogo Soyuzav Gruzii [Information Support of Activities on the Settlement of the Georgian-South Ossetian Conflict by the European Union Monitoring Mission in Georgia]. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 3(2). P. 298-304. (In Russian).
- Volkhonskiy M.A. 2009. Shest' punktov Medvedeva–Sarkozi: diplomaticheskii aspekt uregulirovaniya konflikta v Yuzhnoy Osetii [Six Points of Medvedev–Sarkozy: The Diplomatic Aspect of Conflict Resolution in South Ossetia]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 4(5). P. 227-240. (In Russian).
- Zvereva T.V. 2014. *Vneshnyaya politika sovremennoy Frantsii* [Foreign Policy of Contemporary France]. Moscow: Kanon-Plus. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Волхонский М.А. 2009. Шесть пунктов Медведева–Саркози: дипломатический аспект урегулирования конфликта в Южной Осетии. *Центральная Азия и Кавказ*. 4–5 (64–65). С. 227–240.

Зверева Т.В. 2014. *Внешняя политика современной Франции*. Москва: Канон-Плюс. 344 с.

Обичкина Е.О. 2009. К итогам европейского председательства Франции в ЕС (второе полугодие 2008). *Вестник МГИМО-Университета*. 5(8). С. 7–21. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-7-20

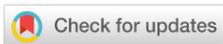
Обичкина Е.О. 2012. *Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози*. Москва: Аспект Пресс. 382 с.

Рубинский Ю.И. 2011. *Франция. Время Саркози*. Москва: Международные отношения. 320 с.

Саакашвили М.Н. 2016. *Пробуждение силы. Уроки Грузии – для будущего Украины*. Харьков: Фолио. 360 с.

Самутина О.С., Юматов К.В. 2014. Информационное обеспечение деятельности по урегулированию грузино-южноосетинского конфликта Миссии наблюдателей Европейского союза в Грузии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 3–2(59). С. 298–304.

Черкасов П. П. 2019. *Первые лица Франции. От Генриха IV до Эмманюэля Макрона*. Москва: КМК.

Дипломатия малых государств: анализ возможностей и ограничений на примере Восточного Тимора

О.А. Красняк¹, П.С. Шатерников²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

² Институт востоковедения РАН, Институт Китая и современной Азии РАН

В фокусе статьи – концептуализация дипломатии малых государств на примере дипломатии Восточного Тимора. Принимая во внимание стратегии внешнеполитического поведения малых государств, их дипломатический инструментарий включает реализацию двусторонней и многосторонней дипломатии, участие в международных организациях и глобальном управлении, а также публичную дипломатию, хотя и не исчерпывается ими. Представленный дипломатический инструментарий доступен (хотя и с оговорками) малым государствам и помогает решать внешнеполитические задачи в условиях ограниченных ресурсов и во взаимодействии с крупными державами, в орбиту влияния которых они попадают. Дипломатия выступает универсальным инструментом, позволяющим государствам, в том числе новообразовавшимся, таким, как Восточный Тимор, встроиться в существующую систему международных отношений. Поскольку малые государства не способны конкурировать с великими и даже средними державами, они вынуждены повышать свою значимость за счёт коллективного участия в глобальном управлении в рамках международных или межправительственных организаций и форумов. Кроме того, малые государства вынуждены привлекать внимание международного сообщества к своим проблемам и потребностям посредством публичной дипломатии с тем, чтобы избежать попадания в фарватер интересов более крупных держав, либо выстраивать сотрудничество с ними на максимально выгодных для себя условиях. Такие стратегии, как подражание и балансирование, участие в коалициях, продвижение международных инициатив, предоставление экспертизы, следование принципам международного права призвано способствовать формированию позитивного имиджа малых государств как добросовестных и полноправных участников системы международных отношений, а также надёжных партнёров. В статье делается вывод о том, что Восточный Тимор успешно справляется с задачей реализации двустороннего и многостороннего сотрудничества и участия в международных организациях, однако испытывает трудности на уровне реализации публичной дипломатии, что объясняется молодостью и неразвитостью публичных институтов в стране.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 16.01.2023

Принята к публикации: 20.03.2023

Ключевые слова: дипломатия малых государств, двусторонняя дипломатия, многосторонняя дипломатия, публичная дипломатия, Восточный Тимор

Дипломатия малых государств не находит должного рассмотрения в академической литературе ввиду традиционного превалирования анализа дипломатии великих держав, которые и определяют структуру системы международных отношений. Расхожее утверждение классика неореализма К. Уолтца о том, что история международных отношений написана в терминологии великих держав, недалеко от истины. В международной «иерархии» между великими и малыми державами также располагается уровень средних держав, значение которых на международной арене постепенно возрастает, и дипломатические практики которых также довольно детально изучены (см., например: Jordaan 2003; Cooper 2011; Robertson 2017).

Что касается малых держав, то исследованием их дипломатических практик занимаются, как правило, специалисты-регионоведы и именно в контексте взаимоотношений с великими державами. Тем не менее существует ряд концептуальных исследований, описывающих политику малых держав в современной системе международных отношений (Baehr 1975; Lee, Smith 2010). Саму категорию «малые государства» или «малые державы» можно определить как государства с ограниченными ресурсами и, следовательно, с ограниченным арсеналом дипломатических средств. Их усилия в области публичной дипломатии сосредоточены в нескольких ключевых областях и странах, а знания о них и их имидж значительно размываются по мере удаления от их непосредственного региона. Таким образом, события глобального масштаба, происходящие вокруг малого государства, надолго формируют его образ в глазах остального мира. Ключевой проблемой для внешней политики малых государств является высокая конкуренция за внимание международного сообщества, а основными ограничителями – их небольшая территория и недостаток финансовых ресурсов в сочетании с низким интересом к их внешней политике в исследовательской среде (Laydjiev 2013). Научный интерес непосредственно к Восточному Тимору усиливался во второй половине 1990-х гг., когда страна добилась референдума за отделение от Индонезии, а также в переломные моменты периода независимости страны (Dunn 1996; Хазанов 2001, 2012; Урляпов 2011, 2015).

Малые государства сами по себе традиционно рассматриваются исследователями сквозь призму политики и дипломатии великих держав, где первые предстают уязвимыми и слабыми, зачастую жертвами, марионетками или же заложниками большой политики вторых (Cooper and Shaw 2009: 2; Long 2022: 2; Смирнов 2015). Между тем малые государства могут достигать ощутимых успехов в своей внешнеполитической деятельности даже в условиях ограниченных

ресурсов и асимметричных отношений с крупными государствами, в орбиту влияния которых они попадают. Будучи зачастую «спутниками», малые государства (коих в разы больше, чем крупных держав) делают систему международных отношений более сложной, многообразной и в то же время достаточно сбалансированной. Без учёта и понимания специфики внешней политики и дипломатии малых государств представление о системе международных отношений всегда будет неполным.

Цель статьи – систематизировать дипломатический инструментарий малых государств, определив его сильные и слабые стороны, рассмотрев его на примере Восточного Тимора. Такой инструментарий отражает стратегии внешнеполитического поведения малых государств – подражание и балансирование – и включает в себя двустороннюю и многостороннюю дипломатию, членство в международных организациях и участие в глобальном управлении, а также механизмы публичной дипломатии для информационного сопровождения своей внешнеполитической деятельности.

Двусторонняя и многосторонняя дипломатия малых государств

Двусторонняя и многосторонняя дипломатия малых государств имеет свои особенности и в своём целеполагании отличается от дипломатии крупных держав. Если внешнеполитическая деятельность крупных держав чаще сопряжена с усилением собственного международного влияния, убеждением, принуждением и, в конечном счёте, осуществлением власти в отношении других государств, то дипломатия малых государств большей частью сосредоточена на достижении более специфических задач и решении частных вопросов, связанных с безопасностью, политикой и экономикой. В этой связи двусторонняя и многосторонняя дипломатия является определяющей не только для решения вышеуказанных задач, но и для самого выживания малого государства.

Несмотря на то, что международное влияние малых стран априори ограничено материальными, военными и демографическими ресурсами, дипломатический инструментарий, направленный на максимизацию уже имеющихся возможностей, формально совпадает с дипломатическим инструментарием крупных держав. С формальной точки зрения, у малых государств не должно возникать проблем с установлением двусторонних связей, поддержанием контактов и развитием дружественных отношений с другими государствами, независимо от их политического строя. На практике же малые государства вынуждены определять внешнеполитические приоритеты и развивать отношения только с теми государствами, которые имеют для них наибольшее значение. Например, сама подготовка квалифицированных дипломатов, открытие дипломатических представительств и поддержание их работы может быть значительной проблемой ввиду ограниченных кадровых и материальных ресурсов (Rana 2006).

Стоит отметить, что дипломатический корпус Восточного Тимора, как и весь государственно-бюрократический аппарат новообразованного государства, формировался из членов Революционного фронта за независимость Восточного Тимора (Frente Revolucionária de Timor-Leste Independente, FRETILIN) и ФАЛИНТИЛ (Forças Armadas da Libertação Nacional de Timor-Leste, FALINTIL) – боевого крыла организации. Люди, привыкшие к конспиративной работе в подполье, боровшиеся с оккупационными властями Индонезии зачастую партизанскими методами, оказались не готовы к дипломатической работе.

Ещё одним фактором, препятствующим формированию дипломатического корпуса Восточного Тимора, стал языковой барьер. На протяжении всей истории в восточной части острова Тимор отсутствовало системное школьное образование. Таким образом, несмотря на несколько веков португальского колониального господства, число людей, владеющих хотя бы разговорным португальским языком, не превышало 1/3 от общей численности населения. Лингва франка для тиморцев был местный тетум. Ситуация с грамотностью оказалась ещё плачевнее в момент обретения независимости¹.

Недоставало также и людей, которые могли свободно изъясняться по-английски. В первые годы независимости власти страны были вынуждены прибегнуть к обучению своих чиновников и дипломатов за рубежом, в Индонезии и португалоговорящих странах, что позволило постепенно выровнять ситуацию с подготовкой профессиональных кадров. Тем не менее перед Восточным Тимором и ныне остро стоит задача формирования собственного экспертного сообщества для формулирования основных направлений внешней политики и дипломатии, а также для трансляции точки зрения Дили во внешний мир. В настоящее время не только не существует признанных экспертов из Восточного Тимора, но даже МИД страны не имеет официальных ресурсов и не публикует информацию на регулярной основе.

Не стоит сбрасывать со счетов и крайнюю бедность молодого государства. Восточный Тимор не мог финансово обеспечить функционирование своего дипломатического корпуса даже в странах АСЕАН, что являлось необходимым условием для вступления в Ассоциацию. Здесь Дили также пришлось рассчитывать на международную помощь: благодаря этому к настоящему времени удалось открыть посольства в 24 странах мира, включая все страны АСЕАН, основных партнёров по Содружеству португалоговорящих государств, США, Китай, а также Святой Престол².

В случае малых государств многосторонняя дипломатия имеет довольно специфическое наполнение. Она предполагает участие в международных и региональных организациях, форумах, конференциях или саммитах, которые за-

¹ *Dili, East Timor: Judicial System Monitoring Programme*. August 2004.

² Timor-Leste Embassies. *Government of Timor-Leste website*. URL: www.timor-leste.gov.tl (accessed 18.06.2023)

частую требуют постоянного представительства. Подобные представительства также могут быть сопряжены с проблемами для малых государств, которые и в этом случае вынуждены не только выстраивать приоритеты, но и соответствовать формату участия, обеспечивать экспертную оценку и иметь достаточное число постоянных представителей.

В случае с Восточным Тимором его проводником в институты многосторонней дипломатии стали бывшие метрополии – Лиссабон и Джакарта. Португалия как средняя европейская держава, стремящаяся избавиться от имиджа колониальной, проводит политику объединения лузофонных стран в рамках Содружества португалоговорящих стран (СПГС). СПГС видит свою миссию в распространении португальского языка, политико-дипломатическом сотрудничестве между государствами-членами СПГС и сотрудничестве во всех областях, включая образование, здравоохранение, науку и технику, оборону, сельское хозяйство, государственное управление, связь, правосудие, общественную безопасность, культуру, спорт и средства массовой информации³.

Восточный Тимор вступил в СПГС сразу после обретения независимости в 2002 г. Можно сказать, что у Содружества и Восточного Тимора совпали интересы: СПГС за счёт оказания международной помощи Дили повышало свой авторитет на международной арене и в глазах жителей португалоязычного мира, а Восточный Тимор, в свою очередь, получал как финансовую, так и институциональную помощь, заключающуюся в организации образовательных программ от начального до высшего образования, подготовке кадров на португальском языке, способствовавших развитию экономики и здравоохранения, а также привлечению внимания мирового сообщества к многочисленным проблемам Восточного Тимора.

Безусловно, ведущую роль в этих процессах играла Португалия, хотя и другие члены СПГС, такие как Бразилия и Ангола, оказывали значительные объёмы помощи. Так, Ангола содействует дорожному строительству, добыче углеводородного сырья и обеспечению обороны страны (Вумби 2016). С Бразилией подписан ряд договоров о техническом сотрудничестве, подготовке кадров для таможенной службы Восточного Тимора, преподавателей португальского языка. Восточный Тимор перенимает бразильский опыт социально-ориентированной государственной системы (Да Коста, Борзова, 2020). Таким образом, Португалия и португалоязычные страны стали для Восточного Тимора проводниками в мир многосторонней дипломатии и добились в этом больших успехов, чем Индонезия.

В отличие от Португалии, Индонезия действует в основном в рамках АСЕАН, хотя после демократизации Джакарты и пересмотра отношений с Дили Индонезии так и не удалось гарантировать вступление Восточного Тимора

³ CPLP – Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, 1996.

в Ассоциацию. С 2011 г. страна сохраняет статус кандидата на вступление, но встречает отпор со стороны некоторых других членов, в частности, Сингапура, который опасается реализации планов портового строительства в Восточном Тиморе и, следовательно, конкуренции на торговых путях между Тихим и Индийским океанами (Урляпов 2015). Присоединение к АСЕАН и в настоящее время остаётся основной внешнеполитической целью Восточного Тимора, реализация которой возможна лишь посредством профессиональной дипломатии, так как для вступления требуется труднодостижимое согласие всех десяти стран-членов Ассоциации.

Успешное решение внешнеполитических задач предполагает задействование всего спектра дипломатических инструментов, среди которых двусторонняя дипломатия представляется наиболее эффективной и гибкой. В случае многосторонней дипломатии, которая формально и повышает статус участников на международной арене, и усиливает чувство сопричастности к глобальному управлению, фактически позиция малых стран может «затеряться» на фоне влиятельных великих держав. При этом многосторонняя дипломатия и международные организации могут выступать своего рода «убежищем», гарантом безопасности малых государств (Pedi and Wivel 2020).

Двусторонняя и многосторонняя дипломатия предопределяет специфические и довольно предсказуемые линии внешнеполитического поведения малых государств, связанные с примыканием к альянсам и коалициям, а также подражанием и балансированием относительно тех крупных держав, в орбиту которых они попадают (Handel 1981; Long 2017). Подобные стратегии внешнеполитического поведения также позволяют малым государствам участвовать в глобальном управлении.

Малые государства и глобальное управление

Хотя многосторонняя дипломатия не всегда эффективна для достижения специфических внешнеполитических целей малых государств, членство в международных организациях имеет для них принципиальное значение. Это обусловлено тем, что члены международных организаций имеют формальный равный вес при голосовании по формуле «одно государство – один голос». В качестве наиболее значимого примера рассмотрим ООН.

Отвлекаясь от специфики организации и функционирования Совета Безопасности, обратим внимание на Генеральную Ассамблею (ГА) ООН, которая занимает центральное место, будучи главным совещательным, директивным и представительным органом. В рамках ГА ООН все государства-члены ООН имеют право голоса и принимают участие в глобальном управлении путём обсуждения всего спектра международных вопросов в соответствии с принципом суверенного равенства. В настоящее время из 193 государств-членов ООН по меньшей мере 108 считаются малыми государствами по занимаемой ими тер-

ритории, численности населения и ВВП (Aodha 2011: 69). Малые государства по отдельности не имеют глобального стратегического веса, однако формально именно им принадлежит больше половины голосов в ГА ООН. Таким образом, ввиду своей многочисленности, малые государства имеют возможность агрегировать своё влияние.

Малые государства могут создавать коалиции при голосовании, тем самым проявляя солидарность с политикой великих и средних держав или представляя свою позицию по тем или иным вопросам глобального управления. Однако малые государства могут действовать и разрозненно, соревнуясь друг с другом, форсируя сотрудничество и интеграцию с приоритетными для себя государствами в сфере политической коммуникации, экономического развития, образования, защиты окружающей среды, безопасности, технологий и т.д. (Cooper and Shaw 2009: 3). Данные стратегии поведения также вписываются в модели подражания и балансирования и используются малыми государствами в контексте глобального управления.

При голосовании в многосторонних структурах малые государства прибегают к тактике примыкания к крупным государствам, при этом могут артикулировать свои интересы, не противореча государствам-лидерам. Принимая во внимание тот факт, что правила и нормы мирового сообщества создаются великими державами, малые государства обычно придерживаются уже установленного порядка. В условиях, когда соперничающие между собой великие державы не всегда следуют установленным правилам и нормам и даже стремятся к их изменению, малые государства становятся своеобразными балансёрами, обеспечивая относительную стабильность международной системы (Menon 2020).

В рамках ООН подражание и балансирование как стратегии поведения малых государств принимают разные формы. Это может быть формирование или примыкание к коалициям других малых государств для консолидированного голосования по различным вопросам, занятие малым государством формальной позиции главы специализированной комиссии, программы, фонда и т.д., предоставление специализированной экспертизы в том случае, если малое государство обладает такими ресурсами. Так, в ООН были созданы Альянс малых островных государств (AOSIS) и Форум малых государств (FOSS), позволяющие участникам представлять свои интересы внутри больших и разнородных групп (Insanally 2013: 299). В качестве «нишевой» экспертизы показателен пример Сингапура, который лидирует в финансовом секторе и военно-морской авиации (Heng and Aljunied 2015). Мальдивы же, в свою очередь, продвигают тематику прав человека (Aodha 2011: 70).

Восточный Тимор находится в поисках своей ниши в рамках многосторонней дипломатии. В отличие от многих малых стран, страна ставит своей задачей неприсоединение к военно-политическим блокам или союзам и проведение независимой внешней политики. Несмотря на участие в многосторонних форматах, у Дили не хватает дипломатических ресурсов для формирования собствен-

ной повестки дня. В голосованиях ГА ООН Восточный Тимор проявляет себя в качестве незападного актора, отказываясь осуждать смену власти в Мьянме или поддерживать западную позицию по российской спецоперации на Украине. Тем не менее страна рассчитывает на сотрудничество с США и ЕС, членом которой является Португалия, не меньше, чем на кооперацию с КНР. Долгосрочная диверсификация международных связей для Дили стоит выше текущей политической конъюнктуры. Примером тому является вышеупомянутое голосование по Мьянме, вследствие которого многие страны АСЕАН осудили позицию Восточного Тимора за «прокитайскую направленность»⁴, что также отложило консенсус по интеграции Восточного Тимора в АСЕАН. Кроме того, в Дили воздержались и от голосования по резолюции «Территориальная целостность Украины», однако проголосовали за резолюцию «Агрессия против Украины». Возможно, в последнем случае роль сыграл исторический опыт самого Восточного Тимора, из-за чего представители этой страны проголосовали «по аналогии», не разбираясь в истинных причинах конфликта, а также в силу территориальной и культурной отдалённости от постсоветского пространства.

Таким образом, такие стратегии дипломатического поведения, как подражание и балансирование, участие в коалициях, продвижение различных инициатив, предоставление экспертизы, следование принципам международного права и др. призвано способствовать формированию позитивного имиджа малых государств как добросовестных и полноправных участников системы международных отношений, а также надёжных партнёров. Достижению этих целей также способствует и публичная дипломатия, которую мы определяем в качестве информационного инструментария сопровождения их внешней политики.

Публичная дипломатия малых государств

В академической литературе публичная дипломатия имеет множество определений и часто ассоциируется с «мягкой силой». Публичная дипломатия представляет собой дипломатический инструментарий, обеспечивающий информационное сопровождение внешней политики и нацеленный на формирование общественных настроений в зарубежных странах и оказание влияния на зарубежную аудиторию с целью воздействия на их внешнеполитические решения и создания благоприятного расположения (Лебедева 2020).

К публичной дипломатии давно прибегают великие державы, обеспечивая прозрачность внешнеполитических устремлений государства. Малые государства также используют публичную дипломатию для информационного сопровождения своей внешнеполитической деятельности, однако их цели значи-

⁴ Hunt L. 2022. Timor-Leste's Bid for ASEAN Membership Tarnished by Myanmar Vote. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2021/06/timor-lestes-bid-for-asean-membership-tarnished-by-myanmar-vote/> (accessed 18.06.2023)

тельно уже и задачи более предметны. Используя инструментарий публичной дипломатии, малые государства, в первую очередь, вынуждены сначала «продать» себя международной аудитории, создавая узнаваемый и привлекательный международный образ (Park 2009). Культивация узнаваемого национального имиджа также связана с преодолением стереотипов относительно колониального прошлого малых государств или иных исторических реалий, в которых государства обретали независимость. Однако, учитывая недостаток финансовых и кадровых ресурсов, публичная дипломатия малых государств также весьма ограничена. Более того, во внешнеполитическом информационном пространстве великих держав малые государства редко находят своё отражение за исключением кризисных ситуаций. Другими словами, малым государствам приходится предпринимать значительные усилия для того, чтобы сделать себя хоть сколько-нибудь заметными в глобальной политике.

С другой стороны, чрезмерная открытость и активность может таить в себе угрозу для малых государств со стороны более крупных международных игроков, которые часто заинтересованы в изменении архитектуры миропорядка и использовании малых государств в качестве арены противостояния. Например, Бутан, государство, находящееся между Индией и Китаем, вынужден дипломатически балансировать между обеими крупными державами, сохраняя суверенитет (Kaul 2022). Другой пример – малые государства Юго-Восточной Азии, которые вынуждены использовать хеджирование в дипломатии, отвечая на вызовы Китая в связи с его гегемонистскими амбициями и стремлением к изменению статус-кво в регионе (Jones and Jenne 2022). В данном случае хеджирование представляет собой непредсказуемые и изменчивые, а зачастую противоречивые линии дипломатического поведения. Подобное поведение вполне объяснимо с точки зрения безопасности и сохранения суверенитета, однако хеджирование может нанести урон международному имиджу малых государств и поставить вопрос об их договороспособности и лояльности по отношению к тем державам, в орбиту которых они попали ранее, или же в неисполнении принятых на себя обязательств. Публичная дипломатия в этом случае призвана нивелировать изменения внешнеполитических моделей поведения и поддерживать позитивный имидж государства.

Публичная дипломатия Восточного Тимора развивалась в условиях крайней ограниченности ресурсов и политической нестабильности. В этой связи Восточный Тимор отказался от привычной для европейской дипломатии и дипломатии постколониальной Азии политики «подсвечивания» проблем исторической памяти. Дипломатия Восточного Тимора привержена принципам мирного сожительства: неслучайно первый президент страны Шанана Гужмау идеализировал таких политических деятелей, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг (Урляпов 2011). Такие ценности в основании внешнеполитического курса принести свои плоды, выразившиеся в потеплении отношений с Индонезией. Проявлением политики «всепрощения» можно считать присутствие восточно-

тиморской делегации во главе с Гужмау на похоронах Сухарто в 2008 г. Корни такого подхода уходят к периоду индонезийской оккупации, когда ФРЕТИЛИН, не обладая ресурсами для военной победы над Индонезией, был вынужден вести войну на дипломатическом фронте, используя авторитет политических деятелей, государств и международных организаций для освобождения страны. Важно отметить, что в 1999 г. Жозе Рамуш-Орта, видный деятель ФРЕТИЛИН и нынешний президент Восточного Тимора, стал лауреатом Нобелевской премии мира. Во многом эта победа способствовала привлечению внимания мирового сообщества к проведению референдума 1999 г. и проявлениям насилия в стране. Впоследствии двусторонняя комиссия Индонезии и Восточного Тимора расследовала все обстоятельства тех дней, и Джакарта признала вину, что также можно указать в качестве дипломатической победы Дили в международном публичном пространстве.

В настоящее время публичная дипломатия страны осуществляется также через международное телерадиовещание, ведущееся на португальском языке и тетуме, а у главного восточнотиморского телеканала RTTL (Radio e Televisão de Timor-Leste) также есть свой канал в сети YouTube, на который подписано порядка 150 тысяч человек, хотя количество просмотров репортажей измеряется, в лучшем случае, несколькими сотнями.

Ввиду крайней бедности Восточного Тимора, неспособного организовать регулярную работу пресс-службы МИД или сайта министерства, большую роль в публичной дипломатии играют отдельные представители так называемого «поколения 75 года» – Нобелевский лауреат и действующий президент страны Жозе Рамуш-Орта и первый президент страны Шанана Гужмау. Они являются самыми узнаваемыми и авторитетными представителями Восточного Тимора для остального мира и формируют позитивный имидж страны на международной арене.

Очевидны и недостатки сложившейся практики публичной дипломатии. Дело в том, что представители «поколения 75 года» пребывают в преклонном возрасте. Вместе с тем пока не взросло новое поколение политической элиты Восточного Тимора, сопоставимое по влиянию и авторитету с Рамуш-Ортой и Гужмау как внутри страны, так и за её пределами. Восточному Тимору ещё предстоит пройти процесс институционализации своей публичной дипломатии. В противном случае, станет возможным говорить о провале публичной политики Восточного Тимора первых десятилетий независимости.

Таким образом, основными функциями публичной дипломатии малых государств, включая дипломатию Восточного Тимора, являются продвижение позитивных и изменение негативных стереотипов, например, связанных с колониальным прошлым; создание узнаваемого национального бренда и особой национальной идентичности; создание и поддержание международной репутации и имиджа благонадежного государства; обоснование изменчивости дипломатического поведения и политики хеджирования в изменяющейся геополитической архитектуре региона и мира.

Заключение

Ввиду ограниченных ресурсов, дипломатический инструментарий малых государств высоко адаптивен и ориентирован на формирование альянсов и коалиций среди аналогичных малых государств в рамках региональных и международных организаций. Если дипломатия крупных держав зачастую направлена на достижение глобальных целей, связанных с доминированием и нивелированием влияния других крупных держав, дипломатия малых государств сфокусирована на решении специфических задач локального и регионального значения. Малые государства всё большее внимание уделяют информационной поддержке внешнеполитической деятельности посредством публичной дипломатии, что позволяет формировать международный имидж, способствующий достижению внешнеполитических целей.

Принципиальная разница эффективности дипломатического инструментария малых государств по сравнению со средними и великими державами состоит в ограниченных ресурсах, которыми располагают малые государства. На практике это вынуждает правительства таких государств балансировать между более крупными региональными и глобальными акторами. Пример Восточного Тимора, находящегося в поиске баланса между Содружеством португалоговорящих стран и асеаноцентричными форматами на институциональном уровне, между странами АСЕАН на региональном уровне и между США и Китаем на глобальном уровне, подтверждает этот тезис.

Ограниченность ресурсов влияет и на участие в глобальном управлении. Восточный Тимор, исходя из своего исторического опыта, осознаёт важность многосторонних институтов и активно участвует в деятельности ООН даже в условиях нарастающего кризиса организации и усиливающейся критики со стороны средних и крупных держав. Дело в том, что ООН достаточно успешно способствовала решению вопроса обретения независимости Восточного Тимора, организовав миссию в стране в период с 1999 по 2002 гг., а также во время политического кризиса в 2006 г.

Существующие возможности и сопутствующие ограничения дипломатии малых государств потенциально способны уравнивать великие державы путём балансирования между ними. Такой политики на протяжении многих лет придерживаются средние державы – страны-члены АСЕАН или некоторые европейские страны, например, Финляндия, которая в годы Холодной войны не участвовала ни в одном из противоборствующих блоков и, напротив, предоставляла переговорные возможности дипломатам ОВД и НАТО, способствуя международной разрядке. Восточному Тимору далеко до роли глобального посредника в силу его географической удалённости и неразвитости инфраструктуры, однако умелое балансирование в стратегически важной части Тихого океана повысит значимость страны в глазах глобальных держав

и может принести дивиденды развитию Восточного Тимора со стороны США и Китая, как это уже происходит во многих странах Юго-Восточной Азии в рамках китайской Инициативы пояса и пути или американской концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Об авторах:

Ольга Александровна Красняк – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра международного сотрудничества факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Email: okrasnyak@hse.ru

Павел Сергеевич Шатерников – аспирант, Институт востоковедения РАН; научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. 107031 Москва, ул. Рождественка, д.12. Email: p.shaternikov@ivran.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327
Received: January 16, 2023
Accepted: March 20, 2023

The Diplomacy of Small States: Exploring Opportunities and Limitations in the Case of Timor-Leste

O.A. Krasnyak¹, P.S. Shaternikov²
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152)

¹ National Research University Higher School of Economics

² Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Institute of China and Modern Asia of Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the diplomacy of small states, focusing on the case of Timor-Leste. It analyzes the foreign policy strategies of small states, which encompass bilateral and multilateral diplomacy, engagement in international organizations and global governance, and the utilization of public diplomacy. These diplomatic tools enable small states to pursue their foreign policy objectives despite their limited resources, while also fostering cooperative relationships with larger powers. Diplomacy is regarded as a universal mechanism through which small states like Timor-Leste can integrate into the global international relations system.

Given the inherent limitations of small states in contesting with major and middle powers, they seek to enhance their international influence through collective actions, such as forming or joining coalitions in international organizations or intergovernmental forums. Additionally,

small states employ public diplomacy to draw attention to their issues and needs, thereby reducing their reliance on greater powers and forging more advantageous collaborations with other states. Strategies such as imitation and balancing, participation in coalitions, promotion of international initiatives, provision of expertise, and adherence to the principles of international law are utilized to cultivate a positive image of small states as responsible actors in international relations and reliable partners.

The article concludes that Timor-Leste has been successful in maintaining bilateral and multilateral relations and actively participating in international organizations. However, it faces systemic challenges in effectively employing public diplomacy mechanisms. These challenges can be attributed to underdeveloped national public institutions and the enduring influence of greater powers, which affect not only Timor-Leste but also the wider region.

Keywords: small states diplomacy, bilateral diplomacy, multilateral diplomacy, public diplomacy, Timor-Leste

About the authors:

Olga A. Krasnyak – Dr., Head of the Center for International Cooperation of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics. 20 Myasniitskaya, Moscow, 101000. Email: okrasnyak@hse.ru

Pavel S. Shaternikov – Postgraduate Student, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; Researcher, Institute of China and Modern Asia of Russian Academy of Sciences. Rozhdestvenka str., 12, 107031, Moscow. Email: p.shaternikov@ivran.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Aodha É.M. 2011. Human Rights Diplomacy of Small States. *Human Rights Diplomacy: Contemporary Perspectives*. M. O'Flaherty, Z. Kędzia, A. Müller and G. Ulrich (eds.). Leiden, Boston: Brill. DOI: 10.1163/ej.9789004195165.i-301.2
- Baehr P.R. 1975. Small States: A Tool for Analysis? *World Politics*. 27(3). P. 456-466.
- Cooper A., Shaw T. (eds.). 2009. *The Diplomacies of Small States: Between Vulnerability and Resilience*. Palgrave Macmillan.
- Cooper D. 2011. Challenging Contemporary Notions of Middle Power Influence: Implications of the Proliferation Security Initiative for "Middle Power Theory. *Foreign Policy Analysis*. 7(3). P. 317-336.
- Dunn J. 1996. Timor: A People Betrayed. *Sydney: ABC Books for the Australian Broadcasting Corporation*. №3.
- Handel M. 1981. *Weak States in the International System*. London: Frank Cass.
- Heng Y.-K., Syed M. 2015. Can Small States Be More than Price Takers in Global Governance? *Global Governance*. 21(3). P. 435-454. DOI: 0.1163/19426720-02103006
- Insanally R. 2013. *Multilateral Diplomacy for Small States: "The Art of Letting Others Have Your Way*. Guyenterprise Advertising Agency.
- Jones D.M., Jenne N. 2022. Hedging and Grand Strategy in Southeast Asian Foreign Policy. *International Relations of the Asia-Pacific*. 22(2). P. 205-235. DOI: 10.1093/irap/lcab003
- Jordaan E. 2003. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers. *Politikon*. (30)1. P. 165-181. DOI: 10.1080/0258934032000147282

Kaul N. 2022. Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations. *International Relations of the Asia-Pacific*. 22(2). P. 297-337. DOI: 10.1093/irap/lcab010

Krasnyak O. 2020. Foreign Ministry's Spokesperson in Public Diplomacy: a Case of Russia. *Russian Journal of Communication*. 12(2). P. 155-170. DOI: 10.1080/19409419.2020.1780630

Laydjiev I. 2013. Searching for Influence and Persuasion in Network-Oriented Public Diplomacy: What Role for «Small States»? *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2(1). P. 40-48.

Lee D., Smith N.J. 2010. Small State Discourses in the International Political Economy. *Third World Quarterly*. 31(7). P. 1091-1105. DOI: 10.1080/01436597.2010.518750

Long T. 2017. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. *International Studies Review*. 19(2). P. 185-205. DOI: 10.1093/isr/viw040

Long T. 2022. *A Small State's Guide to Influence in World Politics*. New York, New York: Oxford University Press.

Menon S. 2020. The Rule of Law, the International Legal Order, and the Foreign Policy of Small States. *Asian Journal of International Law*. 10(1). P. 50-67. DOI: 10.1017/S2044251319000262

Park A. 2009. Selling a Small State to the World: Lithuania's Struggle in Building Its National Image. *Place Branding and Public Diplomacy*. 5(1). P. 67-84. DOI: 10.1057/pb.2008.25

Pedi R., Wivel A. 2020. Small State Diplomacy after the Corona Crisis. *The Hague Journal of Diplomacy*. 15(4). P. 611-623.

Rana K. 2006. Singapore's Diplomacy: Vulnerability into Strength. *The Hague Journal of Diplomacy*. №1. P. 81-106.

Robertson J. 2017. Middle-power Definitions: Confusion Reigns Supreme. *Australian Journal of International Affairs*. 71(4). P. 355-370.

Da Kosta S.J., Borzova A.L. 2020. Sodeystviye Brazili razvitiyu Vostochnogo Timora [Brazil's Contribution to the Development of East Timor]. *Aziya i Afrika Segodnya*. №9. P. 42-45. DOI: 10.31857/S032150750010859-6 (In Russian)

Khazanov A.M. 2001. Problema Vostochnogo Timora [The Problem of East Timor]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №1. P. 84-91. (In Russian)

Khazanov A.M. 2012. Vostochnyy Timor: dolgiy put' k nezavisimosti [East Timor: A Long Road to Independence]. *Istoriya i sovremennost'*. 2(16). P. 113-129. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2020. Kontseptual'nyye perevoploshcheniya publichnoy diplomatii [Conceptual Reincarnations of Public Diplomacy]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(5). P. 293-306. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306 (In Russian)

Smirnov V.A. 2015. Problemy vybora vneshnepoliticheskoy nishi malymi gosudarstvami (na primere stran Baltii) [Problems of Choosing a Foreign Policy Niche by Small States (on the Example of the Baltic States)]. *MGIMO Review of International Relations*. 6(45). P. 135-145. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145 (In Russian)

Urlyapov V.F. 2011. Timor-Leshti: stanovleniye vneshnepoliticheskogo kursa [Timor-Leste: The Making of a Foreign Policy]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. №16. P. 147-177. (In Russian)

Urlyapov V.F. 2015. *Istoriya Timora-Leshti v XX veke* [History of Timor-Leste in the 20th Century]. Moscow: IV RAN, 256 p. (In Russian)

Vumbi T.O. 2016. Dvadsatiletiye Sodruzhestva portugaloyazychnykh stran: itogi i perspektivy [Twentieth Anniversary of the Commonwealth of Portuguese-Speaking Countries: Outcomes and Perspectives]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezh-dunarodnyye otnosheniya*. 16(2). P. 246-254. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Вумби Т.О. 2016. Двадцатилетие Содружества португалоязычных стран: итоги и перспективы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 16(2). С. 246-254.

Да Коста С.Дж., Борзова А.Л. 2020. Содействие Бразилии развитию Восточного Тимора. *Азия и Африка Сегодня*. №9. С. 42-45. DOI: 10.31857/S032150750010859-6

Лебедева М.М. 2020. Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(5). С. 293-306. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306

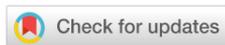
Смирнов В.А. 2015. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии). *Вестник МГИМО-Университета*. 6(45). С. 135-145. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145

Урляпов В.Ф. 2011. Тимор-Лешти: становление внешнеполитического курса. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. №16. С. 147-177.

Урляпов В.Ф. 2015. *История Тимора-Лешти XX век*. Москва: ИВ РАН. 256 с.

Хазанов А.М. 2001. Проблема Восточного Тимора. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №1. С. 84-91.

Хазанов А.М. 2012. Восточный Тимор: долгий путь к независимости. *История и современность*. 2(16). С. 113-129.

Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса

Е.С. Арляпова¹, Е.Г. Пономарёва²

¹ Институт системно-стратегического анализа (ИСАН)

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Украинский кризис нашёл ощутимый отклик в самом нестабильном регионе юга Европы – на Балканах, выделил многочисленные трещины и разломы, исторически свойственные этой геополитической зоне, более отчётливо очертил линии разделения не только государств, но обществ и этно-религиозных групп. Внутри-региональные противоречия в целом ряде случаев усиливаются требованиями внешних игроков. В статье на примере государств формата «пять плюс один» (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и частично признанная «Республика Косово») показана зависимость динамики внешнеполитических приоритетов и ориентиров западнобалканских столиц от кризисных явлений в системе международных отношений. На основе широкого круга источников начиная от официальных документов и заканчивая результатами социологических опросов по внешнеполитической проблематике выявлены региональные расхождения в восприятии и оценке украинского конфликта. Положенные в основу исследования историко-системный подход и принципы неореализма позволили зафиксировать вероятные направления активности политических институций на внешнем контуре. Проведённый анализ позволяет утверждать, что в регионе сохраняется довольно хрупкий «баланс угроз», который в значительной степени зависит не от сил и интересов региональных субъектов, а от целей и интересов внешних игроков – мировых центров силы – ЕС, НАТО, США, России, в наименьшей степени – Китая и Турции. Военно-политическое размежевание 2022 г. повторяет расстановку локальных игроков 2014 г., но с существенной разницей: Запад требует от всех участников формата «пять плюс один» полного соответствия совместной внешней политике, в том числе в отношении ограничительных мер, направленных против России. Такая ситуация ставит перед тяжёлым выбором Белград и Баня-Луку, которые не могут не учитывать поддержку действий России

УДК: 327

Поступила в редакцию: 21.12.2022 г.

Принята к публикации: 02.04.2022 г.

подавляющим большинством сербского населения. Любые антироссийские шаги официальных институтов способны привести к серьёзному внутривнутриполитическому конфликту как в Сербии, так и в Республике Сербской, что неминуемо отразится на региональной стабильности.

Ключевые слова: Западные Балканы, «пять плюс один», внешняя политика, ЕС, НАТО, Россия, Китай, США, украинский кризис

Текущее противостояние России и Запада не только обострило общую международную обстановку, кризис также отразился на регионах, не вовлечённых в него напрямую – иными словами, «грандиозный раскол» становится причиной переоценки национальных интересов» (Дуткевич 2022: 27). На Балканах на фоне украинских событий стали более отчётливыми линии разделения не только государств, но обществ, регионов, социальных групп. Дополнительное напряжение придаёт потенциальная возможность региона вновь оказаться втянутым в череду открытых конфликтов, прежде всего, по линии этнополитических расколов: сербы – косовские албанцы; сербы – боснийские мусульмане и, возможно, хорваты; македонцы – македонские албанцы. Подобные опасения всё чаще высказывают не только эксперты, но и лидеры балканских стран. Сопровождающие их нарративы существенно разнятся – в зависимости от внешнеполитических ориентаций спикеров, «принадлежности» к тому или иному лагерю конкретных региональных игроков. Кроме того, в каждом регионе есть явные гегемоны в «грамшианском» смысле¹, способные влиять на формирование региональных порядков². В этой связи анализ внешнеполитических устремлений балканских стран в условиях развивающегося мирового кризиса, фиксация изменений (при наличии) и прогнозы развития (по возможности) представляет не только сугубо эвристический, но и политико-практический интерес.

Географически работа охватывает государства формата «пять плюс один» – это Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Северная Македония, Сербия, Черногория и территория Косово («западнобалканская шестёрка» в интерпретации стран, признавших независимость самопровозглашённой политики). Хронологически исследование ограничивается 2022 г., что не исключает, а в ряде слу-

¹ Гегемония в «грамшианском» смысле означает не военное или экономическое господство одной страны над другими, а, скорее тот факт, что все в системе принимают чьё-то лидерство и признают легитимность связанных с ним институтов.

² Makei V. 2022. Liberal International Order: Can it Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? *Russia in Global Affairs*. 10.11.2022. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/liberal-international-order/> (accessed 15.06.2023).

чаев даже требует обращения к предшествующим периодам для наиболее полного раскрытия темы, особенно в контексте рассмотрения албанского фактора внешней политики в регионе.

Базовыми методологическими подходами стали историко-системный, оптимально подходящий для детального прослеживания траектории развития и изменений во внешнеполитических устремлениях и практической внешней политике балканских игроков – в чёткой связи с общей и региональной канвой событий, а также неореализм. Последний особенно актуален в контексте «революции» К. Уолтца, который в теории системных регуляторов международных отношений учёл наработки либеральной школы. В частности, при определении долгосрочных правил межгосударственного взаимодействия необходимо намерение мирополитических гигантов не рассматривать войну в качестве альтернативы переговорному процессу решения существующих и возникающих проблем (Waltz 2010). Важным дополнением к разработкам Уолтца в рамках данного исследования стала концепция «баланса угроз» С. Уолта. Он предложил четыре критерия, по которым можно определить потенциальную угрозу международного и в данном случае – регионального – конфликта: экономический потенциал, географический ресурс, военные возможности и наличие/отсутствие агрессивных, в том числе ревизионистских замыслов. Поскольку чаще всего этой стратегии стараются следовать малые и средние игроки, «баланс угроз» определил понятие «силы (власти) от угроз» (Фененко 2019: 69; Walt 2013). Игроки верхнего уровня, внешние по отношению к региону, несмотря на определяющую роль и значение для Балкан, намеренно выведены за рамки основного исследовательского фокуса и рассматриваются с позиции внешнего фактора, центров силы и притяжения для локальных участников.

Основная исследовательская задача – определить внешнеполитические приоритеты и ориентиры западнобалканских политий под давлением кризиса системы международных отношений, выявить региональные расхождения в восприятии и оценке украинского конфликта, обозначить вероятные тренды активности западнобалканских столиц на внешнем контуре.

Сказанным определяется набор задействованных в работе источников. Это официальные документы, выступления политических лидеров и оппозиции, национальные стратегии, статистические материалы, результаты проведённых в 2020–2022 гг. опросов по внешнеполитической тематике, в целом, и прицельно – по отношению к украинскому кризису и его участникам. В меньшей степени – документы международных организаций, наднациональных структур и институтов. Исключение составила та их часть, которая имеет непосредственное отношение к заявленной цели исследования, а именно многочисленные отчётные материалы по региону в увязке с текущим противостоянием России и Запада – данные активно задействованы в анализе.

Исследовательский фокус на деятельности самих балканских игроков ни в коем случае не направлен на то, чтобы придать им большей субъектности в сфере внешней политики высокого уровня. Вопрос политической «самостоятельности» Балкан давно имеет решение-консенсус: уже более двадцати лет регион видится как «зона стратегической уязвимости» (Ponomareva 2020: 159), сфера приложения сил и влияния крупных держав. Политическое поведение балканских государств в международном контексте, как правило, оценивается и прогнозируется с позиции ожидаемой реакции – в ответ на какое-либо внешнее вмешательство. И даже единичные «внезапные» внешнеполитические инициативы региональных игроков чаще всего подготовлены и скоординированы извне. Внешних центров силы, по отношению к которым рассматриваются приоритеты региональных политических структур, в настоящее время пять: ЕС, США, Великобритания³, Россия и Китай. Турцию, несмотря на довольно активное присутствие в регионе, оставим вне фокуса. В рамках данной работы опускаем важную тему состоятельности главных бенефициаров балканского направления, в том числе внутри номинально крепких союзов. Коснемся её лишь в той мере, в какой она затрагивает проблему «самораспределения» локальных игроков по имеющимся внешнеполитическим опциям.

«Пять плюс один» в категоризации ЕС

В состав «пять плюс один» включается оставшийся квартет стран из состава бывшей Югославии, бывший (de facto) автономный край Сербии – Косово и Метохия и бывший «наименее известный русский сателлит» – Албания (F.N.-B. 1952: 466). Все без исключения бывшие республики ныне официально стремятся в ЕС⁴. Практически у всех за годы стремления накопилась значительная «усталость от ожидания»: её демонстрируют и политические элиты, и общественность. Сходство наблюдается также в официальных причинах промедления вступления в Союз, несмотря на предложенную категоризацию возможных членов, возникшую в ходе новой волны интереса евроструктур к региону. Ещё в 2018 г. Еврокомиссия разделила «шестёрку» на три категории: Сербия (несмотря на позицию по Косово) и Черногория считались фаворитами: они в большей степени выполнили требования для интеграции; Албания и Македония сформировали группу ожидающих предметных переговоров с Брюсселем, а БиГ и Косово получили тогда статус потенциальных кандидатов⁵. С того времени,

³ Несмотря на не всегда очевидное присутствие Лондона в публичном пространстве балканской политики, начиная с XIX в. и до настоящего времени Великобритания играет важную роль в формировании внешнеполитической повестки региональных элит (Виноградов 1991; Никулин 2018; Hodge 2010).

⁴ Премьер Косово подал заявку на вступление в ЕС. 2022. *РИА Новости*. 15.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221215/vstuplenie-1838956140.html?ysclid=lbroxefy5512678809> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions*. Strasbourg. 6.02.2018. P. 7. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf (accessed 15.06.2023).

несмотря на глобальные трансформации мировой политики начиная от пандемии COVID-19 и заканчивая украинским кризисом, полностью изменившим «баланс угроз», положение балканских интегрантов для ЕС остаётся прежним. Предоставление БиГ статуса кандидата не меняет общую картину⁶ – балканские страны приводят к европейским стандартам свою внутреннюю и внешнюю политику годами.

За формулировками о неполном соответствии критериям членства в ЕС стоят глубинные проблемы всего региона: неконкурентная экономика, многоуровневая коррупция, слабая судебная система, ангажированные СМИ, организованная преступность и даже включённость (прежде всего, это касается Албании и Косово) в сети международного терроризма (Пономарёва 2018). Все это применимо ко всем единицам из «пяти плюс один».

Ранжирование стран, по большому счёту, отдаёт должное имеющейся разнице в степени выраженности этих явлений в конкретных государствах (в частности, Сербии и Черногории) и служит внешнеполитическим целям момента. Вообще «для Брюсселя и западноевропейских лидеров основной мотив разговоров о потенциальном расширении – внешнеполитический» (Кандель 2018: 18). Помимо опасений, что неспособность ЕС выработать и предложить согласованную политику в отношении перспектив расширения на Западные Балканы поставит под сомнение эффективность концепции стратегической автономии Евросоюза (Щербак 2021: 42), сюда же относится риск утраты влияния в регионе в пользу «геополитических конкурентов». Поэтому с момента активизации украинского кризиса и особой пророссийской позиции не столько даже официального Белграда, сколько подавляющего большинства сербов (где бы они ни проживали) внешнеполитическая цель евроинтеграции приобрела открыто жёсткий характер. Всё отчетливее звучат пожелания европейских чиновников к консолидации и усилению возможностей ЕС, к «ощутимому приближению» к Западным Балканам. Иными словами, не только институты и возможности Евросоюза оказываются в центре внимания балканских столиц.

Еврокомиссия напрямую связывает вступление Сербии в Союз не только с фактическим признанием Косово по реанимированной в ноябре 2022 г. модели «двух Германий»⁷, но и с присоединением к антироссийским санкциям. По-

⁶ Боснии и Герцеговине согласовали статус кандидата на вступление в ЕС. 2022. *РИА Новости*. 13.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221213/evrosoyuz-1838343774.html?ysclid=lbpr7p6qs2982933693> (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Идея международной легализации «Республики Косово» (РК) на основе модели сосуществования ФРГ и ГДР впервые появилась в рамках венских переговоров по статусу края в конце 2007 г. и принадлежала тогдашнему посреднику от ЕС, немецкому дипломату В. Ишингеру. Он сослался при этом на подписанный в 1972 г. основополагающий договор Берлина и Бонна, который признавал суверенитет двух немецких государств в границах, сложившихся де-факто. Документ позволил им развивать тесные экономические и политические связи и одновременно не исключал будущее мирное воссоединение немцев, что должно было бы привлечь к проекту сербов. Договор позволил ФРГ и ГДР получить в 1973 г. места в ООН, а это, как указывал Ишингер, могло бы понравиться косовским албанцам. Таким образом, по мнению Ишингера и ряда международных экспертов, можно было бы преодолеть «паралич» вокруг РК.

следнее, по словам А. Вучича, может иметь место только в том случае, «если буквально Дамоклов меч будет висеть у нас над головой»⁸. Пока экономический «меч» над сербской головой не воздвигнут, но в который раз прозвучали призывы и предупреждения, а также крайне накалилась ситуация в сербских муниципалитетах Косово⁹.

На «историческом», по словам председателя Европейского совета Ш. Мишеля¹⁰, саммите ЕС – Западные Балканы, который состоялся 6 декабря 2022 г. в Тиране, была не только подтверждена «полная и недвусмысленная приверженность перспективе членства в ЕС Западных Балкан» и содержался призыв «к ускорению процесса вступления, основанного на заслуживающих доверия реформах». В документе акцентировалась необходимость движения «в направлении полного соответствия совместной внешней политике и политике безопасности Евросоюза и к соответствующим действиям, в том числе в отношении ограничительных мер ЕС»¹¹. Как видим, конкретных дисциплинарных наказаний Сербии нет, но есть настойчивое пожелание «в отношении ограничительных мер», которое может иметь вполне конкретное наполнение.

Отказ Белграда следовать в антироссийском санкционном фарватере, определённом европейской бюрократией ещё в 2014 г. и доведённом до крайности после февраля 2022 г., неслучайно вызывает раздражение в Брюсселе. С каждым месяцем украинского кризиса европейское влияние снижается: ЕС видит риск потери контроля над регионом в пользу своих геополитических союзников. И это никак не соотносится с решимостью ЕС «и далее позиционировать себя в качестве монолитного глобального центра силы» (Князева 2021: 178). На деле Евросоюз теряет былые позиции.

Например, Албания, очерчивая контуры своей внешней политики в регионе, упоминает о поданной в апреле 2009 г. заявке на членство в ЕС, однако свой «новый статус и роль в международных отношениях» напрямую связывает с состоявшимся вступлением страны в НАТО¹². В Министерстве иностранных дел Албании отмечают, что «став государством-членом НАТО, Албания выполнила стратегическую цель и главную задачу внешней политики»¹³. При этом отли-

⁸ Вучич: Сербия введёт санкции против России только под «Дамокловым мечом». 2022. *РИА Новости*. 10.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221110/sanktsii-1830619931.html?ysclid=lbc0mac24b227038643> (дата обращения: 15.06.2023).

⁹ Сербии хотят наказать за поддержку России. 2022. *РИА Новости*. 12.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221212/serbiya-1837975673.html?ysclid=lbrmbbmr9g368033322> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ ЕС подтвердил планы интеграции Западных Балкан в союз при условии добросовестных реформ. 2022. *Интерфакс*. 6.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/875661> (дата обращения: 15.06.2023).

¹¹ *Tirana Declaration*. 6 December 2022. EU-Western Balkans Summit. Tirana, Albania. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/60568/tirana-declaration-en.pdf> (accessed 15.06.2023).

¹² Albania in the region. 2016. *Ministry for Europe and Foreign Affairs of Republic of Albania*. URL: <https://punetegashtme.gov.al/en/shqiperia-ne-rajon/> (accessed 15.06.2023).

¹³ Albania in NATO. 2017. *Ministry for Europe and Foreign Affairs of Republic of Albania*. URL: <https://punetegashtme.gov.al/en/shqiperia-ne-nato/> (accessed 15.06.2023).

чительной чертой кейса в ряду других балканских случаев стало полное общественное одобрение этого шага. По данным Министерства обороны Албании, около 89% граждан и все ведущие политические силы страны поддержали эту инициативу¹⁴.

Последующая волна расширения НАТО в регионе прошла гораздо драматичнее. После Албании (и Хорватии) ещё две страны региона стали членами блока: Черногория в июне 2017 г. и Северная Македония (СМ) в марте 2020 г. Их вхождение в альянс не сопровождалось общественным консенсусом, как это было в Албании. Однако он и не потребовался: невзирая на вынужденную отмену референдума в Черногории и сомнительные итоги голосования в СМ, все государства-члены НАТО ратифицировали их присоединение к блоку. Глубокий раскол в обществе обеих стран по данному вопросу не только не стал скольконибудь серьёзным препятствием, он вообще не был принят в расчёт (Arlyarova, Ponomareva, Prorokovic 2022: 213-214).

Именно поэтому представляется, что кажущаяся нерешаемой задача вхождения в НАТО Боснии и Герцеговины (с учётом противодействия главного противника альянса на Балканах в лице интегрального сербского сообщества) может оказаться блоку вполне по силам. Тем более, риторика в отношении ещё не вошедших в альянс балканских стран вновь оживилась на фоне украинского кризиса. Летом 2022 г. президент Словении Б. Пахор призвал к скорейшей интеграции БиГ¹⁵, а осенью альянс сообщил об «усилении политического диалога»¹⁶ с Сараево и Белградом. Фактор НАТО, таким образом, занимает доминирующее положение в регионе, уводя в сторону, нивелируя или даже замещая значимость ЕС. В военно-политическом плане гегемон для западнобалканской «шестёрки» предопределён. В то же время социально-экономические притягивающие факторы ЕС всё ещё имеют значение как для местных элит, так и для внерегиональных игроков (прежде всего, речь о Китае и Турции, которые заинтересованы в скорейшей евроинтеграции региона), но уже с гораздо большими оговорками.

Косовский триггер евро-атлантических перспектив балканских «Германий»

Более двух десятилетий косовский вопрос остаётся определяющим для интеграционных перспектив Сербии и самопровозглашённой полинии, возникшей на части её исторической территории. Несмотря на осязаемое присутствие

¹⁴ History of NATO-Albania relations. *Ministry of Defense of Republic of Albania*. URL: <https://www.mod.gov.al/eng/security-policies/relations-with/nato/88-history-of-nato-albania-relations> (accessed 15.06.2023).

¹⁵ EU, NATO must back Western Balkan integration amid Ukraine war, says Slovenia. 2022. *North Atlantic Treaty Organization*. 29.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-nato-must-back-western-balkan-integration-amid-ukraine-war-says-slovenia-2022-08-29/> (accessed 15.06.2023).

¹⁶ NATO strengthens political dialogue with Serbia and Bosnia and Herzegovina. 2022. *Reuters*. 14.11.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_209051.htm (accessed 15.06.2023).

в регионе, НАТО пока не удаётся формализовать свои отношения с самопровозглашённым субъектом. В кейсе Косово проблема не в отсутствии общественного консенсуса, который, как показал балканский опыт экспансии НАТО, вовсе не является обязательным элементом. Главным препятствием стала позиция четырёх действующих членов договора в отношении Приштины – Греция, Испания, Румыния и Словакия не признают её независимости от Сербии. Вплоть до обострения международной обстановки зимой 2022 г. это препятствие позиционировалось как «слишком существенное, поскольку блокирует любые возможности интеграции в НАТО»¹⁷. Тщётность усилий и напрасность ожиданий подчеркнута даже в названии цитируемого документа: «Будущее Косово в НАТО. Как сделать круг квадратом?»

Тем не менее сразу после начала украинских событий, а точнее – через три (!) дня, Приштина предприняла очередную попытку форсировать интеграцию. Ею было запрошено ускоренное членство в НАТО и постоянная военная база США на территории непризнанной республики¹⁸. А уже 10 марта 2022 г. новая глава политики В. Османи обратилась с письмом к Дж. Байдену, где выразила «веру и ожидание, что США используют своё лидерство и влияние для активной поддержки и продвижения сложного процесса получения членства Косово в НАТО»¹⁹.

На этом этапе был прорисован лейтмотив данного и всех последующих аналогичных обращений. Им ожидаемо стала «российская угроза». Позднее Османи пояснила: «Они (Россия – *авт.*) особенно заинтересованы в нападении на Косово, Боснию и Герцеговину и, в некоторой степени, также на Черногорию (члена НАТО)»²⁰. С призывом к Брюсселю как столице ЕС и НАТО переосмыслить подходы к расширению обеих структур обращался и премьер-министр непризнанного образования А. Курти. Его аргументация была также прямолинейна: в условиях российской угрозы для безопасности Балкан и, особенно, Косово – самое время отойти от старых правил и пересмотреть процесс и процедуру интеграции²¹.

¹⁷ Kosovo's NATO Future. How to Square the Circle? Policy Brief. Clingendael. 2020. *Netherlands Institute of International Relations*. December 2020. P. 1. URL: <https://natolibguides.info/balkans/reports> (accessed 15.06.2023).

¹⁸ С 2000 г. недалеко от г. Урошевац (южнее Приштины) действует крупнейшая в Юго-Восточной Европе военная база американского контингента в составе международной миссии KFOR – Camp Bondsteel.

¹⁹ Kosovo president asks Washington for help in joining NATO. 2022. *Reuters*. 17.03.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/kosovo-president-asks-washington-help-joining-nato-2022-03-17/> (accessed 15.06.2023).

²⁰ Kosovo, Bosnia call for NATO membership as war rages in Ukraine (interview with Kosovo's president and Bosnia's defense minister). *Aljazeera*. 05.04.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/5/nato-membership-indispensable-for-kosovo-bosnia-leaders> (accessed 15.06.2023).

²¹ Make membership easier, Kosovo PM tells NATO, EU. 2022. *France24*. 08.03.2022. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20220308-make-membership-easier-kosovo-pm-tells-nato-eu> (accessed 15.06.2023).

В очередной раз Косово стало триггером балканской политики летом 2022 г., когда Приштина заявила о введении новых правил для автомобилей с сербскими номерами. Опять же Приштина пыталась «играть на двух скрипках»: обращение за поддержкой было адресовано и в Брюссель (ЕС), и в Вашингтон. В результате после «игры мускулами» (резкой риторики с обеих сторон, стягиванием к границам спецназа и военных формирований) в конце ноября 2022 г. Курти заявил, что до весны 2023 г. «должно быть подписано соглашение о полной нормализации отношений». Причём в основу возможных соглашений, по его словам, будет «положен франко-немецкий план, который поддержали ЕС и США, а нормализация будет во многом происходить по “модели двух Германий”, что обеспечит членство Косово в международных организациях, включая ООН»²².

Однако, это взгляд из Приштины. Реакция официального Белграда была вполне предсказуема. Сербское общество очень исторично и политизировано, а «утрата и отщипление Косово» – главный триггер любых политических событий. Поэтому, когда даже сам факт переговоров Белграда с Приштиной невероятно травмирует сербское общество, можно с уверенностью предсказать будущее любого правительства, которое пойдет на «взаимное уважение суверенитета». Таким образом, пока будет существовать нерешённость косовского вопроса, путь в ЕС и в НАТО закрыт как для Белграда, так и для самопровозглашенной столицы.

Несмотря на всю медийную раскрутку косовского случая, особенно в его привязке к будущему Сербии – главного пророссийского игрока в регионе, в контексте политики «пересмотра расширения НАТО на Западных Балканах» фигурирует большей частью Босния и Герцеговина и иногда Сербия, но никак не Косово²³. Хотя на заре вооружённого конфликта на Украине многие аналитики, включая российских, допускали возможность косовской администрации «продать решения, которые ещё две недели назад вряд ли бы вызвали поддержку стран ЕС»²⁴, и заполучить искомое членство в исключительном порядке с учётом сложившейся геополитической ситуации.

Надо сказать, что для допущений были основания. Притязания на членство Косово в НАТО активно поддержали Турция и Хорватия. Р. Торрес, демократ, представитель штата Нью-Йорк в Конгрессе США, писал в защиту устремлений Косово президенту и госсекретарю США²⁵. Активность Приштины по другим,

²² Сысоев Г. 2022. Серию делят на две Германии. *Коммерсантъ* 27.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5692651?ysclid=lb491f75p860773793> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ Čančar I.F. 2022. Rethinking NATO engagement in the Western Balkans. *NDC Policy Brief*. 11-22. 20.06.2022. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1719> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁴ Сыграть на кризисе: как Косово собирается в ускоренном режиме вступить в НАТО и разместить у себя базу США. 2022. *RT*. 28.02.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/article/969045-kosovo-nato-voennaya-baza-ssha> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁵ Levine J. 2022. Rep. Ritchie Torres calls for NATO to admit Kosovo. *New York Post*. 05.03.2022. URL: <https://nypost.com/2022/03/05/rep-ritchie-torres-calls-for-nato-to-admit-kosovo/> (accessed 15.06.2023).

сопряжённым с членством в НАТО направлениям, тоже встречала понимание: в марте 2022 г. правительство планировало получение статуса кандидата в члены ЕС до конца года²⁶. На данном этапе ожидания выглядят чрезмерно оптимистичными, несмотря на поданную 15 декабря заявку на членство в ЕС.

А вот интерес к Боснии и Герцеговине с разных сторон действительно вырос многократно. Она в главном фокусе: в аналитических материалах и в СМИ, в том числе российских. Последние освещают вопрос потенциального членства страны в альянсе преимущественно сквозь призму противодействия этому процессу Республики Сербской²⁷. Широко растиражировано заявление главы республики М. Додика о поддержке европейского пути развития страны, но несогласии с её интеграцией в Североатлантический союз: «Как только вы упоминаете НАТО, для меня это синоним обеднённого урана и ничего больше»²⁸. Думается, что заявление политика будет неоднократно цитироваться в западной прессе и аналитике, так же, как ранее слова российского посла в Сараево в ответ на возможное «практическое сближение Боснии и Герцеговины и НАТО»²⁹.

Сербия: от имиджа регионального деструктора к образу страны-угрозы

Ситуация с Сербией у НАТО остаётся неизменной. Официальная риторика организации сообщает об идущем политическом диалоге и сотрудничестве по ряду отдельных вопросов, представляющих взаимный интерес. При этом необходимо признать, что «хотя Сербия стремится к членству в ЕС, в отличие от других партнёров на Западных Балканах, она не желает присоединиться к Североатлантическому союзу»³⁰. За достаточно сдержанными формулировками скрыто сильнейшее давление, которое, как уже отмечалось выше, оказывается на руководство страны на постоянной основе. Это касается не только Сербии. Всем региональным игрокам перманентно предлагается провести политический аудит с целью взвесить угрозу отчуждения от США и ЕС и сравнить потенциальную потерю с потенциальной выгодой от положительного взаимодействия с другими партнёрами, присутствие которых в регионе открыто определяется интегральным Западом как крайне нежелательное.

²⁶ Russia's war further divides the Balkans. 2022. *GIS*. 24.03.2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-ukraine-balkans/> (accessed 15.06.2023).

²⁷ Додик заявил, что не допустит вступления Боснии и Герцеговины в НАТО. 2022. *РИА Новости*. 24.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221124/nato-1833963388.html> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁸ Додик: Республика Сербская не допустит интеграции Боснии и Герцеговины в НАТО. 2022. *RT*. 24.11.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1078079-dodik-respublika-serbskaya-nato> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁹ Посольство России предупредило об ответе в случае сближения Боснии и НАТО. 2021. *РБК*. 19.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/03/2021/6053de319a7947a56fcc3735> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁰ Relations with Serbia. 2022. *NATO*. 23.05.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50100.htm (accessed 15.06.2023).

Неудивительно, что в контексте взаимодействия с «нежелательными» субъектами особое место отведено как раз Сербии – стране с традиционными связями с Россией, а, кроме того, с новой ролью главного транзитного узла в инициированном Китаем проекте «Пояса и пути». Общая тенденция восприятия таких масштабных инициатив другими глобальными внешними игроками охарактеризована исследователями как «повышение градуса беспокойства по поводу среднесрочного и долгосрочного будущего балканского региона» (Пономарёва, Крыканов 2021: 118).

В плане безопасности градус повышен настолько, что созданный ранее и надёжно закреплённый за Сербией имидж деструктора (который актуализировался или дезавуировался в зависимости от обстоятельств) всё настойчивее трансформируется в ярлык страны – угрозы региональной стабильности и мира, что формирует дискурс нарушения «баланса угроз».

Так, американский Институт исследований внешней политики в марте 2022 г. посчитал, что пришло время «открыто рассматривать Сербию такой, какая она есть: верный союзник России и Китая, управляемый полуавторитарным правительством, которое активно проводит идеологически ирредентистскую территориальную экспансию на Западных Балканах»³¹. Сегодняшняя Сербия, по мнению экспертов центра, представляет угрозу не только региональной, но и трансатлантической безопасности.

Отчёт недвусмысленно называет Россию и Китай противниками США, причём, не только на балканском направлении. Стоит отметить, что 30 страниц документа содержат 11 упоминаний США, 45 – Китая, 72 – России. Последние («злонамеренные иностранные державы») обвиняются в интенции изолировать Западные Балканы от трансатлантического сообщества. Сербия призвана покаяться в «прошлых грехах» («зверствах, совершенных во время распада Югославии», преступлениях против человечности), без чего страна, по мнению авторов и заказчиков данного материала, не имеет будущего в формате открытого демократического общества, крепко интегрированного в евро-атлантическое партнёрство.

Vox populi: внешнеполитические приоритеты сербского населения

О сближении Сербии с Россией и Китаем говорят данные опросов, проведённых по инициативе Белградского центра политики безопасности в 2020 г. Согласно их результатам, «сербские граждане определяют Россию и Китай как

³¹ Kraemer R. Serbia on the Edge. 2022. *Foreign Policy Research Institute. Eurasia Program*. P. 2. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2022/03/serbia-on-the-edge-issuu.pdf> (accessed 15.06.2023).

своих лучших друзей»³²: 40% респондентов высказались за Москву, 16% – за Пекин, который и оказался на втором месте в этом списке. При этом 72% опрошенных уверены в положительном влиянии России на Сербию (рост на 11% по сравнению с 2017 г.), 90% – в положительном китайском влиянии (рост 30% к 2017 г.). Многочисленные акции в поддержку России после 24 февраля 2022 г., собирающие тысячи людей на улицах сербских городов, говорят о том, что отношение к «лучшим друзьям» не изменилось. Это крайне болезненно воспринимается Брюсселем и Вашингтоном.

В случае Сербии российский фактор «раздражения» заметно дополнился китайским. Рассмотрим в данном контексте восприятие сербскими респондентами китайской помощи стране во время пандемии: 75% опрошенных уверены, что она была наибольшей среди всех остальных; и только 3% респондентов назвали главным донором ЕС, коим он действительно является, согласно официальной статистике³³.

«Дипломатия масок и вакцин» Пекина имела ошеломляющий успех, позволив ему завоевать, а точнее – отвоевать у геополитических конкурентов признание сербской общественностью в качестве главного помощника страны и её граждан в деле борьбы с пандемией. Сопроводительной информационной кампании с активным вовлечением сербских политиков самого высокого уровня посвящено довольно много аналитических отчётов и материалов, включая критические – с акцентом на непрозрачности расчётов с китайской стороной, неоднозначный статус оказанной помощи, необоснованности её позиционирования как наибольшей и безвозмездной. Так или иначе, цель достигнута – независимо от возраста, пола, места проживания сербы уверенно демонстрируют выраженное положительное отношение к Пекину и его инициативам.

Результаты опросов, в общем, совпадают с итогами более масштабного проекта по изучению общественного мнения относительно усиления Китая, проведённого при поддержке Европейского фонда регионального развития примерно в то же время (осень 2020 года) в 13 европейских странах³⁴. Большинство сербских респондентов – более 60% – выразили «однозначно положительный взгляд на Китай»³⁵. Оставшаяся часть разделилась почти поровну: с нейтральным и

³² Many Faces of Serbian Foreign Policy. Public Opinion and Geopolitical Balancing. 2020. *Belgrade Center for Security Policy*. URL: <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/11/MANY-FACES-OF-SERBIAN-FOREIGN-POLICY.pdf> (accessed 15.06.2023).

³³ EU Partnership with Serbia: EU Best Partner and Biggest Donor for 20 Years – and in the Front Line against COVID-19. *Delegation of the European Union to Serbia*. 24.04.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/serbia/eu-partnership-serbia-eu-best-partner-and-biggest-donor-20-years-%E2%80%93-and-front_en?s=227 (accessed 15.06.2023).

³⁴ Sinophone Borderlands Europe Survey. 2020. *Palacký University Olomouc*. CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791. URL: https://starfos.tacr.cz/en/project/EF16_019%2F0000791 (accessed 15.06.2023).

³⁵ *Serbian Public Opinion on China in the Age of COVID-19. An Unyielding Alliance?* 2021. URL: <https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/01/SRB-poll-report.pdf> (accessed 15.06.2023).

отрицательным восприятием. Примерно половина опрошенных отметили, что их точка зрения на Китай улучшилась за последние три года, и только 16% отметили её ухудшение.

По итогам опросов, Китай стал одной из зарубежных стран, наиболее положительно воспринимаемых населением в Сербии. По этому показателю его опережают только Россия и, как ни удивительно, Япония. Самое негативное отношение сербы продемонстрировали к странам (в порядке убывания лояльности): Великобритания, США и Северная Корея. Эти итоги вывели Сербию из числа других европейских стран, принявших участие в исследовании.

Во внешнеполитических устремлениях сербских респондентов позиции распределились следующим образом: Россия, Китай, ЕС, США, хотя авторы доклада определили ЕС как самого слабого из четырёх глобальных игроков, отметив низкий уровень доверия сербов к Германии и Франции на фоне высокого – в адрес России и КНР. С точки зрения военной мощи образовался похожий порядок: Россия, Китай, США, ЕС. В плане экономической силы лидером оказался Китай, далее – США, Россия, ЕС.

В ракурсе культурной привлекательности предсказуемо лидировала Россия, однако нельзя сказать, что её позиции недостижимы для следующего за ней Китая и далее – ЕС. Наиболее значительный отрыв здесь наблюдается по отношению к США с низкими показателями привлекательности культуры для населения. США сохранили отстающий статус также в вопросах значимости для экономического развития Сербии (Китай, Россия, ЕС), общего доверия со стороны сербов (Россия, Китай, с большим отрывом – ЕС). Только по части соблюдения прав человека порядок ключевых игроков изменился: ЕС, РФ, США и замыкающий Китай. Применительно к 2021 г. результаты опросов дают ещё более высокие показатели в пользу КНР: 83% сербов назвали её дружественной страной, стабильные три четверти респондентов оценили положительно китайское присутствие³⁶.

Эти результаты подчёркивают успех продвижения восточного партнёра на Балканах и конкретно в Сербии – при всех вопросах к методам, целям, особенностям видения и ведения дел Китай «идеализируется общественным сознанием» (Пономарева, Крыканов 2020: 129). С таким набором восприятий и оценок Сербия фигурирует как олицетворение («poster child»³⁷) китайского влияния.

³⁶ Srbija I svet: Ključni nalazi iz istraživanja javnog mnjenja. 2021. *Center for Free Elections and Democracy*. May 31. URL: <http://www.cesid.rs/istrazivanje/srbija-svet-kljucni-nalazi-iz-istrazivanja-javnog-mnjenja/> (accessed 15.06.2023); *Stavovi građana Srbije prema Kini*. April 2021. URL: <https://iea.rs/wp-content/uploads/2021/04/Stav-gradjana-Srbije-prema-KI-NI-2021-1.pdf> (accessed 15.06.2023);

³⁷ Vladislavljev S. 2022. Chinese Influence in Serbia. *Center for European Policy Analysis*. URL: <https://cepa.org/comprehensive-reports/chinese-influence-in-serbia/> (accessed 15.06.2023).

Общественное мнение Сербии на протяжении нескольких докризисных лет и, собственно, в течение кризиса стабильно демонстрирует русофильские настроения, а также нарастающую симпатию к Китаю. Это во многом идёт вразрез с официальной внешнеполитической линией Белграда. Такое положение вещей вводит сербское общество в сложный и даже опасный клинч противостояния с властью в вопросах определения внешнеполитических ориентиров и приоритетов. Официальная риторика и стратегические документы фиксируют безальтернативность европейского выбора, в то время как общественность активно выступает за активизацию сотрудничества с Россией и КНР. На этом фоне раздающиеся из Европы угрозы: «Если Вучич решит вести свою страну к присоединению к ЕС, у него будет поддержка правительства ФРГ. Если он решит пойти другим путём, последствия будут обратными»³⁸, могут лишь дестабилизировать ситуацию в стране.

Украинский маркер внешнеполитических ориентиров балканских стран

На этом сложности Запада в отношениях с Сербией не заканчиваются. Опросы общественного мнения касательно украинского кризиса уверенно показали «выпадающий» результат. 61% опрошенных обвинили США в развязывании войны, 51% – НАТО, 26% – Россию, 24% – Украину или ЕС³⁹.

Для сравнения дадим результаты в рамках того же опроса в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине. Респонденты в Словении и Хорватии примерно одинаково ответили на вопрос «кто виноват» (возможен выбор более одного варианта): 71% – Россия, 37% – США, 22% – НАТО, 17% – Украина (Словения) и 9% – Украина (Хорватия)⁴⁰. В БиГ средние значения распределились следующим образом: 60% – Россия, 40% – США, около 25% – НАТО, более 10% – ЕС, примерно столько же – Украина. Однако боснийские результаты сильно зависят от локальной географии. Так, в Республике Сербской и районе Брчко 57% респондентов обвинили США и только 30% – Россию, а в Федерации БиГ (боснийско-хорватский энтитет) – наоборот: 79% – Россию и только 30% – США.

Такой общественный фон «выбивает» Сербию и Боснию-Герцеговину из общего ряда балканских стран при «распределении» их по имеющимся внешним векторам силы. Причём, с БиГ ситуация в этом смысле сложнее. Сербию при первом приближении традиционно относят к «пророссийскому» лагерю;

³⁸ Die Welt: ФРГ требует от Сербии определиться с союзниками. 2022. *News.ru*. 1.11.2022. URL: <https://news.ru/europe/die-welt-frg-vydvinula-serbii-ultimatum-iz-za-rossii/> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁹ Serbians blame US and NATO for Ukraine war. 2022. *BNE IntelliNews*. 14 March. URL: <http://intellinews.com/serbians-blame-us-and-nato-for-ukraine-war-237960/> (accessed 15.06.2023).

⁴⁰ Ibid.

так же уверенно, как Албанию, Косово и СМ – к «прозападному»⁴¹. Выбор в отношении БиГ аналитически не столь очевиден, особенно, если говорить об общественном мнении и настроениях.

Здесь водораздел проходит, скорее, по внутренним линиям – внутри самого общества. Поэтому сербы Республики Сербской «распределяются» к сербам Сербии в российскую зону влияния, а боснийцы – в западную к «косовским албанцам и тем черногорцам, которые не ищут лидера в Белграде»⁴². Внутриполитическая неопределённость, как ни странно, лишила Запад возможности однозначно отнести к «своим» местных хорватов из-за невозможности спрогнозировать политическое поведение хорватских партий в условиях борьбы за власть⁴³. Период, когда нужно было срочно обозначить геополитическую позицию, очень точно охарактеризован как время «фокусирования местных политиков на своих индивидуальных националистических повестках», что «одновременно освобождало их от какой-либо серьёзной ответственности за свои действия»⁴⁴.

Рискуя вызвать некоторое недоумение, всё-таки проведем параллель (пусть она будет пунктирной) с Черногорией, только в смысле расколотого общества, где одна часть населения стала «проукраинским» лагерем, а вторая – «пророссийским»⁴⁵ (руководство страны предпочитает формулировку «проевропейские» и только так, однозначно и безальтернативно). Поэтому в сфере практической внешней политики Черногория может уверенно стоять в одном ряду с остальными «твердо прозападными» балканскими игроками. С 2006 г. внешнеполитические приоритеты руководства страны не менялись, невзирая на внутривнутриполитические изменения. И спустя пятнадцать лет звучит, что «идея евроинтеграции для Черногории не имеет альтернативы». Более того, словами бывшего главы МИД страны Дж. Радуловича, «идея евроинтеграции в Черногории доминирует настолько, что наше правительство не воспринимает влияние любой третьей стороны как нечто, что может сбить нас с этого пути»⁴⁶.

⁴¹ Russia's war further divides the Balkans. 2022. *GIS*. 24.03.2022. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-ukraine-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁴² The Effect of the war in Ukraine on the Western Balkans. 2022. *International Institute for Strategic Studies*. Vol. 28. August. URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2022/the-effects-of-the-war-in-ukraine-on-the-western-balkans> (accessed 15.06.2023).

⁴³ Szczebra M. The Western Balkans: Russia's War on Ukraine and the Region's Enduring Challenges. Draft Report. 2022. *NATO Parliamentary Assembly*. Economics and Security Committee, Sub-Committee on Transition and Development. 05.10.2022. P. 9. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%2022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁴⁴ Bet-El I. 2022. Never waste a crisis. The war on Ukraine as a catalyst in the Balkans. *Royal Institute for International Relations*. 24.03.2022. URL: <https://www.egmontinstitute.be/never-waste-a-crisis-the-war-on-ukraine-as-a-catalyst-in-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁴⁵ As the Ukraine war rages, Montenegro's juggling act gets harder. 2022. *Aljazeera*. 20.05.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/20/ukraine-war-means-difficult-juggling-act-for-montenegro> (accessed 15.06.2023).

⁴⁶ «Антироссийская риторика – ошибочный подход»: глава МИД Черногории – о внешнеполитических приоритетах и диалоге с РФ. 2021. *RT*. 10.04.2021. URL: <https://russian.rt.com/world/article/851100-interviju-chernogoriya-ministr-radulovich> (дата обращения: 15.06.2023).

Приведённые высказывания иллюстрируют ещё одну приверженность Черногории, уже внутри «прозападного» политического лагеря, а именно – европейскую. Об этом чётко говорят установочные документы МИД: интеграция в ЕС – стратегическая цель внешней политики Черногории⁴⁷. Текст, в отличие, например, от аналогичного албанского, вообще не содержит упоминания о НАТО, зато перечисляет многочисленные европейские программы, в которых Черногория состоит (более 30). Это важно, потому в «прозападном» лагере Балкан у Европы не так уж много собственных (отдельно от США) сторонников.

Черногория же полностью согласовывает свой курс в сфере внешней политики и безопасности с ЕС. Это включает и болезненно воспринимаемый в России вопрос санкций – Черногория примыкала ко всем антироссийским пакетам начиная с 2014 г. В оценке перспектив двусторонних отношений между Россией и Черногорией приходится исходить из того, что «будучи членом НАТО и активно стремясь в ЕС, Подгорица фактически лишена даже той степени внешнеполитического манёвра, которой располагает соседняя Сербия» (Искендеров 2020)⁴⁸.

Что касается Сербии, столь резкое расхождение с «остальной Европой» и даже «остальными Балканами» в оценке украинских событий, а более всего – отказ сербского руководства присоединиться к санкциям против России не остались незамеченными и нашли отражение в парламентской резолюции ЕС по событиям на Украине в марте 2022 г. Текст документа интересен не только адресованными Сербии «глубокими сожалениями» в связи с тем, что её позиция идёт вразрез с общеевропейской внешней политикой и политикой безопасности, и напоминаниями об ущербе, который это наносит процессу её вступления в ЕС. В резолюции прямо говорится о «настойчивых усилиях Российской Федерации по дестабилизации Западных Балкан и вмешательству в их демократические процессы»⁴⁹.

Обвинительные пассажи – часть стандартной риторики в условиях конфликта. В данном случае – конфликта между Россией и Западом. ЕС обвиняет Россию в «заходе» на чужую (не свою, но большей частью подконтрольную ему) территорию и вмешательстве в инициированные им процессы. В то же время ЕС пытается использовать трактуемые (особенно в самом начале СВО) как политический и правовой «промах» действия России, чтобы окончательно вытеснить её не только из региона Балкан, сколько из общественного сознания балканцев.

⁴⁷ European Union. *Government of Montenegro*. URL: <https://www.gov.me/en/article/european-union> (accessed 15.06.2023).

⁴⁸ Искендеров П. 2020. Черногорский разворот – итоги и перспективы. *Международная жизнь*. 02.09. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27326> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴⁹ Resolution of 1 March of 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564 (RSP)). *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (accessed 15.06.2023)

Отсюда нажим на всех членов и кандидатов на вступление в ЕС с требованием публичного признания предложенных интерпретаций. При этом рисуется весьма далекая от реальности политическая картина балканского пространства.

Украинский кризис действительно ярче выделил разделительные линии (именно выделил, а не провёл). Задолго до него многочисленные трещины и даже разломы покрывали балканское пространство: по территориальным, этническим, экономическим, культурным, политическим, конфессиональным и иным основаниям. Рассмотрим некоторые из тех, что имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности.

«Великая Албания» – «троянский конь» на Балканах?

В реальности разделение гораздо сложнее, чем это представляется со стороны ЕС в его дипломатических заявлениях и резолюциях. Выбором поддерживаемой стороны конфликта оно не ограничивается, а тянет за собой проблемы одну за другой – из числа множества таковых, созданных, помимо прочего, структурами самого Брюсселя, а также международными организациями. Проблемные зоны наблюдаются не только в балканских политиках-«спойлерах» (к коим западная пресса уже традиционно относит Сербию), но и в тех странах, которые подчёркнуто двигаются в фарватере европейской внешней политики.

Например, Албания, и политическое руководство, и население которой приветствовали вступление страны в НАТО, а инициативы в сфере внешней политики подчас сильно «опережают момент». В условиях обострения международной обстановки Тирана демонстрирует растущее раздражение «неспособностью ЕС дать зелёный свет вступлению»⁵⁰ страны в ряды его членов. Особые вопросы албанское руководство имеет к лидеру Союза – Франции, которая, по его мнению, довольствуется имеющимся оправданием в этой ситуации (в виде болгарского вето) и менять её не собирается. Похожая ситуация с надеждами на форсирование процессов евроинтеграции на фоне обострения международной обстановки и последующим разочарованием складывается в Северной Македонии.

Этот вопрос выходит далеко за рамки европейского поля, подводя вплотную к теме состязательности внешних игроков, в том числе внутри номинальных союзов. Албания, стремящаяся к сближению с западноевропейскими государствами по всем направлениям, включая военное, не видит ответного движения со стороны партнёров. У страны теперь есть военное соглашение с Турцией, оставляющее по преимуществу равнодушными сторонников европей-

⁵⁰ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspeniaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

ской интеграции и создающее конкурирующие и даже конфликтные нарративы в албанском обществе⁵¹. Так, сторонники «непоколебимой приверженности»⁵² западной ориентации усматривают в таком сотрудничестве опасность дрейфа от ЕС и погружения страны в орбиту турецкого влияния.

Кроме того, словами одного из депутатов албанского парламента, «в отсутствие каких-либо ощутимых обязательств со стороны ЕС, и, в частности, Западной Европы, Албания приветствует участие США в ... стране и регионе»⁵³. Представляется, что здесь есть доля лукавства: задолго до замедления интеграционных процессов у Албании и албанцев вообще (непреренно включая косовских) установились совершенно особые отношения с США. И если Сербия видится и в отечественной, и в зарубежной историографии как «форт-пост» России на Балканах, то Албания (и Косово) – как проводник американских интересов. В контексте внешнеполитических ориентаций и взаимодействия с мировыми лидерами сербы и албанцы выступают антиподами.

Их идейная борьба – непреренная часть внутривполитической мозаики и внешнеполитической повестки Западных Балкан. Рассмотрим её подробнее сквозь призму т.н. «албанского фактора». Поскольку, во-первых, этот ракурс охватывает сразу несколько локальных политий: Албанию, Косово и Сербию (но не только с косовской проблемой), западную Македонию, юго-восточную Черногорию и даже северо-западную Грецию (Пономарёва 2018: 101; Туров 2014: 39). Во-вторых, сама «великоалбанская идея» обращена «не только и не столько в прошлое, сколько в будущее» и служит «в качестве исторического прикрытия и обоснования планов будущего территориального «переформатирования» Балканского полуострова в выгодном этническом албанским радикалам смысле» (Искендеров 2015: 270). Наконец, в-третьих, албанский вопрос никогда не был чисто балканским сюжетом: он всегда рассматривался и актуализировался ведущими акторами сквозь призму своих интересов.

Албанский национализм (албанизм) неоднократно рассматривался как значимый и даже решающий фактор албанской внешней политики (Гуськова 2003: 17; Терзич 2015: 96). В российской историографической традиции он преимущественно имеет отрицательную коннотацию, тогда как на Западе и конкретно в США национализм албанцев считался «продуктом национально-освободительного антиколониального движения, подобно национализму в странах Азии и Африки в период борьбы за независимость, и потому однозначно восприни-

⁵¹ Albanian Turkish Relations – the Perils of Change. Foreign Policy and International Relations. 2022. *Tirana Observatory*. March 9. URL: https://tiranaobservatory.com/2022/03/09/albanian-turkish-relations-the-perils-of-change/#_ftn1 (accessed 15.06.2023).

⁵² Talking Albania's foreign policy. In-depth interview with A. Rakipi. (AIIS Director). 2016. *Tirana times*. May 27. URL: <https://www.tiranatimes.com/?p=127767> (accessed 15.06.2023).

⁵³ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspeniaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

мался американскими политиками позитивно» (Киясов 2012: 57-58). В отличие от национализма и в целом «непоколебимо отрицательного имиджа» (Энтина 2022: 491), например, сербов.

Существует гипотеза, что опора на албанских националистов стала одним из ключевых элементов успеха региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е гг. (Коренев 2017: 93). Это гармонирует с выводами о стратегии Вашингтона в отношении внутренних процессов на Балканах как «открытом разыгрывании карты национализма» (Энтина 2022: 492), сдвигая, впрочем, рамки начала процесса «управления национализмами» от кризиса в Косово к заре сотрудничества Албании с НАТО. Видится доля иронии в том, что в итоге Запад использовал «самого маленького советского сателлита» точно в таком – пропагандистском – качестве, в каком предполагал его использование Советский Союз⁵⁴. Ведь именно Албания, как считают занимающиеся вопросом историки, стала в 1990-х генератором националистических идей и центром увлечённых ими албанцев (Искендеров 2012: 43-44). Впрочем, согласимся с закономерностью и естественностью того, что «албанское государство ... играет первостепенную роль и оказывает влияние на албанцев, живущих в других регионах» (Милё 2002: 144). Следует согласиться и с тем, что, во-первых, даже в рамках «позитивного и реалистичного подхода к албанскому вопросу» чаяния «наиболее ответственных албанских кругов» предполагают пересмотр существующих границ и объединение всех зон с албанским населением с последующей интеграцией в евроатлантические структуры или без неё.

Во-вторых, и в рамках предложенного подхода не оспаривается факт навязанной борьбы великосербской и великоалбанской идей с мощной поддержкой извне на стороне последней (Милё 2002: 136-137). По большому счёту, с помощью «Великой Албании» громилась «Великая Сербия», а на деле – уничтожались притязания наиболее вероятного претендента на лидерство в регионе, заодно – любые комбинации региональных объединений, кооперации и интеграции под нежелательной (читай – российской) эгидой. Таким образом, в этом кейсе мы находим ещё одно эмпирическое подтверждение концепции «баланса угроз» С. Уолта. Особенно важным здесь является четвёртый критерий конфликтности – наличие/отсутствие агрессивных, в том числе ревизионистских замыслов (Walt 2013).

Наконец, в-третьих, несмотря на охранительные попытки албанских и отчасти западных интеллектуалов представить ревизионистские идеи маргинальными, по крайней мере, в самой Албании (Lampe, Mazower 2006: 236), опросы албанцев в Косово, Македонии и других районах с албанским населением де-

⁵⁴ Dedijer V. 1951. Albania, Soviet Pawn. *Foreign Affairs*. October 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1951-10-01/albania-soviet-pawn> (accessed 15.06.2023).

монстрировали высокий индекс восприимчивости и вовлечённости. Стоит отметить, что результаты наиболее известного и широко цитируемого как в России, так и за рубежом масштабного исследования 2010 г.⁵⁵ в целом не отражают предлагаемого на протяжении той же декады более «осторожного» видения великоалбанской тематики. Согласно представленным цифрам, не менее 2/3 респондентов в Албании выразили поддержку данной концепции. Единственным нюансом в пользу теории «умеренности» может быть названо пятипроцентное снижение показателей собственно для Албании – с 68% в 2009 г. до 63% в год опроса⁵⁶. Оно нивелируется активным использованием паналбанской риторики для привлечения электората в преддверии выборов 2013 г., хотя практически каждый новый отчёт на эту тему подчёркивает неэффективность националистического инструментария в том избирательном цикле и отсутствие ожидаемых от его задействования итогов⁵⁷.

В Косово и Македонии, словно иллюстрируя предположение о возможном всплеске интереса к националистическим конструкциям на фоне объявления независимости бывшего края Сербии в 2008 г., был отмечен значительный рост (в 2010 г. по отношению к 2008-му): с 44 до 53% среди албанцев Македонии и с 54 до 81% – в Косово⁵⁸. Косвенно эти данные также открывают дополнительные опции албанской политической элите в создании и сохранении дистанции с выходящим из-под контроля экспансионистским национализмом, в определённой степени позволяют сводить его в риторике к «специфическим экстремистским группировкам в Косове, Македонии или других местах» (Austin 2006).

Нетрудно заметить, что и подобные изыскания по «великоалбанской» тематике, и попытки отмежеваться от неё приходится на одно десятилетие и хронологически следуют за сигналами о том, что «руководству НАТО стало понятно, что необходимо скорректировать “албанский” компонент своей региональной стратегии на Балканах» (Коренев 2017: 95). Думается, сужение фокуса с альянса прицельно на США в данном ключе будет оправданным и несколько более продуктивным. Националистический идеал албанцев к тому времени уже сыграл «важную роль в крушении концепции Великой Сербии и свержении президента Милошевича», и теперь «идея Великой Албании вступала в противоречие с политикой США, направленной на создание на Балканах небольших государств с прозападными правительствами, находящимися в зависимости от Соединённых Штатов» (Киясов 2010: 80).

⁵⁵ Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2010. *Gallup Balkan Monitor*. URL: <http://reforma.bezbednost.org/wp-content/uploads/downloads/2012/09/2010-Balkan-Monitor-Insights-and-Perceptions-Voices-of-the-Balkans-GALLUP-i-European-Fund-for-the-Balkans.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁵⁶ Ibid. P. 47.

⁵⁷ *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. P. 47. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed 15.06.2023). Прим.: проведённое исследование значительно отличается от предшествующих масштабных опросов – по числу респондентов, формулировке вопросов и т.д.

⁵⁸ Ibid.

Таким образом, предусмотрительность местной элиты в отношении «великоалбанской» националистической проблематики выглядит обусловленной, если не продиктованной внешними обстоятельствами. Смена риторики коснулась не только албанских внешнеполитических нарративов. В глобальном масштабе дискурс также претерпел значительные изменения. Недавние исследования подчёркнуто иначе формулируют проблему. Начиная с установочных утверждений о том, что, несмотря на неоднозначность его демократического бэкграунда, «политический фактор этнических албанцев был непоколебим в своей поддержке и усилиях по укреплению сотрудничества и продвижению евроатлантической интеграции региона»⁵⁹. Сквозь эту призму, в общем, и рассматривается роль и значение албанизма на Балканах и шире – во всей Европе.

Собственно концепту «Великой Албании» уделено немного места. Представленные результаты, скорее, иллюстрируют все предлагаемые ранее интересующейся аудитории интерпретации. Главным образом, это слабое развитие и текущий статус идеи в самой Албании⁶⁰, более высокий (как среди политических элит и лидеров, так и среднестатистических жителей-албанцев) – на условной «периферии», но с передачей первенства от Косово к Северной Македонии по отдельным показателям (сравнивая с 2010 г.). Лидерство последней определяется не совокупным процентом влиятельных местных политиков, выразивших поддержку албанскому национализму: он высок и в Косово, и в Албании (76.6%; 86.1% и 76.2% соответственно), а числом его однозначных приверженцев – 20%. Для сравнения: лишь 3.4% в Косово и 0% (!) таковых в Албании⁶¹.

Албанский национализм фигурирует как «исторически признанный» не экспансионистским и не инициативным⁶², но доказавшим свою способность отвечать на внешние угрозы при столкновении с экзистенциальным вызовом. Отсюда делается вывод: важно рассматривать его движущие силы с позиции более широкого спектра, включающего триггеры, выходящие за рамки его внутренних характеристик. К числу триггеров отнесены «геополитические проблемы регионального характера», формирующие будущее развитие этого национализма. Это «требует понимания потенциальных конкурирующих сил, которые могут выступить триггерами и пробудить албанский национализм»⁶³. В частности, это события и другие этнические национализмы в регионе.

⁵⁹ *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed: 30.11.2022).

⁶⁰ *Ibid.* P. 59, 61.

⁶¹ Градации и показатели: «однозначно поддерживаю» – 20%, «в общем, поддерживаю» – 20%, «умеренно поддерживаю» – 23.3%, «немного поддерживаю» – 13.3%, «вообще не поддерживаю» – 23.3% (Северная Македония).

⁶² *The Albanian Geopolitical Factor in the Western Balkans*. 2020. P. 64–65. URL: <https://epi.org.mk/wp-content/uploads/The-Albanian-Geopolitical-Factor-in-the-Western-Balkans-Final-For-Web.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁶³ *Ibid.* P. 64.

Иными словами, геополитическая роль албанского фактора предстаёт в строго конструктивном ключе (как якорь и для развития, и для демократизации, и регионального сотрудничества, и т.п.). Характер объявлен оборонительным – в ответ на экзистенциальные угрозы этносу. Прогнозы развития – в прямой зависимости от расстановки сил. Внешнеполитическое значение албанского национализма в такой трактовке практически сведено к минимуму.

Подобные характеристики и прогнозы в корне отличны от российского понимания этого явления. И стремительный дипломатический «забег» Косово, и быстрая внешнеполитическая мобилизация Албании сразу после начала украинского кризиса говорят о правоте российских экспертов. Высказываемые упреки в адрес руководства Республики Сербской в том, что в российском решении по Украине оно «изначально видело возможность для достижения их цели по разделению Боснии и Герцеговины»⁶⁴, могут столь же обоснованно адресоваться властям Косово, а также других районов с албанским населением на полуострове. Можно согласиться с мнением, что на фоне происходящих событий на Украине косовское руководство пытается стать «бенефициаром крупной повестки», актором которой оно не является⁶⁵.

Заключение

Подводя итог, отметим, что нечто подобное на «слабом фланге Европы»⁶⁶ уже наблюдалось в ходе предыдущего украинского кризиса – и по «расстановке» локальных игроков, и по стратегиям (Калоева 2016: 38). В наступившей «большой игре» ставки выросли значительно. Политическое лавирование малых игроков стало больше напоминать политическое жонглирование ими со стороны лидеров мировой политики. С обострением противоборства между ними, которое, к слову, ещё не вступило в решающую фазу, давление на Балканы будет только возрастать. На фоне раздражающего российского и китайского влияния США и союзники полны «новой решимости помочь региону»⁶⁷.

⁶⁴ Krastev I. 2022. We Are All Living in Vladimir Putin's World Now. *The New York Times*. Guest essay. 02.07. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/27/opinion/putin-russia-ukraine-europe.html> (accessed 15.06.2023); Szczebra M. 2023. The Western Balkans: Russia's War on Ukraine and the Region's Enduring Challenges. Draft Report. *NATO Parliamentary Assembly*. Economics and Security Committee, Sub-Committee on Transition and Development. P. 6. 15.06. P. 6. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%202022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

⁶⁵ Сыграть на кризисе: как Косово собирается в ускоренном режиме вступить в НАТО и разместить у себя базу США. 2022. *RT*. 28.02. URL: <https://russian.rt.com/world/article/969045-kosovo-nato-voennaya-baza-ssha> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶⁶ Massara G. 2022. How the Ukraine war deepens divisions across the Balkans. *Aspenia Online*. April 28. URL: <https://aspensiaonline.it/how-the-ukraine-war-deepens-divisions-across-the-balkans/> (accessed 15.06.2023).

⁶⁷ Economic and Security Committee (ESC). Sub-Committee on Transition and Development (ESCID). 2022. *NATO Parliamentary Assembly*. October 5 URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2022-10/018%20ESCTD%202022%20E%20rev.1%20-%20WESTERN%20BALKANS%20-%20SZCZERBA%20REPORT.pdf> (accessed 15.06.2023).

Конкретно для Сербии и Республики Сербской как условных союзников России это означает усиление давления не только в среднесрочной перспективе, но и, буквально, «вчера». Обострение в середине декабря 2022 г. ситуации на севере Косово, которое подвигло правительство Сербии сделать запрос командованию KFOR о «возвращении до 1000 (!) военнослужащих и полицейских в Республику Косово и Метохию»⁶⁸ для защиты сербского населения, стоит рассматривать как одно из проявлений такого давления. Закономерно (в духе неореализма) разрешения на ввод своих частей Белград не получил, но сам факт обращения является свидетельством усиления напряжённости не только по линии сербы – косовские албанцы, но и по линии Белград – Брюссель.

В долгосрочной перспективе чётко прочерченные ещё в процессе разрушения СФРЮ и соцлагеря трещины и разломы будут углубляться. Главная игра будет вестись в сербском пространстве (БиГ, Сербия) при активизации сопряжённых с ними региональных субъектов. Вкупе с введёнными санкциями и попытками изоляции России это, по замыслу союзников по натовской коалиции, должно ускорить «переосмысление ситуации» в Белграде и Баня-Луке. Причём внимание НАТО прежде всего обращено на БиГ. Основная борьба в ближайшее время будет вестись именно за этого особо уязвимого внутри (Дейтонская конструкция) и вовне (внешняя политика Сараево и Баня-Луки по ряду вопросов отличается кардинально) политического субъекта.

Что же касается остальных участников «пять плюс один», то в плане военной безопасности альтернативы Североатлантическому альянсу на ближайшую перспективу для Албании, Подгорицы, Скопье и Приштины нет. При этом экономическое и политическое доминирование ЕС для всех стран региона во многом зависит не столько от исхода украинского кризиса, сколько от запущенного им глобального реформирования системы международных отношений.

Об авторах:

Елена Сергеевна Арляпова – кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН), 111398, Москва, Кусковская ул., д. 16.
Email: elena.s.arlyapova@gmail.com

Елена Георгиевна Пономарёва – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, 119454, Москва, Пр. Вернадского, 76.
Email: nastya304@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

⁶⁸ Сербия направила запрос на размещение сербских сил в Косово. 2022. РБК. 16.12. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/12/2022/639c76a69a7947c72367c894?ysclid=lbuqli75wh306955173> (дата обращения: 15.06.2023).

UDC: 327
Received: December 21, 2022
Accepted: April 2, 2022

Cracks and Fault Lines: Foreign Policy Orientations of Western Balkan Capitals in the Context of the Ukrainian Crisis

E.S. Arlyapova¹, E.G. Ponomareva²
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179)

¹ Institute of System-Strategic Analysis (ISSA)

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation

Abstract: The Ukrainian crisis has reverberated throughout the troubled region of the Balkans in Southern Europe, exposing deep-seated cracks and fractures that have long characterized this geopolitical area. The crisis has not only highlighted divisions between local states but also between communities and ethno-religious groups. In many cases, these intraregional contradictions are exacerbated by external actors and their demands. This article examines the foreign policy priorities and orientations of Western Balkan capitals within the "five plus one" format states (Albania, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, North Macedonia, Serbia, and the partially recognized "Republic of Kosovo") in light of the crisis in Ukraine, illustrating the interplay between regional dynamics and international crises.

Drawing on a wide range of sources, including official documents and opinion polls on foreign policy, this paper identifies regional discrepancies in the perception and assessment of the ongoing Ukrainian conflict. The study employs a historical-systemic approach and neorealism principles to discern potential directions for political institutions in the external context. The analysis reveals that a fragile "balance of threats" persists in the region, heavily influenced by the goals and interests of external actors such as the EU, NATO, the United States, Russia, and to a lesser extent, China and Turkey.

The military and political disengagement observed in 2022 mirrors the alignment of local players witnessed in 2014, but with a significant difference: the West now expects all participants in the "five plus one" format to fully adhere to their joint foreign policy, including implementing restrictive measures against the Russian Federation. This presents a challenging dilemma for Belgrade and Banja Luka, as they cannot overlook the widespread support for Russia's actions among the Serbian population. Any anti-Russian steps taken by local authorities may lead to serious internal political conflicts in both Serbia and Republika Srpska, with far-reaching implications for regional stability.

Keywords: Western Balkans, «five plus one», foreign policy, EU, NATO, Russia, China, USA, Ukrainian crisis

About the authors:

Elena S. Arlyapova – PhD (Political Science), Institute of System-Strategic Analysis (ISSA). Russia, 16, Kuskovskaya St., Moscow, 111398. Email: elena.s.arlyapova@gmail.com

Elena G. Ponomareva – Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. Russia, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 1194547. Email: nastya304@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Arlyapova E., Ponomareva E., Prorokovic D. 2022. NATO's Capabilities in Global Governance: On the Balkan Scene. *International Organisations Research Journal*. 17(2). P. 208-223. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-09

Austin R.C. 2006. Greater Albania: The Albanian Case and the Question of Kosovo, 1912–2001 (Ch. 9). *Ideologies and National Identities: The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe*. New Edition (online). Budapest: Central European University Press.

F.N.-B. 1952. The Albanian Mystery: Russia's Least-Known Satellite. *The World Today (Royal Institute of International Affairs)*. 8(11). P. 466-473.

Hodge C. 2010. *Britain and the Balkans: 1991 until the presents*. Routledge. 314 p.

Lampe J., Mazower M. 2006. *Ideologies and National Identities: The Case of Twentieth-Century Southeastern Europe*. New Edition (online). Budapest: Central European University Press. 320 p.

Stepić M. 2020. Kosovo i Metohija: Geopolitički Aspekti Brzog Rešenja i Zamrznutog Konflikta. *Nacionalni interes*. XVI(38). (In Serbian)

Stronski P. 2022. Russia in the Balkans after Ukraine: A Troubling Actor. *Carnegie Politika*. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87959>

Walt S.M. 2013. *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press. 336 p.

Waltz K.N. 2010. *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press. 251 p.

Dutkevich P. 2022. Grandiozny`j raskol [A Tremendous Split]. *Russia in Global Affairs*. 20(6). P. 22-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34 (In Russian)

Entina E.G. 2022. *Nezapadny`e Balkany* [The Non-Western Balkans]. Moscow: Galaktika, ID «Zebra E». 656 p. (In Russian)

Fenenko A.V. 2019. *Neorealizm v politicheskoy teorii. Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* [Neorealism in Political Theory. Contemporary Political Science: Methodology]. Moscow: Aspekt Press. P. 61-83. (In Russian)

Gus`kova E.Y. 2003. *Albanskoe secessionistskoe dvizhenie v Kosove* [The Albanian Secession Movement in Kosovo]. The Albanian factor of crisis in the Balkans. Moscow: INION RAN. P. 7-50. (In Russian)

Iskenderov P.A. 2012. «Velikaya Albaniya»: teoriya i praktika [The “Great Albania”: Theory and Practice]. *History issues*. №1. P. 31-46. (In Russian)

Iskenderov P.A. 2015. Problema Kosovo: istoriografiya mifov [The Kosovo Problem: Historiography of the Myths]. *Slavs and Russia*. №1. P. 269-302. (In Russian)

Kaloeva E.B. 2016. *Zapadnye Balkany i krizis v Ukraine* [The Western Balkans and the Crisis in Ukraine]. Strany` Vostochnoj Evropy` i ukrainskij krizis (2013–2015). Moscow: INION RAN. P. 29-54. (In Russian)

Kandel` P. 2018. Chto novogo v strategii na Zapadny`x Balkanax? [What is New in the Strategy in the Western Balkans?] *Contemporary Europe*. №5. P. 17-24. DOI: 10.15211/sov-europe520181724 (In Russian)

Kiyasov A.S. 2010. «Zavershaya nachatuyu rabotu»: politika respublikanskoj administracii SShA na Zapadny`x Balkanax v 2000-e gody. [“Having the Started Work Done”: the U.S. Republican Administration Policy Towards the Western Balkans in the 2000-s]. *Vestnik of Samara State University*. №79. P. 79-83. (In Russian)

Kiyasov A.S. 2012. *Vneshnepoliticheskij kurs SShA na Zapadny`x Balkanax (1990-2000e gg.)* [The U.S. Foreign Policy Course in the Western Balkans (1990–2000s)]. PhD papers. Kazan'. 258 p. (In Russian)

Knyazeva S.E. 2021. Problema vstupleniya v ES Balkanskix stran i rasshireniya ES v kontekste cennostnoj modeli Evropejskogo Soyuza [The Problem of the EU Integration of the Balkan Countries and the EU Enlargement in the Context of the Value Model of the European Union]. *Current problems of Europe*. 2(110). P. 176-193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08 (In Russian)

Korenev E.S. 2017. Albanskij faktor v regional`noj strategii NATO na Balkanax v 1990-2000e gody [The Albanian Factor in NATO's Regional Strategy in the Balkans in 1990–2000s]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. History and International Relations*. 17(1). P. 92-98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98 (In Russian)

Milyo P. 2002. «Velikaya Albaniya»: fikciya ili realnost`? [The “Great Albania”: Fiction or Reality?] The Albanian crisis factor in the Balkans. Moscow: INION RAN. P. 125-145. (In Russian)

Nikulin A.A. 2018. Princip «etnichnosti» vo vneshnej politike Velikobritanii i kosovskij krizis 1999 goda [The Principle of “Ethnicity” in Foreign Policy of Great Britain and the Kosovo Crisis of 1999]. *Bulletin of State and Municipal Administration*. 3(29). P. 70-78.

Ponomareva E. 2020. Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*. 1(69). January/March. P. 158-179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179\

Ponomareva E.G. 2018. Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyh Balkan: scenarny`j podhod [The Albanian Factor of Destabilization in the Western Balkans: the Scenario Approach]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(59). P. 99-124. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124 (In Russian)

Ponomareva E.G., Kry`kanov D.D. 2020. Balkanskoe dyhanie Pekina. Strategiya i taktika kitajskogo prisutstviya v stranax Zapadnyh Balkan [The Beijing's Balkan Breath: Strategy and Tactics of Chinese Presence in the Western Balkans Countries]. *Politeia*. 1(96). P. 117-137. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137 (In Russian)

Shherbak I. 2021. Zapadnye Balkany v strategii Evrosoyuza [The Western Balkans in the EU Strategy]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe*. №3. P. 41-71. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147 (In Russian)

Terzich S. 2015. Staraya Serbiya (XIX-XX vv.). *Drama odnoj evropejskoj civilizacii* [The Old Serbia (19–20th Centuries). The Drama of One European Civilization]. Moscow: Veche. 480 p. (In Russian)

Turov N.L. 2014. Ideologicheskij proekt «Velikaya Albaniya» na sovremennoj politicheskoy karte mira [The “Great Albania” Ideological Project on Modern Political World Map]. *Comparative Politics*. 4(17). P. 39-44. (In Russian)

Vinogradov V.N. 1991. *Britanskij lev na Bosfore* [British Lion on the Bosphorus]. Moscow: Nauka. 160 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

- Виноградов В.Н. 1991. *Британский лев на Босфоре*. Москва: Наука. 160 с.
- Гуськова Е.Ю. 2003. Албанское сепаратистское движение в Косове. *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Москва: ИНИОН РАН. С. 7-50.
- Дуткевич П. 2022. Грандиозный раскол. *Россия в глобальной политике*. 20(6). С. 22-34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34
- Искендеров П.А. 2012. «Великая Албания»: теория и практика. *Вопросы истории*. №1. С. 31-46.
- Искендеров П.А. 2015. Проблема Косово: историография мифов. *Славяне и Россия*. №1. С. 269-302.
- Калоева Е.Б. 2016. Западные Балканы и кризис в Украине. *Страны Восточной Европы и украинский кризис (2013–2015)*. Москва: ИНИОН РАН. С. 29-54.
- Кандель П. 2018. Что нового в стратегии на Западных Балканах? *Современная Европа*. №5. С. 17-24. DOI: 10.15211/soveurope520181724
- Киясов А.С. 2010. «Завершая начатую работу»: политика республиканской администрации США на Западных Балканах в 2000-е годы. *Вестник СамГУ*. №79. С. 79-83.
- Киясов А.С. 2012. *Внешинополитический курс США на Западных Балканах (1990–2000-е гг.)*. Дисс. канд. ист. н. Казань. 258 с.
- Князева С.Е. 2021. Проблема вступления в ЕС Балканских стран и расширения ЕС в контексте ценностной модели Европейского союза. *Актуальные проблемы Европы*. 2(110). С. 176-193. DOI: 10.31249/ape/2021.02.08
- Корнев Е.С. 2017. Албанский фактор в региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000е годы. *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 17(1). С. 92-98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98
- Милё П. 2002. «Великая Албания»: фикция или реальность? *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Москва: ИНИОН РАН. С. 125-145.
- Никулин А.А. 2018. Принцип «этничности» во внешней политике Великобритании и косовский кризис 1999 года. *Вестник государственного и муниципального управления*. 3(29). С. 70-78.
- Пономарёва Е.Г. 2018. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(59). С. 99-124. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124
- Пономарёва Е.Г., Крыканов Д.Д. 2020. Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан. *Полития*. 1(96). С. 117-137. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137
- Терзич С. 2015. *Старая Сербия (XIX–XX вв.)*. Драма одной европейской цивилизации. Москва: Вече. 480 с.
- Туров Н.Л. 2014. Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира. *Сравнительная политика*. 4(17). С. 39-44.
- Фененко А.В. 2019. Неореализм в политической теории. *Современная политическая наука: Методология*. Москва: Аспект Пресс. С. 61-83.
- Щербак И. 2021. Западные Балканы в стратегии Евросоюза. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. №3. С. 41-71. DOI: 10.15211/vestnikieran320214147
- Энтина Е.Г. 2022. *Незападные Балканы*. Москва: Галактика, ИД «Зебра Е». 656 с.

Strategic Partnership between India and the United States: Examining Driving and Restraining Forces

O. Leonova¹, J. Khatri²

¹ Lomonosov Moscow State University (Russia)

² Mandsaur University (India)

Abstract: This article aims to analyze the historical trajectory and current state of relations between India and the United States, spanning from India's independence in 1947 to the present, with a focus on identifying key stages of development, outcomes, and prospects. The establishment of a strategic partnership between the two countries has evolved through various phases, driven by economic, political, and ideological factors. However, certain limitations hinder the further deepening of this partnership, including disagreements on international political issues, India's pursuit of an independent foreign policy and reluctance to assume a subordinate role, inadequate US support on critical matters, and India's continued cooperation with Russia. Conversely, factors stimulating the growth of the strategic partnership encompass India's robust economic growth, its potential role as a counterbalance to China's expanding influence in Asia, shared interests in maintaining peace and stability in the Indo-Pacific region, mutual concerns about regional security, recent progress in nuclear policy agreements, and expanding avenues for cooperation in diverse domains. The article further examines the unique characteristics of India's relationship with the United States, which shape the nature of their existing strategic partnership, such as the shifting focus from the political and strategic realm to economic interactions, India's commitment to maintaining "strategic autonomy" and non-alignment in its deepening cooperation, its ability to differentiate between political partnership and economic collaboration, and the preservation of a multi-vector foreign policy approach. Based on the analysis, the authors assert that while a strategic military and political alliance between the two powers is unlikely in the near future, their relationship will continue to evolve within the framework of a strategic partnership. The findings of this study will provide insights for policymakers in the South and Southeast Asia region to anticipate developments and adjust their policies accordingly.

Keywords: India, the USA, relations, strategic partnership, factors of formation of strategic partnership, factors constraining the development of partnership, factors of deepening strategic partnership, specific features of strategic partnership

UDC: 327

Received: September 18, 2021

Accepted: December 15, 2021

India's foreign policy has been guided by certain enduring principles throughout its history, with notable significance placed on the principle of non-alignment or "Panchashila" (Gupta and Shukla 2009). However, at the turn of the 20th and 21st centuries, India witnessed shifts in the foundational pillars of its foreign policy. The first shift arose from a transition from the construction of a socialist society to embracing modern capitalism. The second shift encompassed a change in national economic strategy and the implementation of economic reforms in response to the challenges posed by globalization and the emergence of the global economy. As a consequence, there was a marked transition from a predominantly political focus to a heightened emphasis on economic aspects in India's foreign policy. At this juncture, India's foremost objective was to attract foreign direct investment and gain access to developed markets.

The third shift in India's foreign policy was driven by the country's aspirations to transition from the role of a leader in the third world to that of a global power, leveraging its substantial economic potential as a means of affirmation. India successfully transformed the principle of non-alignment into the principle of independent foreign policy. Furthermore, the fourth shift entailed a departure from the "anti-Western" mindset and rhetoric, as India positioned itself as the world's largest democracy deeply committed to Western political values beyond the Euro-Atlantic realm. Lastly, the fifth shift witnessed a move away from idealism and moralism towards realism in India's foreign policy. Presently, Indian leaders adopt a pragmatic approach and seek practical solutions to foreign policy challenges (Mohan 2006).

Today, India's engagements with other nations, including the United States, are founded upon these principles as it strives to solidify its status as a global power by recalibrating its foreign policy priorities. The relationship between India and the United States holds particular significance, not only for India's pursuit of global prominence but also for shaping the balance of power in the Indo-Pacific, South Asia, and South-east Asia regions.

The history of India-United States relations, spanning five decades, has been marked by complexity and contradictions. Noteworthy aspects include the continuous quest for common ground and a commitment to steady development, as well as the dynamic and evolving nature of the relationship, characterized by oscillations akin to a pendulum. Cooperation between the two countries has always grappled with inherent contradictions, as M. Malone observes, leading statesmen from both sides lamenting this period as a "lost half-century" (Malone 2014: 153). However, it would be remiss to label the achievements made by both powers during this period as a "lost half-century." Recent years have witnessed a fundamental shift, prompting India's sixteenth Prime Minister, Atal Bihari Vajpayee, to declare India as the "world's largest democracy" and the United States as the "world's oldest democracy" as "natural allies."

However, the dynamics of state relations are seldom explained by linear equations; instead, diplomatic relations are often characterized by polynomial equations¹. The development of relations between India and the United States has been influenced by a multitude of external and internal factors. External factors encompass the global geopolitical situation, regional shifts in the balance of power, and internal factors such as economic, political, and ideological considerations.

Three primary parameters have consistently played a decisive role in shaping the relationship between the two countries: strategy, ideology, and values. The ebb and flow of the relationship, characterized by periods of convergence and cooling, have been contingent upon the specific assessment of these parameters.

The objective of this article is to trace the evolution of India-United States relations, identify the stages of their development, and examine the outcomes and prospects. Notably, the works of Muchkund Dubey and David Malone hold a significant place in the literature on Indian foreign policy. Dubey's monograph provides a comprehensive analysis of key aspects of Indian foreign policy, incorporating a wealth of factual information and current trends shaped by national interests and traditional ideas (Dubey 2016). Malone's book offers a comprehensive analysis of how Indian foreign policy has responded to new challenges, with a particular focus on regional dynamics (Malone 2014).

Renowned India expert Alyssa Ayres, in her monograph, delves into India's transformation into a major power, exploring the political consequences accompanying this shift and India's quest to find its place in the global arena. Subramanyam Jaishankar observes the realignment of the world order over the past 12 years (2008–2020), which has compelled India to forge pragmatic relations with major powers to pursue its national interests. Jaishankar examines the formation of new foreign policy approaches within the historical and traditional context of the country (Jaishankar 2020).

Shivshankar Menon analyzes the regional geopolitical landscape and traces India's evolving approach, particularly in response to China's rise, positioning India as a counterweight (Menon 2021). Aparna Pande views India as an aspiring global power, grappling with complex economic, social, foreign policy, and military challenges that hinder its path to attaining such status (Pande 2020). Pande's book highlights the potential imbalance in India's policy, wherein the country desires world power status but exhibits hesitancy in taking actions to achieve this goal (Pande 2021).

Undoubtedly, India sets ambitious goals for itself, aspiring to become a global power. According to Mohamed Zeeshan, achieving this objective requires India to address not only internal development challenges but also pursue proactive foreign policy and adopt a coherent and consistent strategy in its external relations (Zeeshan 2021).

¹ Rajput G. The road ahead for India-US relations. 2020. *The Hindu*. December 22. URL: <https://www.thehindu.com/brand-hub/the-road-ahead-for-india-us-relations/article33394567.ece> (accessed 25.06.2023)

This article employs a method of comparative analysis, enabling the identification of disparities in the goals, geopolitical interests, and policy strategies of India and the United States. This approach facilitates the exploration of various dynamic factors that have influenced the evolution of bilateral relations, taking into account global geopolitical processes, shifts in political forces, and emerging consensus of interests. The systemic approach aids in discerning the essence of the new international reality as a primary external multi-level and intricate factor that has shaped the complex nature of these relationships. By relying on the structural and functional approach, it becomes possible to ascertain the functions, roles, and actions of both parties and formulate projections for the future development of their relationship.

The historical perspective of US-India relations

Upon achieving independence and sovereignty, India approached its relations with other states from an anti-imperialist perspective. Observing the active involvement of the United States in the South Asian region, India harbored legitimate concerns that the British colonial domination it had just escaped could be replaced by American hegemony. Having experienced two centuries of colonial rule, India perceived American imperialism as a potential threat to its freedom and sovereignty.

The emergence of the bipolar system following World War II compelled India to find its position within this dichotomous structure of international relations. Fearful of compromising its sovereignty and independence under the influence of either power, India opted not to align with either the United States or the Soviet Union. Instead, it charted a third, more favorable path: non-alignment. India assumed leadership of the Non-Aligned Movement when it was established in 1961 as a coalition of developing countries from Asia and Africa. It was essential for India to present this movement not as a third bloc, but as a neutral "middle ground" amidst a world divided into two opposing camps.

On the other hand, the United States viewed India's planned economy and policy of non-alignment with caution, perceiving them as potential risks for the country gravitating toward the Soviet Union and socialism. This ideological divergence between the two countries gave rise to distrust and caution in their relationship.

Starting from the mid-1950s, the United States and Pakistan initiated military cooperation, compelling India to weaken its non-alignment policy and seek support from the Soviet Union. This further exacerbated the dissatisfaction of the United States and deepened the divergence between the two countries. Gradually, ideological differences transformed into an ideological chasm, threatening to evolve into a strategic confrontation and intensifying the strategic divergence of their positions, leading to heightened tensions.

The rivalry between the United States and the Soviet Union played a significant role in shaping the relations between India and the United States. The United States believed that the withdrawal of Great Britain from the region, combined with India's principles of non-alignment and neutrality, created a power vacuum in South and Southeast Asia that they sought to fill by engaging Pakistan as a strategic partner to achieve their foreign policy objectives. Conversely, India, as the alliance between the United States and Pakistan grew stronger, gravitated closer to the Soviet Union, perceiving this rapprochement as an opportunity to balance the regional dynamics.

While externally India's policy under Indira Gandhi retained some socialist rhetoric and demonstrated commitment to non-alignment and anti-imperialism, it also pursued a more proactive regional policy, aspiring to attain the status of a regional power. In 1968, India refused to sign the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) proposed by nuclear powers. In response, the United States withheld nuclear fuel supply to the Indian reactor in Tarapur, further cooling relations between the two states. The combination of these factors exacerbated the strategic differences as they contradicted American interests, ultimately leading to a stage of stagnation in their relationship.

However, two significant events—the end of the Cold War and the economic crisis that struck India—prompted a reevaluation of India's foreign policy and served as catalysts to break out of the stagnation in its relations with the United States. Furthermore, overcoming the economic crisis and the country's growing economic success fueled India's ambitions to emerge as a global power and a leading global actor.

The resolution of these challenges compelled India to gradually shift from the dominance of ideology to pragmatism in its foreign policy. This necessitated the search for common interests and shared political values after fifty years of distancing between the United States and India.

The conclusion of the Cold War marked the termination of competition between the two superpowers. The "middle" or "third" path embodied by the Non-Aligned Movement was no longer as relevant. The world was increasingly shaped by a unipolar structure, with the United States assuming the role of the global center of power. India lost the support it had received from the USSR and found itself facing competitors for influence in its own region, particularly China and Pakistan. Regional security concerns emerged as high priorities for India's foreign policy. Simultaneously, successful economic reforms led to economic growth and a reorientation of India's economy towards the international arena.

The convergence of these factors necessitated a review of India's previous approaches to engagement with major powers, as well as the articulation and clarification of its foreign policy and ideological priorities. It was during this stage, when economic and political factors began to take precedence, that the shape of India's strategic partnership would be determined in the near future. These factors significantly influenced the subsequent evolution of Indian-American relations in the following years.

Dimensions of US-India relations

Economic factors played a crucial role in the strategic partnership between India and the United States. The last decade of the twentieth century marked a turning point in India's economic development, with Prime Minister P.V. Narasimha Rao (1991–1996) and Finance Minister Dr. Manmohan Singh initiating liberalization reforms aimed at opening up the economy. This led to a surge in foreign capital flowing into the country, with a significant share coming from American investors. Trade volume between the two countries experienced rapid growth during this period.

While economic cooperation between India and the United States flourished, political relations between the two nations remained relatively cool. However, India began to recognize that achieving its goal of integrating into the global economy was not feasible without forging close ties with the United States. Additionally, the influential Indian diaspora played a significant role in softening America's stance towards India.

The deepening economic rapprochement between India and the United States had a positive impact on political relations as well. Political reforms in India, including the transition from a predominantly one-party system to a multi-party system, the abandonment of anti-American and anti-imperialist rhetoric, and a more flexible approach to the Non-Aligned Movement, encouraged political dialogue with the United States and the emergence of new foreign policy priorities. The new approach was characterized by greater pragmatism and a *realpolitik* mindset, moving away from morally loaded rhetoric.

During this period, India began forging "strategic partnerships" not only with the United States but also with countries like Iran, Japan, and China, despite occasional disagreements, particularly on regional security issues. However, the implementation of the strategic partnership with the United States faced challenges due to certain US policies in the region. The United States resumed supplying advanced weaponry to Pakistan, imposed restrictions on India's access to American high technologies, pressured India to abandon its national program for the development of advanced missiles, and attempted to block the sale of Russian weapons systems to India. Differences in positions regarding the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) and the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT) also posed significant obstacles to closer ties between the two countries. India categorically objected to the permanent extension of the NPT in 1995, and later in 1996, it rejected the CTBT.

While outwardly warm, the relationship between India and the United States during this stage was characterized by underlying contradictions that impeded substantial cooperation. Nevertheless, throughout this decade, both countries consistently sought common strategic, political, and economic interests.

In the early 2000s, both India and the United States took significant strides to forge closer ties. India demonstrated its support for President George W. Bush's missile defense initiative (NMD) and offered assistance in the US war on terror follow-

ing the 9/11 attacks. Consequently, on September 22, 2001, the United States lifted all sanctions previously imposed on India (Naidu 2014). Subsequently, in 2002, the two nations initiated bilateral dialogues on regional security and expressed shared perspectives on Sri Lanka, Bangladesh, and Afghanistan. These discussions culminated in a series of high-level multilateral consultations, covering a wide range of issues such as the economy, finance, trade, security, science and technology, as well as energy and the environment (Naidu 2014).

During the respective tenures of President George W. Bush and Indian Prime Minister Dr. Manmohan Singh, the Indo-American Nuclear Deal was signed, marking a pivotal moment in their bilateral relations. The decisions made during this period continue to form the foundation of the contemporary framework guiding the relationship between the two countries (Naidu 2014). In subsequent years, cooperation expanded across various domains, including civil space programs, high technologies, economy, energy security, defense, and missile defense. This comprehensive partnership represented an unprecedented level of engagement, encompassing the broadest array of areas in the history of their bilateral relations. Notably, joint efforts in promoting democracy and ensuring regional security emerged as significant areas of bilateral agreements (Naidu 2014).

For India, this strategic partnership held immense importance in advancing its national interests. It provided an opportunity for India to shed its status as a nuclear outcast, strengthened its position as a global actor, and positioned itself as an emerging global leader (Li 2018). During the administration of President Barack Obama, the strategic partnership between India and the United States continued to evolve dynamically. In addition to economic and political factors, shared values emerged as an ideological factor influencing their relations (Li 2018).

Contrary to the typical US strategy of constraining the foreign policy maneuverability of developing countries through partnership-building, India proved to be an exception. India joined the nuclear club, actively collaborated with the United States, and supported American initiatives, aiming to maximize the benefits of the strategic partnership with the global hegemon and bolster its standing as a global power. Presently, Washington and New Delhi exhibit more shared positions than differences in international affairs, with their interests and values largely aligned. The rise of China, the growing economic potential of India, and the shared experience of terrorism have contributed to bringing the two nations closer together (Maçães 2019)².

² Rajput G. The road ahead for India-US relations. 2020. *The Hindu*. December 22. URL: <https://www.thehindu.com/brand-hub/the-road-ahead-for-india-us-relations/article33394567.ece> (accessed 25.06.2023).

During President Donald Trump's tenure, the relationship between the United States and India reached an unprecedented scale, culminating in a comprehensive global strategic partnership³. In the words of India's Ambassador to the US, Taranjit Singh Sandhu, the India-US relationship served as a source of strength amidst the global pandemic, with both countries collaborating on vaccine development and Indo-Pacific security to deepen their strategic partnership in 2020⁴. The two states share a common vision for the Indo-Pacific region, regional cooperation, and defense and security ties. Throughout 2020, the United States and India launched extensive cooperation to combat the COVID-19 pandemic, including the supply of essential medicines and collaboration among pharmaceutical companies in vaccine development (Maçães 2019).

Despite these positive developments, some challenges remain. The United States does not consistently advocate for India's interests, such as its bid for a permanent seat on the UN Security Council. Similarly, India does not always align with US initiatives, particularly in relation to the Islamic world with which it has deep historical and cultural ties. Furthermore, unresolved differences persist between the two countries in areas such as nuclear non-proliferation and energy security, including the diversification of energy sources, including natural gas supplies from Iran and other Persian Gulf countries. These divergences illustrate that the harmony in their relationship is not yet solidified (Maçães 2019).

However, the growing economic interdependence between India and the United States has played a significant role in mitigating these differences. The expanding Indian market for American goods and the importance of the United States for India's outsourcing services sector have fostered interdependence and provided an incentive to address and reconcile divergent interests⁵.

In recent years, a number of factors have predetermined the deepening of the strategic partnership between India and the United States and created opportunities for its development into an allied relationship.

Firstly, the dynamic growth of the national economy gives India confidence in its strength along with its desire to join the group of global powers as one of the leading countries of the 21st century (Kumar, Verma, Shah 2020; Kaplan 2010).

Secondly, the United States, seeing a confident and strong India, with increased military power, began to consider it as a potential ally in its global policy (Kumar, Verma, Shah 2020).

³ 2020: A Milestone in India-US Ties. 2020. *The Economic Times. English Edition*. December 22. URL: <https://economic-times.indiatimes.com/news/politics-and-nation/2020-a-milestone-in-india-us-ties/articleshow/79852014.cms> (accessed 25.06.2023).

⁴ Ibid.

⁵ For more details on specific events, including official visits and signed agreements, see: URL: https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2021Jul28&utm_term=DailyNewsBrief (accessed 25.06.2023).

Thirdly, both countries are united by a common interest in preserving peace and stability in the Indo-Pacific region, freedom and security of the sea routes of the Indian Ocean (Kumar, Verma, Shah 2020; Kaplan 2010). This reflects the growing convergence of their geopolitical interests; that is also proved by signing of the U.S. – India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and the Indian Ocean Region⁶.

Fourthly, this agreement strengthened mutual understanding on regional security and stability and created opportunities for expanding cooperation between the countries in the military sphere. While India is interested in diversifying the sources of supplies of modern weapons, the United States, in turn, strives for expanding its own market. The two countries have launched consultations on defense and strategic issues, including joint military and naval exercises, participation in training programs and exchange of military personnel. Therefore, during the visit of the US President Donald Trump in India, the governments signed a defense deal worth \$3 billion⁷.

Fifthly, there are a number of other positive trends in various areas of interaction: thus, to date, a greater understanding has been achieved in the field of nuclear policy and related responsibilities, prospects for cooperation in nuclear energy, food security, and trade facilitation; the countries have also managed to resolve major differences on the issue of climate change (Naidu 2014).

Ideological factors of the strategic partnership. The United States view India as a democratic country ("the world's largest democracy"), a beacon of democracy in the post-colonial world and a potentially strong partner in Asia (Chacko 2014). Indeed, both nations defend common political values of liberal democracy. Unlike Pakistan, which had the status of a "military ally", India has received the status of a potential "political ally" of the United States (Chacko 2014). A better understanding of each other's political values, supplemented by the coincidence of economic interests, led to the expansion of cooperation between the two countries. During his visit to India in November 2010, US President Barack Obama stated that he "firmly believes that the relationship between the United States and India... will become one of the defining partnerships of the twenty-first century" (Dubey 2016: 217). This statement signaled the end of a long period of disagreements as well as the convergence of the strategic positions of Washington and New Delhi. In July 2021, US Secretary of State Antony

⁶ US-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. 2015. *Ministry of External Affairs. Government of India*. January 25. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24728/USIndia_Joint_Strategic_Vision_for_the_AsiaPacific_and_Indian_Ocean_Region. (accessed 25.06.2023).

⁷ Will Sign Defence Deal Worth \$3 Billion Tomorrow: Trump Announces in Ahmedabad. 2020. *Hindustan Times*. February 24. URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/will-sign-defence-deal-worth-3-billion-tomorrow-trump-announces-in-ahmedabad/story-JG8TPlafqsSnn1udKWHMWM.html?utm_source=dailybrief&utm_medium=email&utm_campaign=DailyBrief2020feb24&utm_term=DailyNewsBrief (accessed 25.06.23)

Blinken paid an official visit to India, during which he stated that the India-U.S. relationship was one of the "most important" in the world whose people were "connected by shared values"⁸.

Despite the fact that the United States has often criticized Indian democracy for its human rights policy, the promotion of democracy and freedom in the world has become a common platform for interaction in the field of global politics. India has been a welcome partner of the United States in implementing its strategy in the Middle East and Asia (Chacko 2014). Rising China and its increasing influence in the Asia-Pacific region has further stimulated the rapprochement of the two powers (Pan 2014). India is seen as a counterweight and balancer to China in the region, and its value as a partner has increased even more (Heydarian 2020). The United States tends to recognize India not as a potential great power but as a major power along with Russia and China.

The official document titled "Brief on India-U.S. Relations," available on the website of the Embassy of India in Washington, acknowledges the development of a "global strategic partnership" between India and the United States, which is founded on shared democratic values and an increasing convergence of interests pertaining to bilateral, regional, and global matters. Presently, the bilateral cooperation between India and the U.S. encompasses a wide range of sectors, including trade and investment, defense and security, education, science and technology, cyber security, high-technology, civil nuclear energy, space technology and applications, clean energy, environment, agriculture, and health⁹.

Nevertheless, certain factors impede closer cooperation between the two countries. These limiting factors can be delineated as follows:

1. India's reluctance to relinquish its collaboration with Russia, particularly in the realm of arms procurement, presents a hindrance to enhanced ties with the United States. Over the years, Moscow has demonstrated itself as a reliable partner by offering military technologies and engaging in joint production of weapons systems with India. This approach to military cooperation has bolstered India's autonomy and diminished its susceptibility to foreign arms supplies and political vicissitudes.

2. Significant disparities exist between the perspectives of the two countries concerning the new world order. While the United States advocates for maintaining the existing status quo, India, as one of the BRICS countries, contends that transformation is necessary. India emphasizes the importance of establishing a world order based on international law, whereas the United States has, in pursuit of its national interests, repeatedly violated international law.

⁸ Haidar S. 2021. Great Challenges for All Democracies. *The Hindu*. July 28. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/antony-blinken-holds-talks-with-nsa-ajit-doval-meets-civil-society-representatives/article35577671.ece> (accessed 25.06.23)

⁹ Brief on India-U.S. Relations. *Ministry of External Affairs. Government of India*. URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India_US_brief.pdf (accessed 25.06.2023)

3. India has traditionally upheld a commitment to multilateralism underpinned by the United Nations, whereas the U.S. has displayed a tendency to resort to the use of force, bypassing UN mandates either unilaterally or in conjunction with NATO. India had anticipated U.S. support in obtaining permanent membership in the UN Security Council, but this expectation went unmet, leading to great disappointment. Additionally, India sought U.S. assistance in addressing the Kashmir issue and improving relations with Pakistan. However, New Delhi's expectations of U.S. support in pressuring Pakistan to recognize it as a state sponsoring terrorism and take necessary actions to dismantle terrorist camps operating on its territory for cross-border attacks against India were not fulfilled. Although Washington has not met these expectations, it consistently expresses solidarity with India in its fight against terrorism, increases information exchange in this domain, and expands the transfer of new technologies, leading to the establishment of a joint working group on combating terrorism. Over time, India gradually comprehended that the United States was not prepared to sever ties with Pakistan or pursue a more assertive policy. It appears that Washington is not particularly interested in India's ascent as a major military power.

4. The countries hold divergent positions on disarmament issues. While India has long advocated for the complete elimination of nuclear weapons, the United States has sought to legitimize the possession of nuclear weapons by a select few nations.

5. Disagreements also arise between the parties regarding the agenda of the Doha Round, trade negotiations, and climate change. Despite protracted negotiations aimed at resolving trade issues, disparities persist concerning agricultural matters, tariffs, arms control, labor law, and energy security.

6. India exhibits a lack of enthusiasm for assuming a subordinate role and asserts its right to pursue a multi-faceted foreign policy. It maintains constructive relations with Iran and plans to implement the Iran-Pakistan-India gas pipeline project to enhance energy security. Furthermore, India has pursued amicable policies towards undemocratic regimes in neighboring countries, particularly Myanmar, which has caused tension with Washington.

These factors collectively impede the deepening of the partnership between India and the United States and hinder its progression towards a close military-political alliance.

Prospects of US-India relations

Currently, both India and the United States are actively working towards developing robust bilateral relations by engaging in dialogue on contentious issues and seeking reasonable compromises. However, India remains committed to the fundamental principles of its foreign policy, steadfastly defending its national interests while also demonstrating tolerance and understanding of the positions held by the other side.

India opposes the United States' categorization of countries into democratic and rogue states and is against isolating the latter or imposing sanctions on them. Consequently, New Delhi has not supported U.S. policies towards Syria, Iran, and Russia. India cannot be expected to endorse U.S. ambitions in the region, especially if they infringe upon its own interests or jeopardize peace and stability in South and Southeast Asia (Barthwal-Datta & Chacko 2020: 258).

Dubey asserts that conducting bilateral relations with a more powerful nation is challenging, particularly when dealing with the United States. This difficulty arises not only due to the power asymmetry but also because of the way the U.S. conducts its foreign policy. The U.S. has dichotomized the world into two categories: those who are with it and those who are against it. There is no room for an independent or middle position within this framework. Furthermore, those who align with the U.S. are expected to do so in all respects. This poses a significant challenge in dealing with the country (Dubey 2016: 231-232).

India's pursuit of an independent foreign policy encounters specific challenges, as it faces opposition from a powerful lobby within the country that has gained prominence under the current regime. This lobby includes representatives from big business, industry, the media, and parts of the political elite, who argue that India's continued adherence to the policy of non-alignment is morally outdated and prevents the country from choosing the "right" allies and joining a coalition of major powers led by the United States.

The positive developments in India-U.S. bilateral relations in the second decade of the 21st century were driven by India's economic success, rapid development, increased military influence, and its de facto status as a nuclear power. Thus, the key factors likely to shape the future of these relations are the continuation of India's economic growth and, paradoxically, further advancement of its nuclear capabilities. The strengthening of the bond between the two countries depends on the successful integration of India into the global economy, expansion of the market for American goods and services, increased access to American technologies and capital, and growing economic interdependence. Moreover, India's ability to balance China's rising influence in the region and its own ascent make this alliance not only desirable for both countries but also imperative. In a joint article published in an American newspaper, Barack Obama and Narendra Modi referred to the relationship between the two countries as a "natural and unique partnership"¹⁰.

India's strategic partnership with the United States exhibits distinct characteristics. Firstly, there is a shift in emphasis from the political and strategic sphere to economic interaction (Pande, 2020). Simultaneously, India strives to maintain a clear distinction between political partnership and economic cooperation to preserve its principle of "strategic autonomy" and its policy of non-alignment.

¹⁰ Mishra V. Indo-US Relations: After Narendra Modi's Visit. *IPCS*. URL: <http://www.ipcs.org/issue-brief/us-south-asia/indo-us-relations-after-narendra-modisquot-visit-257.html> (accessed 25.06.2023)

India's foreign policy is not solely focused on a strategic partnership with the United States; it remains multi-vector in nature. It considers global changes and can be characterized as flexible, dynamic, and pragmatic. India is poised to become an economic superpower in the near future, and it takes necessary steps to promote its national interests across all domains. Furthermore, India seeks to establish and maintain constructive relations with all major global powers (Ayres 2017; Jaishankar 2020).

US President Joe Biden has demonstrated a more flexible approach to foreign policy compared to his predecessor, Donald Trump. This has raised expectations in India that Biden will provide greater support to India rather than China, as the United States is wary of China's continued rise¹¹. The Indian government also hopes for the further strengthening of the Quadrilateral Security Dialogue (Quad), which would help India and its partners in containing China's influence in the Indo-Pacific region more effectively (Roy-Chaudhury, Estrada 2018).

The potential establishment of relations between the United States and Iran through further negotiations could indirectly contribute to the development of Indo-American relations. This is because it might encourage the supply of affordable Iranian oil to India, a country with a booming economy. Additionally, India will be keen to observe Biden's response to issues such as Jammu and Kashmir, the Citizenship Amendment Act, the caste system, and social violence. The US-India relationship has the potential to reach new heights under Biden's presidency, as he is known for advocating closer India-US ties¹². The invitation extended to Indian Prime Minister Narendra Modi to the G-7 summit in June 2021 signifies the importance of India as a strategic partner for the United States. India's significance as a potential democratic counterweight in the Indo-Pacific region is growing, particularly as the authoritarian challenge continues to expand¹³.

The Indo-Pacific region has become a top-level priority in the foreign policy of both India and the United States. This is evident in the US National Defense Strategy of 2018 and India's Maritime Security Strategy of 2015¹⁴. The rise of China, its military modernization, and its assertive policies in the Indian Ocean region pose challenges to both the United States and India. Consequently, both countries engage in negotiations to establish common goals and strategies in the Indo-Pacific region to safeguard their economic, political, military, and strategic interests (Grieco 2018).

¹¹ Singh J. *India's Foreign Policy*. URL: <http://www.slideshare.net/duawahab/foreign-policy-of-india-36407477> (accessed 25.06.2023)

¹² 2020: A Milestone in India-US Ties. 2020. *The Economic Times. English Edition*. December 22. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/2020-a-milestone-in-india-us-ties/articleshow/79852014.cms> (accessed 25.06.2023)

¹³ Ayres A. 2021. How Biden Can Bolster India's Democracy. *Foreign Affairs*. July 26. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-07-26/how-biden-can-bolster-indias-democracy> (accessed 25.06.2023)

¹⁴ *Summary of the National Defense Strategy*. 2018. Sharpening the American Military's Competitive Edge. 11 p. URL: <https://introvertum.com/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>; Ensuring secure seas: Indian maritime security strategy. 2015. *Indian Navy, Naval strategic publication (NSP)*. 184 p. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed 25.06.2023)

The Quadrilateral Security Dialogue plays a significant role in the cooperation between India and the United States. Comprising Australia, Japan, India, and the United States, this strategic security dialogue supports India's efforts to counterbalance China in the Indo-Pacific region with the assistance of Quad partners, particularly the United States. This allows India to avoid assuming direct responsibility for conducting an anti-Chinese policy in the region while fostering close cooperation with the United States in defense and new technologies.

In 2021, the Quad's activities have witnessed a noticeable revival. Virtual and in-person summits have taken place, emphasizing the desire for an Indo-Pacific region free from disputes and friction, resolved in accordance with international law. Bilateral talks between Indian Prime Minister Narendra Modi and President Biden have outlined prospects for further cooperation, encompassing pandemic response, peace and stability in South Asia, digital and information technologies, innovation, education, environmental conservation, counterterrorism, and more. Following the negotiations, a joint declaration titled 'A Partnership for Global Good' was issued¹⁵. In Alaska, the joint military exercises (the largest ones between the two states) called 'Yudh Abhyas 2021' were held; earlier India and the United States also conducted Malabar naval exercise. Later in 2021 the Pentagon declared that India and the United States had opened a new chapter in Major Defence Partnership¹⁶.

Despite these positive developments, differences in the vision of the Indo-Pacific region persist. India aims to maintain the status quo and protect its geopolitical influence, particularly as vital trade routes from Africa to India traverse the region. On the other hand, the United States seeks to enhance its political and military presence in two oceans and strengthen its global leadership.

India recognizes the need to rely more on the United States to counter China's assertive policies in the region. However, increased strategic partnerships, particularly in defense, may potentially limit India's sovereignty or restrict its freedom of action in international politics. India does not view the Quad as an anti-Chinese "alliance of democracies", as articulated by President Biden¹⁷. The recent AUKUS project, which involves the United States transferring nuclear submarine technology to Australia, a Quad member, has highlighted the asymmetry between the Quad members¹⁸. This asymmetry could potentially impact India's relations with the United States and may motivate India to continue diversifying its arms supplies, including from Russia.

¹⁵ U.S.-India Joint Leaders' Statement: A Partnership for Global Good. September 24, 2021. *White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/u-s-india-joint-leaders-statement-a-partnership-for-global-good/> (accessed 25.06.2023)

¹⁶ India, U.S. Discuss Indo-Pacific, Regional Issues ahead of 2+2 Dialogue. *The Hindu*. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/india-us-discuss-indo-pacific-regional-issues-ahead-of-22-dialogue/article36910983.ece> (accessed 25.06.2023)

¹⁷ Miller M.Ch. The Quad, AUKUS, and India's Dilemmas. *Council on Foreign Relations*. URL: https://www.cfr.org/article/quad-aucus-and-indias-dilemmas?utm_source=twtw&utm_medium=email&utm_campaign=TWTW%202021October15&utm_term=TWTW%20and%20All%20Staff%20as%20of%207-9-20 (accessed 25.06.2023)

¹⁸ AUKUS – security pact between Australia, the UK and the USA

India's agreement with Russia for the purchase of S-400 missile systems has caused tensions between the two countries. The US Countering America's Adversaries through Sanctions Act (CAATSA) of 2017 includes provisions for punitive measures against countries engaging in military cooperation with Iran, North Korea, and Russia. According to this law, India's actions in purchasing the S-400 systems could potentially trigger sanctions similar to those imposed on Turkey and China for their S-400 purchases. The imposition of such sanctions, if they were to occur, could undermine the foundations of the global strategic partnership between India and the United States.

India argues that the deal with Russia for the S-400 missile systems is an integral part of the country's defense against growing security threats, particularly along its eastern and western borders. India sees the possibility of sanctions as a challenge to its national principles of sovereignty and strategic autonomy¹⁹.

Concluding remarks

The partnership between India and the United States is indeed considered "indispensable" by both sides and is seen as playing a crucial role in the global community. There is a convergence of strategic interests between the two countries, with a shared desire to strengthen cooperation further in order to promote global peace and stability.

The analysis of India-US relations has shown an evolution from mutual alienation to interaction, with an increasing convergence of interests and strengthening of cooperation in the economic, political, and security spheres. However, despite the positive progress in their relationship and the desire for deeper cooperation, there are still some disagreements between India and the United States.

India is not willing to compromise its foreign policy principles, abandon its worldview, or play a subservient role in bilateral relations. India's foreign policy is characterized by independence of judgment and freedom of action in international affairs. While India is eager to be a partner of the United States and supports many of its foreign policy initiatives, it does so on the basis of equality and mutual respect, while preserving its freedom to maneuver and the right to choose its own partners and allies.

India believes that as a country with a unique geographical location, international influence, rich history, traditions, and the status of a major developing power, it is not appropriate to simply follow the policy of another country, regardless of its power. India intends to build its foreign policy and bilateral relations with the United States based on its national interests, principles, and values, which underlie its non-alignment policy. Forming an alliance with the United States would entail difficult obligations that could potentially limit India's freedom of action in the international arena

¹⁹ For more than a waiver: On India-US Global Strategic Partnership. *The Hindi*. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/editorial/for-more-than-a-waiver-on-india-us-global-strategic-partnership/article37529450.ece> (accessed 25.06.2023)

and undermine the principles of non-alignment that India has steadfastly adhered to for over 70 years. Therefore, India is cautious about entering into any formal alliances with major powers.

The government of India, under the leadership of Prime Minister Narendra Modi, has consistently adopted a pragmatic and results-oriented approach to its relations with the United States. Therefore, it is unlikely that the formation of a strategic *alliance* between the two powers will be the immediate result of the bilateral relations. Instead, the relations between India and the United States is expected to remain at the stage of *strategic partnership*, serving the interests of both countries in the foreseeable future.

About the authors:

Olga G. Leonova – Doctor of Political Science, PhD in Economics, Professor of Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. B. 13/14, Leninskie gory 1, Moscow, 119992, Russia.
E-mail: politolga@gmail.com

Jagdish Khatri – PhD, Professor, Management Consultant and Independent Expert and Author, former Director & Chair Holder of UNESCO Network Chair, Mandsaur University, India. E-mail: jagdishkhatri155@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 18.09.2021

Принята к публикации: 15.12.2021

На пути к стратегическому партнёрству Индии и США: движущие и сдерживающие факторы

О. Леонова¹, Д. Кхатри²

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-180-198](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-180-198)

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия)

² Университет Мандсаура (Индия)

Цель настоящей статьи – показать логику эволюции двусторонних отношений между Индией и Соединёнными Штатами Америки с момента обретения Индией независимости в 1947 г. по настоящее время, а также выявить этапы их развития, итоги и перспективы.

Отношения между Индией и США прошли несколько стадий, что в результате привело к созданию стратегического партнёрства. Авторы выявляют экономические, политические и идеологические факторы формирования стратегического партнёрства Индии и США. Выявляются факторы, препятствующие дальнейшему углублению сотрудничества, среди которых разногласия по важным вопросам международной политики, нежелание Индии играть роль «младшего брата», стремление отстаивать своё право на реализацию многовекторной внешней политики, отсутствие поддержки США по принципиальным вопросам для Индии и неготовность Нью-Дели к отказу от сотрудничества с Россией. Факторами, стимулирующими углубление стратегического партнёрства между Индией и США, выступают: интенсивный рост индийской экономики, потенциал страны в качестве противовеса растущему влиянию Китая в Азии, разделяемый интерес к сохранению мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе и сотрудничеству в других сферах безопасности, расширение перспектив сотрудничества в других областях. В статье раскрывается специфика отношений Индии с США, определяющая характер сложившегося стратегического партнёрства. Происходит перемещение акцента с политического взаимодействия в сферу экономики, сохраняется приверженность Индии принципу «стратегической автономии» и политике неприсоединения, нацеленность на разграничение политического партнёрства и экономического взаимодействия, а также многовекторности внешней политики.

Авторы приходят к выводу, что в краткосрочной перспективе отношения двух держав вряд ли перерастут в стратегический военно-политический союз; они сохранятся на стадии стратегического партнёрства. Результаты исследования позволяют заинтересованным сторонам прогнозировать ситуацию и корректировать политику в регионе Южной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Индия, США, двусторонние отношения, стратегическое партнёрство, факторы формирования стратегического партнёрства, факторы углубления стратегического партнёрства, особенности стратегического партнёрства

Об авторах:

Ольга Георгиевна Леонова – доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 119992, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14. E-mail: politolga@gmail.com

Джагдиш Кхатри – PhD, профессор, консультант по вопросам управления, независимый эксперт, в прошлом заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Университет Мандсаура, Индия. E-mail: jagdishkhatri155@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Ayres A. 2017. *Our Time Has Come: How India Is Making Its Place in the World*. Oxford: Oxford University Press. 357 p.
- Bandopadhyaya S. 2004. *From Plassey to Partition: A History of Modern India*. Orient Longman Pvtet Limited. New Delhi. 514 p.
- Bandyopadhyaya J. 2013. *The Making of India's Foreign Policy: Determinants, Institutions, Processes, and Personalities*. New Delhi: Allied Publishers PvtLmd, New Ed. 286 p.

Barthwal-Datta M., Chacko P. 2020. The Politics of Strategic Narratives of Regional Order in the Indo-Pacific: Free, Open, Prosperous, Inclusive? *Australian Journal of International Affairs*. 74(3). P. 244-263. DOI: 10.1080/10357718.2020.1744517

Basu P.K., Chellaney B., Khanna P., Khilnani S. 2005. *India as a New Global Leader*. London: The Foreign Policy Center. 82 p.

Chacko P. 2014. The Rise of the Indo-Pacific: Understanding Ideational Change and Continuity in India's Foreign Policy. *Australian Journal of International Affairs*. 68(4). P. 433-452. DOI: 10.1080/10357718.2014.891565

Dubey M. 2016. *India's Foreign Policy. Coping with Changing World*. Orient BlackSwan Privet Limited. 446 p.

Genguly S. (ed.) 2010. *India's Foreign Policy Retrospect and Prospect*. New Delhi: Oxford University Press. 347 p.

Ghosh A., Chakraborti T., Majumdar A.J., Chatterjee S. (eds.) 2009. *India's Foreign Policy*. Delhi: Pearson. 476 p.

Grieco K.A. 2018. The National Defense Strategy: Continuity and Competition. *Strategic Studies Quarterly*. 12(2). P. 3-8.

Gupta K.R. and Shukla V. 2009. *Foreign Policy of India*. New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors (P) Ltd. 576 p.

Heydarian R.J. 2020. *The Indo-Pacific: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery*. Singapore: Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore Pte Ltd. 371 p.

Jaishankar S. 2020. *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: Harper Collins India. 207 p.

Kaplan R. 2010. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. New York: Random House Trade Paperbacks. 323 p.

Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. 2020. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research*. 40(2). P. 215-230. DOI: 10.1177/0262728020915564

Li L. 2018. The New Trend of India's Rising as a Great Power. *Contemporary International Relations*. Issue 2 (March–April). P. 43-49.

Maçães B. 2019. *Belt and Road: A Chinese World Order*. London: Hurst & Co Publishers Ltd. 288 p.

Malone D.M. 2014. *Does the Elephant Dance? Contemporary Indian Foreign Policy*. Oxford India Paperbacks, New Delhi, India. 425 p.

Menon A.R., Kumar R. 2010. *The Long View from Delhi: Indian Great Strategy for Foreign Policy*. Delhi: Academic Foundation. 120 p.

Menon S. 2021. *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington: Brookings Institution Press. 408 p.

Mohan C.R. 2006. *India's New Foreign Policy Strategy*. The Indian Express, New Delhi. Draft paper presented at a Seminar in Beijing by China Reform Forum and the Carnegie Endowment for International Peace, Beijing, May 26. 9 p. URL: <http://carnegieendowment.org/files/Mohan.pdf>

Naidu G.V.C. 2014. 'Indo-Pacific' as a New Template of Analysis. Debate 'Indo-Pacific: an Emerging Geopolitical Construct. India's Interests, Stakes and Challenges. *Indian Foreign Affairs Journal*. 9(2). P. 102-107.

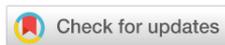
Pan C. 2014. The 'Indo-Pacific' and Geopolitical Anxieties about China's Rise in the Asian Regional Order. *Australian Journal of International Affairs*. 68(4). P. 453-469. DOI: 10.1080/10357718.2014.884054

- Panagariya A. 2008. *India: The Emerging Giant*. New York Oxford Press. 538 p.
- Pande A. 2020. *From Chanakya to Modi: Evolution of India's Foreign Policy*. India, New Delhi: Harper Collins. 224 p.
- Pande A. 2021. *Making India Great: The Promise of a Reluctant Global Power*. New Delhi: Harper Collins India. 240 p.
- Roy-Chaudhury R., Estrada de K.S. 2018. India, the Indo-Pacific and the Quad. *Survival. Global Politics and Strategy*. 60(3). P. 181-194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773
- Singh A.G. 2016. India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*. 12(2). P. 161-176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752
- Zeeshan M. 2021. *Flying Blind: India's Quest For Global Leadership*. London – New York: Vintage Books. 208 p.

Lunev S. 2010. Vneshnjaja politika Indii i vozdejstvie na nee vnutrennih faktorov [Foreign Policy of India and the Impact of the endogenous factors]. *MGIMO Review of International Relations*, 1(10). pp. 189-201. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-1-10-189-201 (In Russian)

Литература на русском языке:

Лунёв С.В. 2010. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(10). С. 189-201.

Русская торговля на Чёрном море в первой трети XIX в.

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена исследованию развития торговли в Крыму и Новороссии после их присоединения к России. К началу XIX в. торговля хлебом ещё не набрала обороты в связи с недостаточным освоением новых земель, однако порты в Феодосии, Таганроге и Одессе регулярно принимали корабли из Константинополя и Архипелага. Севастопольский порт имел назначение военного. В 1821 г. по указу Александра I был основан порт в Керчи, который должен был выполнять роль форпоста при входе в Азовское море и начать торговые отношения с горскими народами Кавказского побережья Чёрного моря. С этой целью было учреждено Попечительство торговли с черкесами и абазинцами, которое регулировало отправку судов к Кавказскому берегу и деятельность меновых дворов в Керчи и на Бугазе. Отношения с горцами были сложными: те захватывали в плен экипажи российских судов, требуя за них денежный выкуп. Даже после Адрианопольского мирного договора 1829 г., когда территории вошли в состав Российской империи, местные народы отказывались подчиняться новой власти так же, как раньше не признавали власть турецкого султана.

Ключевые слова: торговля, внешняя политика, Чёрное море, Кавказское побережье, Крым, горцы.

С конца XVIII в. Восточный вопрос вышел на первый план в общих внешнеполитических задачах российского государства. Присоединение Крыма, выход к Чёрному морю, развитие в Новороссии земледелия и связанной с ним торговли через черноморские порты – все эти проблемы должны были получить разрешение в ходе русско-турецких договорённостей 1799 и 1805 гг., а также войны 1806–1812 гг. и заключённого по её итогам мирного Бухарестского договора. Российское государство явно стремилось к укреплению своих позиций в регионе для обеспечения свободной торговли со странами Средиземноморья и обороны южных границ.

УДК 339.5(470.6)“18”

Поступила в редакцию: 23.11.2022

Принята к публикации: 10.03.2023

Черноморская торговля России вышла на новый уровень после присоединения Крыма в 1783 г. и Кавказского побережья в 1829 г. Средиземноморское направление контролировалось Коммерческой канцелярией российской миссии в Константинополе, а связи с Кавказом – Попечительством керченской и бугазской торговли с черкесами и абазинцами. Несмотря на достаточную изученность южного направления русской торговли в целом (Кулишер 1923; Боровой 1962; Познер 1895), некоторые аспекты данного вопроса оказались вне внимания исследователей. Это касается, прежде всего, численности купеческих кораблей, проходивших через черноморские проливы. В свою очередь, изучение российско-черкесских контактов склонялось преимущественно к военному аспекту, а также к установлению политических контактов с вновь присоединёнными территориями (Пейсонель 1927; Дзидзария 1960; Лейберов 1995). Вопросы торговли, вышедшие на первый план в отношениях новой власти с адыгскими народами, ещё ждут своего освещения.

Целью предпринятого исследования стало определение основных направлений средиземноморской торговли после учреждения новых портов в Крыму, а также этапов развития коммерческих связей с кавказским берегом Чёрного моря.

Начало черноморской торговли после присоединения Крыма

8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала Манифест о принятии Крыма в состав России. В том же году был основан Севастополь, ставший в 1804 г. главным военным портом Черноморского флота, а с 1809 г. – военной крепостью¹. В рескрипте императрицы послу России в Великобритании И.М. Симолину от 26 марта 1784 г. говорилось о том, что «для всех с империей нашей в дружбе пребывающих народов» в Крыму открыты «некоторые из Черноморских наших пристаней, а именно: Херсон, Феодосия и Севастополь»². Объявлялось также, что к этим «пристаням» дозволено плавание «всем народам», которым торговля с Россией предоставляет выгоды. В ст. VII Ясского договора о вечном мире и дружбе России и Турции, заключённом 29 декабря 1791 г., говорилось: «... торговля есть сущий залог и самый крепкий узел взаимного доброго согласия»³. Новые черноморские порты в Крыму служили не только военными форпостами и крепостями, но и должны были выполнять функции торговых пунктов.

¹ *История Крыма*. 2017. Т. II. Москва. С. 95. История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. Москва: Кучково поле, 2018. Т. 2. С. 95.

² *Крым в развитии России: история, политика, дипломатия*. 2018. Документы архивов МИД России. Ижевск. С. 208. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России /МИД РФ. Ижевск, 2018. С. 208.

³ Там же. С. 226.

Прежде всего, речь шла о торговле с Османской империей, как ближайшей соседкой и крупнейшим торговым партнёром. Российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский, следуя предписаниям из Петербурга, «сделал внушение консулам нашим в Леванте», поручив их особому попечению развитие морской торговли между двумя империями и обязав «уверить желающих вести у нас торговые свои промыслы ... о выгодах, какие всем иностранцам в портах наших предоставлены»⁴. Ввиду угрозы захвата торговых судов морскими разбойниками, Порты приняла на себя обязательство возмещать российским купцам убытки, которые могут быть понесены в случае нападения алжирских, тунисских и трипольских корсаров (ст. 61 Торгового трактата, заключённого между Россией и Османской империей после Ясского мира 1791 г.). При этом турецкое правительство должно было предпринять меры к тому, чтобы освободить пленных, а суда и товары вернуть владельцам⁵.

Вступивший на престол Александр I, «желая доставить купечеству сугубые выгоды», назначил для покровительства торговли в «полуденных» краях особых градоначальников портовых городов – Одессы, Таганрога, Кафы и Херсона⁶. Министр внутренних дел В.П. Кочубей и иностранных дел А.А. Чарторыйский были согласны в том, что градоначальники крымских городов «для общей пользы» должны состоять в постоянной переписке. Феодосийскому военному губернатору А.С. Феньшу предписывалось инструкцией поддерживать связь с посланником России в Константинополе и консулами «в скалах Левантийских» в интересах развития торговых связей с Турцией⁷. По указу от 15 декабря 1804 г. вслед за Одессой склад иностранных товаров был открыт в Феодосии, причём в 1809 г. туда было разрешено привозить товары, с которых взимается пошлина⁸. Пошлина на иностранные товары не была однородной. Так, «желая доставить торговые выгоды Республике Семи соединённых островов в черноморских портах» указом от 16 марта 1806 г. повелевалось уменьшить пошлину с привозимых оттуда вин, масла и ягод сухих на 10%⁹.

Каждый из учреждённых на крымском побережье городов имел особое значение. По указу Александра I Севастополь назначался главным военным портом, куда не разрешалось входить купеческим кораблям «разве для починки или для спасения, а не для торга»¹⁰. Морской министр П.В. Чичагов, ссылаясь на

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Там же. С. 271.

⁹ Там же. С. 269. Республика Семи соединённых островов в Ионическом море с 1800 по 1807 г. находилась под покровительством Российской империи.

¹⁰ Там же. С. 262.

опыт других стран и регламент Адмиралтейства, указывал, что в иностранных державах военные и купеческие суда никогда вместе в одной гавани «не становятся»¹¹.

Всё большее значение в качестве торгового порта приобретала Кафа (Феодосия). Хотя ещё Екатерина II упоминала этот морской порт, в 1803 г. Новороссийский генерал-губернатор признавал, что Кафа не имеет торговых заведений, «но в самом скором времени должна быть приведена в цветущее состояние»¹². Уже в 1809 г. указом Александра I «к феодосийскому порту»¹³ разрешалось привозить облагаемые пошлиной иностранные товары.

Сразу после присоединения Крыма Екатерина II рассчитывала сохранить мирные отношения с Османской Портой. «Мы, не желая войны, оной не боимся, – писала императрица, – однако же только о том сожалеть будем, если разрыв воспрепятствует из черноморских наших пристаней в Средиземное море, а особливо во Францию, полезной торговли, которая уже взяла начало своё»¹⁴. Императрица не случайно говорила об этой европейской стране, поскольку русско-французские торговые отношения были достаточно активными, и в дальнейшем Франция надеялась монополизировать всю торговую деятельность в этом регионе (Боровой 1962: 501). Ещё по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. русский торговый флот получил право проходить через проливы в Средиземное море, а в 1791 г. по условиям Ясского мира Россия приобрела Очаков и гавань Одессы.

В Европе очень скоро узнали об «одесском чуде», которое состояло в той быстрой, с которой рос и развивался торговый город Одесса. «Чудо» объяснялось тем, что жители города с самого его основания в конце XVIII в. освобождались от податей, получали льготы и пособия от казны. С 1817 по 1857 гг. в Одессе было провозглашено порто-франко – беспошлинный привоз и складирование иностранных товаров, что способствовало привлечению капиталов и расширению торговых операций (Познер 1895: 203). В итоге Одесса стала крупнейшим российским торговым портом на Чёрном море, и большая часть иностранных судов с товарами направлялись именно сюда.

Морские суда к российским черноморским портам шли через Константинополь. До учреждения Коммерческой канцелярии, ставшей сосредоточением хозяйственной жизни всего дипломатического представительства России в турецкой столице, в российской миссии существовала Купеческая канцелярия, выполнявшая те же функции (Кудрявцева 2010). Возглавлял её член константинопольской миссии И.К. Фродинг. Именно здесь готовились списки торговых

¹¹ Там же. С. 268.

¹² Там же. С. 260.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ Там же. С. 199.

судов, направлявшихся через проливы в российские порты и возвращавшихся оттуда. Обычно в списках указывались название судна, порты приписки и назначения, имя шкипера и характер груза, иногда и количество товара. Списки ежегодно посылались в Коллегию иностранных дел в Петербурге, а после реформы 1832 г. – в Азиатский департамент российского МИД.

Из списков за 1800–1802 гг. следует, что наиболее развитые торговые отношения в те годы существовали у России с Турцией, Австрией и Республикой семи соединённых островов. Для английских, французских, голландских и прусских кораблей Порта открыла Босфор только в 1801 г. В 1800 г. из Константинополя в российские порты пришло 44 турецких торговых корабля с товарами российских купцов, 95 судов под русским флагом, 17 «цесарских», т.е. австрийских, и семь – из Греческой республики¹⁵. Из российских портов в Константинополь вышло 79 судов под русским флагом и 42 турецких с российскими товарами. В табели, составленной российским посланником В.С. Томарой, указано, сколько за истекший год прибыло в Константинополь российских торговых судов, сколько привезено товаров и сколько в турецкой столице торгующих российских подданных. Из этого документа следовало, что на российских судах перевозились пушной товар, железо, парусина, холст, пенька, воск, шерсть. Продовольственные товары состояли из икры, масла, сала, чая, сахара и пшеницы¹⁶. Весь экспорт оценивался в 2 044 389 руб. Из тех же документов известно, что в Россию ввозились виноградные вина, изюм, финики, орехи «греческие», миндаль, халва, оливки, гранаты, каперсы, оливковое масло, лимоны, апельсины, «сыр итальянский» и «пшено сорочинское» (рис). Из непродовольственных товаров были указаны только морские губки и ладан¹⁷. Весь импорт оценивался в 1 855 208 руб. Таким образом, русская черноморская торговля за 1800 г. имела активный баланс. С развитием Новороссийского края и ростом урожая пшеницы увеличивался экспорт русского хлеба, который постепенно становился основным предметом вывоза из черноморских портов.

«Генеральная табель» за 1801 г. содержала также сведения о том, сколько товаров между Россией и Турцией было перевезено морем и сколько «сухим путём», через Дунайские княжества. Из документа следовало, что сушей в Османскую империю везли пушной товар, ремень и янтарь на 45 220 руб., а в Россию – шёлк, жемчуг и «алмазные вещи» на 845 926 руб. На российских судах из России было вывезено товаров на 1 075 907 руб., а ввезено в Россию – на 726 951 руб.¹⁸. Таким образом, «сухим путём» российский вывоз уступал ввозу, а морем – превосходил. Можно объяснить этот факт, вероятно, тем, что «сухим путём» вво-

¹⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив II-3. Оп. 34. Д. 1 (1802). Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7-8.

зились драгоценности («алмазные вещи»), имевшие высокую стоимость. Уже на следующий год общий баланс ввоза и вывоза стал активным: Россия «сухим путём» и морем вывезла в Турцию товаров на общую сумму 1 159 012 руб., а ввезла на 1 110 466 руб.¹⁹.

В «Ведомости...», учитывавшей прибытие русских судов в Константинополь и отплытие оттуда к российским портам за 1800–1801 гг., значится, что в 1801 г. из прибывших 79 торговых судов из Таганрога, Одессы, Николаева, Херсона и «из Крыма» большая часть (49) имело портом отправления Таганрог, на втором месте указывалась Одесса (18). Такая же картина складывалась и в 1800 г.: из Таганрога прибыло 41 судно, из Одессы – 31²⁰. Кроме общих списков имелся перечень всех торговых судов помесечно, из которых следовало, что за март, апрель и май 1801 г. к упомянутым выше главным торговым портам присоединились Херсон и «Крым», иногда упоминавшийся как «Еникале», т. е. Керчь. Большое число иностранных судов, имевших портом назначения Одессу, перевозили балласт – камень, который принимался за небольшую плату в 18 руб. за квадратный сажень и шёл на строительство города²¹.

В ведомостях учитывалось количество иностранных судов: турецких, «цесарских», Республики семи соединённых островов и судов «под российским флагом». К началу XIX в. Россия не успела обзавестись собственным торговым флотом, российские товары перевозились на судах, принадлежавших грекам из Архипелага. Судостроение на Чёрном море развивалось медленно, суда строили «на глаз» топором, без чертежей крестьяне, взятые от сохи. На кораблях «под российским флагом» шкиперами числились греки: Димитрий Матака, Христофор Каравия, Панаин Кундури, Христофор Рафтопуло²². Это означает, что суда не выходили в Средиземное море, поскольку по принятому законодательству вся черноморская торговля разделялась на «большую» и «малую». Суда «большой» торговли могли выходить в Архипелаг и Средиземное море, но они должны были строиться в России и иметь шкипером русского. Вторые плавали лишь до Дарданелл, зато могли принадлежать иностранцам и иметь греческих шкиперов (Познер 1895: 127). Только в 1834 г. в Херсоне было открыто училище торгового мореплавания. 24 его воспитанника изучали турецкий, греческий и итальянский языки, а также кораблестроение и навигационные науки. Но количество русских шкиперов сильно уступало иностранным: в 1840 г. на торговых судах Чёрного моря плавали 26 русских шкиперов и 136 иностранцев.

На торговых судах с островов Архипелага и с материковой Турции в Одессу и Таганрог «по торговым делам» прибывало большое количество пассажиров-греков. На таком судне в мае 1802 г. в Одессу прибыл из Франции направля-

¹⁹ Там же. Л. 27-28.

²⁰ Там же. Л. 4, 22.

²¹ Там же. Ф. Консульство в Яффе. Оп. 823. Д. 1, л. 113.

²² Там же. Ф. СПб ГА II-3. Оп. 34. Д. 1. л. 39 об.

шийся в Петербург «профессор математики и аббат Йозеф Фонтен», а в июне того же года – иеромонахи Агафангел, Гавриил и Иосаф с архимандритом Афанасием, иеродиакон Генадием и монахом Макарием с Афонской горы, следовавшие в московский монастырь Св. Николая²³. Греческие торговцы обосновывались в причерноморских городах и открывали в них свои торговые дома; русские купцы не были объединены и не имели торговых домов.

На основании данных обширного – более 45 листов – отчёта главы российской миссии в Константинополе за 1800–1801 гг. можно составить картину общего состояния торгового судоходства в Чёрном море. Сведения о количестве судов, шедших к черноморскими портам и обратно, о пунктах назначения, странах отправления, о характере груза и его цене позволяют составить общий баланс товарообмена. Эти расчёты показывают, что даже в первые годы XIX в., когда русская торговля из черноморских портов только зарождалась, торговый баланс, хотя и незначительно, но неизменно складывался в пользу России. При этом надо иметь в виду, что пшеница из Новороссии ещё не была главной статьёй черноморского экспорта России.

Учреждение нового порта в Керчи

Несмотря на то, что в торговом отношении усиливалась роль Феодосии и Одессы, в начале 1820-х гг. у российского правительства возникла идея учредить новый порт на восточном окончании Крыма. Эта мысль была высказана ещё Екатериной, когда она в 1771 г. писала В.М. Долгорукову: «Кафа велик город, в нём порт морской, но Еникале и Керчь открывают вход г-ну Сенявину водой в тот порт»²⁴. Стратегическое значение Керчи было уникальным: она «стояла на страже» морского проникновения в Азовское море. Недаром сначала генуэзцы, а затем и турки выстроили здесь мощную крепость Еникале, запиравшую вход из Чёрного моря в Азовское. По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Керчь и Еникале вошли в состав России. Решено было усилить торговую роль города; указом от 10 октября 1821 г. Александр I повелевал открыть в Керчи порт «для улучшения торговли нашей на Чёрном и Азовском морях»²⁵. В «Постановлении об открытии Керченского порта» говорилось, что новый порт в Крыму должен способствовать развитию торговли и промышленности «до возможного совершенства». Для этого следовало учредить портовый карантин и таможню. Местное управление новыми заведениями вверялось Керчь-Еникальскому градоначальнику, который подчинялся херсонскому военному губернатору, заведовавшему всей торговлей Керченского края.

²³ Там же. Л. 39–42.

²⁴ Крым в развитии России ... С. 229.

²⁵ Там же. С. 276.

Согласно «Постановлению...», в Керченском порту следовало принимать суда с «дозволенными к привозу товарами всякого рода» после очищения в карантине, досмотра в таможне и взимания пошлины по тарифу. Дальше товары должны были перевозиться в Таганрог, где находился главный склад. Для перевозки назначались каботажные суда, на их строительство казна выделила 150 тыс. рублей – по 2 тыс. рублей ежегодно каждому, кто хочет построить каботажное судно²⁶. Каботажные суда, ходившие между российскими портами, получали паспорта и освобождались от уплаты пошлин. Во время плавания к иностранным портам они должны были уплачивать пошлины за каждый ласт груза (один ласт равнялся 120 пудам)²⁷.

В части 26-й «Постановления...» говорилось о том, что главная выгода Керченского порта состоит в его географическом положении: отсюда на больших судах можно отправлять товары, поступившие из любых пунктов на берегу Азовского моря. Указом от 13 октября 1822 г. Симферопольскому уездному казначейству было выделено 13 541 руб. 50 коп. на перестройку Керченской таможенной заставы²⁸ под руководством инженера Е.И. Фон Дена. Открытие таможни 19 августа 1823 г. положило старт торговым операциям.

Строительство порта происходило с затруднениями. Была начата дискуссия по поводу возможности строительства порта в означенном месте. По мнению специалистов, глубина Керченского пролива, составляющая не более 16 футов, не могла позволить принимать и грузить купеческие суда, число которых, как и в Таганроге, должно составлять не менее 200. Однако в результате возобладало другое мнение, согласно которому порт не требовал проведения работ по углублению дна и мог свободно принимать близко проходящие суда²⁹.

Помимо налаживания торговли с портами Азовского моря, новому порту предстояло расширить торговлю с народами Черкесии. Для обеспечения спокойствия края посредством привлечения местных народов к торговым связям и «укрощения их дикости чрез постепенное приучение к выгодам общежития и образованности»³⁰, было учреждено Попечительство керченской и бугазской торговли с черкесами и абазинцами³¹. Контроль над работой Попечительства возлагался на трёх министров: внутренних дел, финансов и иностранных дел. Возглавил Попечительство надворный советник Рафаил Августинович Де Скасси, по указу от 8 августа 1816 г. причисленный к Коллегии иностранных дел; деятельность Попечительства контролировало именно это ведомство. За годы

²⁶ Там же. С. 277-278.

²⁷ Там же. С. 296.

²⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 227. Л. 11.

²⁹ Там же. Ф. ГА II-З. Оп. 34. Д.3 (1816). Л. 167 об.

³⁰ Там же. Л. 153.

³¹ Абази́нцы – одна из ветвей абхазо-абазинского народа Кавказа.

существования Попечительства из его канцелярии в Российский МИД было отправлено 103 донесения за подписью Де Скасси и его заместителя Д.Ф. Кодинца и получено 28 инструкций управляющего Министерством³².

Уроженец Генуи Де Скасси успешно продолжил дело своих земляков, ещё в Средневековье осваивавших крымскую торговлю. Прибывший в Одессу в начале XIX в., Де Скасси начал предпринимательскую деятельность под покровительством Э.О. Ришелье и А.Ф. Ланжерона. Уже в 1811 г. Де Скасси предложил установить торговые отношения с жителями черкесских берегов. Он предпринял плавание в эти области, уговаривая местных жителей заняться вырубкой и заготовкой леса, который пригодился бы для нужд Севастопольских верфей. С 1816 по 1819 гг. шла интенсивная переписка предприимчивого генуэзца с А.Ф. Ланжероном, Э.О. Ришелье, К.В. Нессельроде и самим императором по поводу открытия нового порта. В своих письмах Де Скасси называл Керченский пролив передовым постом или воротами в Азовское море и часто сравнивал его с Константинопольским. В некоторых бумагах пролив даже назван Босфором. Доказывая выгоды от устройства сношений черкесами для Российской империи, Де Скасси предоставил императору Записку³³ с просьбой отдать ему на откуп соляную торговлю Крыма с Кавказским берегом «в полное распоряжение на 15 лет». Рассмотрев предложение Де Скасси, министр финансов Д.А. Гурьев сообщил Нессельроде, что в соляных озерах при Чёрном и Азовском морях добывают соответственно до 200 и до 400 тыс. пудов соли, которая нужна для снабжения внутренних губерний России. Де Скасси получил разрешение заняться соляной торговлей на общих основаниях, наряду с другими купцами³⁴. В 1816 г. Де Скасси получил 100 тыс. пудов соли по 5 коп. за пуд, что было очень выгодно для торговли с горцами, которая всегда складывалась в пользу российских купцов.

Идея Де Скасси об открытии торговой навигации к черкесским берегам показалась местным властям многообещающей. Херсонский военный губернатор граф Ланжерон поддержал её и предложил отдать торговлю с Черкесией под руководство Де Скасси. Комитет министров, рассмотрев это предложение 19 августа 1819 г., постановил: учредить в Керчи таможенную, а в Бугазе, на Таманском полуострове, – меновой двор, вверить торговые дела Попечительству, назначив Де Скасси инспектором двух таможен и двух карантинных. Сверх того, генуэзцу выделялось 200 тыс. рублей на постройку кораблей³⁵. И в дальнейшем Де Скасси получал деньги от государства: в докладе императору от 17 января 1822 г.

³² Там же. Д.5 (1830-37). Л. 86-89.

³³ Там же. Л. 38.

³⁴ Там же. Л. 60 с об. Д.А. Гурьев К.В. Нессельроде. 11 июля 1816 г.

³⁵ Там же. Л. 153–158. Выписка из журнала. заседаний Комитета министров от 19 августа 1919 г.

говорилось, что два корабля Де Скасси разбились у Кавказских берегов, кроме того, он потратил собственных 10 тыс. рублей на выкуп тринадцати русских пленников и объявил, что разорился. Указом Александра I Де Скасси получил 70 тыс. руб. для покрытия расходов и 25 тыс. руб. «заимообразно» на 10 лет без процентов³⁶.

Штат Попечительства был невелик. Во главе встал Де Скасси с окладом в 1,5 тыс. руб., его заместителем был назначен надворный советник Д.Ф. Кодинец, по одному чиновнику было направлено в Анапу, Геленджик, Суджук-кале (совр. Новороссийск), Пшад (совр. Пшада) и Бугаз. Министерство иностранных дел, принимая во внимание особенности менталитета народов Востока, из сметы расходов Азиатского департамента на азиатских посланников выделило 3 тыс. руб. для угощения черкесских князей. Общий годовой объём бюджета Попечительства, утверждённый императором 17 января 1822 г., составил 17 100 руб.; из них 9 650 руб. полагалось на счёт Бугазского менового двора, в штате которого служили начальник, комиссар, лекарь и унтер-комиссар, а также работники таможи. Суммы, выделяемые Попечительству, постоянно возрастали. В 1826 г. общая сумма увеличилась до 28 530 руб., а на приём азиатских посланников полагалось 15 тыс. руб.³⁷ Жалование поступало по третям года из Симферопольского и Феодосийского уездных казначейств. Кавказский берег Чёрного моря принадлежал Турции, и торговля с народами Кавказа рассматривалась как зарубежная. По именному высочайшему указу от 16 февраля 1822 г. на имя Новороссийского генерал-губернатора графа А.Ф. Ланжерона следовало «безотлагательно» начать торговлю с черкесами и абазинцами³⁸. До тех пор, пока в Керчи не будет выстроен карантин, министр финансов Д.А. Гурьев предложил «беспошлинно» пропускать товары из Черкесии через Феодосийскую таможню³⁹.

Торговля России с народами Кавказского берега Чёрного моря

До заключения Адрианопольского мира 1829 г. весь Кавказский берег Чёрного моря находился во власти Турции, однако внутренние территории оставались независимыми. Формально горские народы состояли в подданстве султана, однако на деле они скорее входили в сферу политического влияния турецкого правительства. Если старшины нутухайских⁴⁰ аулов около Анапы иногда приносили присягу султану, то проживавшие в горных районах черкесы никогда не

³⁶ Там же. Л. 195–197.

³⁷ Там же. Д. 5 (1830–1837). Л. 2.

³⁸ Крым в развитии России... С. 288.

³⁹ *АВПРИ*. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 208. Л. 4.

⁴⁰ Название одного из адыгских племён.

принимали на себя вассальных обязательств по отношению к Порте. Не признавая власти Османской империи, местные владетели отказывались подчиняться и российской. Даже после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. они не считали себя обязанными соблюдать условия Адрианопольского мира.

Представители российской власти, выполнявшие обязанности торговых агентов и переводчиков в портах Черкесии, имели своих осведомителей на местах и регулярно доносили руководству о настроениях местных народов. Турецкую власть на всём побережье осуществлял паша, чья резиденция находилась в Анапе. Командующий Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолов докладывал К.В. Нессельроде, что крепость Анапа хорошо укреплена, в ней есть ров и вал, в середине находятся 12 казарм, имеется 16 полевых орудий, гарнизон насчитывает 5 тыс. военных⁴¹. Российские власти чутко следили за тем, что происходит в крепости, опасаясь усиления военного присутствия турок. Осенью 1827 г. в Анапу под предлогом смены гарнизона прибыли 600 чел., что вызвало сильную обеспокоенность российского командования⁴². Опасения усиливались известиями о непослушании местного населения турецкой власти. Один из горцев-осведомителей сообщал, что «все горские черкесы, шапсуги, натухайцы, бжедухи, имбазохи... не хотят повиноваться турецкому правительству»⁴³. «Большая часть горских обитателей не учинила ещё присягу на верность султану», – говорилось в рапорте на имя И.П. Паскевича⁴⁴. Из Анапы поступали сведения, будто шапсуги перекрыли дороги в крепость и не давали принять присягу на верность турецкому султану⁴⁵. Переводчик анапского Гассан-паши К.И. Панतिकопейский сообщал о том, что местное население объединяется против паши с тем, чтобы не принимать «магометанского закона»⁴⁶. Религия абазинцев представляла собой смесь христианства и пантеизма. Для обращения горских народов в мусульманство в Анапу прибыл муфтий. Порта пыталась назначить бея с резиденцией в Сухуме, но абазинцы отказывались ему подчиняться (Пейсонель 1927: 27).

Усиливались конфликты турецкой власти с местными князьями, вплоть до того, что российские военные готовы были эвакуировать некоторых из них в Россию. В июле 1827 г. главнокомандующий Черноморским флотом А.С. Грейг сообщал в секретном донесении в Керчь о готовности вице-адмирала М.Т. Быченского выслать судно из Севастополя, чтобы вывезти из Черкесии князя Индар-оглу с семейством и других князей, искавших защиты от анапского

⁴¹ Там же. Ф. ГА II-3. Оп 34. Д. 6. Ч. 1 (1824–1829). Л. 245.

⁴² Там же. Ф. СПб ГА V-Б3. Оп. 181/7. Д. 232 (1827). Л. 245 с об.

⁴³ Там же. Л. 193. В документе перечислены адыгские племена.

⁴⁴ Там же. Л. 97 об.

⁴⁵ Там же. Л. 62.

⁴⁶ Там же. Л. 160.

паши. Это предприятие было отменено, поскольку Индар-оглу находился в Геленджике, а по берегам этой бухты «живёт народ, нам не приверженный», известный разбоем на больших гребных судах, что создавало угрозу подходу российского судна⁴⁷. Де Скасси удалось наладить отношения с натухайскими князьями. В 1827 г. руководитель Попечительства просил разрешения выдать Индар-оглу 7,5 тыс. рублей, который тот был должен выплатить за убийство двух своих врагов⁴⁸. Это было платой за оказанную ранее услугу – после того, как судно Де Скасси было разбито бурей у Кавказских берегов, люди Индар-оглу оказали помощь штурману Червякову и десяти членам команды, снабдив их всем необходимым. «Дело невероятное, – писал Кодинец, – чтобы черкесы столь благосклонно отнеслись к русским»⁴⁹. Анапский паша был крайне недоволен сближением черкесов с русскими; он считал, что русские привозят военные припасы для строительства крепостей. Турецкие муллы твердили, что под видом дружелюбия русские будут стараться посеять вражду и раздор, чтобы покорить местное население силой⁵⁰.

В 1826 г. Де Скасси встал на защиту горцев, подвергшихся разорению со стороны военного отряда, состоявшего в подчинении главноуправляющего Черноморским казачьим войском генерал-майора М.Г. Власова. Де Скасси утверждал, будто князья аула дружелюбно настроены к России, и действия русских военных могут подорвать мирное общежитие народов. Дело дошло до императора. На Кавказ был послан генерал-адъютант С.С. Стрекалов с заданием разобраться в ситуации. В результате было принято решение отстранить Власова от должности и возместить за его счёт убытки, понесённые натухайцами. На место Власова был назначен генерал-майор В.А. Сысоев из войска Донского, а 26 августа 1826 г. в Бугазе натухайскому князю Сагат-Гирею было выдано 10 тыс. рублей, взысканных с Власова⁵¹. Эта история имела продолжение: в 1831 г. Власов был оправдан по суду и потребовал вернуть ему деньги. Николай I официально помиловал генерал-майора Власова в феврале 1830 г.

Начало в 1821 г. Греческого восстания сузило средиземноморскую торговлю России. В 1825 г. Феодосийский градоначальник докладывал министру финансов о том, что с начала навигации в крымские порты не прибыло ни одного турецкого корабля и торговля не велась⁵². Ранее русско-турецкая торговля развивалась успешно, поэтому следовало надеяться на её возобновление после «совершенного прекращения греческих беспокойств»⁵³. Только 28 апреля 1827 г.

⁴⁷ Там же. Л.168 с об.

⁴⁸ Там же. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 6. Ч.1 (1824–1829). Л. 156 с об.

⁴⁹ Там же. Л. 39 с об.

⁵⁰ Там же. Л.13 об-14.

⁵¹ Там же. Л. 206 с об.; 237.

⁵² Там же. Ф. СПб ГА II-3. Оп. 34. Д. 4 (1825).

⁵³ Крым в развитии России... С. 312.

последовал указ Николая I Коллегии иностранных дел о восстановлении торговли с Черкесией. В нём говорилось: «Полагая, что учреждением сей торговли можно будет приучить горские народы к выгодам общежития и образованности и тем самым преодолеть их дикость и дух хищничества, дозволить принимать в Керчи и на Бугазе произведения их»⁵⁴. Принимавшиеся товары освобождались от пошлины на 10-летний срок. В Правительствующем Сенате был заслушан доклад Управляющего Министерством внутренних дел, который свидетельствовал о готовности порта в Керчи принимать товары из Черкесии; товары, поступавшие сухопутным путём, был готов принимать Бугаз. Для очищения товаров действовал карантин. В докладе говорилось, что товары должны быть «к выводу дозволенные», кроме золотой и серебряной монеты, запрещалось вывозить свинец, порох и холодное оружие.

На территории Черкесии торговля была меновой, ввоз денег и драгоценных металлов запрещался, и для ведения торговых операций учреждались меновые дворы в Керчи и Бугазе. Для закупки товаров и поддержания отношений с местным населением в шести населённых пунктах Кавказского побережья, имевших удобные бухты для подхода российских судов, постоянно находились российские комиссары, числившиеся на службе в Попечительстве керченской и бугазской торговли. Комиссаром в Пшаде был коллежский регистратор Тауш, в Геленджике – титулярный советник Люлье. Известно о деятельности в Черкесии титулярного советника А.Б. Ашика, сотника Вечеровского и переводчика К.И. Панतिकопейского. Есть упоминания о чиновнике Мольфино и письмоводителе Леонардо Лагорио. Комиссарам предписывалось наблюдать за обстановкой на вверенной им территории, контролировать количество заявленных в документах грузов, способствовать развитию торговли с местным населением и посылать в Попечительство отчёты о происходящем в округе.

В Черкесию ввозили шерсть, шёлк, железо и изделия из него, пряности, соль, ткани (ситец, холст, кисею, шёлк), нитки и пояса. Спросом пользовались изделия из выделанной кожи (сафьян, сапоги) и разнообразные изделия из железа – иголки, стремена, подковы. Вывозили с Кавказского побережья невыделанные шкуры рыси, белки, волка, мёд, воск, буквое дерево (Пейсонель 1927: 25). В Крыму, где проживало много татар, ценились кавказские лошади, в большом количестве привозимые из Черкесии.

Основную часть вывоза в Черкесию составляла соль, добытая на крымских солончаках. В марте 1824 г. Государственный совет утвердил введение вольной продажи соли с оговоркой, что все партии добытой в Крыму соли должны иметь сертификат о происхождении. Пошлина на вывозимую соль в размере 15 коп. с пуда должна была взиматься в таможне Крымского полуострова⁵⁵. Исключение

⁵⁴ Там же. С. 320.

⁵⁵ Крым в развитии России... С. 298.

делалось лишь для соли, поставляемой в Одессу. Существовали специальные шкалы обмена – например, пуд соли можно было поменять на 50 пудов воска. Ввоз иностранной соли на черноморское побережье России был законодательно запрещён⁵⁶.

Ежегодно в Министерство иностранных дел предоставлялись ведомости о торговле с черкесами и абазинцами. Так, в 1822 г. к Кавказскому берегу из Керчи было послано три судна, в 1823 – 10, а в 1825 – семь судов. Суда, нагруженные солью и железом, были отправлены в Геленджик, Пшад, Суджук-Кале и Тду. Грузы принадлежали бахчисарайским, херсонским, измаильским и керченским купцам. В обмен получали рожь, кукурузу, воск, мёд, дубовые доски, ячмень, орехи⁵⁷.

На Кавказ было запрещено ввозить оружие, в том числе холодное, а также порох и ядра. Поставка этих товаров началась задолго до вхождения Северного Причерноморья в состав России. В 1826 г. керченский полицмейстер жаловался на то, что местные купцы провозят в Черкесию запрещённый товар⁵⁸. Российский посланник в Константинополе А.И. Рибопьер получал уведомления о том, что в Анапу из Турции прибывают суда с порохом и пушками, а на одном из судов находилось 300 вооружённых турок⁵⁹. В донесении подчёркивалось, что такие поставки особенно опасны на фоне войны России с Персией.

Следовало иметь в виду, что к тому времени осложнились отношения с Османской империей в связи с невыполнением последней обязательств Аккерманской конвенции 1826 г. Уже весной 1827 г. в секретном донесении командующего в войске Черноморском в Попечительство керченской и бугазской торговли сообщалось об имевшихся сведениях относительно намерения турок напасть «на пределы наши», что подтверждал и командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Г.А. Эммануэль⁶⁰. Напряжённость ощущалась и в торговых делах. Осенью 1827 г. инспектор Керченского портового карантина интересовался, не будет ли представлять опасность для российских торговых судов плавание к берегам Черкесии – в Пшад, Геленджик и Суджук-Кале⁶¹? К тому времени были уже приостановлены торговые операции с Константинополем на судах под российским флагом, но каботажные суда ждали в Керчи своего отправления в Черкесию. Так, судно «Св. Николай» (шкипер Антон Болдырев) окончило 11 ноября погрузку российских товаров и ждало отплытия в Бухор. Керченская таможня испрашивала разрешения на отправление «Св. Николая», имея в виду, что Бухор находится на территории Турции, вблизи Анапы⁶².

⁵⁶ Там же. С. 300.

⁵⁷ *АВПРИ*. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 6. Ч.1 (1824-1829). Л. 9;; Л. 70; Л. 151.

⁵⁸ *АВПРИ*. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 188. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Д. 241. Л. 5-9.

⁶⁰ Там же. Д. 232. Л. 14.

⁶¹ Там же. Д. 229. Л. 5.

⁶² Там же. Л. 2 с об.

Непосредственно перед началом русско-турецкой войны российские власти предпринимали определённые меры для удержания черкесского населения в мире. 27 февраля 1828 г. последовало предписание генерал-лейтенанта Г.А. Эммануэля комиссарам, имевшим связи с местным населением, довести до сведения жителей причерноморской линии, что в случае разрыва отношений между Россией и Турцией соблюдение спокойствия гарантирует им помощь со стороны российских войск.

Работорговля и «кавказские пленники»

Проблема взаимоотношений России с горскими народами Северного Кавказа включала в себя несколько аспектов: политические отношения с черкесами, установление и поддержание торговых связей, контрабандная поставка горцам вооружения турками и англичанами, а также широко распространённая работорговля между Черкесией и турецкими городами, которая для горских народов была самой прибыльной статьёй сбыта. Для российских властей это было неприемлемо, что зафиксировано в документах. В 1805 г. вышел указ о том, что жертвы работорговли, оказавшись на российской земле, получают свободу. Российские власти в Крыму и на всей территории Новороссийской губернии действовали в соответствии с данным указом, считая работорговлю «постыдным и бесчеловечным торгом»⁶³. Когда осенью 1817 г. турецкий корабль «Шайка» с невольниками вынужден был искать защиты от непогоды в Феодосийском порту, градоначальник С.А. Санковский приказал освободить 60 невольников с берегов Абхазии. Владелец судна Али Мустафа, «быв лишён ожидаемых выгод», в продолжении пути в Константинополь «изыскивал средства каким-либо образом заменить потерянный им выигрыш» и жаловался Порте, в результате чего Александр I распорядился выплатить турецким купцам 120 тыс. пиастров в порядке возмещения убытков⁶⁴. 27 ноября 1826 г. феодосийский градоначальник сообщал о том, что к Севастопольскому порту непогодой занесло турецкое судно «Имбрик», плывшее из Анапы в Константинополь. На борту находились более 100 пленных женщин-черкешенок, которые за свою красоту особенно ценились на невольничьих рынках Турции (Пейсонель 1929: 27). В Севастополь для расследования происшествия был направлен С.А. Санковский. Однако невольницы, назначенные для продажи в Константинополе, отказались от предоставленной им свободы и выразили намерение продолжить плавание. По результатам проведённого следствия выяснилось, что на свободу хотят выйти двое пленных австрийцев, «русская девка Марья и две малолетних татарки»⁶⁵. Бытовало мнение, что в Турции невольникам с Кавказа открываются воз-

⁶³ Крым в развитии России... С. 275

⁶⁴ Там же. С. 316.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-БЗ. Оп. 181/7. Д. 162.

возможности для устройства своей судьбы, тем более что не все невольники были украдены – многие семьи продавали туркам девушек и детей, получая за них значительные суммы. Об этом случае К.В. Нессельроде специально докладывал российскому императору, ссылаясь на прецедент, имевший место в правление Александра I, когда за освобождённых рабов российское правительство выплачивало деньги их хозяевам. Другой стороной вопроса была судьба «кавказских пленников» – этот расхожий термин бытовал в прессе и в художественной литературе. Сообщения о захватах судов горскими народами поступали регулярно. Экипажи захваченных черкесами торговых и крейсерских судов становились рабами и зачастую увозились далеко в горы. Весной 1827 г. на берег Чёрного моря ниже крепости Анапы непогодой было выброшено два российских судна. Одно, купеческое, шло из турецких владений с балластом, на втором находился груз пороха и свинца. В команде числились двое офицеров, пятеро пассажиров и пятьдесят пять рядовых солдат. На транспорте «Ревнитель», шедшем из Севастополя в Керчь и бурей занесённом к Анапе, находилось 40 человек команды и трое офицеров под командованием лейтенанта Талаева⁶⁶. В 1822 г. черкесы захватили судно «Рафаэль», а в 1824 г. – «Илья Пророк»⁶⁷. В отличие от этих ситуаций, при крушении российских судов у азиатских берегов Турции потерпевшим не угрожали плен и рабство. Так, судно «Всех Святых» с 7 тыс. пудов соли на борту вышло из Евпатории в Бердянск, но, занесённое бурей к азиатскому берегу Чёрного моря, разбилось в ночь с 24 на 25 ноября 1844 г. близ Пендераклии⁶⁸. Судно было потеряно, однако выжившие семеро человек его экипажа были отправлены в Россию⁶⁹. В отличие Кавказского берега Чёрного моря, на территории Османской империи русских матросов в плен не брали.

Судьба пленных была незавидной; зачастую они попадали в далеких аулах. За пленников местные жители рассчитывали получить богатый выкуп. Нужно отдать должное российским властям, которые выделяли средства на выкуп и добивались освобождения пленных. А.Ф. Ланжерон писал 14 сентября 1822 г. Де Скасси «Прошу вас принять строгие меры для отыскания пленных» и выделил на выкуп 30 тыс. руб. Известно, что Де Скасси потратил на выкуп пленных 10 тыс. личных денег, которые были позже ему возмещены властями. Требование «избавления от неволи» предъявлял и князь М.С. Воронцов, заступивший в мае 1823 г. на пост Новороссийского генерал-губернатора. На подкуп осведомителей и плату черкесам выделялись специальные средства. В 1824 г. из черкесского плена был выкуплен экипаж русского судна: в списке выкупленных, составленном чиновниками Попечительства торговли, было шесть фамилий

⁶⁶ Там же. Д. 221. Л. 2-3.

⁶⁷ Там же. Д. 22 (1822); Д. 98 (1824).

⁶⁸ Крым в развитии России... С. 329.

⁶⁹ Там же. С. 330.

матросов и купцов, один из которых находился в плену 10 лет. Аналогичные сведения о выкупе пленных поступали в 1829 и 1831 гг.⁷⁰ В среднем на выкуп одного человека выделялось по 400–600 руб.

В плен захватывали не только российских подданных. В июле 1826 г. Воронцов писал Де Скасси, что к нему обратился неаполитанец Анджело Люте, который просил выкупить из правительственных сумм своего оказавшегося в плену зятя Викентιο Раджи⁷¹. Абазинцы запросили за освобождение Раджи 530 руб., поскольку тот заявил, что является персоной высокого происхождения; неаполитанский консул Серибаса выдал 375 руб., собранных по специальной подписке. Викентιο Реджи был не единственным итальянцем в черкесском плену. В 1827 г. из плена были выкуплены итальянцы Константин Кацеяшко и Антонио Валяло, в 1831 г. российские власти занимались выкупом австрийского подданного Георгия Симуновича⁷².

Вступая в 1828 г. в войну с Османской империей, российские власти объявили об отсутствии притязаний на турецкие территории на Балканах, однако ничего говорили об отказе от намерения завершить присоединение Кавказа. 12 июля 1828 г. морскими силами под командованием вице-адмирала С.К. Грейга была взята Анапа, и тем же летом – Ахалцих, Потти, Карс. Весь берег Чёрного моря от устья реки Кубани (в 30 верстах севернее Анапы) до пристани Св. Николая (южнее Потти, т.е. до Кобулети) вошёл в состав Российской империи «на вечные времена».

Турки не могли смириться с потерей кавказского побережья и распускали среди местного населения нелепые слухи о том, что Анапа, Потти и Сухум, по условиям Адрианопольского договора 1829 г., отошедшие к России, возвращены Османской империи. Они уверяли «горцев и черкесов» в том, что эти территории уступлены России всего лишь временно. Российские комиссары докладывали, что горские народы не расположены к России и согласны подчиниться властям только в том случае, если те от них будут требовать не больше, чем турки. Турецкие суда беспрестанно приходят в Геленджик, для турок открыты магазины, кофейные дома, строятся мечети – рапортовал из Керчи надворный советник Кодионец в Азиатский департамент. Командующий Черноморским флотом докладывал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову о частых поставках оружия к берегам Абхазии. Эти поставки продлевали сопротивление горских народов новой власти, заставляли держать в приморских крепостях крупные гарнизоны, провоцировали нападения на форты и вели к потерям российской стороны. В ответ на эти сообщения Меншиков распорядился производить крейсирование вдоль берегов. Для командиров крейсеров

⁷⁰ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-Б3. Оп.181/7. Д. 96 (1824), Д. 102 (1824), Д. 357 (1831), Д. 374 (1832).

⁷¹ Там же. Д.161 (1826).

⁷² Там же. Д. 224 (1827), Д. 364 (1831).

были составлены инструкции, следуя которым они могли допускать «по черноморскому восточному берегу нашему иностранные коммерческие суда только к двум пунктам: к Анапе и Редут-кале [совр. Кулеви], в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближаться оным запрещается».

После формального присоединения черноморского берега Кавказа к России в 1829 г. турецкие и английские суда стали привозить горцам много оружия. Англичане усилили разведывательную деятельность на море и на Кавказе. Широко известен Дэвид Уркварт, советник английского посольства в Константинополе, приложивший немало усилий для поддержания антирусского сопротивления на Кавказе. Не без его участия торговля с горскими народами терпела убытки после завершения войны. Меновые дворы не работали, в лучшем случае торговля шла вяло. Горцы, не подчинившиеся ранее туркам, не хотели подчиняться и России. В беседе российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго с Г. Пальмерстоном по поводу английской шхуны «Виксен», захваченной русскими моряками с грузом оружия для горских народов, Пальмерстон оспаривал право России на черноморское побережье на том основании, что Турция якобы не могла передать России то, чем не владела сама. Этот тезис на многие годы вперед был взят на вооружение европейскими пропагандистами и историками.

Расширение международной торговли в Керчи

Циркулярной нотой российского МИДа всем российским представителям за границей было объявлено, что с 1 августа 1827 г. Керченский порт готов при соблюдении санитарных правил принимать не запрещённые зарубежные товары после выплаты пошлины. Этот циркуляр получили российские представители в Париже, Турине, Мадриде, Флоренции, Брюсселе, Амстердаме, Лондоне, Генуе, Неаполе, Ливорно, Гамбурге, Лиссабоне, Бордо, Марселе, Франкфурте, Филадельфии, Триесте, Венеции, на Корфу и Мальте⁷³. Несмотря на внушительный список адресатов, это послание прежде всего адресовалось купцам средиземноморского бассейна, среди которых наиболее тесные торговые связи поддерживались с обитателями Турции и Леванта.

Главнейшими заведениями нового порта были таможня и карантин, где товары, «приемлющие заразу», подлежали очищению⁷⁴. Карантин играл важнейшую роль в предотвращении болезней и эпидемий. Ещё в 1803 г. российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский сообщал о «моровой язве», которая «вовсе не переводится» в турецкой столице. Речь шла о чуме, которая с большей или меньшей силой постоянно «тлела» на городских окраинах. Ита-

⁷³ Крым в развитии России.... С. 324.

⁷⁴ Там же. С. 320.

линский дал поручение управляющему Купеческой канцелярией миссии статскому советнику И.К. Фродингу выдавать специальные паспорта судам и пассажирам, следующим в черноморские порты. В этих паспортах прописывалось, в каком санитарном состоянии находится турецкая столица, где чума «простиралась», «усиливалась» или «уменьшалась»⁷⁵. На черноморском побережье Кавказа также периодически вспыхивала эта «заразительная болезнь». В 1826 г. по этой причине был введён запрет принимать товары из Черкесии в Керчи и на Бугазе⁷⁶. После присоединения Кавказского побережья к России в 1829 г. вышло постановление об учреждении карантинной заставы в Анапе⁷⁷.

Но и до официального открытия Керченского порта для иностранных купцов иностранные суда, следовавшие к портам Азовского моря, были обязаны перед отходом в Таганрог выдерживать шестидневный карантин. К примеру, 6 апреля 1823 г. к Керченскому карантинному порту прибыли австрийские суда «Бинино», «Одобрин», «Джерджионо» и английское судно «Св. Николай» с грузом лимонов, маслин, фиников, вина и апельсинов⁷⁸.

Крымская торговля набирала обороты. Керченский порт становился важнейшим для перевалки товаров из бассейна Азовского моря и в торговле с черноморским берегом Кавказа. Примечательно, что в 1829 г. А.С. Грейг направил на имя К.В. Нессельроде предложение открыть подписку для возведения в Херсонесе, близ Севастополя, православного храма. Храм предлагалось посвятить Св. Владимиру, а кроме того, здесь же предполагалось возвести памятник в честь принятия христианства⁷⁹. Монумены были призваны олицетворять власть России в Новороссии и в Крыму.

После заключения Адрианопольского мира 1829 г. и перехода кавказского побережья Чёрного моря в состав России отпала необходимость в существовании Попечительства торговли с черкесами и абазинцами. Нессельроде сообщил директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникину 29 октября 1829 г. об упразднении Попечительства и передаче руководства краем Комитету в составе тайного советника Энгеля, генерал-майора В.А. Перовского и директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Де Скасси был уволен с единовременной выплатой годового жалования. Временное исполнение его должностных обязанностей для принятия кассы, архива и всех дел Попечительства было возложено на его заместителя Кодинца. Было решено не требовать от Де Скасси выданных ему заимообразно сумм, поскольку он «первый открыл нам путь к враждебным горцам» и подвергся разорению своих судов и торговых

⁷⁵ Там же. С. 261.

⁷⁶ *АВПРИ*. Ф. СПб ГА V-Б3. Оп. 181/7. Д. 177 (1826), Д. 197 (1826).

⁷⁷ Там же. Д. 336 (1829).

⁷⁸ Крым в развитии России.... С. 295.

⁷⁹ Там же. С. 328.

заведений⁸⁰. Складывается впечатление, что в правительстве были недовольны деятельностью Де Скасси – он был игрок, масон, часто злоупотреблял доверием властей и действовал в свою пользу. Аудиторская проверка, проведённая после его отставки, выявила в Попечительстве злоупотребления и недостачу средств. Государственное казначейство запрашивало Азиатский департамент, стоит ли скостить попечителю эти деньги, как и выданные ранее «заимообразно» суммы⁸¹? С другой стороны, он основал в Керчи музей древностей и много способствовал собиранию его коллекции.

На заседании Комитета 23 марта 1830 г. обсуждалась судьба вновь присоединённых земель. По мнению членов Комитета, следовало наблюдать за горцами, вооружённой рукой наказывать за грабежи и разбой и, сохраняя «строгую правосудность», заставить их почувствовать все блага мира, порядка и просвещения. Местное население не должно было иметь контактов с турками и вообще «чужестранцами», а также «совершенно и навсегда» прекратить торг невольниками «к истинной славе России». Военным надлежало продолжить крейсирование вдоль черноморского побережья, возбраняющее иностранным судам приставать к берегам Чёрного моря. Молодых черкесов предлагалось направлять на обучение в российские города, а новые территории развивать посредством беспошлинной торговли и участия в ярмарках в Ставрополе и Нижнем Новгороде⁸². Эти благодушные мирные предложения были разбиты единственным письмом И.Ф. Паскевича управляющему МИД: действовать с черкесами только военным способом – занимать их территорию и строить укрепления, благо этот народ понимает только силу!⁸³ Мнение командующего совпадало с тем, что писал главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии А.П. Тормасов ещё в 1811 г.: чтобы склонить черкесов в подданство России, следует действовать силой оружия⁸⁴. История развития черноморского побережья и его вхождения в состав России показала справедливость суждений прославленных военачальников, не понаслышке знавших особенности взаимоотношений с горскими народами Кавказа. Особое значение получили их предложения строить новые укрепления на берегу и дорогу от Кубани до Риони.

Заключение

Черноморское побережье Кавказа имело большое стратегическое значение для укрепления военного и экономического влияния России в Черноморском регионе. Условия Адрианопольского мира по Кавказскому разграничению не

⁸⁰ *АВПРИ*. Ф. ГА II-3. Оп. 34. Д. 9 (1829-33). Л. 23, 27 об.

⁸¹ Там же. Д. 5 (1830-37). Л. 19.

⁸² Там же. Л. 69-75.

⁸³ Там же. Л. 77.

⁸⁴ Там же. Л. 2 об.

вызвали сопротивления турецкой стороны, но их исполнение было встречено неожиданным протестом населения восточного берега Чёрного моря, которое подогревали турецкие власти и английские агенты. Российским военным пришлось преодолевать это сопротивление местных князей.

Вхождение «черкесских» народов в состав России имело огромное значение для развития государственности на присоединённых территориях, но происходило оно отнюдь не гладко, привлекая внимание и прямое вмешательство европейских государств и Османской империи. Геостратегическая (или аквастратегическая, по определению В.В. Дегоева) ценность Черноморского региона оставалась неизменной и даже возросла с уходом турок, поскольку явная заинтересованность Англии в своём присутствии на Кавказе требовала от российских властей немедленного реагирования.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 339.5(470.6)“18”
Received: November 23, 2022
Accepted: March 10, 2023

Russian Black Sea Trade in Early 19th Century

E.P. Kudryavtseva
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-199-221](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-199-221)

Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences

Abstract: This research article examines the development of trade in Crimea and Novorossiia following their incorporation into Russia. In the early 19th century, the grain trade in these regions had yet to gain momentum due to their limited development. However, ports in Feodosia, Taganrog, and Odessa regularly received ships from Constantinople and the Greek islands, while the port of Sevastopol primarily served military purposes. In 1821, under the decree of Alexander I, a port was established in Kerch to serve as an outpost at the entrance to the Sea of Azov and initiate trade relations with the mountain peoples along the Caucasian coast of the Black Sea.

The Russian authorities faced challenges such as arms smuggling and the flourishing slave trade during this period. Establishing trade relations between Crimea and Circassia was intended to promote peaceful interactions with the inhabitants of the Caucasian coast. To facilitate this, the Stewardship of Trade with the Circassians and Abazians was established, regulating ship dispatch to the Caucasian coast and overseeing the operations of markets in Kerch and Bugaz. Relations with the highland communities proved difficult, as they frequently captured Russian ship crews and demanded ransoms. Even after the Treaty of Adrianople in 1829, when these territories became part of the Russian Empire, the local populations resisted submission to the new government, just as they had resisted the authority of the Turkish Sultan previously.

Keywords: trade, foreign policy, Black Sea, Caucasian coast, Crimea, highlanders.

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in department «Russia in international relations» in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianov, 19.

Conflict of interests:

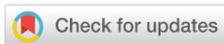
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Blijev M.M., Degoev V.V. 1994. *Kavkazskaja vojna* [The Caucasus War]. Moscow: Roset. 591 p. (In Russian).
- Borovoj S.J. 1962. Francija I vneshnepoliticheskiye operacii na Chernom more v poslednei treti XVIII – prvoj polovine XIX v. [France and Foreign Policy Operations in the Black Sea in the End of 18 – First Half of 19th Century]. *Francuzskij ezegodnik*. 1961. Moscow. P. 496–506. (In Russian).
- Dzidzariya G.A. 1960. *Prisoyedineniye Abkhazii k Rossii i yego istoricheskoye znachenije*. [Accession of Abkhazia to Russia and its Historical Significance]. Sukhumi. 272 p.
- Kudryavtseva E.P. 2010. *Russkije na Bosfore. Rossijskoje posolstvo v Konstantinopole v prvoj polovine XIX veka* [Russians on the Bosphorus. Russian Embassy in Constantinople in the First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russian).
- Kulisher I.M. 1923. *Istorija ruskoj trgovli* [The History of Russian Trade]. Petersburg: Tip. Kominterna. 328 p. (In Russian).
- Leyberov I.P. 1995. *Rossiya. Kavkaz. Abkhaziya*. [Leiberov I.P. Russia. Caucasus. Abkhazia]. Saint Petersburg. 95 p.
- Pejsonel M. 1927. *Isledovanije trgovli na cerkesko-abhazskom beregu Cernogo mora v 1750–1812 godah* [The Research of the Trade on Circassian-Abkhassian Board of the Black Sea in 1750–1812]. *Kavkazskij sbornik* [The Caucasus collection]. Krasnodar. (In Russian).
- Pozner M.V. 1895. *Istoricheskij obzor pravitelstvenih meroprijatij dla razvitija russkogo trgovogo morehodstva* [The Historical Review of the Governments Activity to Development of Russian Sea Trade]. Saint Petersburg. Tip. V.F. Kirshbaum. 369 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Блиев М.М., Дегоев. В.В. 1994. *Кавказская война*. Москва: Росет. 591 с.
- Боровой С.Я. 1962. Франция и внешнеторговые операции на Чёрном море в последней трети XVIII – начале XIX в. *Французский ежегодник*. 1961. Москва. С. 496–506.
- Дзидзария Г.А. 1960. *Присоединение Абхазии к России и его историческое значение*. Сухуми. 272 с.
- Кудрявцева Е.П. 2010. *Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века*. Москва: Наука. 348 с.
- Кулишер И.М. 1923. *История русской торговли*. Петербург: тип. Коминтерна. 328 с.
- Лейберов И.П. 1995. *Россия. Кавказ. Абхазия*. Санкт-Петербург. 95 с.
- Пейсонель М. 1927. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Чёрного моря в 1750–1812 годах. *Кавказский сборник*. Краснодар.
- Познер М.В. 1895. *Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства*. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума. 369 с.

Внешняя торговля России со странами ССАГПЗ: динамика, характеристики и возможности

Л.В. Шкваря

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

В статье проведён анализ внешнеторговых связей Российской Федерации с государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в XXI в. Развитие двусторонней торговли и в целом экономического сотрудничества с государствами Ближнего Востока, прежде всего аравийскими монархиями, мы рассматриваем как чрезвычайно важное современное направление активизации включения России в систему мирохозяйственных связей в условиях усиления антироссийских санкций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью для Российской Федерации в нынешней ситуации активизировать внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество с дружественными государствами. Исследование имеет теоретическую и практическую значимость для понимания особенностей, проблем и разработки направлений двусторонних торговых связей с государствами Персидского залива и их дальнейшего развития. Цель статьи – проанализировать современное состояние взаимной торговли Российской Федерации и стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг. и определить основные факторы, воздействующие на динамику и эффективность этой торговли. Установлено, что торгово-экономическое сотрудничество обеих сторон имеет устойчивую объективную основу в виде схожести и близости уровней экономического потенциала Российской Федерации и стран ССАГПЗ в совокупности (как субъекта хозяйствования) при наличии страновых особенностей. Экономические основы и взаимные выгоды сотрудничества остаются приоритетом развития взаимодействия сторон. Объёмы торговли как товарами, так и услугами устойчиво растут, особенно в последние пять – шесть лет, но они существенно дифференцированы по странам. Ведущим внешнеторговым партнёром России в ССАГПЗ остаются Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ). Торговля Российской Федерации с ОАЭ, как и с другими государствами Персидского залива, несбалансирована по торговым потокам, так как российский экспорт в аравийские монархии существенно превышает российский импорт из региона. Также нуждается в улучшении товарная структура двусторонней торговли, и для этого у стран имеются некоторые возможности. Их реализация даст шанс повысить эффективность торговли и экономики. По мнению автора, сторонам в перспективе стоит обратить внимание на развитие торговли в направлениях, которые могли бы содействовать дальнейшей диверсификации

УДК 339.5((470+571):536)

Поступила в редакцию: 24.03.2023

Принята к публикации: 28.05.2023

национальных экономик, формировании основ зелёной энергетики и других перспективных направлениях, а также продолжить работу над дальнейшим совершенствованием нормативно-правовой базы сотрудничества.

Анализ проведён на основе данных международной базы ЮНКТАД, что позволило сформулировать достоверные и обоснованные выводы. Для проведения исследования использовались методы: сравнительный, статистический, факторный анализ, а также исторический, институциональный, каузальный подход.

Ключевые слова: Российская Федерация; Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ); товарооборот; торгово-экономическое сотрудничество

Современная мировая трансформация, которую западные авторы скромно называют изменениями (Mckinney 2014), или переходным периодом (Spence 2022¹; Ethier 2001; Baylis et al. 2019), а отечественные – кризисом сложившегося после Второй мировой войны мирового порядка (Хасбулатов, Бяшарова 2019), порождает дальнейшие обороты глобальной нестабильности, которая складывается одновременно глубоким (фундаментальным) и разнонаправленным образом.

Во-первых, с начала XXI в. углубляется мировая экономическая неустойчивость, практически перерастающая в рецессию, что особенно заметно с 2008 г., причём периоды между спадами укорачиваются, как видно из рис. 1, а сами спады становятся всё более «рукотворными». Так, если в 2008 г. мировой кризис ещё можно было признать «объективным», то в 2014 и 2020 гг. замедление экономической динамики стало результатом экономической политики Запада.

Согласно МВФ, рост мировой экономики замедлился с 6,0% в 2021 г. до 3,2% в 2022 г. и составит 2,7% в 2023 г. Это самый слабый рост с 2001 г., за исключением мирового финансового кризиса и острой фазы пандемии COVID-19. При этом рост стран Ближнего Востока и Центральной Азии оценивается в 5% в 2022 г. против 4,5% в 2021 г., в том числе рост экономики Саудовской Аравии достигнет 7,6% в 2022 г. (самый высокий рост в мире) против 3,2% в 2021 г. Что касается России, то МВФ прогнозировал падение её ВВП в 2022 г. на 3,4% и ещё на 2,3% в 2023 г.² Росстат по итогам 2022 г. оценил уровень снижения ВВП России на 2,1%.³

¹ Spence M. 2022. The Global Economy in Transition. *The Jordan Times*. 09.07.2022. URL: <https://jordantimes.com/opinion/michael-spence/global-economy-transition> (accessed 15.04.2023).

² Confronting the crisis and the cost of living. October, 2022. *IMF*. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (accessed 15.04.2023).

³ Росстат представляет первую оценку ВВП за 2022 год. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/198546> (дата обращения: 15.04.2023)

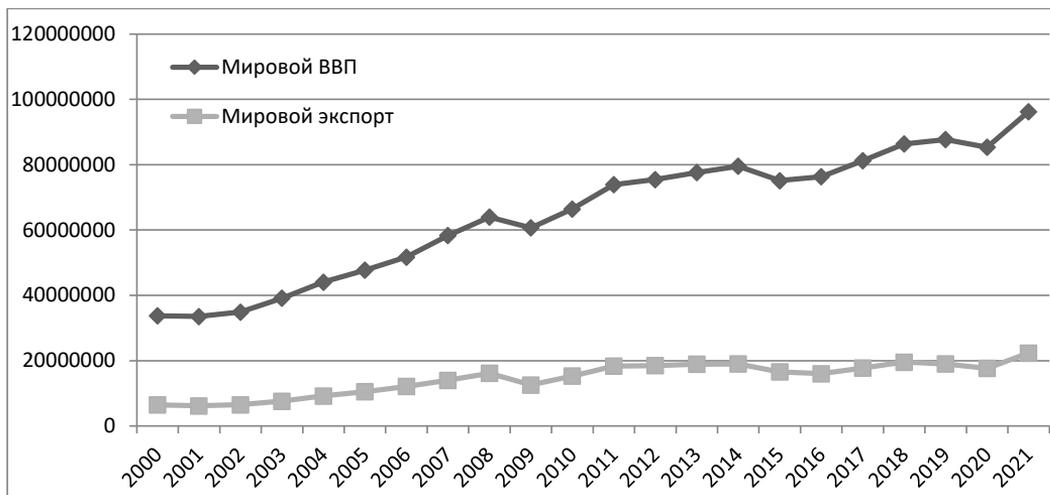

Рис. 1. Динамика мирового производства и мирового экспорта в 2000–2021 гг., млн долл. по текущему курсу

Fig. 1. Dynamics of world production and world exports in 2000–2021, USD million at the current exchange rate

Источник: составлено автором по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Агентство Bloomberg обнародовало прогноз, согласно которому в 2023 г. рост глобальной экономики составит всего 1,2%, что соответствует уровню 2008 г., притом экономика Европы, по мнению экспертов, вырастет лишь на 0,4%, а экономика США – на 1%⁴.

Во-вторых, всё активнее изменяется положение стран (групп стран, макро-регионов) в мировой экономике, которую отражает вклад их ВВП в мировой показатель и, соответственно, мировой страновой рейтинг.

Из рис. 2 видно, что наиболее «проблемным» макрорегионом по объёму производства ВВП и, главное, динамике данного показателя в последнее десятилетие, становится Европа, до недавнего времени традиционно бывшая основным внешнеторговым партнёром Российской Федерации, в противовес Азии, где ВВП растёт опережающими темпами.

⁴ The Global Recovery Is Sending Flares. 2022. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-09-11/the-global-recovery-is-sending-flares-is-anyone-watching> (accessed 15.04.2023).

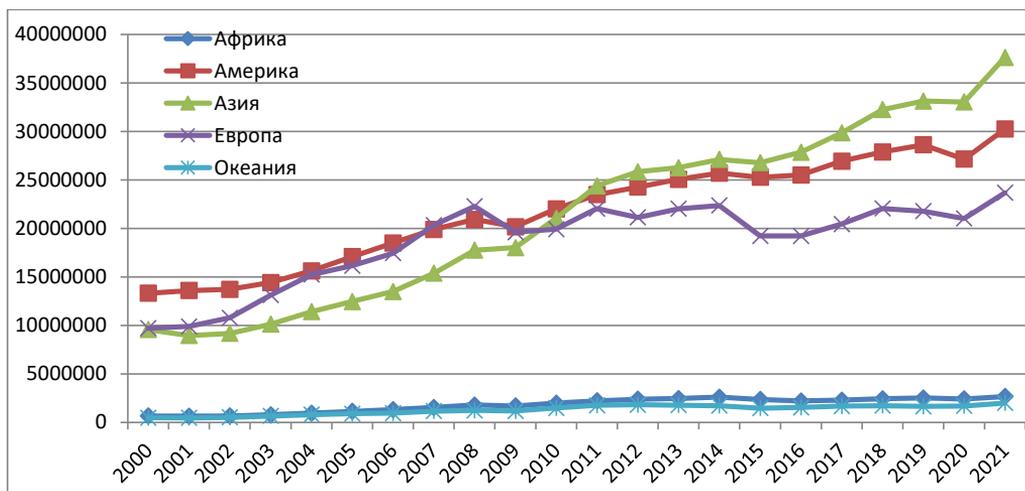

Рис. 2. Динамика производства ВВП основными макрорегионами мира в 2000–2021 гг., млн долл. по текущему курсу

Fig. 2. Dynamics of GDP production by the main macro-regions of the world in 2000–2021, million dollars at the current exchange rate

Источник: составлено автором по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Неким водоразделом здесь оказался 2008 г., когда страны Западной Европы поддержали США в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., и это обстоятельство, безусловно, заслуживает дополнительных и фундаментальных исследований.

В-третьих, происходят существенные (и зачастую искусственно создаваемые) колебания на ведущих мировых рынках, порождающие кризисные явления в различных отраслях мировой и страновых экономик (например, энергетический кризис), в гуманитарной сфере (продовольственный кризис), а политические решения зачастую ведут к разрушению производственно-логистических цепочек и имеют своей исключительной целью создание дополнительных конкурентных преимуществ на мировых рынках странам-инициаторам этих колебаний. Поэтому можно ожидать лишь дальнейшего усиления санкционного давления, торговых войн, аналогичных деструктивно воздействующих на мировую экономику западных решений и в целом нарастания нерыночных методов конкурентной борьбы.

Поэтому России и арабским странам, прежде всего ССАГПЗ, в условиях продолжающейся/нарастающей нестабильности важно обозначить и утвердить собственные приоритеты и векторы развития. Эти векторы формируются как в результате нынешних условий, так и исторически сложившихся, создававшихся на основе развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в различных сферах, и национальных стратегических задач (Федорченко 2017).

Для определения приоритетов, а также механизмов и инструментария, которые смогли бы обеспечить реализацию формирующихся задач, важно понимание тех возможностей, которые открываются перед странами в новых условиях. Среди них в качестве важнейшего направления активизации включения России в систему мирохозяйственных связей мы рассматриваем, в частности, развитие двусторонней торговли и в целом экономического сотрудничества РФ с государствами Ближнего Востока, прежде всего ССАГПЗ. Эта группа государств всё больше перемещается в фокус российского внимания, а отношения с ССАГПЗ традиционно формировались на принципах взаимного уважения и взаимной выгоды, основываются на верховенстве закона, а не установленных «правил» в отношениях между странами – на международном праве и в интересах как РФ, так и ССАГПЗ.

Таким образом, с учётом новых реалий актуализируется необходимость анализа динамики развития внешнеторговых отношений России и стран ССАГПЗ в XXI в. и выявление их современных особенностей, особенно если учесть, что Персидский залив остаётся важнейшим коммуникационным центром между тремя континентами – Азией, Африкой и Европой, обладает крупными транспортными артериями, страны данного региона отличаются развитой инфраструктурой и предсказуемыми условиями для ведения бизнеса.

Экономическая и торговая динамика России и ССАГПЗ

Социально-экономическое развитие России в XXI в. остаётся весьма противоречивым, что находит своё отражение в производстве ВВП, а также объёмах внешней торговли со всеми странами мира, включая и государства ССАГПЗ. После развала СССР в 1991 г., Российская Федерация входила по величине национальной экономики (стоимостному объёму ВВП) в топ-20, за исключением 1999 г. (23-е место) и 2000 г. (21-е место в мире), по данным ЮНКТАД. В 2021 г. Российская Федерация занимала 11-е место по величине произведённого ВВП, несмотря на сохраняющуюся значительную волатильность этого показателя (рис. 3).

Распад СССР привёл российскую экономику к серьёзному коллапсу, который, как показал опыт, усилила и ориентация её внешнеэкономических и торговых связей на Запад, во многом навязанная нашей стране (Хасбулатов, Бяшарова 2019). Мировой финансовый кризис 1998 г., инициированный в Индонезии, ускорил сокращение объёмов российской экономики. В результате в 1999 г. ВВП РФ в стоимостном выражении достиг исторического минимума (197 302,9 млн долл. США). С 2000 г. начался экономический рост, а в 2004–2014 гг. российская экономика благодаря этому росту превзошла ССАГПЗ, но с 2015 г., как видно из рис. 3, колеблется примерно на уровне совокупного ВВП ССАГПЗ.

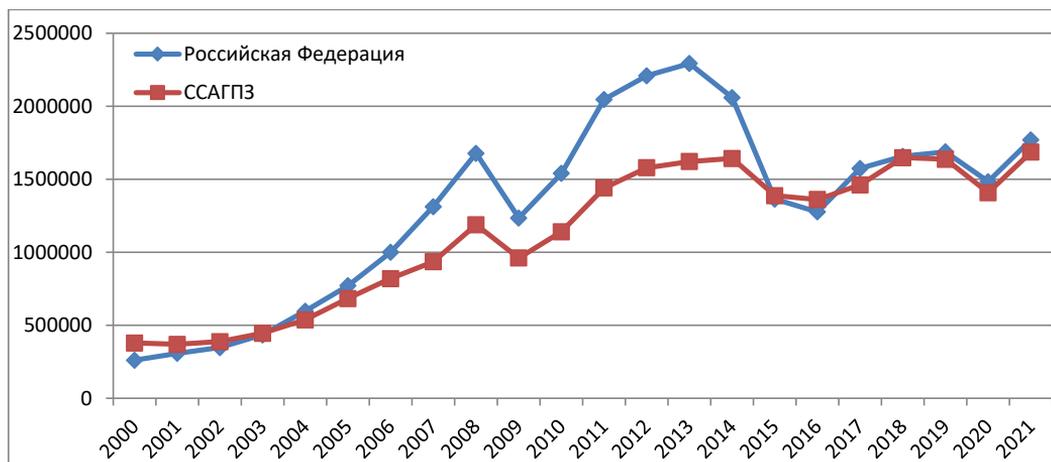

Рис. 3. Динамика ВВП Российской Федерации и совокупного ВВП стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., млн долл. США.

Fig. 3. Dynamics of the GDP of the Russian Federation and the total GDP of the GCC countries in 2000–2021, USD million.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Таким образом, как видно из рис. 3, ВВП РФ и совокупный ВВП стран ССАГПЗ сопоставимы и составляли в 2021 г. примерно 1,8% от мирового ВВП (казалось бы, немного; но события 2022 г. доказывают, что это совсем не так, и стратегические позиции обеих сторон на мировом рынке остаются неизменными), благодаря как минимум 40%-й доле индустриального сегмента в ВВП, а в РФ – ещё и сельскому хозяйству, обеспечивающему в целом потребности страны. Стоит отметить, что экономики и РФ, и ССАГПЗ достаточно быстро восстановились после глобальной пандемии COVID-19.

Основной причиной замедления экономического роста Российской Федерации стали введённые в 2014 г. против её национального хозяйства западными странами объёмные экономические санкции, направленные на ухудшение ситуации прежде всего в российском энергетическом секторе – ведущем сегменте экономики страны, а также во внешнеэкономической сфере. Усилиями западных «партнёров» была обрушена цена на нефть на мировом рынке, что непосредственно и очень негативно отразилось и на экономической и социальной сфере стран ССАГПЗ, которые также столкнулись с падением региональной экономики в 2015–2016 гг., хотя, конечно, и менее глубоко, чем в РФ, на фоне сокращения стоимостного объёма экспорта.

В то же время рис. 3 подтверждает, что как РФ, так и ССАГПЗ имеют много общего в векторах изменения экономической динамики, отличаясь лишь амплитудой. Эта ситуация позволяет говорить о том, что у стран сохраняется мно-

го общего в экономических системах, прежде всего в структурном плане, соответственно, и задачи, стоящие перед ними, близки (сходны), что увеличивает возможности их торгово-экономического сотрудничества.

Схожесть специализации РФ и ССАГПЗ, как и экономическая динамика и величина экономического потенциала обеих сторон, на наш взгляд, одновременно создаёт и стимулы, и ограничения для взаимной торговли. На рис. 4 представлена динамика внешнеторгового оборота РФ и ССАГПЗ (совокупного) со всеми странами мира в 1992–2021 гг., испытавшего, наряду с резким ростом, и серьёзное сокращение, особенно с 2014 г.

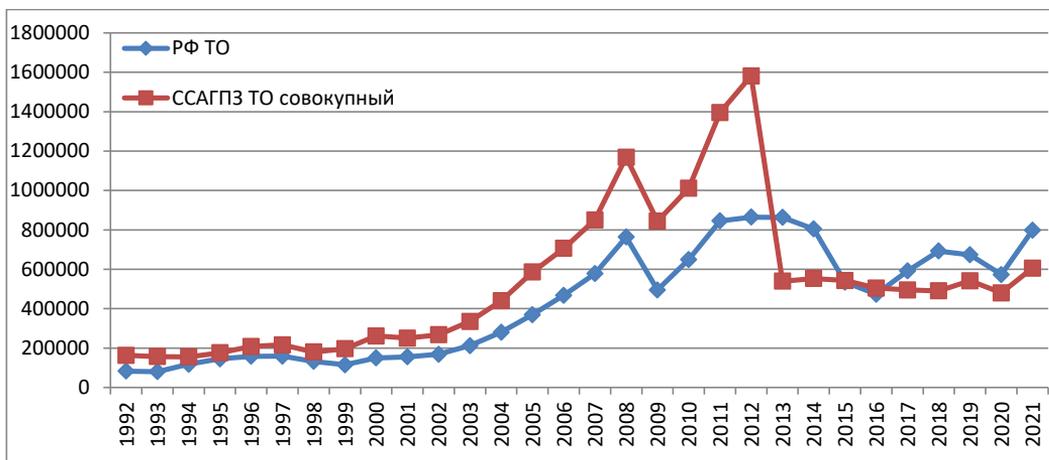

Рис. 4. Динамика внешнеторгового оборота РФ (ТО РФ) и ССАГПЗ (совокупного) со всеми внешнеторговыми партнёрами в 1992–2021 гг., млн долл. США.

Fig. 4. Dynamics of the foreign trade turnover of the Russian Federation (TO RF) and the GCC (aggregate) with all foreign trade partners in 1992–2021, USD million.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

На рис. 4 мы видим, что объёмы товарооборота РФ и ССАГПЗ со всеми странами мира в целом так же сопоставимы, как и объёмы экономик сторон. Но если показатели ВВП РФ превышали аналогичный уровень ССАГПЗ, то отечественный внешнеторговый оборот демонстрирует обратную динамику, главным образом, в силу негативного влияния санкций на РФ, что подтверждают и многочисленные отечественные исследования (Меланьина 2018; Подбиралина, Мигалева 2020).

Здесь, на наш взгляд, находит подтверждение вывод о том, что «Глобальная торговля стала средством эксплуатации слабых для усиления сильных. Неолиберальная глобальная торговля в её нынешнем виде не только несправедлива, но и неустойчива, поскольку передача богатства от бедных к богатым неустой-

чива. Неолиберальные заявления о справедливых преимуществах либерализации торговли для бедных стран мира как в центре, так и на периферии просто не подкрепляются фактами» (Hillman 2008).

Примером международных торговых потоков вне системы эксплуатации, по нашему мнению, выступает двусторонняя торговля между Россией и странами ССАГПЗ, хотя она и испытывает на себе негативное влияние неолиберальной системы глобальной торговли.

Российско-арабская торговля: общие тенденции

В связи с необходимостью решения всё более серьёзных социально-экономических задач, а также из-за неоднозначного (чтобы не сказать, откровенно негативного) влияния внешнего фактора, торгово-экономическое сотрудничество, и прежде всего, собственно товарная торговля, между РФ и странами ССАГПЗ развивается в XXI в. разнонаправленно – как в целом (рис. 5), так и по странам (рис. 6 и рис. 7).

Это был не самый простой период в жизни обеих сторон: он включал и события «арабской весны», и возвращение Крыма в состав Российской Федерации, западные санкции и ковидные ограничения, а также вызвавшую неодобрение в регионе российскую поддержку Сирии в 2012–2014 гг., что немедленно отразилось на объёмах двусторонней торговли (см. рис. 5).

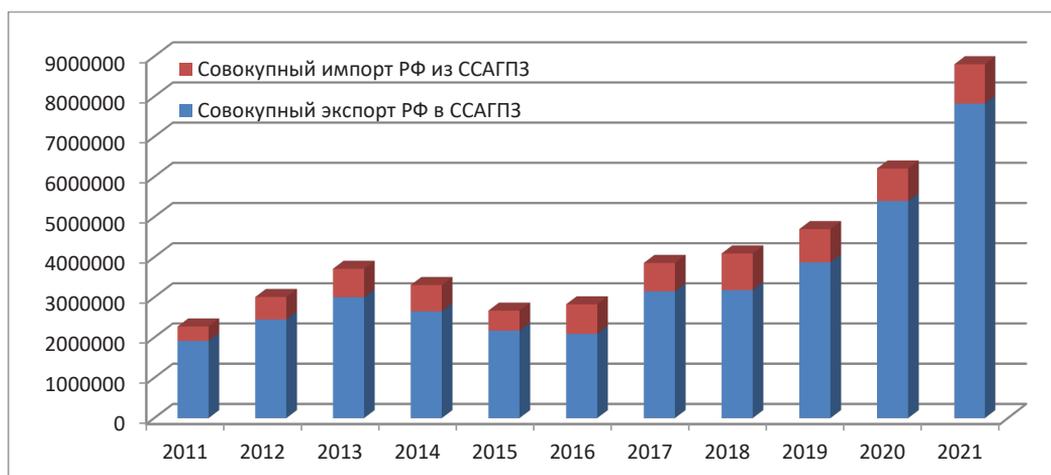

Рис. 5. Динамика совокупного экспорта и импорта Российской Федерации в ССАГПЗ в 2011–2021 гг., тыс. долл. США.

Fig. 5. Dynamics of total exports and imports of the Russian Federation to the GCC in 2011–2021, thousand US dollars.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Фактически контакты между РФ и ССАГПЗ начали ускоряться с 2008 г. и были направлены на установление стратегического диалога. В ноябре 2011 г. в Абу-Даби был подписан меморандум о взаимопонимании по стратегическому диалогу между РФ и ССАГПЗ⁵. Он стал организационной основой для проведения консультаций сторон по различным вопросам взаимодействия (Мелкумян и др. 2017).

Традиционно существует точка зрения, что торгово-экономические отношения РФ и ССАГПЗ формируются под влиянием прежде всего политических факторов со значительной государственной составляющей (Alqedra 2022). Сегодня, действительно, отмечается рост российского присутствия в регионе, трансформация отношений ССАГПЗ с РФ и США, а также с региональными игроками, в том числе в рамках ССАГПЗ (Шкваря 2020), в целом изменение видения ССАГПЗ и РФ в сфере внешней политики. Однако, на наш взгляд, немаловажный вклад в развитие этого партнёрства традиционно сохраняет и экономическая компонента (Шкваря 2010), роль которой в последнее пятилетие существенно укрепились.

С 2014 г. стороны подписали ряд договоров, соглашений и меморандумов, направленных на развитие и укрепление двусторонних торгово-экономических связей. Среди них можно отметить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Бахрейн о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 29 апреля 2014 г. (ратифицировано Федеральным законом от 23.11.2015 №309-ФЗ, вступило в силу 25 декабря 2015 г.); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединённых Арабских Эмиратов о научно-технической и производственной кооперации компаний (предприятий) гражданских отраслей промышленности от 17 декабря 2017 г. (вступило в силу 4 июля 2018 г.); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Катар о военно-техническом сотрудничестве от 25 октября 2017 г. (вступило в силу 18 июня 2019 г.)⁶. В 2018 г. Президент России Владимир Путин и наследный принц Абу-Даби Мухаммед бен Заид аль-Нахайян подписали Декларацию о стратегическом партнёрстве между странами в сферах экономики, политики, безопасности и культуры⁷. РФ и Саудовская Аравия подписали только в 2019 г. 21 документ единовременно. При этом стоит отметить, что ФТС России не заключал пока соглашений и международных договоров с государствами ССАГПЗ.

⁵ Меморандум о взаимопонимании по стратегическому диалогу между Российской Федерацией и государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Абу-Даби, 1 ноября 2011 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovetsotrudnicestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-ssagpz-/1742203/ (accessed 15.04.2023).

⁶ Международные договоры Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/international> (дата обращения: 15.04.2023)

⁷ Декларация о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5309> (дата обращения: 15.04.2023).

Встречи на высшем уровне в последние пять – шесть лет также демонстрируют позитивный настрой на сотрудничество. Короли и эмиры, а также президент ОАЭ посещали Россию, а Президент РФ – страны ССАГПЗ. В 2018 г. Россия и Катар проводили перекрёстный Год культуры. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) сотрудничает с эмиратским фондом национального благосостояния Mubadala Petroleum по ряду проектов, включая разработку сибирских нефтяных месторождений⁸. Очень активно развивается политический диалог в рамках ЛАГ, ОПЕК+. Когда в марте 2022 г. цены на нефть поднялись до 130 долларов за баррель, лидеры Саудовской Аравии и других стран Персидского залива отклонили просьбы лидеров США и ЕС увеличить добычу нефти, чтобы ослабить давление на мировую экономику и помочь обуздать инфляцию⁹. Конечно, между странами ССАГПЗ и Россией сохраняются определённые разногласия, но в целом сегодняшний уровень взаимодействия можно оценивать как весьма высокий.

Но страны ССАГПЗ (стороны) остаются прагматичными в экономической сфере. Формирующаяся тенденция в сфере взаимной торговли также подтверждает растущую значимость рынка ССАГПЗ для РФ в сложившихся условиях на фоне изменения направления внешнеторговых потоков России и сокращения торговли с ЕС. Об этом свидетельствуют международные статистические данные и научные исследования многих российских авторов (зарубежных исследователей, как показывает анализ имеющейся научной литературы, не интересуют этот сегмент мировой торговли). Однако доля экспорта в ССАГПЗ в совокупности в общем объёме стоимостного экспорта РФ во все страны мира составила в 2021 г. лишь 1,58%, а импорта, соответственно, 0,3%. Для справки: в 2011 г. экспорт РФ в ССАГПЗ составлял 0,37% от общего объёма российского экспорта, а импорт, соответственно, 0,1%.

Таким образом, российский экспорт в ССАГПЗ за 10 лет вырос с 1 917 590 тыс. долл. США в 2011 г. до 7 823 942 тыс. долл. США в 2021 г., т.е. в четыре раза. Совокупный импорт РФ из стран ССАГПЗ увеличился за исследуемый период с 356 796,9 тыс. долл. в 2000 г. до 979 121,3 тыс. долларов в 2021 г., т.е. в 2,7 раза. Таким образом, российский экспорт в ССАГПЗ рос опережающими темпами. Он по стоимостному объёму существенно выше импорта, который составляет в среднем порядка 18% от общего объёма товарооборота. Соответственно, внешнеторговый баланс традиционно складывается в пользу РФ. Из этого мы можем сделать промежуточный вывод о том, что структура торговли несбалан-

⁸ Mason R. 2021. Russia and the UAE: Monetization, Economization, and Militarization in the Gulf and Red Sea. *The Arab Gulf States Institute in Washington*. URL: <https://agsiw.org/russia-and-the-uae-monetization-economization-and-militarization-in-the-gulf-and-red-sea/> (accessed 15.04.2023).

⁹ Weiss A.S., Alexander-Greene J. 2022. What's Driving Russia's Opportunistic Inroads with Saudi Arabia and the Gulf Arabs. *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/10/05/what-s-driving-russia-s-opportunistic-inroads-with-saudi-arabia-and-gulf-arabs-pub-88099> (accessed 15.04.2023).

сирована по товарным потокам, что можно рассматривать как недостаток сложившихся торговых отношений. Правда, можно напомнить, что торговля РФ с зарубежными странами традиционно сохраняет положительное сальдо внешнеторгового баланса с большинством внешнеторговых партнёров, впрочем, как и торговля стран ССАГПЗ. Но двусторонний товарооборот имеет существенные особенности по товарной структуре, как будет показано ниже.

Ещё один напрашивающийся вывод заключается в том, что экспорт и импорт РФ в торговле с ССАГПЗ существенно дифференцирован и по странам, и по годам (рис. 6 и 7), его динамика неустойчива и неравномерна, и даже в какой-то мере непредсказуема.

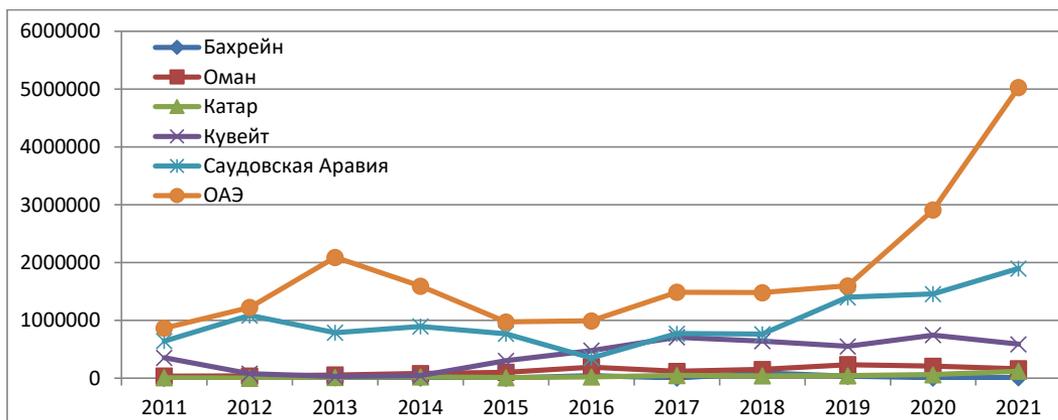

Рис. 6. Динамика экспорта Российской Федерации в страны ССАГПЗ в 2000–2021 гг., тыс. долл. США.

Fig. 6. Dynamics of exports of the Russian Federation to the GCC countries in 2000–2021, thousand US dollars.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Представляется, что на эту динамику влияют, в том числе (а, возможно, преимущественно), и внешние факторы, так как в 2014 г. мы видим падение и экспорта, и импорта РФ в страны ССАГПЗ.

Так, экспорт РФ в ССАГПЗ сократился в 2014 г. на 10% и в 2015 г. – на 19,3% с последующим его ростом на 5,9% в 2016 г. и 36,5% в 2017 г. Стоит отметить, что за 2016–2021 гг. товарооборот РФ и ССАГПЗ увеличился на 5 976 446 тыс. долл. США, или на 311,4%. Даже в 2020 г., когда мировое производство и мировой товарооборот сократились на 2,7% и на 2,8% соответственно, сократилось также производство ВВП в РФ и странах ССАГПЗ (в совокупности) соответственно на 12,1% и 14%, тем не менее между РФ и ССАГПЗ был зафиксирован рост товарооборота на 32% и на 30% в 2021 г. Вопрос только в том, насколько это устойчивая тенденция.

Как видно из рис. 6 и 7, крупнейшим торговым партнёром Российской Федерации в ССАГПЗ остаются ОАЭ, 2-е и 3-е место занимают, соответственно, Королевство Саудовская Аравия и Кувейт.

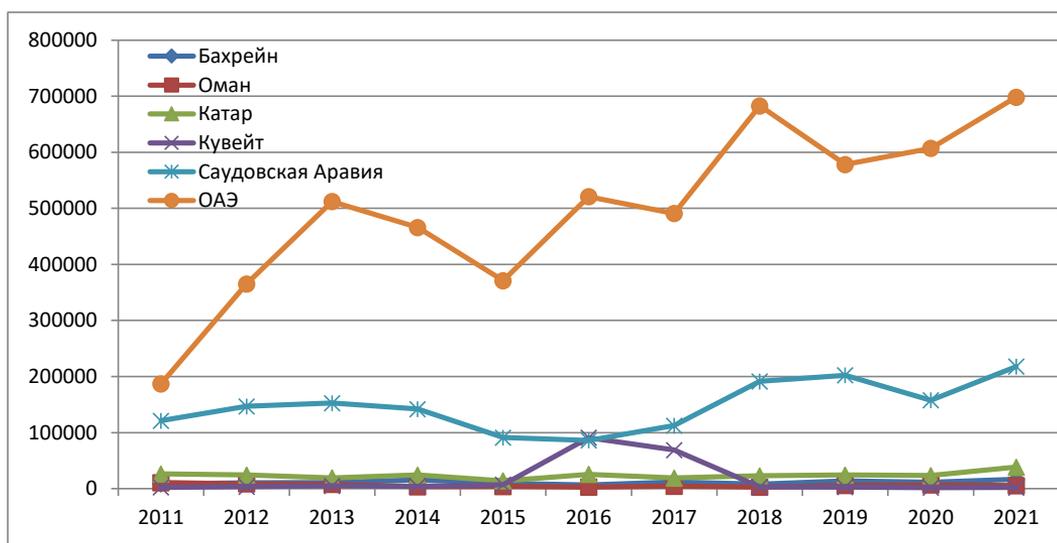

Рис. 7. Импорт РФ из стран ССАГПЗ в 2000–2021 гг., тыс. долл. США.

Fig. 7. Imports of the Russian Federation from the GCC countries in 2000–2021, thousand US dollars.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Доля ОАЭ в 2021 г. достигала 64,3% российского экспорта в ССАГПЗ (совокупного), и 71,3% совокупного российского импорта из ССАГПЗ. Для справки: в 2011 г., соответственно, 45,3% (экспорт) и 52,4% (импорт). Из вышесказанного следует, что рост товарооборота РФ и ССАГПЗ происходит главным образом, если не исключительно, за счёт развития российско-эмиратской двусторонней торговли. С другой стороны, стоит отметить, что ССАГПЗ – это таможенный союз, поэтому поступление товара из Эмиратов не означает автоматически, что именно там он и произведён. Кроме того, ОАЭ – крупный реэкспортный и финансовый центр (не говоря уже о туризме), что также накладывает определённый отпечаток на взаимную торговлю РФ и ОАЭ.

Торговля услугами Российской Федерации со странами ССАГПЗ существенно отстаёт от товарной торговли по стоимостному объёму, хотя и демонстрирует впечатляющий рост в целом; она весьма дифференцирована по величине экспорта российских услуг в отдельные страны региона и совершенно несбалансирована по экспортно-импортным потокам, так как импорт услуг в Россию из стран ССАГПЗ практически отсутствует (табл. 1).

Таблица 1. Динамика торговли услугами между РФ и странами ССАГПЗ в 2009–2020 гг., млн долл.

Table 1. Dynamics of trade in services between the Russian Federation and the GCC countries in 2009–2020, USD million

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт услуг из РФ в страны ССАГПЗ												
Бахрейн	0,6	1,1	1,1	1,1	2,3	1,9	3,2	4,3	3,7	5,8	23,1	25
Кувейт	1	1	3	2	1	1	2	2	4	10	14	19,7
Оман	1	0	1	2	4	4	4	2	1	2	5	2,33
Катар	6	6	7	10	10	13	18	22	26	55	57	36,3
С.Аравия	25	6	5	4	10	18	8	3	8	11	20	16,6
ОАЭ	417	302	526	563	676	625	656	728	1020	1263	1366	976
Всего	450,6	316,1	543,1	582,1	703,3	662,9	691,2	761,3	1062,7	1346,8	1485,1	1075,93
Импорт РФ из ССАГПЗ												
Бахрейн	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	2	0
Кувейт	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Оман	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	5	0
Катар	2	3	3	4	5	3	1	1	3	6	12	0
С.Аравия	1	1	1	1	1	1	4	3	2	2	3	0
ОАЭ	82	111	118	163	173	125	92	77	132	133	208	0
	85	115	122	168	179	129	97	82	139	143	230	0

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Наиболее впечатляющим образом вырос экспорт российских услуг в Бахрейн, но и в сфере торговли услугами сохраняется ведущая роль ОАЭ по доле в общем показателе. В частности, ОАЭ остаются, особенно с 2022 г., одним из основных туристических направлений для граждан РФ и центров финансовых услуг. Растёт число предпринимателей и профессионалов, которые переезжают в ОАЭ, приобретают там недвижимость, открывают счета и выводят из ЕС свой бизнес именно в эту страну.

Поэтому представляется целесообразным проанализировать взаимную торговлю Российской Федерации и Объединённых Арабских Эмиратов.

РФ – ОАЭ: развитие двусторонней торговли

Торговля России и ОАЭ устойчиво развивается, за исключением 2014–2015 гг. С 2011 г. до 2021 г. рост взаимного товарооборота составил 542%, т.е. в стоимостном выражении он вырос более чем в пять раз при опережающем росте российского экспорта (5787%) над импортом из ОАЭ (373,3%). И это не удивительно, если учесть, что экспорт РФ в ОАЭ составляет более 80% двустороннего товарооборота (в 2021 г. – 87,8%) (см. рис. 8). Т.е. позиции ОАЭ в рос-

сийской внешней торговле улучшаются, значимость ОАЭ как внешнеторгового партнёра для РФ устойчиво растёт как раз с 2015 г., после введения западными «партнёрами» экономических антироссийских санкций.

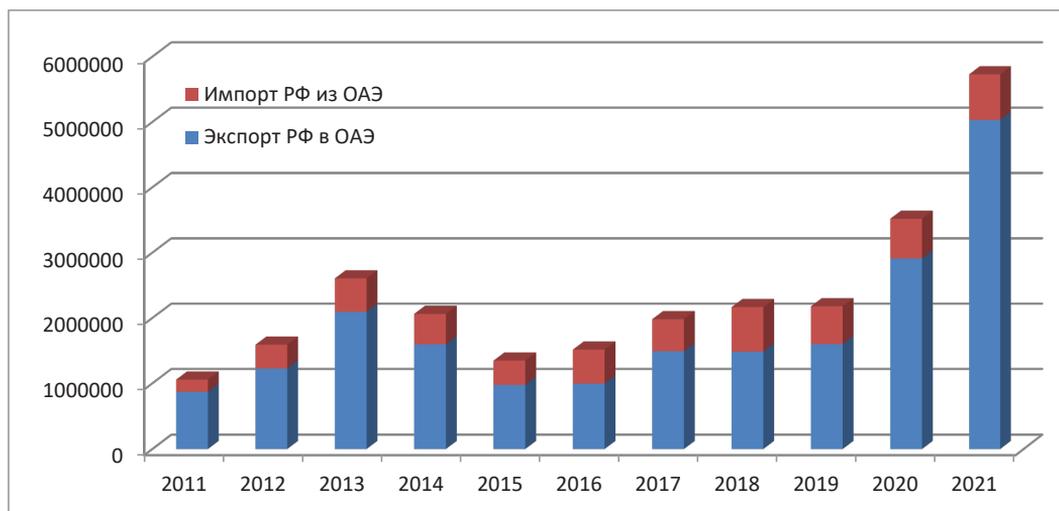

Рис. 8. Экспорт и импорт РФ из стран ОАЭ в 2011–2021 гг., тыс. долл. США.

Fig. 8. Export and import of the Russian Federation from the UAE countries in 2011–2021, thousand US dollars.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

В 2020 г. стоимостной объём взаимного товарооборота между РФ и ОАЭ достиг 3,27 млрд долл., продемонстрировав рост на 78% по сравнению с предыдущим годом, несмотря на глобальную пандемию. В 2021 г. товарооборот РФ и ОАЭ вырос на 64,34% и достиг 5,4 млрд долл., увеличившись на 2,1 млрд долл. относительно 2020 г. В том числе российский экспорт в ОАЭ составил в 2021 г. 5,086 млрд долл. (+ 74,52%, или 2,2 млрд долл.), а отечественный импорт, напротив того, сократился на 20,71%, достигнув лишь 0,276 млрд долл. (–72,2 млн долл.). В результате относительно 2020 г. торговый баланс в 2021 г. вырос на 87,47%, или 2,2 млрд долл. Согласно российской таможенной статистике, доля ОАЭ во внешнеторговом обороте России в 2021 г. составила 0,68% против 0,57% в 2020 г. По доле в российском товарообороте в 2021 г. ОАЭ заняли 28-е место (в 2020 г. – 31-е место). Доля ОАЭ в экспорте России в 2021 г. составила 1,03% против 0,87% в 2020 г. По доле в российском экспорте в 2021 г. ОАЭ заняли 21-е место (в 2020 г. – 23-е место). Доля ОАЭ в импорте России в 2021 г. составила 0,09% против 0,15% в 2020 г. По доле в российском импорте в 2021 г. ОАЭ заняли 71-е место (в 2020 г. – 63-е место)¹⁰.

¹⁰ Торговля между Россией и ОАЭ в 2021 г. *Внешняя торговля России*. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiyey-i-oae-obedinennymi-arabskimi-emiratami-v-2021-g/> (дата обращения: 15.04.2023).

По итогам 2021 г. ОАЭ заняли 1-е место среди ближневосточных стран по товарообороту с Россией, впервые обогнав исторического лидера в этой области — Египет, и это обстоятельство российские исследователи рассматривают как прямой результат действия антироссийских санкций (Байназаров 2022). Глава Российско-эмиратского делового совета Сергей Горьков заявил газете «Известия», что ОАЭ стали «окном для возможного сотрудничества в условиях санкций», и мы с этим можем полностью согласиться. Но в 2022 г. рост товарооборота в торговле товарами между Россией и ОАЭ ожидался лишь на 10%, по мнению А. Терёхина, торгпред РФ в Эмиратах¹¹, что меньше результатов двух предыдущих лет.

Стоит отметить, что, по данным ВТО, в 2022 г. мировая торговля выросла на 2,7%¹² вместо прогнозировавшихся ранее 4,7% (World Trade Report 2022). По данным Минпромторга РФ, в 2022 г. товарооборот Российской Федерации и ОАЭ достиг рекордного показателя в 9 млрд долл. США (+68% относительно уровня 2021 г.), причём этот рост обеспечивался главным образом за счёт экспорта РФ (+71% за год)¹³. Также отмечается резкий рост присутствия российского бизнеса в ОАЭ.

Структура экспорта и импорта РФ в/из ОАЭ представлена на рис. 9 и 10, и она весьма примечательна. Как видно из рис. 9 и 10, товарная структура взаимной торговли РФ и ОАЭ практически диаметрально противоположная («зеркально отображённая»), в том числе и по конкретным видам товаров.

Сырьевые товары российского экспорта представлены такими позициями, как минеральное топливо (все его составляющие), на долю которых в 2021 г. приходилось свыше 39% экспорта; драгоценные металлы и камни (31,4% от общего объёма экспорта), т.е. чуть меньше 1/3; на продовольствие и сельскохозяйственное сырьё приходилось чуть более 2%; прочее – руды различных металлов, древесина и т.д. По большей части отмечается рост экспорта основных товарных позиций из этого сегмента. По сравнению с 2011 г. сырьевой экспорт РФ в ОАЭ вырос в стоимостном выражении в 2021 г. в 11 раз, что не слишком выгодно для РФ. Промышленный экспорт РФ в ОАЭ вырос в 3,3 раза.

Промышленный российский экспорт включает в себя прежде всего машины, оборудование и транспортные средства (около 7% в 2021 г. от общего объёма экспорта, включая суда, лодки и другие плавсредства (плавучие конструкции)); электрические машины и оборудование; средства наземного транспорта, включая продукцию химической промышленности (6%); металлургии (4%).

¹¹ Russia-UAE trade turnover to grow 10% by end of year — Trade Representative. TACC. URL: <https://tass.com/economy/1537881> (дата обращения: 15.04.2023).

¹² World Trade Statistical Review 2022. 2023. World Trade Organization. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287053534> (дата обращения: 15.04.2023)

¹³ Товарооборот между Россией и ОАЭ достиг рекордной отметки. РИА «Новосту». URL: <https://ria.ru/20230220/tovarooborot-1853141554.html> (дата обращения: 15.04.2023).

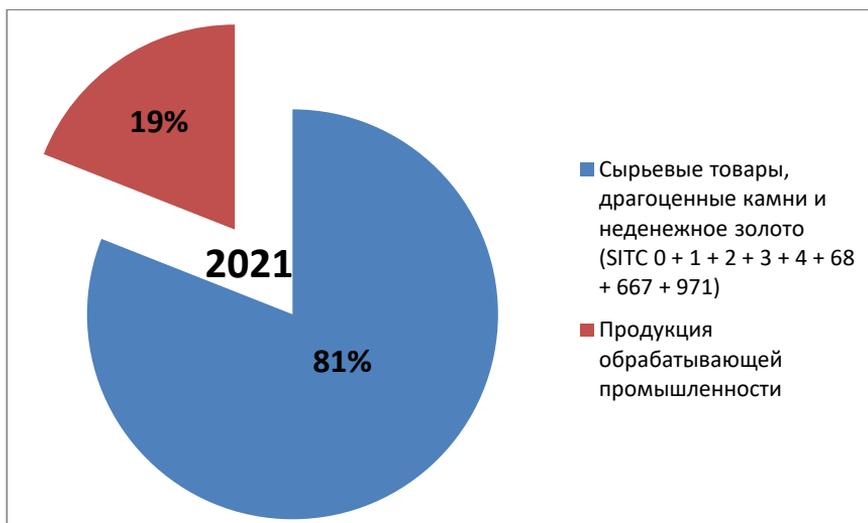

Рис. 9. Отраслевая структура российского экспорта в ОАЭ в 2021 г., % от общего объёма экспорта.

Fig. 9. Industry structure of Russian exports to the UAE in 2021, % of total exports.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

Российский импорт из ОАЭ, как видно на рис. 10, составляют главным образом промышленные товары.

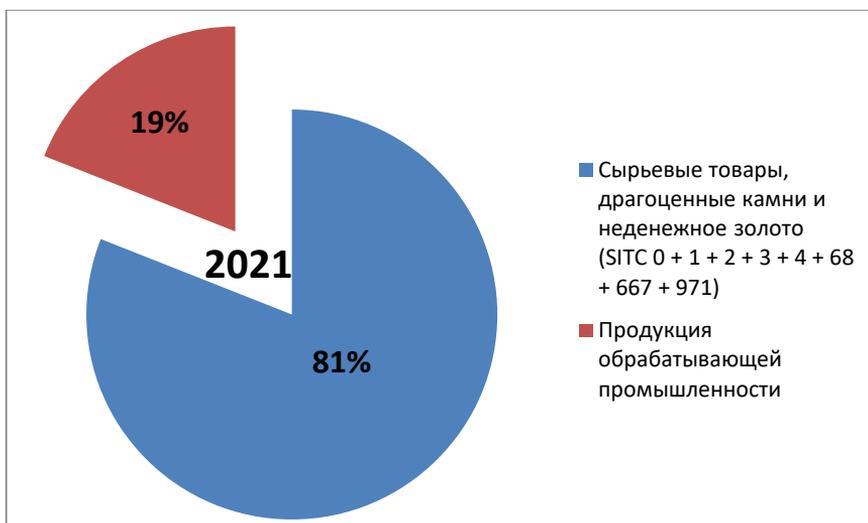

Рис. 10. Отраслевая структура российского импорта из ОАЭ в 2021 г., % от общего объёма экспорта.

Fig. 10. Industry structure of Russian imports from the UAE in 2021, % of total exports.

Источник: составлено по данным UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 15.04.2023)

С одной стороны, это позитивная ситуация, если РФ ввозит из ОАЭ машины, оборудование и транспортные средства, доля которых составила в 2021 г. 35,89% от всего объёма импорта России из ОАЭ. Однако в 2020 г. эта доля составляла 47,31%, т.е. имеет место относительное сокращение данной товарной позиции в российском импорте, что мы рассматриваем скорее как негативную тенденцию в условиях санкций и потерю для РФ возможностей получать определённые подсанкционные виды промышленной продукции и оборудования, особенно высокотехнологичного.

Визуализация на рис. 11 показывает совокупность производимых в странах продуктов с точки зрения международного гармонизированного тарифного кодекса (НТС). Интерпретация такова, что, чем ближе к интенсивно синему цвету точка, обозначающая конкретный продукт по НТС, тем больше у России сравнительных преимуществ перед ОАЭ. И наоборот, чем точка/продукт ближе к жёлтому, тем больше у ОАЭ сравнительных преимуществ перед Россией. Количество точек соответствует количеству производимых товаров. Иллюстрация показывает, что у стран очень близкая отраслевая специализация, значит, РФ и ОАЭ скорее конкурентные, чем взаимодополняющие экономики. А поскольку это так, то отмечающийся рост взаимной торговли можно рассматривать во многом действительно как результат «доброй воли» сторон, хотя и экономически взаимовыгодный.

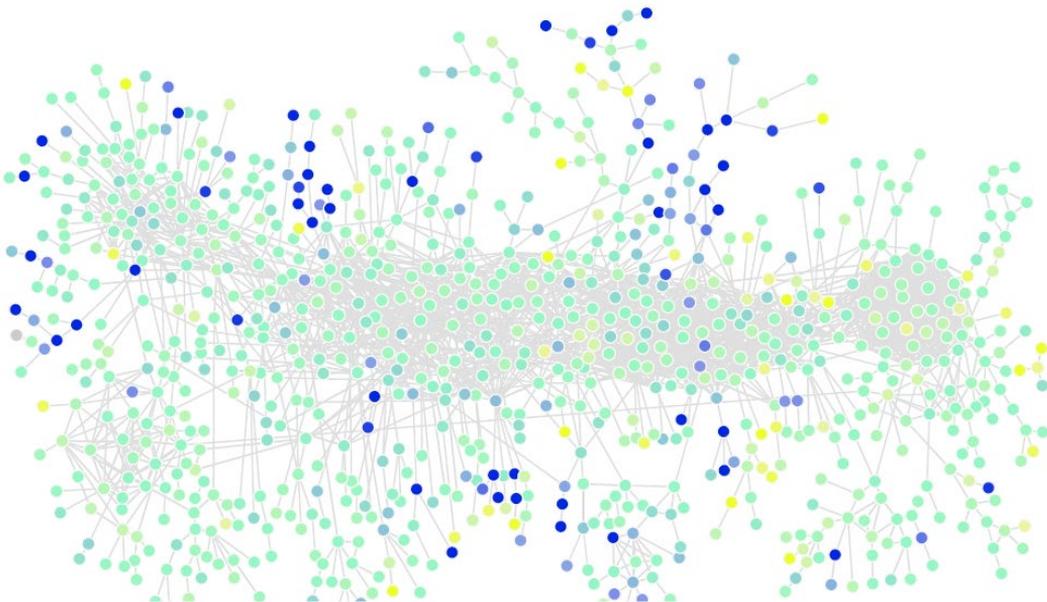

Рис. 11. Товарное производство в России и ОАЭ

Fig. 11. Product Space of Russia and United Arab Emirates

Источник: Russia / United Arab Emirates. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/are> (accessed 15.04.2023)

В 2021 г. ОАЭ предложили создать соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и этот вопрос обсуждается в настоящее время, из чего следует, что российский рынок, как и рынок ЕАЭС в целом, имеет растущее значение для ОАЭ.

Инвестиции из ОАЭ в РФ в 2021 г. составили 1 млрд долл., а российские вложения в ОАЭ – 750 млн долл. Это более 80% совокупных арабских капиталовложений в РФ. Таким образом, ОАЭ выступают для РФ крупнейшим инвестором среди всех арабских стран. Объём баланса иностранных инвестиций между ОАЭ и Россией составляет около 1,8 млрд долл. США, при этом российские ПИИ в ОАЭ за 2019 г. выросли на 13% по сравнению с 2018 г.¹⁴

Крупнейший суверенный инвестфонд ОАЭ Mubadala 28 марта 2022 г. принял решение приостановить деятельность в РФ. Фонд управляет активами на сумму 229 млрд долл., инвестирует в основном в нефтегазовый и финансовый секторы, авиапромышленность, недвижимость. Партнёром Mubadala в России выступает Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). В 2013 г. они создали совместное предприятие на 2 млрд долл. Mubadala инвестировала в российскую экономику 3 млрд долл., охватив примерно 50 проектов, на долю которых приходится около 1% инвестиционного портфеля Фонда¹⁵. Всего же компания Mubadala планировала вложить в Россию около 5 млрд долл. Последней крупной инвестицией фонда ОАЭ в России стал выкуп в декабре 2021 г. 1,9% акций «Сибур»¹⁶.

Формируя внешнеторговую политику России с государствами ССАГПЗ, в том числе с ОАЭ, стоит принимать во внимание, что в системе ценностей стран ССАГПЗ чистая экономика не всегда выступает определяющим фактором, поэтому для развития экономических связей с регионом необходимо учитывать неэкономические факторы.

Выводы

Исследование показывает, что роль ССАГПЗ, и в частности, ОАЭ, как внешнеторгового партнёра РФ, растёт, что очень важно для нашей страны в условиях беспрецедентных западных санкций и начавшегося в 2014 г. поворота на Восток. Причём дело не только в том, что растёт двусторонний товарооборот сам по себе. На наш взгляд, можно рассматривать ОАЭ как «калитку выхода» на рынки

¹⁴ UAE-Russia relations continue to flourish as non-oil trade exchange between the two countries witnesses 80% growth in H1 2021. *Emirates News Agency*. URL: <https://wam.ae/en/details/1395302993389> (accessed 15.04.2023)

¹⁵ UAE sees economic benefits from maintaining links to Russia (04.05.2022). *Economist Intelligence*. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1662070349&Country=United+Arab+Emirates&topic=Economy&subtopic=Forecast&subsubtopic=External+sector> (accessed 15.04.2023)

¹⁶ Байназаров Э. Товароповорот: почему интерес бизнесменов ОАЭ к РФ вырос в 5–10 раз. Наиболее активно на российский рынок выходят эмиратские компании среднего уровня. «Известия». URL: <https://iz.ru/1339197/elnar-bainazarov/tovaropovorot-pochemu-interes-biznesmenov-oae-k-rf-vyros-v-5-10-raz> (дата обращения: 15.04.2023).

других арабских стран, прежде всего ССАГПЗ, сотрудничество с которыми и экономически, и политически РФ всегда стремилась вести на основе взаимной выгоды и уважения, поддерживая дружеские отношения и неизменно соблюдая договорённости; как возможность получения некоторых видов готовой продукции, в частности, машин и оборудования для нефтегазовой отрасли, а также как важного инвестиционного партнёра. РФ заинтересована в росте торговли с ССАГПЗ, в привлечении ПИИ из ССАГПЗ, в том числе – в нефтегазовые проекты и разработки, а также в координации усилий на мировом нефтяном рынке.

Рынок ССАГПЗ демонстрирует хороший потенциал для российского бизнеса благодаря своей большой ёмкости и широкому спектру возможностей. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества остаются энергетика, электроэнергетика, атомная и альтернативная энергетика, металлургия, гражданская авиация, строительство, транспорт, освоение космоса и сельское хозяйство, а также туризм и экспорт продовольствия.

Мы полагаем, что существуют варианты углубления торгово-экономического сотрудничества в рамках нынешнего уровня взаимодействия между РФ и ССАГПЗ и другими странами Персидского залива.

Об авторе:

Людмила Васильевна Шкваря – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 339.5((470+571):536)

Received: March 24, 2023

Accepted: May 28, 2023

Russia's Foreign Trade with the GCC Countries: Dynamics, Characteristics and Opportunities

L.V. Shkvarya

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-222-243](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-222-243)

Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: This article examines the foreign trade relations between the Russian Federation and the states of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf (GCC) in the 21st century. It considers the development of bilateral trade and economic cooperation with Middle Eastern states, particularly the Arabian monarchies, as an essential direction for enhancing Russia's integration into the global economic system in the context of increasing anti-Russian sanctions. The study's relevance lies in the Russian Federation's need to intensify foreign trade and investment cooperation with friendly states under the current circumstances. The research holds theoretical and practical significance for understanding the characteristics, challenges, and future development of bilateral trade relations with Gulf states.

The article aims to analyze the current state of mutual trade between the Russian Federation and GCC countries from 2000 to 2021 and identify the main factors influencing the dynamics and effectiveness of this trade. It establishes that trade and economic cooperation between both sides are founded on a stable objective basis, characterized by similarities and proximity in economic potential levels between the Russian Federation and the GCC countries as a collective business entity, considering individual country characteristics. The economic foundations and mutual benefits remain a priority for further cooperation. Trade volumes, both in goods and services, have shown steady growth, particularly in the past 5-6 years, although there are significant differentiations among countries. The United Arab Emirates (UAE) remains Russia's primary trading partner within the GCC. However, trade flows between Russia and the UAE, as well as other Gulf states, are imbalanced, with Russian exports to the Arabian monarchies significantly exceeding imports from the region. The commodity structure of bilateral trade also requires improvement, offering opportunities for both parties to enhance efficiency. The author suggests that future efforts should focus on developing trade in areas that contribute to economic diversification, the establishment of foundations for "green energy" and other promising sectors, and continuous enhancement of the regulatory framework for cooperation.

The analysis draws on data from the UNCTAD international database, ensuring the formulation of reliable and well-founded conclusions. The research utilizes various methods, including comparative analysis, statistical analysis, factor analysis, as well as historical, institutional, and causal approaches.

Keywords: Russian Federation, Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf (GCC), United Arab Emirates (UAE), trade turnover, trade and economic cooperation.

About the author:

Lyudmila V. Shkvarya – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics. 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Alqedra A. 2022. Russian Foreign Policy towards the GCC. *Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi*. 6(1). P. 40–72.

Baylis J., Smith S., Owens P. 2019. *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* (8th edn). Publisher: Oxford University Press. DOI: 10.1093/hepl/9780198825548.001.0001

Ethier W.J. 2001. The New Regionalism. *Economic Journal*. №108. P. 1149–1161.

Held D., McGrew A.G., Perraton J. 1999. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. *International journal* (Toronto, Ont.). 54(4). DOI: 10.2307/40203424

Hillman A.L. 2008. Trade Liberalization and Globalization. *The Encyclopedia of Public Choice*. P. 312–320. DOI: 10.1007/978-0-387-75870-1_27

Mckinney J. 2014. The Changing Global Economy: Roles of the United States and the European Union in the evolving context. *Economy of the region*. №4. P. 57–68. DOI: 10.17059/2014-4-4

Moller J. O. 2013. *The Global Economy in Transition. Debt and Resource Scarcities*. 348 p. DOI: 10.1142/8789

Ramani S. 2020. Russia and the UAE: An Ideational Partnership. *Middle East Policy* 27(1). P. 125–140. DOI: 10.1111/mepo.12479

Melanyina M.V. 2018. Vliyaniye sankcionnykh ogranicheniy na dinamiku vneshnej torgovli Rossii [The Impact of Sanctions Restrictions on the Dynamics of Russia's Foreign Trade]. *Management of economic systems: an electronic scientific journal*. 11(117). 18 p. (In Russian).

Melkumyan E.S., Kosach G.G., Nosenko T.V. 2017. Rossiya v prioritetaх vneshnej politiki Soveta sotrudnichestva gosudarstv Persidskogo zaliva posle sobytij «arabskoj vesny» [Russia in the Foreign Policy Priorities of the Council of Cooperation of the Arabian Gulf States after Events of the «Arab Spring»]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(55). P. 139–153. DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-139-153. (In Russian).

Podbiralina G.V., Migaleva T.E. 2020. Ocenka vliyaniya sankcionnogo davleniya na vneshnyuyu torgovlyu Rossii i deyatelnost' rossijskogo biznesa [Assessment of the Impact of Sanctions Pressure on Russia's Foreign Trade and the Activities of Russian Business]. *International Trade and Trade Policy*. №1. P. 97–106. DOI: 10.21686/2410-7395-2020-1-97-106 (In Russian).

Fedorchenko A.V. 2017. Arabskij mir: vozmozhen li ekonomicheskij renessans? [The Arab World: Is the Economic Renaissance Possible?] *MGIMO Review of International Relations*. 1(52). P. 83–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-1-52-83-100 (In Russian).

Khasbulatov R.I., Byasharova A.R. 2019. XXI vek: nekotorye osobennosti mirovogo ekonomicheskogo razvitiya [21 Century: Some Features of World Economic Development]. *International economics*. №11. P. 6–21. (In Russian).

Khasbulatov R.I., Byasharova A.R. 2022. Strany LAG na sovremennom etape: ekonomicheskoe razvitiye i novye zadachi v XXI veke [Arab League Countries at the Present Stage: Economic Development and New Challenges in the 21 Century]. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. №2. P. 124–139. DOI: 10.31857/S086919080019224-3 (In Russian).

Shkvarya L.V. 2010. Vneshnyaya torgovlya Rossii so stranami Persidskogo zaliva [Russia's Foreign Trade with the Persian Gulf Countries]. *World economy and international relations*. №10. P. 77–83. (In Russian).

Shkvarya L.V. 2020. Integraciya i diplomaticheskij krizis: sovremennye realii SSAGPZ [Integration and the Diplomatic Crisis: Modern Realities of the GCC]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(2). P. 163–182. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Меланьина М.В. 2018. Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 11(117). 18 с.

Мелкумян Е.С., Косач Г.Г., Носенко Т.В. 2017. Россия в приоритетах внешней политики Совета сотрудничества государств Персидского залива после событий «арабской весны». *Вестник МГИМО-Университета*. 4(55). С. 139–153. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-55-139-153.

Подбиралина Г.В., Мигалева Т.Е. 2020. Оценка влияния санкционного давления на внешнюю торговлю России и деятельность российского бизнеса. *Международная торговля и торговая политика*. №1. С. 97–106. DOI: 10.21686/2410-7395-2020-1-97-106

Федорченко А.В. 2017. Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? *Вестник МГИМО-Университета*. 1(52). С. 83–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-1-52-83-100

Хасбулатов Р.И., Бяшарова А.Р. 2019. XXI век: некоторые особенности мирового экономического развития. *Международная экономика*. №11. С. 6–21.

Хасбулатов Р.И., Бяшарова А.Р. 2022. Страны ЛАГ на современном этапе: экономическое развитие и новые задачи в XXI веке. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. №2. С. 124–139. DOI: 10.31857/S086919080019224-3

Шкваря Л.В. 2010. Внешняя торговля России со странами Персидского залива. *Мировая экономика и международные отношения*. №10. С. 77–83.

Шкваря Л.В. 2020. Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(2). С. 163–182. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

Excess Return of US Mutual Funds

N.V. Artamonov¹, A.N. Kurbatskii²

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)

² Lomonosov Moscow State University, Moscow School of Economics

Abstract: The paper examines the factors that contribute to the outperformance of mutual funds in relation to the market, with a particular emphasis on the macroeconomic indicators as the key variables of interest. The paper begins by providing a comprehensive literature review on various factors that can impact the performance of mutual funds. The discussion encompasses a wide range of topics, including skill presence, diseconomies of scale, and other challenges associated with generating excess returns for investors.

In the second part of the paper, an empirical analysis is conducted using actively managed US mutual funds to establish a relationship between fund performance and macro-variables, specifically focusing on term and credit spreads. Furthermore, the study considers different returns on positive and negative changes in spreads. The sample consists of funds that primarily invest in various sectors within the United States, with the Standard and Poor's 500 (S&P 500) serving as the benchmark. To assess the performance of funds with active strategies, panel data models are applied, with the excess return over the benchmark as the dependent variable. Different subperiods, including the financial crisis and the COVID-19 period, are examined. Notably, the impact of variables during the pandemic period differs significantly from other subperiods. The findings indicate that positive and negative changes in the spread between corporate bond yields have significant and positive effects across almost all periods, which has practical implications for potential investors. It suggests that active professional portfolio managers have been successful in uncertain periods. To control for external shocks and funds' cross-correlation, double-clustered standard errors are employed, and a series of robustness checks confirm the stability of the results.

Keywords: mutual funds, S&P 500 index, excess return, US Treasuries, term spread, credit spread

For potential investors, the question of whether to opt for active or passive management poses a considerable complexity. Traditionally, active management is represented by mutual funds, while passive management is associated with stock indices. The prevailing notion that actively managed funds fail to outperform

UDC: 339.72

Received: January 10, 2023

Accepted for publication: June 16, 2023

the benchmark has garnered support from numerous researchers, including seminal works such as Jensen (1968), Fama (1970), Malkiel (1995), Gruber (1996), and Carhart (1997), as well as more recent studies like Crane and Crotty (2018).

Jensen's pioneering work in 1968 found no evidence to support the notion that superior returns are typically followed by sustained market outperformance (Jensen 1968). Malkiel's study on the return on investment in equity mutual funds over a 20-year period similarly failed to identify stability in the fund results (Malkiel 1995). Fan and Lin (2020) concluded that the equity market has become increasingly efficient in the past decade. These findings align with the idea that actively managed funds struggle to consistently outperform the market.

However, an opposing perspective is presented in several other papers, such as Goetzmann and Ibbotson (1994), Cremers and Peajisto (2009), Berk and van Binsbergen (2015), and Kurbatskii (2022). These authors challenge the efficient market hypothesis and, through various means, provide evidence of managerial skills. For instance, Daniel et al. (1997) demonstrated that mutual funds achieve returns equivalent to the fees charged. Chen et al. (2000) found that funds investing in growing assets are more likely to exhibit management's ability to identify areas with superior returns. Wermers and Smith (2003) showed that funds with high asset turnover outperformed the S&P 500 from 1975 to 1994. Dahlquist et al. (2000) arrived at similar conclusions when analyzing Swedish funds.

Artamonov et al. (2020) have provided empirical evidence to support the notion that mutual funds' performance is influenced not only by internal characteristics but also by external factors. Their study focused on examining the impact of government bond yields on the excess returns of US mutual funds, incorporating various micro-variables as explanatory factors. By utilizing a sample from the Centre for Research in Security Prices (CRSP) database, which encompassed 376 US funds spanning from 2006 to 2017, the researchers concluded that the yield of US government bonds significantly influenced the mutual fund alpha. Specifically, their hypothesis that mutual funds tend to outperform the market during periods of rising long-term government bond rates was confirmed.

Our research is inspired by several related studies, including the works of Pastor and Stambaugh (2012) and Kacperczyk et al. (2014). Pastor and Stambaugh documented the time-varying nature of skill in active asset management, highlighting that managers exhibit stock-picking abilities during favorable market conditions, while demonstrating better market-timing skills in unfavorable times. Banegas et al. (2018) investigated the relationship between monetary policy shocks and mutual fund performance using data spanning from 2000 to 2017. They revealed that monetary policy can exert a direct and persistent effect on the US mutual fund industry. While Goyal and Welch (2008) and Rapach et al. (2010) considered a broad range of macro variables to predict stock index returns, the factors examined in their studies may not necessarily overlap with those influencing relative fund performance. Therefore, our research question diverges significantly from theirs.

The primary objective of our research is to analyze both micro and macro factors that can facilitate or hinder mutual funds in their pursuit to outperform the market. By exploring these factors, we aim to enhance our understanding of the complexities surrounding mutual fund performance relative to the broader market.

Micro-approach for substantiating the performance of mutual funds

Researchers are also concerned with the factors that can influence the relative performance of mutual funds in relation to the market. Nearly all studies dedicated to fund performance investigate the specific characteristics of funds as potentially crucial determinants of future profitability. An analysis of fund performance that fails to consider the micro-level approach would be deemed incomplete.

Among the various factors examined in studies on mutual funds, the "size of a fund" emerges as a subject of extensive discussion. Typically measured by the total net assets, fund size is perhaps the most widely explored variable in this domain. Large funds possess significant negotiating power due to their operation across a broader range of assets and management of substantial trading volumes. Additionally, they are able to offer services with lower commission payments owing to the magnitude of their transactional activities. Large funds enjoy several advantages over their smaller counterparts. Firstly, they can distribute costs across a more extensive asset base and have greater resources for market analysis. Managers of large funds can capitalize on investment projects that are simply inaccessible to smaller funds. However, large funds also encounter certain challenges and problems for the management company. The scale of investment opportunities represents a key factor for sustainability of results. While small funds tend to concentrate on a limited number of investment positions, large funds strive to maintain their leading positions by actively seeking new promising opportunities in the stock market. Consequently, the effects of utilizing managerial skills begin to blur, leading to diminished economies of scale. For instance, Cremers and Peajisto (2009) demonstrated that small funds are more likely to employ active investment strategies, whereas large funds tend to exhibit a more passive approach. Furthermore, the execution of large transactions by these funds garners substantial attention from competitors in the stock exchange, thereby creating risks of diminishing the expected return on investment, as other funds emulate the strategies of prominent players and vie for a share of the final profit. This phenomenon, referred to as the liquidity constraint hypothesis, was identified by Chen et al. (2004).

Grinblatt and Titman (1989) conducted several studies and found a mixed impact of fund size on returns. In contrast, Chen et al. (2004) demonstrated that fund size has a negative effect on returns, particularly among funds investing in small and illiquid assets, indicating that liquidity is the primary driver of this adverse impact. The authors also highlighted organizational issues within larger funds. Pollet and Wilson (2008) supported Chen et al. (2004) by attributing the decline in profitability resulting from fund consolidation to the challenge of scaling the investment strategy correctly,

primarily due to liquidity constraints. They concluded that when funds experience significant inflows from investors, managers tend to increase their positions proportionally rather than diversifying the portfolio with new assets.

Ferreira et al. (2013) also found that smaller funds tend to outperform, but the dispersion of returns increases with the size of the fund's assets. Similar findings were observed by Dahlquist et al. (2000) for Swedish mutual funds investing in stocks, where a negative relationship between returns and fund size was identified. On the other hand, Chen et al. (2004) revealed that network size has a positive impact on fund performance due to economies of scale. Ferreira et al. (2013) further concluded that network size has a statistically significant positive effect on the performance of mutual funds, both in the US and in other countries. Additionally, funds with the best results are more frequently managed by larger companies.

The age of a fund reflects its ability to thrive in a competitive environment by leveraging managerial expertise. This characteristic can impact performance in various ways. Some researchers argue that younger funds are more motivated to generate high returns in order to establish themselves in the market. Conversely, others contend that the shorter lifespan of younger funds can be a disadvantage, as they may face higher costs and lack sufficient experience in portfolio management during their formative stages. Furthermore, due to their smaller size, new funds are more vulnerable to manipulations of returns and ratings.

The debate surrounding the micro-approach is valuable in exploring the underlying causes of mutual fund insolvency. Specifically, a significant number of researchers argue that the fees charged to investors when joining a fund have a consistently negative effect on returns. However, an alternative hypothesis suggests that higher fees may serve as an indicator of more skilled and successful asset management. The relationship between mutual fund returns and expenses, which encompass management fees, is believed to be rooted in the concept of commissions as an indirect payment from investors to fund managers for their services. The influence of this parameter is subject to varying interpretations among researchers.

Within a sample of US funds, several authors have identified a negative association between commissions and both net returns (excluding commissions) and gross returns (including commissions). However, the impact of commissions on profitability is not universally agreed upon. Some researchers, such as Ferreira et al. (2013), have concluded that the effect of commissions on fund performance is not statistically significant.

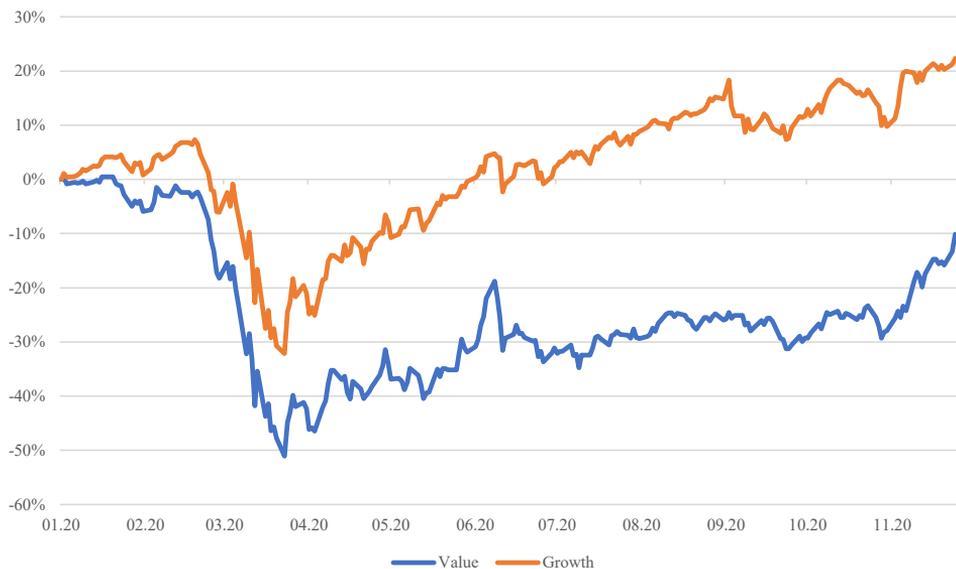

Figure 1. S&P 500 Pure Value and S&P 500 Pure Growth indices

Source: Composed by authors based on Bloomberg data

The year 2020 should be highlighted. Figure 1 illustrates the performance trends of the S&P 500 Pure Value and S&P 500 Pure Growth indices since the beginning of the year. The Value segment primarily consists of companies from cyclical industries that have been significantly affected by the COVID-19 pandemic. Value stocks are characterized by low valuations based on multiples such as P/E, P/S, P/B, and EV/EBITDA, and they consistently trade below the market average. This segment includes industries such as banks, energy, metals and mining, and industrials. These sectors form the core components of value indexes, such as the S&P 500 Pure Value index, which comprises financials (21%), consumer discretionary (18%), communication services (12%), and five other sectors (each at 8%), including industrials and materials, which are particularly cyclical, as well as technology companies that can also be considered cyclical based on their inclusion in the index (such as Western Digital, HP Inc, Micron, and Intel). On the other hand, defensive stocks, mostly in the HealthCare, Consumer Staples, and Utilities sectors, tend to belong to the quality category.

It is worth noting that value stocks outperformed the S&P 500 in 2022, primarily due to the overweight allocation in energy and underweight allocation in the technology sector. In contrast, the Growth segment is dominated by technology company stocks, which have been perceived as beneficiaries of the crisis. The divergence in performance between Value and Growth in 2020 was the most significant since the peak of the Internet bubble in 2000. This substantial gap, particularly prior to November 9

when news of the Pfizer-BioNTech COVID-19 vaccine's effectiveness emerged, posed significant challenges for value-oriented funds in outperforming the benchmark, even with highly talented and skilled managers. The situation slightly improved in early November when the Value segment regained approximately 10% against the Growth segment within a couple of weeks.

In the subsequent section, we propose utilizing both the macro and micro approaches to examine mutual fund performance, employing panel data models to estimate the impact of various variables on funds' excess returns.

Empirical research

We compiled a sample of 668 US funds by utilizing data from Bloomberg Terminal covering the period from 2006 to 2020. Our sample exclusively includes active funds, and we excluded funds with high correlation to the benchmark. However, the determination of a fund's activity level is a broad topic that we do not delve into in this study. Various methods exist for measuring activity level (Meier, Rombouts 2009), but they all necessitate access to data on mutual fund portfolio structures, which is often limited or restricted (Frank et al. 2014).

Sample selection

The funds included in our sample satisfied the following criteria:

- Open-end funds.
- Investment portfolio assets consist of equity securities.
- Investment goals fell under the categories of Value, Blend, or Growth.
- Large, mid, or small in terms of market orientation.
- Benchmark – S&P 500.
- Country of domicile – US.
- Index funds, highly specialized funds (such as industry funds), and funds with substantial investments in other assets were excluded.
- Funds with different life periods were included to avoid survivorship bias.

Investors and managers typically compare their performance to an official benchmark, which is why we used this benchmark as the dependent variable. We specifically considered funds with the S&P 500 as the benchmark and manually filtered the sample to exclude funds with different investment strategies. We also examined the correlation and removed funds with either very high or very low correlation, as they would not accurately represent broad market funds despite having the declared benchmark. It was crucial to ensure a valid comparison between our sample and the S&P 500 in order to accurately analyze and assess excess returns.

Our primary objective is to investigate the factors that influence a fund's performance relative to the benchmark. Therefore, we do not consider "alpha," which accounts for risk adjustment, as there is insufficient evidence to suggest that higher returns compensate for higher risk in the stock market. The focus of this paper is to

evaluate managers' ability to outperform the market, taking into account funds with a risk level similar to that of the market. Additionally, we believe that long-term processes need to be understood, and the level of risk, as calculated by the alpha coefficient, is highly dependent on the investment horizon.

Furthermore, the majority of investors primarily assess the success of a fund based on its income relative to the benchmark, without considering the level of risk involved. Notably, this criterion of relative risk level is not utilized by S&P Indices Versus Active (SPIVA) and Morningstar in their evaluations of the number of funds that outperform the benchmark. Stock market indices comprise assets that are readily traded on the stock exchange. As a result, the assets included in the market portfolio, such as Exchange Traded Funds (ETFs), index mutual funds, and other derivatives that offer lower costs for investors, serve as the most apparent and direct alternatives to mutual funds. Mutual funds and market indices have traditionally been seen as competitors for potential investments.

Variables

Now let's examine the chosen variables, which were selected based on the aforementioned literature review. It is important to note that we did not incorporate the fund's lifetime as a factor since it is typically a formal feature. A fund could exist for 20 years without any significant assets and then experience substantial growth due to a couple of successful years, or vice versa. Regarding the fund's size, we decided to include it in our models due to the conflicting findings from previous studies.

To elucidate the variations in the funds' excess returns, we included the following micro- and macro-variables:

- Spread between the logarithm of the fund's return and the logarithm of the S&P 500 return, referred to as "*excess.return*" (as the dependent variable).
- Spread between the 10-Year Treasury Constant Maturity Rate and the Three-Month Treasury Bill rate, denoted as "*spread.tres.*"
- Spread between Moody's Aaa Corporate Bond Yield and Moody's Seasoned Baa Corporate Bond Yield, denoted as "*spread.moody's.*"
- *Style*, represented as a factor with three levels: Blend, Growth, and Value.
- Fund expense ratio, indicated as "*expr.*"
- Fund marginal stated fee, indicated as "*fee.*"
- Fund turnover, denoted as "*turn.*"
- Percentage of top 10 holdings, referred to as "*TopTen.*"
- Fund's total assets, denoted as "*size.*"

Regarding the spreads, we consider both positive and negative changes over a specific period and separately analyze the returns associated with these changes.

Hypotheses

Now let's outline the main hypotheses of the study:

a) The spread between long-term and short-term interest rates is a significant factor in determining the mutual fund's excess return, which is the difference between the fund's return and the benchmark return.

b) The spread between corporate bond yields, serving as an indicator of sensitivity to risk, has a positive impact on fund performance.

Previous research does not appear to have incorporated all of these variables, although Campello et al. (2008) did consider corporate bond yields to construct firm-specific measures of expected equity returns. Regarding the other variables, based on the literature review, we anticipate observing negative signs for the expense ratio, fund fee, and turnover, while positive coefficients are expected for the percentage of top 10 holdings and the fund's total assets.

Descriptive statistics

Table 1 contains basic descriptive statistics for the funds' characteristics.

Table 1. Descriptive statistics for fund characteristics

Statistic	N	Min	Mean	Median	Max	St.Dev
expr	661	0.00	1.07	1.01	4.36	0.54
TopTen	664	5.23	41.52	38.79	100.00	16.73
size	666	0.01	4891.33	340.94	405245.60	24760.45
fee	653	0.01	0.68	0.70	1.50	0.29
turn	662	-0.66	67.05	36.00	1128.92	116.88

Source: Composed by authors

For the Style factor, there were 266 Blend funds, 124 Growth funds and 166 Value funds.

Model definition

We employed a panel data approach to analyze the fund excess return, utilizing time series data for the S&P 500 and interest rates, as well as cross-sectional data for other variables. The study covered the period from December 2005 to July 2020, with data collected on a monthly basis. It is worth noting that the characteristics of the funds remained relatively stable over time.

To estimate the relationship, we employed a panel regression model in the following form, where Δ represents the first difference in time:

$$\begin{aligned}
& excess.return_{it} \\
& = \beta_0 + \beta_1 \Delta^+(spread.tres)_t + \beta_2 \Delta^-(spread.tres)_t \\
& + \beta_3 \Delta^+(spread.moody's)_t + \beta_4 \Delta^-(spread.moody's)_t + x_i' \gamma + \mu_i \\
& + u_{it}
\end{aligned}$$

Here Δ^+ and Δ^- denote the positive and negative changes over a period respectively, e.g. $\Delta^+(spread.tres) = \max(\Delta(spread.tres), 0)$ and $\Delta^-(spread.tres) = \min(\Delta(spread.tres), 0)$.

$x_i' = (Style, expr, fee, turn, TopTen, \log(size))$ is the vector of the fund characteristics. Since regressors in x_i are constant over time, the coefficients γ could not be estimated for fixed effects (FE) panel regression. Therefore, only pooling and random effects (RE) regressions were considered.

To perform a robustness check, the models were considered on the following time subperiods:

- Dec 2005 – Nov 2007
- Dec 2007 – Jun 2009
- Jul 2009 – Jan 2020
- Dec 2005 – Jan 2020 (excluding the COVID-19 pandemic period)
- Feb 2020 – Jul 2020
- Dec 2005 – Jul 2020 (whole time interval)

These specific subperiods were selected in consideration of the recessions that occurred in the United States: 2008-2009, characterized by a recession and accommodative monetary policy, and 2020, marked by another recession. During recessions, the relationship between bonds and stocks may undergo changes as investors become concerned about the current state of the economy, and expectations for recovery from the recession impact profitability (lower yield in times of economic distress). In periods of relative stability, the yield is influenced by various factors, including inflation, supply and demand dynamics for bonds, economic indicators, banking sector conditions, actions and statements from the Federal Reserve, as well as external and internal policies.

Diagnostic tests

Diagnostic tests were based on Bera, Sosa-Escudero and Yoon robust tests for AR(1) serial correlation and for Res (Bera et al. 2001). The results of tests are presented in Tables 2 and 3.

Table 2. Bera, Sosa-Escudero and Yoon locally-robust test for AR(1) serial correlation sub-random effects

	chi-sq.stat	p.value
Dec05-Nov07	42.883	0
Dec07-Jun09	186.250	0
Jul09-Jan20	5632.095	0
Dec05-Jan20	1565.257	0
Feb20-Jul20	5.117	0.024
Overall	1293.273	0

Source: Composed by authors

Table 3. Bera, Sosa-Escudero and Yoon locally-robust test (one-sided) for unobservable effects sub-AR(1) errors

	z.stat	p.value
Dec05-Nov07	-4.334	1
Dec07-Jun09	-1.890	0.971
Jul09-Jan20	1.872	0.031
Dec05-Jan20	-5.443	1
Feb20-Jul20	0.973	0.165
Overall	-5.577	1

Source: Composed by authors

Model estimation

For all periods, we have evidence for serial correlation. Individual effects are significant only in the period Jul 2009 – Jan 2020. Table 4 therefore presents pooling model for all periods except the period Jul 2009 – Jan 2020. To control common external shocks and correlation across funds we used double-clustered standard errors by Driscoll & Kraay.

Table 4. Estimation results for panel models for subperiods

	Periods					Overall (PI)
	Dec05-Nov07 (PI)	Dec07-Jun09 (PI)	Jul09-Jan20 (RE)	Dec05-Jan20 (PI)	Feb20-Jul20 (PI)	
$\Delta^+(\text{spread.tres})$	0.031	-0.015	0.056**	0.021	-0.606***	0.015
	(0.026)	(0.022)	(0.023)	(0.016)	(0.007)	(0.016)
$\Delta^-(\text{spread.tres})$	-0.036	0.024	-0.017	-0.008	0.090***	-0.006
	(0.028)	(0.034)	(0.017)	(0.013)	(0.001)	(0.012)

Δ^+ (<i>spread.moody</i> s)	0.348*** (0.103)	0.102*** (0.016)	0.010 (0.049)	0.086*** (0.015)	0.084*** (0.003)	0.099*** (0.017)
Δ^- (<i>spread.moody</i> s)	-0.289 (0.264)	0.043* (0.022)	0.047 (0.038)	0.038*** (0.013)	0.398*** (0.043)	0.038*** (0.013)
<i>StyleGrowth</i>	-0.0002 (0.001)	-0.002 (0.003)	0.001* (0.001)	0.0005 (0.001)	0.011*** (0.002)	0.001 (0.001)
<i>StyleValue</i>	-0.001 (0.001)	0.0003 (0.002)	-0.001** (0.0004)	-0.001* (0.0004)	-0.011*** (0.001)	-0.001** (0.0005)
<i>expr/1000</i>	0.104 (0.966)	-4.497 (2.986)	-0.716* (0.402)	-1.124** (0.559)	-0.650 (3.323)	-1.123** (0.551)
<i>fee/1000</i>	2.220 (2.518)	8.580 (6.951)	-1.223 (1.072)	0.654 (1.381)	2.233 (4.001)	0.709 (1.354)
<i>turn/10⁶</i>	2.341 (2.678)	-1.466 (4.626)	-3.252*** (0.906)	-2.057** (0.987)	-2.957 (11.059)	-2.111** (0.987)
<i>TopTen/10⁵</i>	-1.197 (2.638)	7.734*** (2.179)	-1.567* (0.947)	-0.485 (0.950)	5.134 (7.148)	-0.247 (0.976)
<i>log(size)/1000</i>	0.709** (0.278)	-1.396 (0.984)	0.319*** (0.108)	0.150 (0.184)	1.236*** (0.183)	0.171 (0.180)
<i>Constant</i>	-0.020*** (0.006)	0.011 (0.012)	-0.004 (0.003)	-0.003 (0.002)	0.067*** (0.005)	-0.003 (0.002)
Observations	12374	10209	58997	81580	2180	83760
R^2	0.113	0.162	0.038	0.068	0.720	0.085
Adjusted R^2	0.112	0.161	0.038	0.068	0.718	0.085
F-stat	101.068***	363.78***	125.60***	302.15***	1245.36***	415.61***

Note. * - $p < 0.1$; ** - $p < 0.05$; *** - $p < 0.01$. Driscoll-Kraay s.e. in parentheses. PL stands for pooling model, RE stands for random-effect model.

Source: Composed by authors

Based on these results, the following empirical conclusions can be drawn at a significance level of 5%:

- The positive change in the spread between long-term and short-term US government Treasury bond yields is a significant factor in the periods from July 2009 to January 2020 and from February 2020 to July 2020. The impact is positive in the period from July 2009 to January 2020 and negative in the period from February 2020 to July 2020.
- The negative change in the spread between long-term and short-term US government Treasury bond yields is a significant factor only in the period from February 2020 to July 2020.

- The positive change in the spread between corporate bond yields is positive and significant in all periods except from July 2009 to January 2020. The strongest positive impact on excess return was observed in the period from December 2005 to November 2007.

- The negative change in the spread between corporate bond yields is positive and significant in the periods from December 2005 to January 2020, from February 2020 to July 2020, and across the entire time range. The strongest positive impact on excess return was observed in the period from February 2020 to July 2020.

- The management style *StyleGrowth* is significant and positive only in the period from February 2020 to July 2020. It can be concluded that in the extraordinary situation of 2020, investors who preferred growth stocks outperformed the market regardless of their skills. The management style *StyleValue* is significant and negative in the periods from July 2009 to January 2020, from February 2020 to July 2020, and across the entire time range.

- The variable *expr* is significant and negative in the period from December 2005 to January 2020 and across the entire time range.

- The variable *fee* is positive and insignificant in all subperiods.

- The variable *TopTen* is positive and significant only in the period of the financial crisis from December 2007 to June 2009.

- The variable *turn* is significant in the periods from July 2009 to January 2020, from December 2005 to January 2020, and across the entire time range.

- The variable *size* is positive and significant in the periods from December 2005 to November 2007, from July 2009 to January 2020, and from February 2020 to July 2020.

Possible applications

The significance and overall positivity of the credit spreads for active managers validate their ability to generate profits during periods of market uncertainty. Based on the significance of the term spread during the COVID-19 subperiod, the practical implications of the findings can be summarized as follows:

1. Equity fund managers should adjust their portfolios in anticipation of significant changes in the US Treasury (UST) market.

2. Although our analysis focuses on equity funds, it does not imply that the findings are limited to this specific type of fund. If we had access to a list of hedge funds that exclusively invest in stocks, we would include them as well. However, the applicability of our findings extends to other funds that also invest in stocks. Large hedge funds typically have multiple management teams specializing in different areas such as stocks, bonds, options, etc. Therefore, the research findings can be of interest to stock managers who can draw relevant conclusions. Hedge funds or balanced funds can utilize UST instruments to hedge their stock investments and mitigate the impact of stock market fluctuations.

Robustness checks

We conducted several robustness checks by examining different specifications. Given that the spreads are identical for all funds, we did not include panel regressions with two-way effects. Similar to the previous section, each regression in the series was fitted on the same subperiods. The following tables present the estimation results for a specific set of models.

Table 5. Estimation results for RE panel models with individual effects and a linear trend for subperiods. Driscoll-Kraay robust s.e. in parenthesis

	Periods					Overall
	Dec05- Nov07	Dec07- Jun09	Jul09- Jan20	Dec05- Jan20	Feb20- Jul20	
$\Delta^+(\text{spread.tres})$	0.029 (0.023)	-0.016 (0.019)	0.056** (0.023)	0.020 (0.016)	-1.657*** (0.001)	0.014 (0.017)
$\Delta^-(\text{spread.tres})$	-0.048* (0.027)	0.013 (0.031)	-0.017 (0.018)	-0.007 (0.014)	0.246*** (0.0001)	-0.004 (0.013)
$\Delta^+(\text{spread.moody's})$	0.364*** (0.101)	0.089*** (0.026)	0.009 (0.051)	0.085*** (0.014)	-0.247*** (0.0002)	0.099*** (0.017)
$\Delta^-(\text{spread.moody's})$	-0.282 (0.265)	0.078 (0.066)	0.050 (0.042)	0.039*** (0.013)	0.996*** (0.0004)	0.039*** (0.013)
<i>StyleGrowth</i>	-0.0002 (0.001)	-0.002 (0.004)	0.001* (0.001)	0.001 (0.001)	0.011*** (0.002)	0.001 (0.001)
<i>StyleValue</i>	-0.001 (0.001)	0.0003 (0.002)	-0.001** (0.0004)	-0.001* (0.0004)	-0.011*** (0.001)	-0.001** (0.0005)
<i>expr/1000</i>	0.104 (0.964)	-4.509 (3.279)	-0.702* (0.406)	-1.091* (0.565)	-0.603 (3.450)	-1.081* (0.557)
<i>fee/1000</i>	2.220 (2.518)	8.600 (7.639)	-1.274 (1.083)	0.563 (1.394)	2.364 (4.164)	0.594 (1.366)
<i>turn/10⁶</i>	2.341 (2.671)	-1.444 (5.094)	-3.265*** (0.911)	-2.075** (0.993)	-3.027 (11.464)	-2.140** (0.996)
<i>TopTen/10⁵</i>	-1.197 (2.638)	7.725*** (2.395)	-1.570* (0.950)	-0.448 (0.952)	5.247 (7.286)	-0.214 (0.980)
<i>log(size)/1000</i>	0.709** (0.278)	-1.395 (1.082)	0.327*** (0.115)	0.166 (0.187)	1.280*** (0.207)	0.193 (0.184)
<i>trend/100</i>	-0.049 (0.033)	0.148 (0.205)	-0.001 (0.004)	-0.002 (0.002)	-3.428*** (0.002)	-0.002 (0.002)
<i>Constant</i>	-0.016* (0.008)	-0.035 (0.058)	-0.003 (0.007)	-0.001 (0.004)	6.167*** (0.007)	-0.001 (0.004)

Observations	12374	10209	58997	81580	2180	83760
R ²	0.119	0.171	0.038	0.069	0.747	0.086
F Statistic	1670.9***	2097.6***	2332.4***	6005.5***	6414.0***	7830.2***

Source: Composed by authors

Table 6. Estimation results for FE panel models with individual effects for subperiods. Driscoll-Kraay robust s.e. in parenthesis

	Periods					Overall
	Dec05- Nov07	Dec07- Jun09	Jul09- Jan20	Dec05- Jan20	Feb20- Jul20	
$\Delta^+(\text{spread.tres})$	0.041 (0.030)	-0.011 (0.023)	0.060*** (0.023)	0.025 (0.016)	-0.628*** (0.008)	0.018 (0.016)
$\Delta^-(\text{spread.tres})$	-0.036 (0.028)	0.025 (0.035)	-0.017 (0.017)	-0.007 (0.013)	0.109*** (0.001)	-0.004 (0.013)
$\Delta^+(\text{spread.moody})$	0.334*** (0.106)	0.092*** (0.016)	0.006 (0.050)	0.077*** (0.014)	0.087*** (0.004)	0.093*** (0.018)
$\Delta^-(\text{spread.moody})$	-0.302 (0.260)	0.044* (0.022)	0.042 (0.038)	0.038*** (0.013)	0.405*** (0.042)	0.037*** (0.013)
Observations	15229	12565	72481	100275	2699	102974
R ²	0.045	0.067	0.021	0.043	0.589	0.056
F Statistic	347.10***	390.66***	561.95***	1288.70***	1082.75***	1691.73***

Source: Composed by authors

Table 7. Estimation results for FE panel models with individual effects and a linear trend for subperiods. Driscoll-Kraay robust s.e. in parenthesis

	Periods					Overall
	Dec05- Nov07	Dec07- Jun09	Jul09- Jan20	Dec05- Jan20	Feb20- Jul20	
$\Delta^+(\text{spread.tres})$	0.038 (0.026)	-0.012 (0.020)	0.060*** (0.023)	0.025 (0.016)	-1.647*** (0.004)	0.018 (0.017)
$\Delta^-(\text{spread.tres})$	-0.047* (0.027)	0.013 (0.032)	-0.015 (0.018)	-0.006 (0.014)	0.260*** (0.001)	-0.003 (0.014)
$\Delta^+(\text{spread.moody})$	0.349*** (0.105)	0.079*** (0.026)	0.003 (0.052)	0.077*** (0.014)	-0.233*** (0.002)	0.093*** (0.019)
$\Delta^-(\text{spread.moody})$	-0.294 (0.261)	0.080 (0.066)	0.047 (0.043)	0.039*** (0.013)	0.985*** (0.002)	0.037*** (0.013)

trend/100	-0.047 (0.035)	0.155 (0.208)	-0.002 (0.005)	-0.002 (0.003)	-3.325*** (0.006)	-0.002 (0.003)
Observations	15229	12565	72481	100275	2699	102974
R ²	0.092	0.124	0.031	0.050	0.682	0.062
F Statistic	295.61***	335.84***	455.41***	1038.37***	958.07***	1361.06***

Source: Composed by authors

We observe that the significance and the signs of spreads' effects do not change with respect to the baseline model.

Discussion and conclusion

The significant impacts of spreads on the excess return can be explained through various channels. Typically, declining yields indicate economic slowdown or concerns in the market, leading investors to shift from risky stocks to defensive ones. It is assumed that equity funds tend to have a chronic underweight position in defensive stocks compared to the benchmark. Defensive stocks are generally more expensive and may generate lower returns in the long run compared to riskier stocks. Managers may have a tendency to buy popular stocks, as they can yield significant gains (or losses), and it is easier to market portfolios with such shares to clients. Thus, all else being equal, declining yields or prolonged periods of low yields are expected to have a negative impact on the performance of funds relative to the benchmark.

Low yields in the bond market can push bond investors towards the stock market in search of higher returns above inflation. However, these investors often lack expertise in individual stock selection and instead invest in the entire market through exchange-traded funds (ETFs). This results in a substantial influx of funds into ETFs, particularly into shares of the largest companies that form the core holdings of such funds. This influx complicates the task for active investors, as they primarily invest in other stocks with the goal of outperforming the benchmark.

In 2022, inflation has been on the rise globally, accompanied by increasing interest rates. Investors have started shifting towards companies with stable cash flow, even if they are relatively expensive. Notably, technology giants like Apple, Microsoft, and Alphabet have remained resilient in the technology sector while other stocks have experienced significant declines since the beginning of the year. However, as these three companies hold a significant weight in the NASDAQ index, which active fund managers cannot replicate, all 20 major US active technology funds that we track have underperformed the benchmark. It is important to note that this is a localized effect.

The shape of the US Treasury (UST) curve can be viewed as an indicator of investors' risk appetite, making it meaningful to consider the spread between corporate bonds (Baa-rated according to Moody's) and risk-free Aaa-rated bonds. We observe that this spread has a significant impact on the excess return of actively managed funds.

Regarding the applicability of our research to Russia, the situation is uncertain due to the dominant participation of individual investors on the Moscow Exchange. The share of institutional investors in Russia is relatively small on a global scale. Therefore, it remains an open question whether our findings hold true for individual investors in Russia. Further data accumulation in the current market realities will help shed light on this matter.

In conclusion, we find that the spread between 10-year and three-month bonds has an impact on the excess returns of actively managed funds during the COVID-19 period. Several factors may contribute to this effect. When the spread narrows and the US Treasury (UST) curve flattens, defensive stocks tend to outperform the riskier segment of the market. It is possible that the negative results observed among managers during this period stem from their portfolios being underweight in defensive stocks. This finding has practical implications. While our analysis focused on a refined sample of equity funds that typically do not take long or short positions in bonds, there are many mixed funds and hedge funds that invest in both stocks and bonds. These funds have the ability to hedge their alpha through positions in US Treasuries. Additionally, active funds can utilize leveraged ETFs on long Treasury bonds as a means to hedge alpha. Since such ETFs are considered equities, it allows funds to align with their investment mandates. The understanding that excess returns are influenced by spread movements can serve as a catalyst for adjusting management strategies within portfolios.

About the authors:

Nikita V. Artamonov – PhD in Mathematics, associate professor, Head of Dept. for Mathematics, Econometrics and IT MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia.
E-mail: artamonov@inno.mgimo.ru

Aleksei N. Kurbatskii – PhD in Mathematics, associate professor, Head of Department of Econometrics and Mathematical Methods in Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow School of Economics, 1/61 Leninskie Gory, 119234, Moscow, Russia. E-mail: akurbatskiy@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

Aleksei Kurbatskii gratefully acknowledges the support of the Russian Science Foundation under grant №20 68 47030 for the project titled "Econometric and probabilistic methods for the analysis of financial markets with complex structure."

The authors would like to extend their heartfelt appreciation to Nikita Emelyanov, the chief asset manager of "ATON-Management," for his invaluable practical insights, recommendations, and assistance throughout the course of this research.

УДК: 339.72

Поступила в редакцию: 10.01.2023 г.

Принята к публикации: 16.06.2023 г.

Избыточная доходность взаимных фондов в США

Н.В. Артамонов¹, А.Н. Курбацкий²[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-244-262](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-244-262)¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ² Московская школа экономики МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье анализируются факторы, облегчающие и затрудняющие взаимным фондам задачу превзойти рынок. Важнейшими из включённых в модель факторов являются макроэкономические индикаторы, отобранные на основе обзора литературы. Вводная часть статьи посвящена аспектам в управлении фондами, начиная с наличия навыков и заканчивая экономией от масштаба, а также другими трудностями в получении избыточной доходности для инвесторов. Во второй части статьи проведён эмпирический анализ активно управляемых взаимных фондов США для установления связи между избыточной доходностью фондов и макропеременными, такими как спред между краткосрочными и долгосрочными ставками и кредитный спред. Более того, отдельно учитывается влияние положительных и отрицательных изменений спредов. Эконометрическая часть работы основывается на выборке, которая была составлена из фондов, заявляющих в качестве бенчмарка индекс S&P 500 и инвестирующих в основном в различные секторы США. Для изучения результативности фондов с активными стратегиями используются модели панельных данных с избыточной доходностью в качестве зависимой переменной.

В статье рассматриваются периоды финансового кризиса и период пандемии COVID-19. В период пандемии коэффициенты при переменных значительно отличаются от остальных временных отрезков. Положительные и отрицательные изменения спреда между доходностями корпоративных облигаций оказались значимыми и положительными почти на всех периодах, что может быть важно с практической точки зрения для потенциальных инвесторов и подразумевает, что активные профессиональные портфельные управляющие преуспевают в периоды неопределённости. Двойные кластеризованные стандартные ошибки используются для контроля внешних шоков и кросс-корреляции фондов, а проведённая проверка модели на устойчивость подтверждает стабильность результатов.

Ключевые слова: взаимные фонды, индекс S&P 500, избыточная доходность, казначейские облигации США, спред процентных ставок, кредитный спред

Об авторах:

Никита Вячеславович Артамонов – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой математики, эконометрики и информационных технологий МГИМО МИД России, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

E-mail: artamonov@inno.mgimo.ru

Алексей Николаевич Курбацкий – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой эконометрики и математических методов экономики, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 61. E-mail: akurbatskiy@gmail.com

Благодарности:

Курбацкий А.Н. благодарит Российский научный фонд за финансовую поддержку данного исследования в рамках гранта № 20 68 47030 «Эконометрические и вероятностные методы для анализа финансовых рынков сложной структуры».

Авторы благодарны главному управляющему активами «АТОН-менеджмент» Никите Емельянову за ценные практические наблюдения, советы и помощь.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

Artamonov N., Voronina A., Emelyanov N., Kurbatskii A. 2020. Estimation of Interest Rates' Impact on Mutual Funds' Performance in the USA. *Applied Econometrics*. №58. P. 55–75. DOI: 10.22394/1993-7601-2020-58-55-75

Banegas A., Montes-Rojas G., Siga L. 2018. *The Effect of Monetary Policy Shocks on Mutual Fund Investing*. DOI: 10.2139/ssrn.3550128

Bera A.K., Sosa-Escudero W., Yoon M. 2001. Tests for the Error Component Model in the Presence of Local Misspecification. *Journal of Econometrics*. 101(1). P. 1–23. DOI: 10.1016/S0304-4076(00)00071-3

Berk J.B., van Binsbergen J.H. 2015. Measuring Skill in the Mutual Fund Industry. *Journal of Financial Economics*. 118(1). P. 1–20. DOI: 10.2139/ssrn.2038108

Campello M., Chen L., Zhang L. 2008. Expected Returns, Yield Spreads, and Asset Pricing Tests. *The Review of Financial Studies*. 21(3). P. 1297–1338. DOI: 10.1093/rfs/hhn011

Carhart M. 1997. On Persistence in Mutual Fund Performance. *The Journal of Finance*. №52. P. 57–82. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb03808.x

Chen H.-L., Jegadeesh N., Wermers R. 2000. The Value of Active Mutual Fund Management: An Examination of the Stockholdings and Trades of Fund Managers. *Journal of Financial and Quantitative analysis*. 35(3). P. 343–368. DOI: 10.2307/2676208

Chen J., Hong H., Huang M., Kubik J. 2004. Does Fund Size Erode Performance? Liquidity, Organizational Diseconomies, and Active Money Management. *American Economic Review*. №94. P. 1276–1302. DOI: 10.2139/ssrn.327960

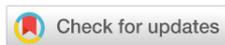
Crane A., Crotty K. 2018. Passive Versus Active Fund Performance: Do Index Funds Have Skill? *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 53(1). P. 33–64. DOI: 10.1017/S0022109017000904

Cremers K., Peajisto A. 2009. How Active you Fund Manager? A Measure that Predicts Performance. *The Review of Financial Studies*. 22(9). P. 3329–3365. DOI: 10.2139/ssrn.891719

Dahlquist M., Engstrom S., Soderlind P. 2000. Performance and Characteristics of Swedish Mutual Funds. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 35(3). P. 409–423. DOI: 10.2307/2676211

Daniel K., Grinblatt M., Titman S., Wermers R. 1997. Measuring Mutual Fund Performance with Characteristic-Based Benchmarks. *The Journal of Finance*. №52. P. 1035–1058. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1997.tb02724.x

- Fama E.F. 1970. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. *The Journal of Finance*. 25(2). P. 383–417. DOI: 10.2307/2325486
- Fan Y., Lin C.Y. 2020. Active vs. Passive, the Case of Sector Equity Funds. *Financial Services Review*. №28. P. 159–177. URL: https://www.researchgate.net/publication/356587869_Active_vs_passive_the_case_of_sector_equity_funds (accessed 10.06.2023)
- Ferreira M., Keswani A., Miguel A., Ramos S. 2013. The Determinants of Mutual Fund Performance: A Cross-Country Study. *CFA Digest*. №43. DOI: 10.2469/dig.v43.n3.47
- Frank M.M., Poterba J., Shackelford D., Shoven J. 2014. Copycat Funds: Information Disclosure Regulation and the Returns to active Management in the Mutual Fund Industry. *Journal of Law and Economics*. 47(2). P. 515–541. DOI: 10.2139/ssrn.293617
- Goetzmann W. N., Ibbotson R. G. 1994. Do Winners Repeat? *The Journal of Portfolio Management*. 20(2). P. 9–18. DOI: 10.3905/jpm.1994.9
- Grinblatt M., Titman S. 1989. Mutual Fund Performance: An Analysis of Quarterly Portfolio Holdings. *The Journal of Business*. 62(3). P. 393–416. DOI: 10.1086/296468
- Gruber M. J. 1996. Another Puzzle: The Growth in Actively Managed Mutual Funds. *The Journal of Finance*. 51(3). P. 783–810. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1996.tb02707.x
- Jensen M. 1968. The Performance of Mutual Funds in the Period 1945–1964. *The Journal of Finance*. 23(2). P. 389–416. DOI: j.1540-6261.1968.tb00815.x
- Kacperczyk M., Nieuwerburgh S. V., Veldkamp L. 2014. Time-Varying Fund Manager Skill. *The Journal of Finance*. 69(4). P. 1455–1484. DOI: 10.1111/jofi.12084
- Kurbatskii A. 2022. Active Strategy and other Key Factors of Mutual Funds' Performance. *Montenegrin Journal of Economics*. 18(3). P. 99–107. DOI: 10.14254/1800-5845/2022.18-3.8
- Malkiel B.G. 1995. Returns from Investing in Equity Mutual Funds 1971 to 1991. *The Journal of Finance*. 50(2). P. 549–572. DOI: 10.2307/2329419
- Meier I., Rombouts J. 2009. *Style Rotation and Performance Persistence of Mutual Funds*. Working Paper. Montréal: HEC. DOI: 10.2139/ssrn.1313242
- Pástor L., Stambaugh R. F. 2012. On the Size of the Active Management Industry. *Journal of Political Economy*. 120(4). P. 740–781. DOI: 10.1086/667987
- Pollet J., Wilson M. 2008. How does Size Affect Mutual Fund Behavior? *The Journal of Finance*. 63(6). P. 2941–2969. DOI: 10.2139/ssrn.918250
- Rapach D.E., Strauss J.K., Zhou G. 2010. Out-of-Sample Equity Premium Prediction: Combination Forecasts and Links to the Real Economy. *The Review of Financial Studies*. 23(2). P. 821–862. DOI: 10.2139/ssrn.1257858
- Welch I., Goyal A. A 2008. Comprehensive Look at The Empirical Performance of Equity Premium Prediction. *The Review of Financial Studies*. 21(4). P. 1455–1508. DOI: 10.1093/rfs/hhm014
- Wermers R., Smith R. 2003. *Are Mutual Fund Shareholders Compensated for Active Management "Bets"?* URL: https://www.researchgate.net/publication/228695647_Are_mutual_fund_shareholders_compensated_for_active_management_bets (accessed 10.06.2023)

Драйверы и ограничители индийской стартап-индустрии

М.С. Рещикова

Московский государственный институт международных отношений МИД России (университет)

В работе поднимается вопрос о том, насколько эффективно в условиях трудностей экономического и социального развития функционирует экосистема стартапов в Индии, получающая всестороннюю поддержку государства. Подробно изучив деятельность индийских предпринимателей и инвесторов, а также базовые документы правительства Индии, касающиеся программы развития экосистемы стартапов, доклады исследовательских и аналитических центров, содержащие ключевые показатели состояния отрасли, автор пришла к выводу о том, что в настоящее время экосистема стартапов, несмотря на многие достижения, недостаточно эффективна в силу сохраняющихся трудностей как административно-регуляторного, так и социально-экономического характера. Небывалый взлёт данной сферы в 2021 г. подчеркнул имеющиеся проблемы, продемонстрировав невозможность выстроить устойчивый механизм поддержки стартапов, игнорируя недостатки, сдерживающие предпринимательский и потребительский потенциал экономики. Результаты данного исследования демонстрируют мощный потенциал индийской стартап-индустрии, которая, безусловно, является одной из движущих сил экономического развития, даже несмотря на то, что она не лишена ряда уязвимых элементов. Опыт Индии, включая те трудности, с которыми она сталкивается на пути создания здоровой экосистемы стартапов, может быть полезен, в том числе и для России.

Ключевые слова: Индия; экономика Индии; инновационное и технологическое развитие; государственная научно-техническая и инновационная политика; экосистема стартапов; предпринимательская деятельность; финансирование стартапов; технологическое предпринимательство; венчурное предпринимательство; венчурные инвестиции

За последние годы в Индии существенно возросло количество молодых компаний-стартапов, функционирующих как в традиционных секторах экономики, так и сфере цифровых технологий. Первые подобные проекты появились в период системных реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг., направ-

УДК 334.01(540)

Поступила в редакцию: 20.01.2023

Принята к публикации: 25.04.2023

ленных на внешне- и внутриэкономическую либерализацию хозяйственной деятельности в стране. В то время были созданы первые крупные индийские компании в сферах информационных технологий (ИТ) и телекоммуникаций¹, что заложило основу будущего роста национальной экосистемы стартапов.

В 2000-е гг. стартапы распространились на область интернет-технологий, в том числе электронной коммерции и логистики (Устюжанцева 2021), что объяснялось ориентацией бизнеса на потребителей (по модели *business-to-consumer, B2C*). В 2010-е гг. отдельные индийские компании привлекли внимание крупных инвесторов (Kogreck 2019), что в сочетании с активной государственной политикой по поддержке предпринимательской деятельности привело к стремительному росту количества стартапов и финансовых вложений в эту сферу. В настоящее время наблюдается «третья волна» развития стартапов в Индии, для которой характерны модели «бизнес для бизнеса» (*business-to-business, B2B*), глубинные технологии и инновации, основанные на объектах интеллектуальной собственности (*intellectual property (IP)-driven innovations*)².

Небывалый подъём индийской стартап-индустрии во второй половине 2010-х гг. стал следствием ряда правительственных мер. В 2013 г. была принята программа «Научно-технологическая и инновационная политика Индии», нацеленная на формирование сильной научной, исследовательской и инновационной системы на базе высоких технологий³. В 2014 г., после прихода к власти правительства Нарендры Моди, был продолжен курс на развитие национальной инновационной системы, и в августе 2015-го, во время своего выступления по случаю Дня независимости Индии, премьер-министр озвучил «новое видение» индийской экономики с опорой на предпринимательский потенциал. На основе высказанных главой правительства идей в январе 2016 г. была принята государственная программа «Стартап Индия» (*Startup India*) и разработан План действий (*Startup India Action Plan*), объединивший задачи по ключевым направлениям: 1) упрощение регуляторных процедур и законодательная поддержка, 2) финансирование, кредитование и льготное налогообложение, 3) партнёрство по линии бизнес – университеты и инкубация⁴. Одновременно была введена процедура «одобрения» стартап-заявок Департаментом промышленной политики и продвижения товара Министерства торговли и промышленности Индии через онлайн-платформу *Startup India Hub*⁵.

¹ Gulshan R., Erande Y. India's Startup Story. *Unlocking True Potential*. URL: <http://media-publications.bcg.com/bcg-sift-1-3-indias-startup-story-unlocking-true-potential.pdf> (accessed 31.03.2023)

² Choudhury S.P., Sharma S., Jain S. 2019. Three Waves: Tracking the Evolution of India's Startups. *Knowledge at Wharton*. November 5. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/three-waves-tracking-evolution-indias-startups> (accessed 31.03.2023)

³ *Science, Technology and Innovation Policy 2013*. URL: <http://dst.gov.in/sites/default/files/STI%20Policy%202013-English.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁴ *Action Plan*. January 16, 2016. URL: <https://www.startupindia.gov.in/content/dam/invest-india/Templates/public/Action%20Plan.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁵ Startup Recognition Page. URL: <https://www.startupindia.gov.in/content/sih/en/recognition-page.html> (accessed 31.03.2023)

Стартапом считается компания, инкорпорированная или зарегистрированная в Индии в течение не более чем десяти предшествующих лет, с ежегодным оборотом не более 1 млрд рупий⁶. Стартап должен заниматься «инновациями, разработкой или улучшением продуктов, процессов или услуг или представлять собой масштабируемую бизнес-модель, имеющую значительный потенциал с точки зрения создания рабочих мест или повышения благосостояния»⁷.

В рамках Плана действий был создан Фонд фондов для стартапов, выделяющий средства различным Альтернативным инвестиционным фондам (АИФ) из числа зарегистрированных Советом по ценным бумагам и биржам Индии (*Securities and Exchange Board of India, SEBI*), которые, в свою очередь, должны финансировать деятельность стартап-компаний в размере, как минимум вдвое превышающем полученные из Фонда средства⁸ (общий бюджет Фонда 100 млрд рупий). Задача данной инициативы, реализуемой через Банк развития малых предприятий Индии (*Small Industries Development Bank of India, SIDBI*)⁹, – предоставлять стартапам доступ к капиталу на разных стадиях развития, способствовать мобилизации отечественного капитала и снижению зависимости предпринимателей от иностранного, а также содействовать продвижению существующих и появлению новых национальных венчурных фондов. Согласно плану¹⁰, общая стоимость вложенных в молодые компании средств должна составить 480 млрд рупий.

Банк *SIDBI* управляет Фондом *ASPIRE* с капиталом 3,1 млрд рупий, который по той же схеме финансирует стартапы и другие малые и средние предприятия с упором на аграрный сектор и сельскую местность¹¹, и Фондом *India Aspiration Fund* с капиталом 20 млрд рупий, призванным продвигать и поддерживать вложения в акционерный капитал стартапов и малых и средних предприятий также через АИФ¹².

⁶ Такое определение действует с 2019 г. Изначально в программе «Стартап Индия» 2016 г. к стартапам следовало относить компанию, инкорпорированную или зарегистрированную в Индии не позднее пяти предшествующих лет, с ежегодным оборотом не выше 250 млн рупий, работающую в направлении инноваций, разработки, распространения или коммерциализации новых продуктов, процессов или услуг на основе технологий и объектов интеллектуальной собственности.

⁷ 'Startup' definition incorporated in govt's procurement process. *The Economic Times*. August 7, 2021. URL <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/startup-definition-incorporated-in-govts-procurement-process/articleshow/85120009.cms> (accessed 31.03.2023); *Evolution of Startup India. Capturing the 5Year Story*. 2021. URL: https://www.startupindia.gov.in/content/dam/invest-india/Templates/public/5_years_Achievement_report%20_%20PRINT.pdf (accessed 31.03.2023)

⁸ *Funds: FFS*. URL: <https://www.sidbivcf.in/en/funds/ffs> (accessed 31.03.2023)

⁹ *Funds: Overview*. URL: <https://www.sidbivcf.in/en/funds/overview> (accessed 31.03.2023)

¹⁰ Press Release. *Ministry of Commerce & Industry*. September 26, 2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaselframePage.aspx?PRID=1862374> (accessed 31.03.2023)

¹¹ *Funds: Aspire*. URL: <https://www.sidbivcf.in/en/funds/aspire-fund-af> (accessed 31.03.2023)

¹² *Funds: IAF*. URL: <https://www.sidbivcf.in/en/funds/iaf> (accessed 31.03.2023)

Помимо этого, действует схема финансирования стартапов на «посевной стадии» (*Startup India Seed Fund Scheme, SISFS*) с бюджетом 9,5 млрд рупий, ориентированная на поддержку стартапов на этапах проверки концепций, разработки прототипов, испытания продуктов, выхода на рынок и коммерциализации¹³.

В рамках национального проекта разрабатываются и реализуются другие меры по поддержке стартапов на уровне государства и отдельных штатов.

Цель данного исследования состоит в выявлении основ быстрого роста индийской экосистемы стартапов, её главных достижений и проблем. Автор стремится дать ответ на вопрос о том, насколько эффективно функционирует индийская индустрия стартапов, получающая всестороннюю поддержку государства.

Актуальность и значимость данного исследования определяется ценностью индийского опыта построения современной экосистемы стартапов, основанной на новейших технологиях, в условиях сохранения значительных элементов социально-экономической отсталости и региональной разобщённости.

В качестве основной гипотезы исследования автор выдвигает положение о том, что Индии удалось достичь значительных успехов на пути создания эффективной экосистемы стартапов, однако существенными сдерживающими факторами остаются как имеющиеся социально-экономические проблемы, так и недостатки административного регулирования, издержки механизмов управления и финансирования стартапов, а также особенности индийского общества и деловой среды. Перспективы дальнейшего роста этой сферы непосредственно зависят от того, насколько успешно и оперативно Индии удастся преодолеть имеющиеся трудности.

Исследовательскую литературу по данному вопросу можно разделить на три группы: 1) правительственные документы, касающиеся программы «Стартап Индия», в том числе План действий по реализации данной инициативы, и отчёты по достигнутым результатам; 2) аналитические доклады индийских организаций – Национальной ассоциации компаний-разработчиков программного обеспечения и услуг (*The National Association of Software and Service Companies, NASSCOM*) и индийской технологической медиаплатформы *Inc42*; 3) научные статьи индийских, российских авторов и экспертов из других стран.

Среди источников третьей группы следует выделить работу О.В. Устюжанцевой (Устюжанцева 2021) с кратким обзором индийской стартап-индустрии. К проблемам этой сферы автор относит недостаточно высокое качество человеческих ресурсов, низкий уровень «посевного» финансирования, неприменимость западных бизнес-моделей к индийскому рынку, низкую производ-

¹³ *Seed Fund Scheme*. URL: <https://seedfund.startupindia.gov.in> (accessed 31.03.2023)

ственную ориентацию деятельности молодых компаний и сосредоточение на сфере услуг. Данный перечень представляется неполным, и, кроме того, в работе не рассматриваются основные драйверы развития экосистемы стартапов.

Ирландские экономисты А. Тивари, Т. Хоган и К. О'Горман (Tiwari et al. 2021) в оценке политики Индии по развитию экосистемы стартапов выделяют три пункта: «хорошее», к чему авторы относят расширение географической представленности индустрии стартапов; «плохое», в качестве которого назван неэффективный механизм финансирования; и «уродливое», а именно игнорирование вопросов гендерного и кастового неравенства. В то время как с первыми двумя пунктами нельзя не согласиться, последний вызывает сомнения, что будет рассмотрено в данной статье.

Работы, посвящённые изучению стартап-индустрии в Индии до 2019 г., не охватывают стремительное развитие отрасли в последние годы. Наиболее полный анализ состояния экосистемы стартапов представлен в исследовании С. Коррек (Korreck 2019), где подробно рассмотрены особенности ведения предпринимательской деятельности в Индии и даны рекомендации по увеличению эффективности стартап-индустрии. Почти идентичные положения содержатся в работах индийских экспертов Р.С. Пателя (Patel 2019), Г.П. Кумара (Kumar 2018), Г.С. Бабу и К. Сридеви (Babu, Sridevi 2019): везде определены «вызовы» для предпринимателей, возможности рынка, а также описаны правительственные инициативы, направленные на развитие сектора. Информация, изложенная в названных работах, нуждается в актуализации.

Доклад Института Азиатского банка развития (David et al. 2020) посвящён анализу инвестиционных трендов в стартап-индустрии, вопросам финансирования, роли государства и отдельных штатов.

В работе К.Ч. Даса (Das 2022) выявлены основные тенденции в развитии экосистемы стартапов в 2016–2021 гг., определены имеющиеся «серые зоны» в научной литературе по данному вопросу и обозначены направления дальнейших изысканий.

В ходе исследования автором были рассмотрены основные показатели, характеризующие современное состояние стартап-индустрии в Индии, главные драйверы этой отрасли, проблемы и перспективы развития. Помимо сравнительного анализа данных, полученных в результате изучения первичных и вторичных источников, автор прибегла к экономико-статистическим методам для обработки статистической информации, а для их иллюстрации – к графическому методу.

Основные тенденции и достижения

В результате активной реализации программы «Стартап Индия» на национальном и региональном уровнях Индии удалось за относительно короткий период существенно расширить свою экосистему стартапов. Количество компаний, «одобренных» в 2021/22 финансовом году (ф.г.)¹⁴, почти в 20 раз превышало показатель 2016/17 ф.г.¹⁵, а по данным на 28 февраля 2023 г. в Индии действовало 92 683 «одобренных» стартапа¹⁶. В каждом из 36 штатов и территорий и в большинстве округов (в 652 из 732) действует хотя бы один такой стартап¹⁷. Общая стоимость экосистемы в 2022 г. оценивалась в 370 млрд долл., и за 2011–2021 гг. было создано 660 тыс. «прямых» рабочих мест и более 3,4 млн «косвенных»¹⁸. В 2022 г. количество «прямых» рабочих мест увеличилось на 269 тыс.¹⁹.

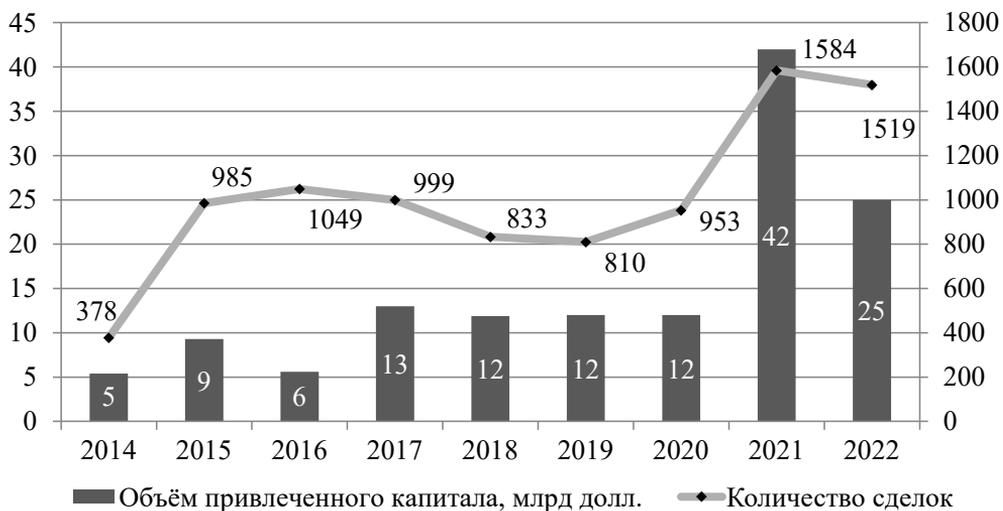

Рис. 1. Объём привлечённого капитала в стартап-индустрию, и количество сделок (2014–2022 гг.)

Figure 1. Amount of Investment to Startup Industry and Number of Deals (2014–2022)

Источник: *Indian Tech Startup Funding Report. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)*

¹⁴ Финансовый год в Индии длится с 1 апреля по 31 марта.

¹⁵ Kapoor M. 2022. 2022 – A Remarkable Year for Indian Startups. *Startup Talky*. December 20. URL: <https://startuptalky.com/yearly-indian-startups-growth-stats> (accessed 31.03.2023)

¹⁶ Government recognises 92,683 entities as startups as on February 28. *The Economic Times*. March 15, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/startups/govt-recognises-92683-as-startups-as-on-feb-28/articleshow/98666437.cms> (accessed 31.03.2023)

¹⁷ Number of recognised startups in India rises to 65,861, says govt. *Business Standard*. March 22, 2022. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/number-of-recognised-startups-in-india-rises-to-65-861-says-govt-122032500790_1.html (accessed 31.03.2023)

¹⁸ India to have 200 unicorns by 2025: Nasscom-Zinnov. Economic Diplomacy Division, *Ministry of External Affairs*. January 31, 2022. URL: <https://indbiz.gov.in/india-to-have-200-unicorns-by-2025-nasscom-zinnov> (accessed 31.03.2023)

¹⁹ Kaur J. 2023. Economic Survey 2022-23: DPIIT Recognized Startups Have Created Over 9 Lakh Direct Jobs. *Inc42*. January 31. URL: <https://inc42.com/buzz/economic-survey-2022-23-dpiit-recognised-startups-have-created-over-9-lakh-direct-jobs> (accessed 31.03.2023)

За 2014–2022 гг. объём вложенных средств составил 136 млрд долл., причём за 2021 и 2022 гг. было инвестировано 67 млрд долл., что сопоставимо с 69 млрд долл. за весь период 2014–2020 гг. (см. рис. 1).

В финансировании стартапов приняли участие более 9,5 тыс. инвесторов, заключены более 9 тыс. сделок, из которых 322 оценивались в 100 млн долл. и выше²⁰.

Из Фонда фондов на 30 ноября 2022 г. было профинансировано 720 стартапов: более 75 млрд рупий было передано 88 АИФ, которые инвестировали в молодые компании более 112 млрд рупий²¹. Компаниями, которые получили поддержку в рамках данной схемы, было создано 60 тыс. рабочих мест, среди которых 46 тыс. получили мужчины, 14 тыс. – женщины²². В среднем АИФ вкладывали в стартапы в 3,7 раза больше, чем получали от Фонда²³.

В рамках схемы *SISFS* по данным на 30 ноября 2022 г. было одобрено выделение 126 инкубаторам более 4,5 млрд рупий, и из них 1,8 млрд рупий были освоены²⁴.

Наибольшая активность в сфере стартапов наблюдается в штатах и крупных городах т.н. «первого пояса» (*Tier 1*)²⁵. Здесь сформировались ведущие стартап-хабы, причём на три центра, получивших название «признанных хабов» (*established hubs*), – Бангалор, Дели (Национальный столичный округ, НСО) и Мумбаи – пришлось около 90% привлечённых в 2014–2022 гг. средств (см. рис. 2).

В последние годы наблюдается рост предпринимательской активности в «формирующихся хабах» (*emerging hubs*) в штатах Андхра-Прадеш, Ассам, Гоа, Гуджарат, Джамму и Кашмир, Западная Бенгалия, Керала, Одиша, Пенджаб, Раджастан, Телингана и Чандигарх²⁶. В 2021–2022 гг. объёмы привлечённых средств выросли на 107% и 41% соответственно при общем снижении объёма инвестиций в стартап-индустрию в 2022 г. и падении этого показателя для «признанных хабов» на 48%²⁷.

²⁰ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

²¹ Press Release. *Ministry of Commerce & Industry*. September 26, 2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaselframePage.aspx?PRID=1862374> (accessed 31.03.2023)

²² Impact. URL: <https://www.sidbivcf.in/en/impact> (accessed 31.03.2023)

²³ Press Release. *Ministry of Commerce & Industry*. September 26, 2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaselframePage.aspx?PRID=1862374> (accessed 31.03.2023)

²⁴ Govt recognises 84,102 entities as startups as on November 30. *The Economic Times*. December 7, 2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/startups/govt-recognises-84102-entities-as-startups-as-on-november-30/article-show/96057952.cms> (accessed 31.03.2023)

²⁵ Ахмадабад, Бангалор, Дели, Колката, Мумбаи, Пуна, Хайдарабад, Ченнаи.

²⁶ Kashyap H. 2022. *Telangana, Rajasthan, Gujarat And More: Here Are The Emerging Startup Hubs Of India*. *Inc42*. August 22. URL: <https://inc42.com/features/teelangana-rajasthan-gujarat-emerging-startup-hubs-india> (accessed 31.03.2023)

²⁷ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/reports/indian-tech-startup-funding-report-2022> (accessed 31.03.2023)

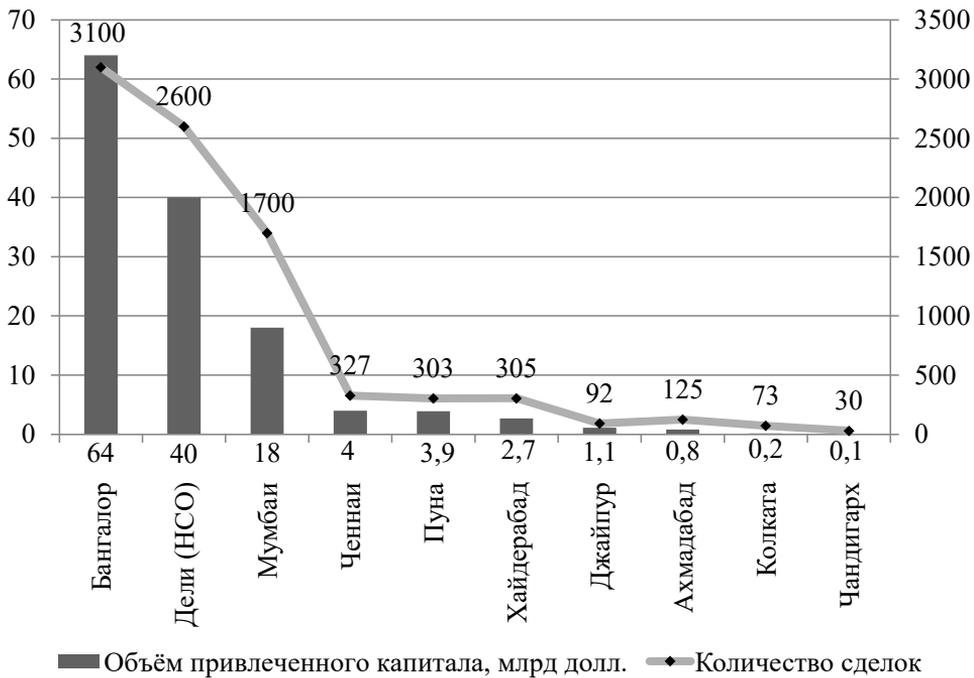

Рис. 2. Ведущие стартап-хабы по объёму привлечённого капитала и количеству сделок в 2014–2022 гг.

Figure 2. Leading Startup Hubs Regarding Amount of Investment and Number of Deals (2014-2022)

Источник: National Startup Day. Celebrating the Age of Startups. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/national_startup_day_report (accessed 31.03.2023)

Активность стартап-компаний охватывает более 50 сфер экономики. Максимальное число «одобренных» стартапов функционируют в областях ИТ (11 099 компаний), здравоохранения и наук о жизни (8 691), образования (5 962), сельского хозяйства (4 653), пищевой промышленности (4 523)²⁸. По объёму привлечённого капитала лидируют сферы электронной коммерции, финансовых технологий, потребительских услуг и корпоративных технологий (около 60% инвестиций в 2014–2022 гг.) (см. рис. 3).

²⁸ Government recognizes 92,683 entities as startups as on February 28. *The Economic Times*. March 15, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/startups/govt-recognises-92683-as-startups-as-on-feb-28/articleshow/98666437.cms> (accessed 31.03.2023)

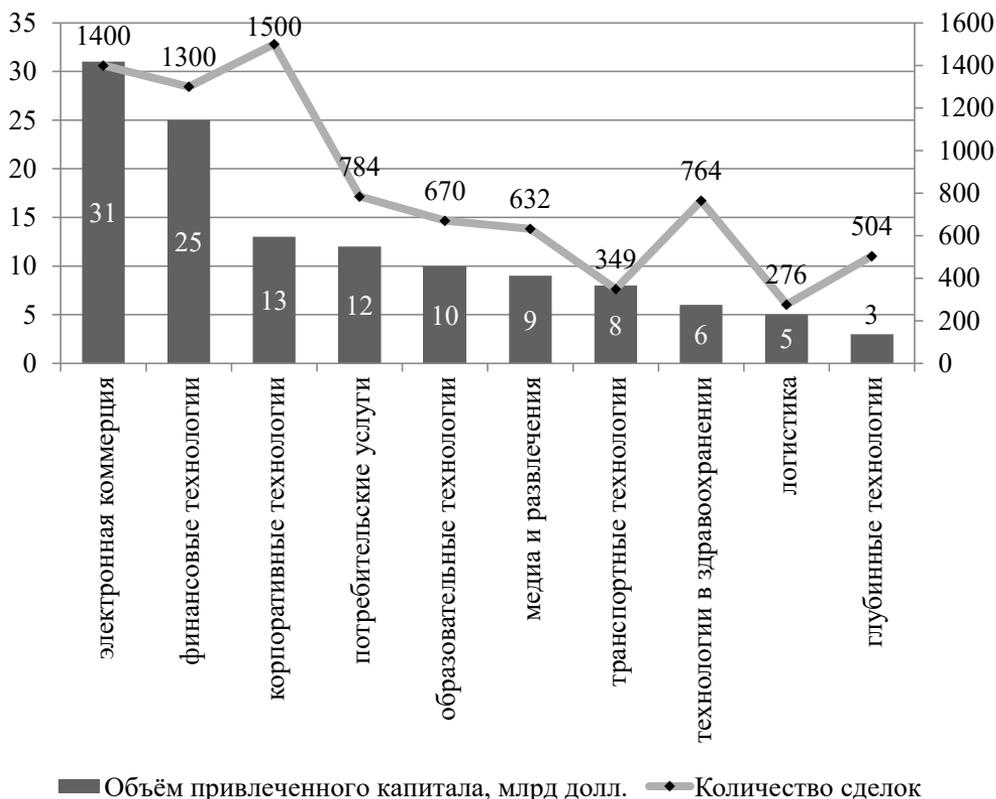

Рис. 3. Ведущие сферы деятельности стартапов по объёму привлечённого капитала и количеству сделок (2014–2022 гг.)

Figure 3. Leading Spheres of Startup Activity Regarding Amount of Investment and Number of Deals (2014-2022)

Источник: National Startup Day. Celebrating the Age of Startups. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/national_startup_day_report (accessed 31.03.2023)

Стартапы занимаются производством продовольствия, разработкой новых продуктов, созданием приложений, профессиональной подготовкой, ИТ-консалтингом, оказанием услуг по поддержке бизнеса, созданием веб-сайтов, разработкой технологий в агропромышленном комплексе, образовании, онлайн-обучении, в сфере здравоохранения и поддержания здорового образа жизни, в областях солнечной энергетики, строительства, инжиниринга и машинного обучения²⁹.

²⁹ Startup India Scaling New Heights. URL: <https://transformingindia.mygov.in/wp-content/uploads/2021/06/Startup-India-1.pdf> (accessed 31.03.2023)

Индия занимает третье место в мире после США и Китая по числу «единорогов» – компаний, оцениваемых в 1 млрд долл. и выше. Такого результата ей удалось достичь благодаря значительному скачку в 2021 г., когда к списку «миллиардников» добавилось более 40 компаний, а в 2022 г. этот список пополнился ещё 21 компанией³⁰. За 2021–2022 гг. в индийской экосистеме стартапов появилось больше «единорогов», чем за весь период до 2020 г. включительно (65 против 43)³¹. Сократилось и время, требуемое для достижения этого статуса: до 2010 г. индийским компаниям требовалось в среднем 12 лет, а сейчас этот показатель составляет пять – семь лет, что приближает Индию к государствам с развитой стартап-индустрией³².

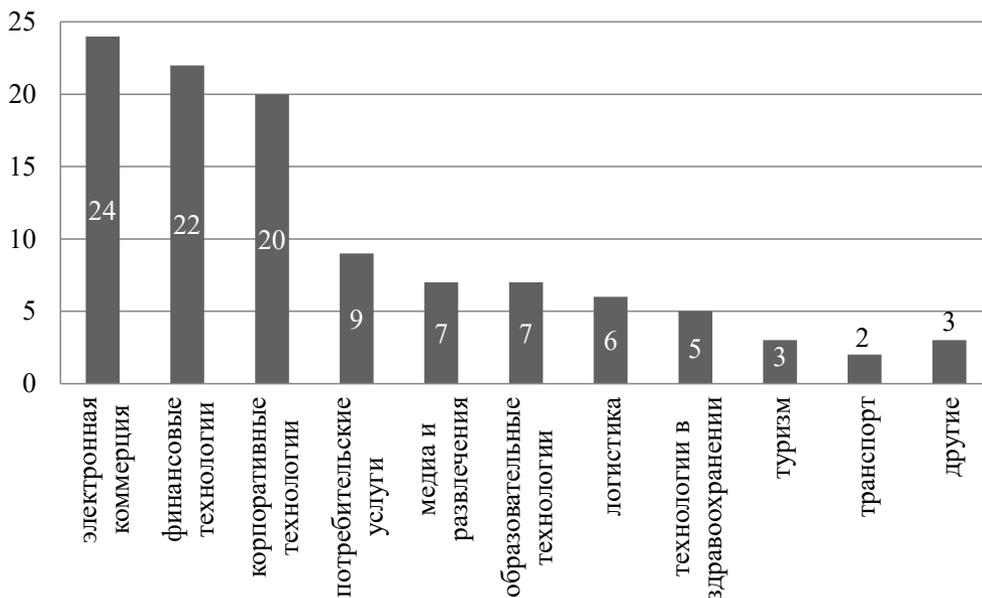

Рис. 4. Отраслевое распределение «единорогов», количество компаний (2022 г.)

Figure 4. Sectoral Distribution of “Unicorns”, Number of Companies (2022)

Источник: Indian Tech Startup Funding Report. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

³⁰ Индийская статистика расходится в оценках с международной (см. напр.: Global Unicorn Index 2021. *Hurun Research Institute*. December 20, 2021. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=R18H7AJUWBIX>; Global Unicorn Index 2022 Half-Year Report. *Hurun Research Institute*. August 30, 2022. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=HD7Q8RVHK6WE> (accessed 31.03.2023)

³¹ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

³² The State of Indian Startup Ecosystem Report. 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/reports/the-state-of-indian-startup-ecosystem-report-2022> (accessed 31.03.2023)

К концу 2022 г. 108 стартапов стали «единорогами», их общая стоимость составляла 345 млрд долл., суммарный объём привлечённых инвестиций – 94 млрд долл. При этом следует делать оговорку, что из этого числа семь компаний были выкуплены, две – созданы без привлечения внешнего финансирования³³, одиннадцать вышли на IPO, а стоимость трёх оценивалась менее чем в 1 млрд долл.³⁴, и таким образом действующих «единорогов» было лишь 85³⁵.

Компании-«единороги» представлены во всех ключевых сферах экономической активности (см. рис. 4), в первую очередь в электронной коммерции (причём девять стартапов являются торговыми онлайн-площадками), финансовых технологиях (38% «единорогов» в этой области функционируют в сфере платежей) и корпоративных технологиях (70% таких компаний действуют в секторе программного обеспечения). Подавляющая доля «миллиардников» приходится на города «первого пояса»: Бангалор – 40 стартапов, Дели (НСО) – 36, Мумбаи – 17, Пуна – семь, Ченнаи – пять, Хайдарабад – два³⁶.

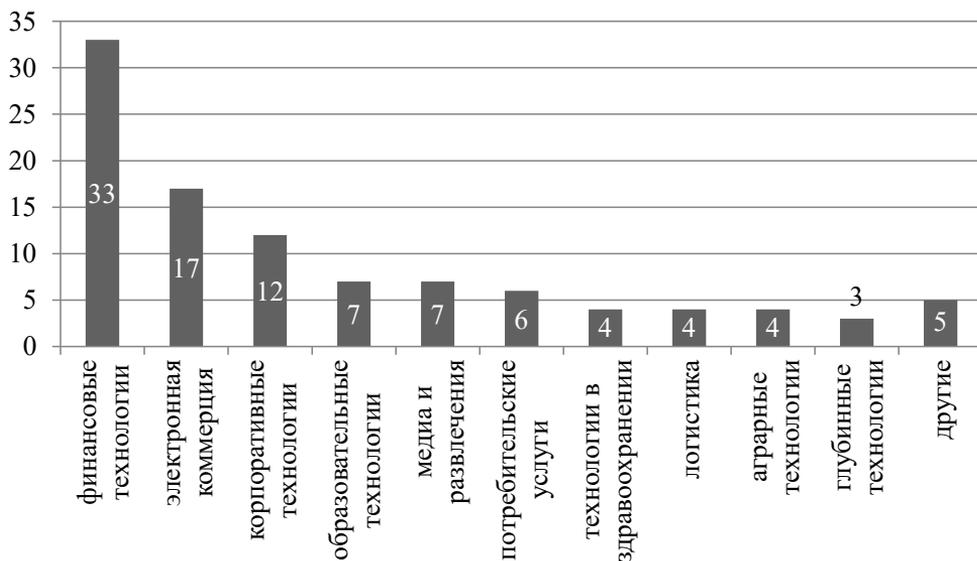

Рис. 5. Отраслевое распределение «будущих единорогов», количество компаний (2022 г.)

Figure 5. Sectoral Distribution of “Soonicorns”, Number of Companies (2022)

Источник: National Startup Day. Celebrating the Age of Startups. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/national_startup_day_report (accessed 31.03.2023)

³³ Т.н. «бутстрапированные стартапы» (*bootstrapped startups*), которые для создания и развития компании используют только собственные финансовые средства.

³⁴ Несмотря на это, в индийских источниках они продолжали фигурировать в качестве «единорогов».

³⁵ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. Inc42. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

³⁶ Ibid.

Согласно прогнозам, значительное число компаний может пополнить этот список: на конец 2022 г. насчитывалось 102 «будущих единорога» (*soonicorn*s, *soon-to-become unicorns*), причём наибольший прирост ожидался в сфере финансовых технологий (см. рис. 5). 44 стартапа из этого списка располагаются в Бангалоре, 24 – в Мумбаи, 20 – в Дели (НСО)³⁷.

Помимо «единорогов», в стартап-индустрии принято выделять «декакорнов» (*decacorns*) – стартапы стоимостью 10 млрд долл. и более. На июль 2022 г. в мире насчитывалось 46 таких компаний, в т.ч. четыре – индийские (*Flipkart*, *VYJU's*, *Nykaa*, *Swygy*)³⁸.

Особое значение для развития научно-технологического и инновационного потенциала Индии имеют стартапы, работающие в сфере технологий. Согласно отчёту за 2011–2022 гг., на индийском рынке насчитывается 25–27 тыс. подобных компаний, притом более 2250 стартапов появились в 2021 г.³⁹ и более 1300 – в 2022 г.⁴⁰. За 2019–2022 г. в технологические стартапы Индии было вложено 63 млрд долл., причём в 2021–2022 гг. показатели инвестиций существенно превышали допандемийный уровень вложений (см. рис. 6).

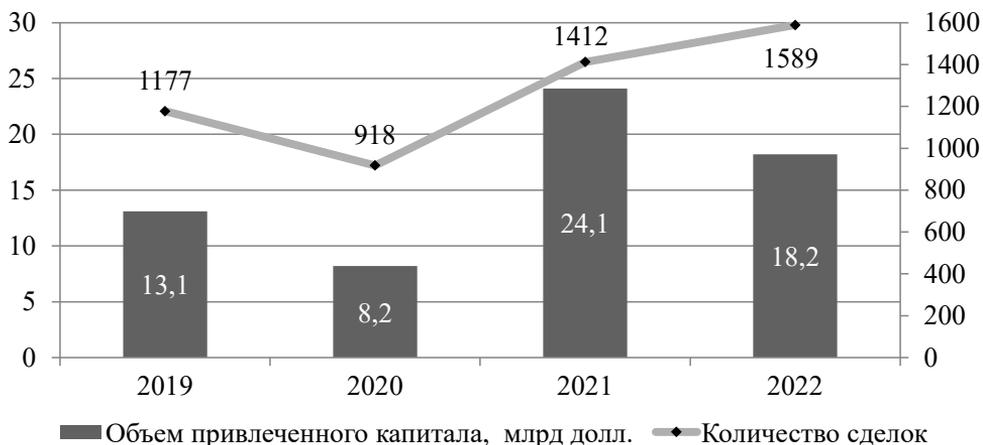

Рис. 6. Объём привлечённого капитала в технологические стартапы и число сделок (2019–2022 гг.)

Figure 6. Amount of Investment to Tech Startups and Number of Deals (2019–2022)

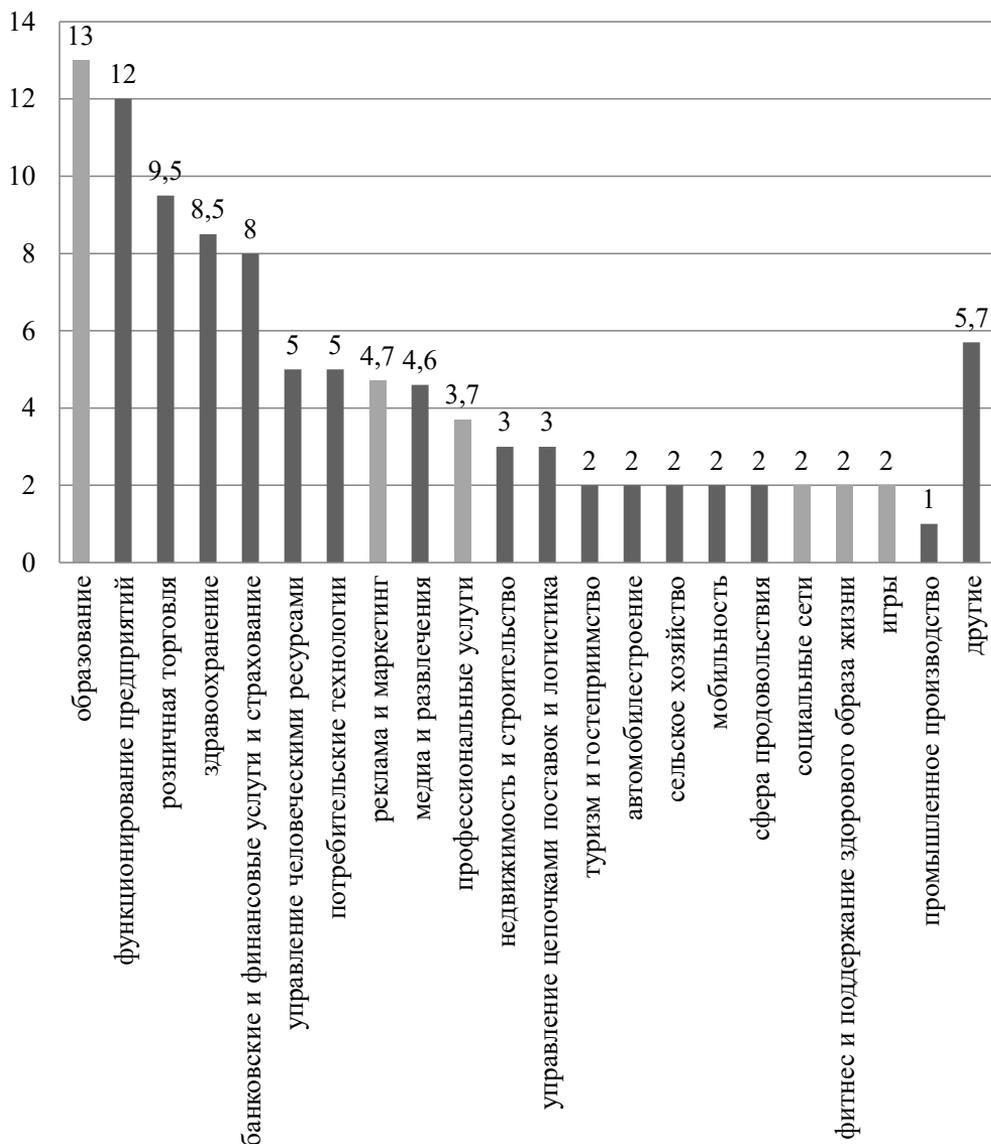
Источник: *Above Uncertainty: The 2022 Saga of Indian Tech Start Ups*. NASSCOM Zinnov. URL: <https://nasscom.in/system/files/publication/rising-above-uncertainty-the-2022-saga-of-indian-tech-start-ups.pdf> (accessed 31.03.2023)

³⁷ Ibid.

³⁸ *The Indian Unicorn Landscape*. URL: <https://www.investindia.gov.in/indian-unicorn-landscape> (accessed 31.03.2023)

³⁹ *NASSCOM Tech Start-Up Report 2021 – Year of the Titans*. NASSCOM-Zinnov. URL: <https://community.nasscom.in/communities/productstartups/nasscomtechstartreport2021yeartitans> (accessed 31.03.2023)

⁴⁰ *Rising Above Uncertainty: The 2022 Saga of Indian Tech StartUps*. NASSCOM-Zinnov. URL: <https://nasscom.in/system/files/publication/rising-above-uncertainty-the-2022-saga-of-indian-tech-start-ups.pdf> (accessed 31.03.2023)

Светло-серым выделены отрасли, чьи темпы прироста в 2021 г. превышали 50%.

Рис. 7. Отраслевое распределение технологических стартапов, доля в общем количестве технологических стартапов, % (2021 г.)

Figure 7. Sectoral Distribution of Technological Startups, Share in the Total Number of Technological Startups, % (2021)

Источник: NASSCOM Tech Start Up Report 2021 Year of the Titans. NASSCOM Zinnov. URL: <https://community.nasscom.in/communities/productstartups/nasscom-tech-start-report-2021-year-titans> (accessed 31.03.2023)

В 2021 г. деятельность более 50% всех технологических стартапов была связана с пятью сферами: образованием, корпоративными технологиями, розничной торговлей, здравоохранением и банковскими, финансовыми услугами и страхованием (см. рис. 7). Среднегодовые темпы роста ряда отраслей в 2016–2021 гг. превышали 50%⁴¹.

12% технологических стартапов работают с глубинными технологиями. Таких компаний более 3000, в т.ч. 64% ориентированы на развитие технологий искусственного интеллекта, 19% функционируют в сфере Интернета вещей, 18% работают с большими данными и аналитикой, 9% – с технологиями блокчейн, 7% – дополненной и виртуальной реальности, 4% – 3d-печати и дронов⁴².

Перспективным направлением стартап-индустрии считается новое поколение Интернета – *Web 3.0*, в основе которого лежат технологии блокчейн. По данным на март 2022 г., в Индии в этой сфере функционировало более 450 стартапов, из которых более 160 были созданы в 2021–2022 гг., а четыре были «единорогами». Общий объём финансирования с 2021 г. составил почти 1,3 млрд долл. против 50 млн долл. за 2019–2020 гг. В среднем в 2015–2021 гг. количество таких компаний росло на 57% ежегодно. Более 80% стартапов расположены в городах и штатах «первого пояса»: Бангалор (30%), Дели (НСО) (20%), Мумбаи (11%), Хайдарабад (10%), Ченнаи (6%), Пуна (5%). Что касается отраслевой принадлежности компаний, значительная доля приходится на банковские, финансовые услуги и страхование (33%), корпоративные технологии (18%), технологии в сфере потребительских услуг (5%) и образования (5%). Область использования технологий блокчейн индийскими стартапами не ограничивается криптовалютной торговлей: они применяются в децентрализованных финансах, сфере развлечений, инфраструктуре и т.д.⁴³. Среди основных достижений индийской сферы *Web 3.0* следует отметить два глобальных продукта: платформы *Polygon* и *FalconX*⁴⁴.

Ярким трендом 2021 г. стал массовый выход технологических стартапов на биржу. 11 компаний осуществили процедуру первичного публичного размещения акций (*IPO*), благодаря чему удалось привлечь 7,36 млрд долл. Ожидалось, что в 2022–2023 гг. эта тенденция укрепитя, т.к. более 20 стартапов планировали предпринять данный шаг⁴⁵.

⁴¹ NASSCOM Tech Start-Up Report 2021 – Year of the Titans. *NASSCOM-Zinnov*. URL: <https://community.nasscom.in/communities/productstartups/nasscom-tech-start-report-2021-year-titans> (accessed 31.03.2023)

⁴² Rising Above Uncertainty: The 2022 Saga of Indian Tech Start-Ups. *NASSCOM-Zinnov*. URL: <https://nasscom.in/system/files/publication/rising-above-uncertainty-the-2022-saga-of-indian-tech-start-ups.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁴³ The India Web3 Startup Landscape. *NASSCOM*. URL: https://nasscom.in/system/files/publication/The_India_Web3_Startup_Landscape_19102022.pdf (accessed 31.03.2023)

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Subramaniam N. 2021. From Nazara to MapmyIndia: Indian Tech Startups Raised Over \$7.3 Bn Through IPOs in 2021. *Inc42*. December 20. URL: inc42.com/features/from-nazara-to-mapmyindia-indian-tech-startups-raised-over-7-3-bn-through-ipos-in-2021 (accessed 31.03.2023)

Драйверы стартап-индустрии

Индия относится к числу самых быстро растущих экономик мира: в 2011–2021 гг. средние ежегодные темпы прироста ВВП (без учёта резкого падения в 2020 г. на 6,6%) составили 6,7%. По прогнозам, к 2030 г. она станет третьей экономикой мира с ВВП более 8 трлн долл.⁴⁶, что определяет интерес инвесторов всего мира, в т.ч. к финансированию стартап-проектов, многие из которых ориентированы на услуги или продукты, связанные с новейшими технологическими разработками.

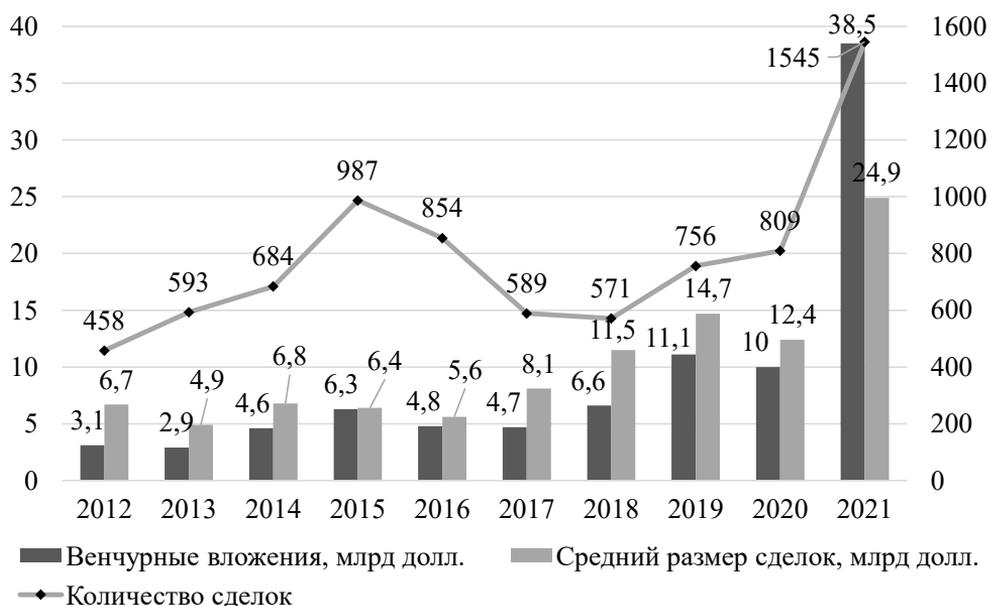

Рис. 8. Венчурные инвестиции в экономике Индии (2012–2021 гг.)

Figure 8. Venture Capital Investment in Indian Economy (2012–2021)

Источник: India Venture Capital Report 2022. Bain & Company. URL: <https://www.kalaari.com/wp-content/uploads/2022/04/Bain-India-VC-2022.pdf> (accessed 31.03.2023)

Масштабы венчурного финансирования за прошедшее десятилетие с 2012 по 2021 гг. существенно увеличились (см. рис. 8), что связано как с возросшей уверенностью инвесторов в связи с рядом примеров успешного «выхода», так и

⁴⁶ India to become 5th largest economy in 2025, 3rd largest by 2030: CEBR. *Business Standard*. December 26, 2020. URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/india-to-become-5th-largest-economy-in-2025-3rd-largest-by-2030-cerb-120122600277_1.html (accessed 31.03.2023); 3rd largest economy & market, a 5th of global growth: Morgan Stanley forecasts India's rise in coming decade. *The Economic Times*. November 8, 2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/3rd-largest-economy-market-a-5th-of-global-growth-morgan-stanley-forecasts-indias-rise-in-coming-decade/articleshow/95384904.cms> (accessed 31.03.2023)

с появлением новых секторов, таких как финансовые технологии и программное обеспечение как услуга. Даже в условиях пандемии 2020 г. объём вложенных средств составил 10 млрд долл., а в 2021 г. произошёл небывалый скачок этого показателя почти в четыре раза. Существенно увеличилось число сделок, их средний размер и общее количество инвесторов⁴⁷. В 2022 г. Индия заняла 4-е место (после США, Великобритании и Китая) по стоимости и объёму привлечённого венчурного капитала (с долями от общемирового объёма 5,1% и 6,3% соответственно). В 2022 г. на фоне глобальной финансово-экономической неопределённости и рыночной волатильности, сохранявшихся карантинных ограничений и низкой капиталоотдачи многих индийских компаний объёмы венчурного финансирования упали на 38,2%⁴⁸.

Значимым преимуществом Индии и двигателем её предпринимательского ресурса является молодое население: медианный возраст в Индии равен 27,6 лет⁴⁹. В 2020 г. доля граждан в возрасте 15–64 лет составила 67% (900 млн чел.), а к 2030 г. к этому числу добавятся ещё 100 млн чел. В 2030 г. 77% индийского населения будут принадлежать к «миллениалам» и поколению «Z», хорошо владеющим цифровыми устройствами и сервисами. В настоящее время число активных пользователей интернета составляет 750 млн чел., а к 2025 г. оно может подняться до 900 млн⁵⁰. Таким образом, население Индии обеспечивает не только трудовой, но и технологический ресурс страны.

О наличии существенного технологического и инновационного потенциала свидетельствует улучшение позиции страны по такому показателю, как Глобальный индекс инноваций: в 2015 г. – 81-е, в 2022 г. – уже 40-е место из 132 стран⁵¹. Правительство и истеблишмент делают особый акцент на формировании мощной технологической и инновационной базы через образование, НИОКР, различные программы по поощрению специалистов в сфере ИТ и других цифровых технологий⁵².

Каждый год на рынок выходят более 2 млн выпускников технических специальностей. В 2021 г. общая численность таких специалистов составила 3,8 млн чел., из которых около 30% были ориентированы на цифровые

⁴⁷ India Venture Capital Report 2022. *Bain & Company*. URL: <https://www.kalaari.com/wp-content/uploads/2022/04/Bain-India-VC-2022.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁴⁸ VC investment in Indian startups plunge by 38.2% in 2022, finds GlobalData. *GlobalData*. January 24, 2023. URL: <https://www.globaldata.com/media/business-fundamentals/vc-investment-in-indian-startups-plunge-by-38-2-in-2022-finds-globaldata> (accessed 31.03.2023)

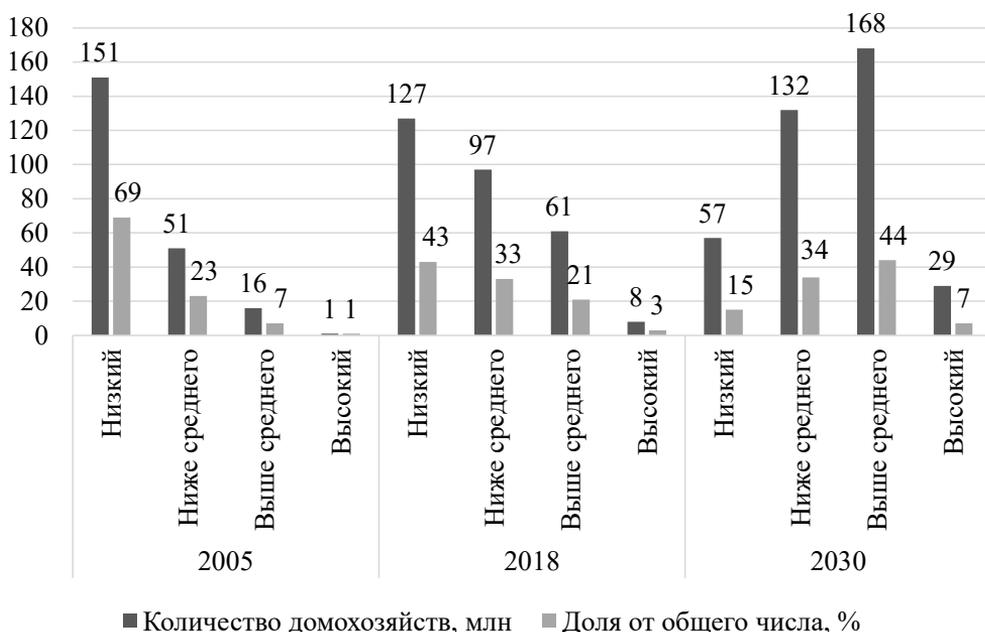
⁴⁹ India's Median Age. *World Economics*. URL: <https://www.worldeconomics.com/Demographics/Median-Age/India.aspx> (accessed 31.03.2023)

⁵⁰ The India Web3 Startup Landscape. *NASSCOM*. URL: https://nasscom.in/system/files/publication/The_India_Web3_Startup_Landscape_19102022.pdf (accessed 31.03.2023)

⁵¹ Global Innovation Index 2022. *WIPO*. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁵² *Science, Technology, and Innovation Policy*. December 2020. URL: https://dst.gov.in/sites/default/files/STIP_Doc_1.4_Dec2020.pdf (accessed 31.03.2023)

технологии⁵³. Число специалистов в области *Web 3.0* превышает 75 тыс. чел., что составляет 11% от общемирового показателя – это третье место после США (25%) и Китая (14%). Навыками в сфере технологий дополненной и виртуальной реальности владеют 130 тыс. чел., Интернета вещей – 220 тыс., искусственного интеллекта и машинного обучения – 310 тыс., больших данных и аналитики – 350 тыс. чел. С 2018 г. количество рабочих мест, связанных с блокчейн-технологиями и криптовалютами, выросло на 138%, и ожидается, что в предстоящие годы спрос на специалистов в этой сфере вырастет более чем вдвое, а к 2032 г. вклад отрасли *Web 3.0* в экономику составит 1,1 трлн долл.⁵⁴.

Категории ежегодного дохода: низкий – меньше 4000 долл., ниже среднего – 4000–8500 долл., выше среднего – 8500–40000 долл., высокий – более 40000 долл.

Рис. 9. Распределение домохозяйств по уровню дохода

Figure 9. Income-Based Household Distribution

Источник: How India's new consumers can contribute to a \$6 trillion opportunity. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/future-of-consumer-spending-in-india/> (accessed 31.03.2023)

⁵³ The India Web3 Startup Landscape. NASSCOM. URL: https://nasscom.in/system/files/publication/The_India_Web3_Startup_Landscape_19102022.pdf (accessed 31.03.2023)

⁵⁴ Ibid.

Ещё один драйвер стартап-индустрии, обеспечивающий реализацию продукции компаний и создающий базу для улучшения качественных характеристик создаваемых ими товаров и услуг, – это растущий потребительский спрос, являющийся следствием постепенного увеличения уровня доходов населения и расширения среднего класса, доля которого увеличилась вдвое с 2004/05 ф.г. к 2020/21 ф.г., составив 31%⁵⁵. К 2047 г., согласно прогнозам, данный показатель вырастет до 63%. В 2020/21 ф.г. на эту группу населения приходилось 50% доходов, 48% расходов и 56% сбережений⁵⁶. К 2030 г. прогнозируется существенное увеличение доли домохозяйств с уровнем доходов выше среднего и высоким и снижение доли домохозяйств с низкими доходами (см. рис. 9). При этом потребительские расходы вырастут к 2030 г. до 5,7-6 трлн долл., что почти в четыре раза превысит показатель 2018 г. в 1,5 трлн долл.⁵⁷.

Современная экономическая политика Индии сочетает в себе экспортную направленность ряда отраслей, ориентацию на импортозамещение, постепенную внутри- и внешнеэкономическую либерализацию, активное привлечение инвестиций, в т.ч. иностранных, поощрение предпринимательской деятельности и частной инициативы, упор на развитие инфраструктуры, в первую очередь транспортной и энергетической, интенсификацию технологического и инновационного роста (Галищева 2013; Брагина 2016; Садовникова 2020). В рамках данной социально-экономической парадигмы государство активно поддерживает стартап-индустрию путём внедрения различных схем и программ, в числе которых – программы «Делай в Индии», «Цифровая Индия», «Умные города», «Чистая Индия» и центральная для данного исследования «Стартап-Индия», направленная непосредственно на развитие экосистемы стартапов, в то время как другие схемы оказывают на неё косвенное воздействие через создание новых рабочих мест, рост промышленного производства, улучшение качества жизни населения, решение проблем социальной безопасности и развитие инновационного и технологического потенциала.

Ограничения индийской стартап-индустрии

Эффективность индийской экосистемы стартапов по многим параметрам невысока. По оценкам, около 90% стартапов терпят крах в течение пяти лет после своего появления из-за нехватки финансирования, отсутствия необходимой

⁵⁵ Согласно методологии исследования *People Research on India's Consumer Economy, PRICE*, где к среднему классу были отнесены домохозяйства с доходом 0,5-3 млн рупий в год.

⁵⁶ Gupta S. 2022. Nearly 1 in 3 Indians middle class, to double in 25 years: Report. November 2. *The Times of India*. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/middle-class-nearly-1/3rd-of-indias-population-to-be-2/3rds-by-2047-report/articleshow/95239621.cms> (accessed 31.03.2023)

⁵⁷ How India's new consumers can contribute to a \$6 trillion opportunity. October 1, 2019. *World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/future-of-consumer-spending-in-india> (accessed 31.03.2023)

инфраструктуры, знаний, государственной поддержки и адекватных регуляторных мер. Около 26% стартапов закрываются в первый год своего существования, уровень провалов среди «двулеток» составляет 36%, среди «пятилеток» превышает 50%. Самая высокая доля стартапов, потерпевших неудачу, фиксируется в секторах электронной коммерции, логистики, продовольственных технологий, при этом примерно половина компаний прекращают деятельность до привлечения инвестиций «посевной» стадии (Dwivedi 2019).

Такие показатели соответствуют общемировым и являются приемлемыми для стартап-индустрии – рискованной сферы уже по определению⁵⁸. Об относительной неэффективности национальной экосистемы можно судить по иным параметрам. В частности, для индийского рынка характерно создание большого числа стартапов, продвигающих схожие идеи, и многим компаниям не хватает инновационной составляющей. В результате они проигрывают конкурентную борьбу в рамках своего сектора, будучи не способны привлечь необходимый капитал. Многие предприниматели не проводят подготовительную работу по изучению рынка, и в итоге их товары или услуги не находят потребителей. При наличии перспективной идеи провалы могут стать следствием неэффективного руководства, слабой команды, плохого маркетинга, отсутствия жизнеспособной бизнес-модели и/или эффективной брендинговой стратегии; не приносит успеха попытка скопировать американские бизнес-модели, не отвечающие индийским реалиям (Dwivedi 2019; Babu, Sridevi 2019; Kumar 2018). Нельзя не учитывать и то, что многие индийские предприниматели склонны к прокрастинации, не всегда готовы экспериментировать и зачастую не понимают, что идея приносит лишь 20% успеха, в то время как 80% – это её реализация (Patel 2019).

Показатель в сотню «единорогов» не является безусловным свидетельством успешности и эффективности стартап-индустрии: по данным на май 2022 г. только 18 из них были прибыльными, в то время как 57 стартапов несли убытки⁵⁹.

Следует отметить низкую вовлечённость стартапов в производство. Большинство компаний сосредоточены на сфере услуг, в то время как для экономического развития необходимо развивать базовые отрасли экономики, в т.ч. промышленность и сельское хозяйство⁶⁰.

⁵⁸ Kotashev K. 2022. Startup Failure Rate: How Many Startups Fail and Why in 2023? December 14. *Failory*. URL: <https://www.failory.com/blog/startup-failure-rate> (accessed 31.03.2023)

⁵⁹ Gautam V. 2022. Only 18 Out of India's 100 Unicorns Are Reportedly Profitable. May 11. *India Times*. URL: <https://www.indiatimes.com/worth/news/only-18-out-of-100-indian-unicorns-profitable-569249.html> (accessed 31.03.2023)

⁶⁰ Rath G. 2022. India Is Generating Many Unicorns and Decacorns, But Who Gains from Them? February 6. *The Wire*. URL: <https://thewire.in/business/india-is-generating-many-unicorns-and-decacorns-but-who-gains-from-them> (accessed 31.03.2023)

Одной из главных проблем представители стартап-индустрии называют нехватку финансирования. Инвесторы всё ещё настороженно относятся к инвестированию в индийские компании, и, хотя в третьем квартале 2022 г. 73% инвесторов вложили больше средств, чем в аналогичном периоде 2021 г., общий объём капиталовложений уменьшился на 82%⁶¹. Особые трудности испытывают предприниматели в сферах, не связанных с технологическим развитием (Tiwari et al. 2021).

Результаты деятельности Фонда фондов скромные: доля получивших финансовую поддержку стартапов составляет около 1%, хотя АИФ передано уже более 70% всей запланированной суммы – т.е. инициатива с Фондом реализуется достаточно успешно, однако бюджет не соответствует реальным запросам масштабной экосистемы стартапов.

Проблема недостаточного финансирования особенно остро стоит на ранних стадиях развития стартапа, поскольку большинство инвесторов готовы финансировать стартапы, уже проявившие себя на рынке, тогда как капитал требуется в первую очередь самым молодым компаниям, которым для выживания необходимо создавать прототипы и минимально жизнеспособные продукты (Korreck 2019). Отдельной проблемой многих стартапов остаётся неспособность генерировать доход, достаточный для расширения бизнеса (Babu, Sridevi 2019).

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние годы в области обеспечения комфортной предпринимательской среды, не преодолены трудности в сфере налогообложения, создания предприятий, регистрации собственности, обеспечения исполнения контрактов.

Формированию благоприятной бизнес-среды препятствует система административного регулирования. С одной стороны, она перенасыщена ограничениями и правилами (ведение бизнеса подчинено более 1,5 тыс. законов и почти 70 тыс. соответствий, многие из которых давно устарели), а с другой стороны, имеющиеся регуляторные установки реализуются не полностью. Такие особенности тормозят рост деловой активности, а для многих предпринимателей становятся поводом искать пути обхода формальностей, что в итоге ведёт к расширению серого сектора экономики⁶². Следует учитывать также, что индийский рынок представляет собой не единую, гомогенную общность, а совокупность нескольких микрорынков, в каждом из которых действуют специфические регуляторные меры и практики, принятые в разных штатах, которые к тому же различаются между собой по социальной структуре, уровню экономического

⁶¹ Why Investors Are Not Keen on Indian Startup IPOs In FY23. October 7, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/features/why-investors-not-keen-indian-startup-ipos-fy23> (accessed 31.03.2023)

⁶² Agrawal R. 2022. 'Overregulation bred economic dwarfs who choose to fly under regulatory radar even if it restricts access to capital, talent'. September 3. *Financial Express*. URL: <https://www.financialexpress.com/industry/sme/msme-eodb-overregulation-bred-economic-dwarfs-who-choose-to-fly-under-regulatory-radar-even-if-it-restricts-access-to-capital-talent/2653915> (accessed 31.03.2023)

развития и культурным особенностям, что требует от предпринимателей не только знания национальных и локальных законов и особенностей, но и навыков навигации в этом нормативном лабиринте (David et al. 2021).

Более того, особенностью индийской культуры предпринимательства является априори негативное восприятие любых провалов, в то время как для здоровой предпринимательской среды характерен иной подход, когда и бизнес, и общественность, должны быть готовы к неудачам, извлекать из них уроки и начинать с нуля (Mishra 2017). Для создания в Индии благоприятных условий ведения бизнеса целесообразно продвигать в стране стратегию «второго шанса».

Среди других проблем – недостаточная потребительская готовность рынка, нехватка поддержки со стороны государства и плохо развитая технологическая инфраструктура. Стартапам выйти на рынок со своей продукцией и закрепить там труднее, чем традиционным крупным компаниям, в т.ч. с точки зрения бюрократических барьеров (Korreck 2019).

Иностранным инвесторам на индийском рынке приходится учитывать специфику ведения бизнеса в стране. Индийские предприниматели отличаются от западных: они менее склонны делиться информацией и доверять незнакомцам. В обществе сильны родственные связи, и часто руководящие позиции в стартапах занимают члены семей, из-за чего могут возникать потенциальные конфликты, связанные с передачей управления⁶³. Культурное, языковое, этническое и религиозное разнообразие страны создаёт трудности и для самих индийцев: обычно знания местных особенностей и предпочтений ограничиваются определённым штатом или регионом, и стартапам сложно создать продукт, который устроил бы всех жителей Индии (Korreck 2019).

Проблемы по линии «спрос – предложение» часто возникают также вследствие того, что большинство основателей стартап-компаний родом из крупных городов и имеют хорошее образование, в то время как основная часть потребителей, для которых создаётся продукт, – сельские жители с низкими доходами и недостаточным уровнем образования. В результате возникает разрыв и непонимание между этими двумя группами, ведущий к низкой эффективности стартапов (Korreck 2019).

Обманчивое впечатление могут создавать количественные характеристики индийского рынка, которые зачастую преподносятся как значимые экономические достижения, в то время как качественная сторона вопроса на деле оказывается не столь радужной, и проблема экономических и социальных дисбалансов стоит перед Индийской Республикой весьма остро (Галищева 2015).

⁶³ Sreekumar V., David P.R., Deb P. 2022. India's startup explosion: more pitfalls than promise? May 11. *LSE Business Review*. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/businessreview/2022/05/11/indias-startup-explosion-more-pitfalls-than-promise> (accessed 31.03.2023)

Так, существующий демографический дивиденд может легко трансформироваться в демографическую «обузу» в случае, если рынок труда будет не способен поглотить многомиллионные масштабы рабочей силы⁶⁴.

Сильно переоценен эффект генерирования стартапами новых рабочих мест, поскольку, как отмечалось выше, многие стартапы терпят крах в первый год своего существования. Сверх того, большая часть рабочих мест, создаваемых в сферах электронной коммерции, доставки еды и логистики, относится к низкооплачиваемым и характеризуется неблагоприятными условиями труда, что в результате приводит к обострению проблемы социального неравенства⁶⁵.

Низкий уровень грамотности населения (74,4% в 2018 г.), особенно среди сельских жителей (73,5% по сравнению с 87,7% в городах) и, как следствие, нехватка квалифицированных кадров также серьезно тормозят развитие предпринимательства и сферы стартапов⁶⁶.

Некоторые экономисты с сомнением относятся к масштабным оценкам индийского среднего класса⁶⁷, т. к. критерии принадлежности граждан к этой группе населения очень размыты, а нижняя граница такой классификации часто занижена⁶⁸. Таким образом, общая покупательная способность с первого взгляда весьма масштабного среднего класса в Индии невысока⁶⁹, что, в том числе, предопределяет высокую чувствительность индийских потребителей к вопросу стоимости товара: зачастую жители склонны делать выбор в пользу менее качественного, но и дешёвого продукта (Mukherjee et al. 2012), и в целом весьма сложно убедить покупателя потратить средства на какой-то новый товар или услугу (Коррек 2019). Болезненным ударом для индийского среднего класса стала пандемия коронавируса (Брагина 2020). Его численность (доход 10–20

⁶⁴ Bhargava Y. 2022. India's GDP can grow to \$40 trillion if working age population gets employment: CII report. April 3. *The Hindu*. URL: <https://www.thehindu.com/business/Economy/indias-gdp-can-grow-to-40-trillion-if-working-age-population-gets-employment-cii-report/article65286806.ece> (accessed 31.03.2023)

⁶⁵ Rath G. 2022. India Is Generating Many Unicorns and Decacorns, But Who Gains from Them? February 6. *The Wire*. URL: <https://thewire.in/business/india-is-generating-many-unicorns-and-decacorns-but-who-gains-from-them> (accessed 31.03.2023)

⁶⁶ NSO survey highlights urban rural education divide in India. August 13, 2020. *Deccan Herald*. URL: <https://www.deccanherald.com/national/nso-survey-highlights-urban-rural-education-divide-in-india-872880.html> (accessed 31.03.2023)

⁶⁷ См., например: India's missing middle class. January 11, 2018. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/briefing/2018/01/11/indias-missing-middle-class>; Biswas S. 2017. Is India's middle class actually poor? November 15. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-41264072>; India has a hole where its middle class should be. January 13, 2018. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/leaders/2018/01/13/india-has-a-hole-where-its-middle-class-should-be>; Inani R. 2021. For the millions who just joined India's middle class, the pandemic has been a cruel financial blow. August 31. *Scroll.in*. URL: <https://scroll.in/article/1004102/for-the-millions-who-joined-indias-middle-class-the-pandemic-has-been-a-cruel-financial-blow> (accessed 31.03.2023)

⁶⁸ Танеев С. 2017. Пропуском в средний класс Индии служит скутер на семью из четырёх человек. *ПРОВЭД*. 20 октября. URL: <http://провэд.рф/society/social-organizations/44680-ppopuskom-v-spedniy-klass-indii-sluzhit-skutep-na-semyu-iz-chetypch-chelovek.html>; COVID19 Dealt a Historic Blow to Poverty Reduction. Fiscal policy can help repair the damage. October 5, 2022. *The World Bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2022/10/05/covid-19-dealt-a-historic-blow-to-poverty-reduction> (accessed 31.03.2023)

⁶⁹ India's missing middle class. January 11, 2018. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/briefing/2018/01/11/indias-missing-middle-class> (accessed 31.03.2023)

долл. в день) снизилась в 2020 г. на 32 млн чел., а количество жителей с доходом не выше 2 долл. в день выросло на 75 млн чел. (по обоим показателям около 60% от мировых изменений)⁷⁰.

Ещё одной трудностью, с которой традиционно сталкивается Индия, является высокий уровень социального неравенства, как доходного, так и имущественного. Доход 50% беднейших более чем в 21 раз ниже, чем доход 10% богатых, и почти в 81 раз ниже, чем доход 1% богатейших. Ситуация в сфере имущественного неравенства ещё сложнее: там эти коэффициенты составляют 55 и 281 соответственно (см. рис. 10–11).

Рис. 10. Доходное неравенство в Индии

Figure 10. Income Inequality in India

Источник: *World Inequality Report 2022. Country Sheets*. URL: https://wir2022.wid.world/www_site/uploads/2022/03/0098_21_WIL_RIM_COUNTRY_SHEETS.pdf (accessed 31.03.2023)

⁷⁰ Kochhar R. 2021. In the pandemic, India's middle class shrinks and poverty spreads while China sees smaller changes. March 18. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/03/18/in-the-pandemic-indias-middle-class-shrinks-and-poverty-spreads-while-china-sees-smaller-changes> (accessed 31.03.2023)

Из 750 млн активных пользователей интернета (см. выше) большинство владеют дешёвыми смартфонами с простейшим набором функций, небольшой памятью и низкой скоростью обработки информации⁷¹. В 2021 г. около 550 млн чел. не имели доступа в интернет⁷². Многие граждане не доверяют онлайн-транзакциям (Sahney et al. 2013), и необходимость реализовывать продукцию в традиционных магазинах с привычной индийцам наличной оплатой лишает многие стартапы потенциальных клиентов. Чтобы привлечь внимание к своему продукту, стартапам зачастую приходится тратить на скидки и акции (Mukherjee et al. 2012).

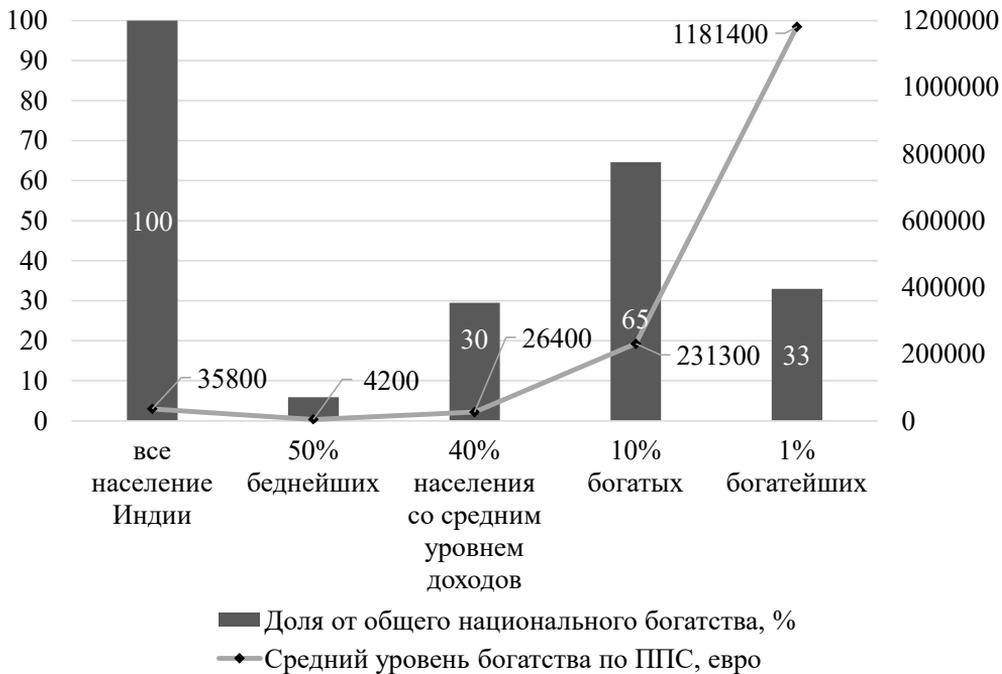

Рис. 11. Имущественное неравенство в Индии

Рис. 11. Wealth Inequality in India

Источник / Source: World Inequality Report 2022. Country Sheets. URL: https://wir2022.wid.world/www_site/uploads/2022/03/0098_21_WIL_RIM_COUNTRY_SHEETS.pdf (accessed 31.03.2023)

⁷¹ India’s missing middle class. January 11, 2018. *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/briefing/2018/01/11/indias-missing-middle-class> (accessed 31.03.2023)

⁷² Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

Развитию новейших технологий препятствуют высокие налоговые ставки, в т.ч. на доходы от торговли цифровыми активами, различные запретительные меры, отсутствие всеобъемлющей нормативной базы, недостаточное внимание развитию практических навыков при обучении студентов технических специальностей, отсутствие институтов и центров повышения квалификации. Далеко не во всех технических вузах предусмотрены курсы блокчейн-технологий, из-за чего на фоне растущего спроса на специалистов, владеющих такими навыками, сформировался существенный дефицит предложения, равный 21,1%. Существует и проблема оттока «танталов» из Индии: 60% стартапов в области *Web 3.0* зарегистрированы за пределами Индии (что, однако, не мешает им нанимать индийских граждан). Наконец, на развитии блокчейн-индустрии сказывается отрицательный образ данной сферы, сформировавшийся в связи с акцентом на криптовалютную торговлю⁷³.

Многие инвесторы негативно воспринимают процедуру *IPO* в Индии, объясняя своё отношение в первую очередь макроэкономическими ожиданиями и сомнениями касательно долгосрочной рентабельности, а также критическими оценками молодых индийских компаний в СМИ и отсутствием понимания бизнес-модели стартапа внутри страны⁷⁴. Более 73% инвесторов оценивают рыночные настроения относительно *IPO* в Индии как негативные, и лишь 15% рассматривают данный процесс в качестве эффективной стратегии⁷⁵.

Для традиционного индийского общества характерно гендерное неравенство, в том числе доходное (доля доходов женщин составляет 18% от общего показателя⁷⁶), и ограниченное участие женщин в экономике, что присуще и стартап-индустрии. В глобальном рейтинге женщин-предпринимателей *Mastercard (The Mastercard Index of Women Entrepreneurs)* за 2021 г. Индия заняла 57-е место из 65 стран с индексом 40,5, при этом показатель ухудшился по сравнению с 2019–2020 г.⁷⁷ Мужчины традиционно считаются сильнее в продажах, переговорах, привлечении финансирования, что создаёт дополнительные трудности для женщин в бизнес-среде⁷⁸. За 2014–2022 гг. на стартапы с исключительно

⁷³ The India Web3 Startup Landscape. NASSCOM. URL: https://nasscom.in/system/files/publication/The_India_Web3_Startup_Landscape_19102022.pdf (accessed 31.03.2023)

⁷⁴ Why Investors Are Not Keen on Indian Startup IPOs In FY23. October 7, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/features/why-investors-not-keen-indian-startup-ipos-fy23> (accessed 31.03.2023)

⁷⁵ The State of Indian Startup Ecosystem Report. 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/reports/the-state-of-indian-startup-ecosystem-report-2022> (accessed 31.03.2023)

⁷⁶ *World Inequality Report 2022. Country Sheets*. URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2022/03/0098-21_WIL_RIM_COUNTRY_SHEETS.pdf (accessed 31.03.2023)

⁷⁷ *The Mastercard Index of Women Entrepreneurs. Report*. March 2022. URL: <https://www.mastercard.com/news/media/phwvxcx/the-mastercard-index-of-women-entrepreneurs.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁷⁸ Women's Entrepreneurship Day: 4 lady bosses from Indian startups on how to slay the challenges and what's the reality. November 19, 2022. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/company/corporate-trends/womens-entrepreneurship-day-4-lady-bosses-from-indian-startups-on-how-to-slay-the-challenges-and-whats-the-reality/articleshow/95608701.cms> (accessed 31.03.2023)

мужским коллективом основателей пришлось 91,8% всего объема привлечённых средств⁷⁹. При этом хотя бы одна женщина есть в руководстве 44,8% стартап-компаний⁸⁰. Что касается «единорогов», женщины в числе основателей есть лишь в 17% компаний-«миллиардников»⁸¹. Наиболее высока доля «единорогов» с женским участием в сфере электронной коммерции (43%). Среди ключевых хабов первое место по данному показателю занимает Дели (НСО) (семь таких компаний), на втором месте – Бангалор (пять «единорогов»), на третьем – Мумбаи (три)⁸². Гендерное неравенство прослеживается и среди сотрудников стартапов. Только в 15% компаний женщины составляют более 50% коллектива (см. рис. 12).

Доля женщин-сотрудников

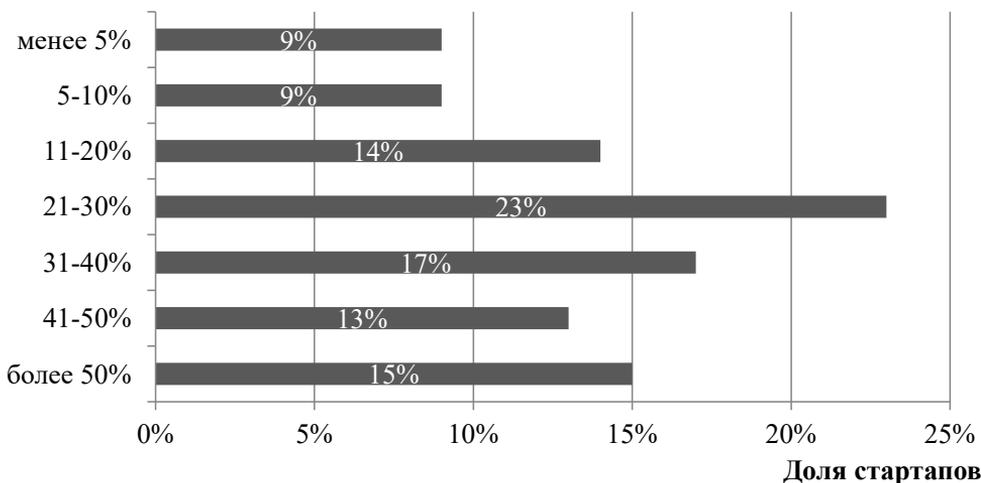

Рис. 12. Доля женщин среди сотрудников стартапов

Рис. 12. Percentage of Female Staff Members of Startups

Источник / Source: *The State of Indian Startup Ecosystem Report. Inc42. 2022. URL: <https://inc42.com/reports/the-state-of-indian-startup-ecosystem-report-2022> (accessed 31.03.2023)*

⁷⁹ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

⁸⁰ *Startup India Scaling New Heights*. URL: <https://transformingindia.mygov.in/wp-content/uploads/2021/06/Startup-India-1.pdf> (accessed 31.03.2023)

⁸¹ The State of Indian Startup Ecosystem Report. 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/reports/the-state-of-indian-startup-ecosystem-report-2022> (accessed 31.03.2023)

⁸² Only 15% Indian Unicorns Have Women Founders, Bridging Gender Divide Still A Work in Progress. May 11, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/buzz/only-15-indian-unicorns-have-women-founders-bridging-gender-divide-still-a-work-in-progress> (accessed 31.03.2023)

Для Индии также характерна проблема ограниченного участия в экономике представителей т.н. зарегистрированных каст и зарегистрированных племён, которые традиционно подвергались дискриминации, а в настоящее время выступают объектом правительственной политики «позитивной дискриминации», гарантирующей их представительство в государственных органах и доступ к социальным благам и службам.

Перспективы экосистемы стартапов

Несмотря на то, что по многим показателям развития экосистемы стартапов Индия существенно отстает от США и Китая (см. табл. 1), достижения последних лет позволяют рассматривать Индийскую Республику в качестве одного из лидеров глобальной индустрии стартапов, а внутри страны эта сфера рассматривается как двигатель экономического роста на ближайшие десятилетия. Наступившая «золотая эра индийских стартапов», по словам Нарендры Моди, знаменует изменение устоявшихся правил игры в мировой экономике, и мощная экосистема становится визитной карточкой Индии⁸³.

	Индия	Китай	США
Место в глобальном индексе стартап-экосистем (2022)	19	10	1
Количество городов в топ-1000 городов Глобального индекса стартап-экосистем (2022)	37	44	257
Число компаний-«единорогов»	108	172	644
Число новых компаний-«единорогов» за 2021 – июнь 2022 гг.*	47	85	392
Общий объем финансирования стартап-индустрии (2014-2022)	136 млрд долл.	837 млрд долл.	2,7 трлн долл.
Совокупный среднегодовой темп роста финансирования стартап-индустрии (2019–2022 гг.)	27%	26%	85%

⁸³ PM Narendra Modi calls startups "backbone" of new India, declares Jan 16 as 'National Startup Day'. January 15, 2022. *The Economic Times*. URL: <https://m.economictimes.com/tech/startups/pm-narendra-modi-calls-startups-backbone-of-new-india-declares-jan-16-as-national-startup-day/articleshow/88912955.cms> (accessed 31.03.2023)

	Индия	Китай	США
Проникновение интернета (2021 г.)	61%	73%	90%
Общее число пользователей интернета (2021 г.)	846 млн чел.	1,03 млрд чел.	302 млн чел.

* Согласно подсчётам Исследовательского института Hurun (Hurun Research Institute)

Табл. 1. Некоторые параметры функционирования стартап-индустрии Индии, Китая и США

Table 1. Some Parameters of Startup-Industry Performance of India, China and US

Источник: Indian Tech Startup Funding Report. Inc42. 2022. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022; GLOBAL UNICORN INDEX 2021. Hurun Research Institute. December 20, 2021. URL: <https://www.hurun.net/en/US/Info/Detail?num=R18H7AJUWBIX>; Global Unicorn Index 2022 Half Year Report. Hurun Research Institute. August 30, 2022. URL: <https://www.hurun.net/en/US/Info/Detail?num=HD7Q8RVHK6WE>; Global Startup Ecosystem Index 2022. StartupBlink. 2022. URL: <https://lp.startupblink.com/report/> (accessed 31.03.2023)

В 2021 г. индийская экосистема стартапов продемонстрировала рекордные показатели роста и масштабы финансовых вложений, что во многом было связано с «инвестиционной лихорадкой», наступившей после окончания пандемии и продолжавшейся на протяжении 15–18 месяцев. Максимальный объём средств за указанный период был инвестирован в третьем квартале 2021 г. (14,8 млрд долл.). На смену «лихорадке» пришла «инвестиционная зима», и за июль — сентябрь 2022 г. было привлечено лишь 2,8 млрд долл., что стало минимальным значением с января 2021 г.⁸⁴

По большинству направлений финансирование в 2022 г. упало в среднем в 1,5-2 раза по сравнению с предшествующим годом (по сектору электронной коммерции почти в три раза), и только по секторам корпоративных и глубоких технологий был зафиксирован прирост показателя⁸⁵.

В 2022 г. сократился не только общий объём капиталовложений, но и средний размер финансирования (18 млн долл. против 22 млн долл. в 2021 г.), а также общее число мегасделок за год (60 по сравнению со 109). Количество новых технологических стартапов также было существенно меньше показателей предшествующего года⁸⁶.

⁸⁴ Several startups in India may lose their Unicorn status, says report. October 25, 2022. *Business Standard*. URL: https://www.business-standard.com/article/companies/several-startups-in-india-may-lose-their-unicorn-status-says-report-122102500326_1.html (accessed 31.03.2023)

⁸⁵ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

⁸⁶ Ibid.

Негативные ожидания инвесторов и аналитиков касательно IPO получили подтверждение в 2022 г.: в сравнении с оценкой в рамках первичного публичного предложения суммарная оценочная стоимость стартапов, вышедших на биржу в 2021 г., снизилась к октябрю 2022 г. более чем вдвое, с 70 до 32 млрд долл., и в среднем компании потеряли в стоимости от 25 до 75%⁸⁷ – свидетельство того, что в 2021 г. имело место существенное завышение их стоимости, не подкреплённое реальными активами. Учитывая эти итоги, большинство стартапов, планировавших IPO в 2022 г., приняли решение перенести срок выхода на биржу, сократить размер IPO или вовсе отложить этот процесс на неопределённый срок⁸⁸: из двух десятков «претендентов» лишь три компании решились на этот шаг в 2022 г.⁸⁹. Тем стартапам, которые планируют выход на биржу в 2023 г., эксперты рекомендуют реалистичнее оценивать свой бизнес, чтобы избежать повторения такого негативного сценария⁹⁰. Переход к более реалистичным оценкам ситуации на рынке инвесторами и предпринимателями может благоприятно сказаться на эффективности индийской стартап-среды, т.к. будет давать инвесторам более объективную картину потенциальных рисков и выгод от вложения средств, а компаниям – возможность выработать более эффективный и стабильный механизм привлечения инвестиций при одновременном более ответственном подходе к их использованию. Можно ожидать, что в перспективе будет расти интерес инвесторов к стартапам, имеющим крепкую производственно-инновационную базу и, как следствие, высокие шансы на успех, в то время как переоценённые компании будут проигрывать конкурентную борьбу. Таким образом, инвестиционная «зима» может способствовать оздоровлению экосистемы стартапов и формированию более стабильного и эффективного механизма финансирования компаний⁹¹.

По оценкам, потенциал для выхода на биржу имеют около 80 стартапов, что на фоне положительной динамики роста экономики Индии и сохраняющихся актуальность потребностей компаний привлекать финансовые средства, а венчурных инвесторов – вкладывать свой капитал, позволяет делать оптими-

⁸⁷ After the Lull In 2022, Will Startup IPOs Pick Pace In 2023? December 20, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/features/after-the-lull-in-2022-will-startup-ipos-pick-pace-in-2023/>; Why Investors Are Not Keen on Indian Startup IPOs In FY23. October 7, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/features/why-investors-not-keen-indian-startup-ipos-fy23/> (accessed 31.03.2023)

⁸⁸ Why Investors Are Not Keen on Indian Startup IPOs In FY23. *Inc42*. October 7, 2022. URL: <https://inc42.com/features/why-investors-not-keen-indian-startup-ipos-fy23/>; Where Are the Indian Startup IPOs? Slowdown Derails Public Listing Plans For boAt, PharmEasy & Others. October 28, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/features/indian-startup-ipo-plans-disarray-market-volatility/> (accessed 31.03.2023)

⁸⁹ Indian Tech Startup Funding Report. 2022. *Inc42*. URL: https://issuu.com/inc42/docs/indian_tech_startup_funding_report_2022 (accessed 31.03.2023)

⁹⁰ Punit I.S. 2022. What will happen to Indian startup IPOs in 2023? November 30, 2022. *Rest of World*. URL: <https://restof-world.org/2022/indian-startup-ipos-in-2023/> (accessed 31.03.2023)

⁹¹ Priya R. 2022. Why Indian Startups Need to Get the Basics Right to Survive the Funding Winter. November 6. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/resources/why-indian-startups-need-to-get-the-basics-right-to-survive-the-funding-winter/> (accessed 31.03.2023)

стичные прогнозы по IPO на ближайшие пять лет⁹². Несмотря на замедление темпов роста стартап-индустрии и снижение масштабов её финансирования в 2022 г., прогнозные оценки на ближайшие годы оптимистичны: ожидается, что к 2025 г. в Индии будут действовать 180-200 «единорогов» общей стоимостью 600-700 млрд долл., а количество технологических стартапов составит около 37 тыс.⁹³.

В настоящее время правительство активно поддерживает развитие стартапов в зонах «второго» (*Tier 2*) и «третьего поясов» (*Tier 3*). Выравнивание территориальных дисбалансов в предпринимательской сфере стало одним из главных результатов национальной стартап-программы и региональных инициатив. Ещё в 2019 г. штаб-квартиры всех «единорогов» – тогда 21 компания – располагались в городах «тройки». В 2022 г. на «признанные хабы» по-прежнему приходилась большая часть «миллиардников», однако более половины «одобренных» стартапов работали в городах и штатах, которые относятся к «формирующимся хамам»⁹⁴. Отмеченная тенденция очень важна для преодоления разрыва в экономическом развитии различных регионов страны, и напротив, чрезмерная концентрация предпринимательской активности в конкретных инновационно-технологических кластерах усугубляет проблему дисбалансов и становится препятствием на пути появления новых компаний из сфер и регионов вне этих кластеров (Tiwari et al. 2021).

Сохраняет свою актуальность проблема инклюзивности в контексте развития экосистемы стартапов. В Индии работает ряд государственных программ и схем, направленных на вовлечение «менее привилегированных» слоёв населения в экономические процессы, в числе которых запущенная в 2016 г. схема «Стандап-Индия» (*Stand-Up India*)⁹⁵, созданный в рамках программы «Стартап-Индия» Национальный хаб зарегистрированных каст и племён⁹⁶, резервирование 10% общего капитала Фонда фондов за стартапами, возглавляемыми женщинами, и обязательства АИФ по осуществлению 20% вложений в пользу таких компаний, а также стартапов, которые нанимают женский персонал или ориен-

⁹² 2022 Year in Review. Is the startup IPO party over? December 26, 2022. *The Economic Times*. URL: <https://economic-times.indiatimes.com/tech/technology/2022-year-in-review-is-the-startup-ipo-party-over/articleshow/96522508.cms> (accessed 31.03.2023)

⁹³ India will have 200 unicorns by 2025: NASSCOM-Zinnov Report. January 21, 2022. *Moneycontrol News*. URL: <https://www.moneycontrol.com/news/business/startup/india-will-have-200-unicorns-2025-nasscom-report-7967931.html> (accessed 31.03.2023)

⁹⁴ Press Release. March 30, 2022. *Ministry of Commerce & Industry*. URL: <https://pib.gov.in/PressReleaseSelframePage.aspx?PRID=1811560>; Tier 2 & 3 Cities Now Account for Nearly 50% of Recognised Startups in India. April 1, 2022. *Inc42*. URL: <https://inc42.com/buzz/tier-2-3-cities-now-account-for-nearly-50-of-recognised-startups-in-india> (accessed 31.03.2023)

⁹⁵ *Stand Up India scheme*. URL: <https://www.manoramayearbook.in/current-affairs/india/2022/04/05/upsc-stand-up-india-scheme.html> (accessed 31.03.2023)

⁹⁶ National Scheduled Caste and Scheduled Tribe Hub. URL: <https://www.indiafilings.com/learn/national-scheduled-caste-and-scheduled-tribe-hub>; Stand-Up India for Financing SC/ST and/or Women Entrepreneurs. URL: <https://www.startupindia.gov.in/content/sih/en/government-schemes/stand-up-india.html> (accessed 31.03.2023)

тированы на продукцию для женщин⁹⁷. Ранее, в 2014 г., был создан венчурный фонд для зарегистрированных каст с начальным бюджетом 2 млрд рупий, а в феврале 2022 г. Министерство финансов сообщило о создании аналогичного фонда для зарегистрированных племён⁹⁸. Такие инициативы по выравниванию социальных дисбалансов в сочетании с политикой по поддержке стартап-инициатив, которая сама по себе способствует появлению значительного числа новых рабочих мест, приводят к достижению более справедливой ситуации в сфере занятости и заработных плат, к росту национального дохода и расширению формального сектора за счёт сокращения неформального (Khera 2016).

Описанные выше инициативы опровергают утверждение (Tiwari et al. 2021) о том, что программа «Стартап-Индия» игнорирует проблему кастового и гендерного неравенства и отказывается признавать их в качестве основных препятствий на пути к заявленной инклюзивности.

Заключение

Индийская стартап-индустрия получила существенное развитие с момента запуска программы «Стартап-Индия». Значительно увеличилось число компаний, вырос интерес инвесторов к ним и, как следствие, объёмы финансирования. Были улучшены и упрощены процедуры, связанные с регистрацией, лицензированием, налогообложением, привлечением капитала, выходом на биржу и т.п. В настоящее время стартапы не только способствуют превращению страны в мощного игрока в области современных технологий, но и вносят существенный вклад в решение социально-экономических проблем.

Тем не менее сохраняется значительное количество ограничителей, с которыми стартапы регулярно сталкиваются в своей деятельности: например, неэффективность государственных механизмов и бюрократических процедур, социально-экономические проблемы, а также некоторые особенности индийского общества и культурно-деловой среды.

В 2022 г. произошёл определённый пересмотр подходов к оценке состояния и перспектив индийской экосистемы стартапов в пользу большей реалистичности и рациональности, что проявилось в снижении стоимости многих молодых компаний, сдержанной позиции инвесторов и падении уровня финансиру-

⁹⁷ PM Narendra Modi calls startups "backbone" of new India, declares Jan 16 as 'National Startup Day'. January 15, 2022. *The Economic Times*. URL: <https://m.economictimes.com/tech/startups/pm-narendra-modi-calls-startups-backbone-of-new-india-declares-jan-16-as-national-startup-day/articleshow/88912955.cms> (accessed 31.03.2023)

⁹⁸ Finance Minister announces Venture Capital Fund for Scheduled Tribes. February 2, 2022. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/finance-minister-announces-venture-capital-fund-for-scheduled-tribes/articleshow/89284059.cms> (accessed 31.03.2023)

ния на фоне «инвестиционной зимы». Стабилизация капиталовложений и падение ряда показателей должно привести систему «в равновесие», ознаменовав дальнейшее поступательное развитие стартап-индустрии.

Наиболее успешная траектория такого роста видится при условии оптимального сочетания предпринимательских ресурсов страны с двумя основными треками экономической политики. Первый включает развитие тех отраслей, которые являются драйверами экономического роста страны благодаря имеющимся сравнительным преимуществам, наработанному опыту и устойчивому спросу, в том числе за рубежом. Это технологии в области программного обеспечения, финансов, страхования, здравоохранения и образования, корпоративные технологии, глубинные технологии, сфера *Web 3.0*. Второй трек нацелен на решение насущных социально-экономических проблем страны, и охватывает задачи по развитию промышленности, интенсификации сельского хозяйства, искоренению голода и нищеты, преодолению социального неравенства, защите окружающей среды, повышению уровня грамотности, сокращению разрыва между городом и деревней и между разными штатами, обеспечению доступа населения к чистой воде, электричеству и другим благам, развитию инфраструктуры, снижению зависимости от традиционных источников энергии. Одновременно следует совершенствовать систему административного регулирования и финансирования индустрии стартапов, а также биржевых, банковских и налоговых механизмов при условии повышения прозрачности процедур, добиваться улучшения делового климата и заниматься подготовкой высококвалифицированных кадров.

Если Индийской Республике удастся не только количественно, но и качественно развить свою стартап-индустрию, поставив во главу угла поступательное движение в сторону сбалансированной экосистемы, направленной на решение ключевых задач национальной экономики, это станет ещё одним шагом к превращению Индии в самостоятельное, самодостаточное, конкурентоспособное, устойчивое и эффективное государство, играющее одну из ведущих ролей в мировой экономике.

Об авторе:

Мария Сергеевна Рещикова – кандидат экономических наук, аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: reshchikova.maria@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 334.01(540)
Received: January 20, 2023
Accepted: April 25, 2023

Drivers and Limitations of the Indian Startup Industry

M.S. Reshchikova
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-263-297](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-263-297)

MGIMO-University

Abstract: This paper addresses the effectiveness of a state-supported startup ecosystem in India in the context of economic and social development challenges. By conducting a detailed study of Indian entrepreneurs, investors, and relevant government documents pertaining to startup ecosystem development programs, as well as reports from research and analytical centers providing key industry indicators, the author concludes that the current startup ecosystem in India, despite several achievements, lacks effectiveness due to persistent challenges of administrative and regulatory nature, as well as socio-economic factors. The unprecedented growth witnessed in this sector in 2021 has highlighted existing problems, demonstrating the inability to establish a sustainable support mechanism for startups while disregarding the limitations that hinder the entrepreneurial and consumer potential of the Indian economy. The findings of this research showcase the immense potential of the Indian startup industry, which undoubtedly serves as a driving force for economic development in India, despite its vulnerability to certain elements. The experiences of India, including the challenges encountered in building a robust startup ecosystem, can provide valuable insights for other countries such as Russia.

Keywords: India; India's Economy; Innovative and Technological Development; Government Science, Technology, and Innovation policy; Startup Ecosystem; Entrepreneurial Activity; Startup Funding; Technological Entrepreneurship; Venture Entrepreneurship; Venture Capital Investment.

About the author:

Maria S. Reshchikova – PhD (economics), analyst, Institute for International Studies, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.
E-mail: reshchikova.maria@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Babu G.S., Sridevi K. 2019. A Study on Issues and Challenges of Startups in India. *Int J Finance Manage Econ.* 2(1). P. 44-48.
- Das K.Ch. 2022. Indian Startups (2016–2021): What Lies Ahead? *BIMTECH Business Perspectives.* 3(2). P. 1-6.
- David D., Gopalan S., Ramachandran S. 2020. *The Startup Environment and Funding Activity in India.* ADBI Working Paper 1145. Tokyo: Asian Development Bank Institute. June. 31 p.

- David D., Gopalan S., Ramachandran S. 2021. The Startup Environment and Funding Activity in India. *Investment in Startups and Small Business Financing*. P. 193-232.
- Dwivedi R. 2019. Indian Startups: Analyzing Their Vulnerabilities and Prevailing Challenges. *MS Journal of Entrepreneurship and Innovation*. December. 6(1). P. 61-79. DOI: 10.21844/smsjei.v6i01.17665.
- Khera P. 2016. Macroeconomic Impacts of Gender Inequality and Informality in India. IMF Working Paper WP/16/16. *International Monetary Fund*. February. 65 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp1616.pdf>
- Korrek S. 2019. *The Indian Startup Ecosystem: Drivers, Challenges and Pillars of Support*: ORF Occasional Paper No. 210. Observer Research Foundation. September. 44 p.
- Kumar G. 2018. *Indian Startups - Issues, Challenges and Opportunities*. Conference: Indian Startup Ecosystem – Challenges and Opportunities. March. 8 p.
- Mishra S. 2017. *Start Up in India: Opportunities and Challenges*. 9 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.18850.76489.
- Mukherjee A., Satija D., Goyal T., Mantrala M. Zou Shaoming. 2012. Are Indian Consumers Brand Conscious? Insights for Global Retailers. *Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics*. 24(3). P. 482-499. DOI: 10.1108/13555851211237920.
- Patel R.S. 2019. Startup India – Opportunities and Challenges. *GAP iNTERDISCIPLINARITIES*. 2(1). P. 220-224.
- Sahney S., Ghosh K., Shrivastava A. 2013. Conceptualizing Consumer “Trust” in Online Buying Behaviour: An Empirical Inquiry and Model Development in Indian Context. *Journal of Asia Business Studies*. 7(3). P. 278-298. DOI: 10.1108/JABS-Jul-2011-0038.
- Tiwari A., Hogan T., O’Gorman C. 2021. The Good, the Bad, and the Ugly of 'Startup India'. A Review of India's Entrepreneurship Policy. *Economic and Political Weekly*. 56(50). P. 45–52.
- Bragina Ye.A. 2016. Reformy pravitel'stva Modi v Indii [Reforms of Modi's Government in India]. *Zapad – Vostok – Rossiya*. P. 85-88. (In Russian).
- Bragina Ye.A. 2020. Ekonomika Indii pod davleniem COVID-19 [India's Economy under Pressure from COVID-19]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 13(5). P. 128-144. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8. (In Russian).
- Galistcheva N.V. 2013. *Indiya v mirovom hozyajstve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika* [India in the World Economy at the Turn of the Century]. Moscow: Buki Vedi. 502 p. (In Russian).
- Galistcheva N.V. 2015. Problema disbalansov v ekonomike Indii [Imbalances in the Indian Economy]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(43). P. 242-254. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-242-254. (In Russian).
- Sadovnikova Ya.O. 2020. Indiya: ot “reformy M. Singha” k ekonomicheskoy politike N. Modi [India: from “M.Singh's Reform” to Modi's Economic Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №5. P. 118-123. (In Russian).
- Ustyuzhanceva O.V. 2021. Razvitiye startapov v Indii [Startup Development in India]. *Orientalist: nauchnyj al'manah*. №1. P. 116-123. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Брагина Е. А. 2016. Реформы правительства Моди в Индии. *Запад – Восток – Россия*. С. 85–88.

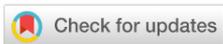
Брагина Е. А. 2020. Экономика Индии под давлением COVID-19. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 13(5). С. 128–144. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-8

Галищева Н. В. 2013. *Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика*. Москва: Буки Веди. 502 с.

Галищева Н. В. 2015. Проблема дисбалансов в экономике Индии. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(43). С. 242–254. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-242-254.

Садовникова Я. О. 2020. Индия: от “реформы М. Сингха” к экономической политике Н. Моди. *Мировая экономика и международные отношения*. №5. С. 118–123.

Устюжанцева О. В. 2021. Развитие стартапов в Индии. *Ориенталист: научный альманах*. №1. С. 116–123.

«Увлекательный мир исторического анализа высокой пробы» (О книге В.О. Печатнова «История и политика»)

В.Т. Юнгблюд

Вятский государственный университет

Рецензия на книгу: Печатнов В.О. 2022. *История и политика*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 542 с.

Ключевые слова: США, американская демократия, Вторая мировая война, американо-рос- сийские отношения, либерально-демократическая империя

В заглавие настоящей статьи вынесена фраза из предисловия академика РАН А.В. Торкунова к новой книге доктора исторических наук, профессора МГИМО В.О. Печатнова, вышедшей в свет в издательстве «Аспект Пресс» в середине 2022 г. Эта фраза ёмко и точно характеризует включённые в книгу тексты. В общей сложности их тридцать пять, хронологически они охватывают почти четверть тысячелетия – от истории освободительной войны американского народа 1775–1783 гг. («Ньюбургский заговор») и ранней истории США («Отшельник Монтичелло») (с. 11–18, 401–410) до событий совсем недавнего прошлого, отзвуки которых хорошо слышны и сегодня («Феномен Трампа и американская демократия», «Штурм Капитолия 6 января 2021 г. как апофеоз “трампизма”»), а отражённые в них явления и процессы далеки от завершения («Поляризованная Америка», «США в тисках кризиса») (с. 463–475, 478–498, 497–514). Тематически все статьи связаны с историей Соединённых Штатов Америки. В них прослежен путь страны начиная с периода становления демократии, когда Америка была «одиноким республикой в мире монархий», до

УДК 327:9(73)+323(73)

Поступила в редакцию: 18.04.2023

Принята к публикации: 23.06.2023

наших дней, отмеченных нацеленностью США на максимально широкое масштабирование объявленных универсальными норм собственных либеральных ценностей и на «тотальную пересадку американского опыта» (с. 17, 452).

Появление книги приурочено к 50-летию юбилею творческой деятельности автора. Она включает работы, написанные в разные годы. Самая ранняя из них появилась в 1976 г., возраст самой «свежей» равен всего нескольким месяцам. Как своеобразный творческий отчёт автора и перед собой, и перед профессиональным научным сообществом этот сборник отражает все этапы научной биографии В.О. Печатнова – одного из ведущих американистов страны. Вместе с тем книга создаёт многогранную и «глубоко эшелонированную» панораму истории Соединённых Штатов Америки. Её материалы отражают, а по ряду актуальных проблем – определяют современный уровень российских и зарубежных исторических и политологических исследований внутренней и внешней политики США, особенностей эволюции, считающейся самой образцовой из действующих ныне демократий, дипломатической истории Второй мировой и Холодной войн.

Автор требовательно подошёл к отбору материалов, ограничив сборник только теми из них, которые, по его мнению, «выдержали проверку временем». Они составляют лишь незначительную часть написанных им в разные годы в «малых формах» статей и документальных публикаций. Следует подчеркнуть, что полный список научных трудов В.О. Печатнова намного обширней оглавления рецензируемого тома. Как правило, эти работы посвящены новым, ранее никем не изученным страницам истории, либо дискуссионным проблемам, в обсуждение которых юбиляр внёс весомый вклад. Тем не менее отобранные для данной книги тексты достаточно репрезентативны для понимания масштаба профессиональных достижений В.О. Печатнова. Они выполнены в разных жанрах – от биографических эссе и научных обзоров до документальных очерков и фундаментальных исследований и, по сути, определяют уровень полемики по поводу некоторых актуальных исторических проблем, устанавливая высокую методологическую планку анализа современного американского политического процесса.

Структурно книга разбита на три раздела. Первый посвящён персоналиям. Здесь автор выступает в роли портретиста, воссоздающего галерею государственных деятелей и дипломатов XVIII–XX вв.: Т. Джефферсон, И.В. Сталин, Дж.Ф. Кеннан, А.Ф. Добрынин, А.А. Громько, У. Липпман, Н.С. Хрущёв. Во втором разделе, самом обширном по объёму, собраны статьи по истории Холодной войны и советско-американских отношений. Причём Холодная война рассматривается как часть непрерывного исторического контекста, включающего как её предысторию и истоки, так и сформировавшиеся в годы конфронтации и в СССР, и в США политические и мировоззренческие константы, сохранившиеся после её завершения и получившие развитие уже в XXI в. Третий раздел, условно озаглавленный «Американа», содержит работы, посвящённые страницам

внутриполитической истории США на различных, как правило, переломных, этапах развития страны, характеризующие американскую демократию как жизнеспособную систему социально-политических отношений, переживающую в настоящее время глубокий кризис. Распределение работ по рубрикам, на первый взгляд, произведено по формальным признакам, однако при внимательном чтении становится ясно, что перед нами цельный, скреплённый внутренней логикой труд, смысловым каркасом которого служат несколько ключевых проблем, о которых следует сказать отдельно.

Об американской демократии

Первый раздел книги открывается очерком о Томасе Джефферсоне. В пантеоне отцов-основателей США автору «Декларации независимости» и третьему президенту США принадлежит особенное место как в силу его личного участия в подготовке многих исторических документов и создании важных прецедентов, так и в связи с тем, что он вошёл в когорту государственных деятелей, заложивших традицию считать конституционное наследие периода Войны за независимость и первых лет республики мерилом и отправной точкой восприятия всей последующей истории страны. Недаром в программу изучения «истинных доктрин свободы» в основанном им Виргинском университете наряду с классическими работами Дж. Локка и О. Сиднея были включены «Федералист», инаугурационное и прощальное послания президента Дж. Вашингтона и ряд других основополагающих документов. Даже «равновеликие» современники Джефферсона относились к нему с пиететом, а его понимание природы и принципов демократического государства считали образцовыми. «Гнев, который мистер Джефферсон испытывал по отношению к недостаткам, всегда уравновешивался у него искренним и упорным стремлением к сотрудничеству ради такой перестройки нашей политической системы, какая требовалась для обеспечения постоянной свободы и благополучия Соединённых Штатов», – эти слова Джеймс Мэдисон – друг, соратник, а по многим вопросам и оппонент Джефферсона – продиктовал 27 июня 1836 г. за день до своей смерти, и адресованы они были одному из первых биографов Джефферсона Джорджу Таккеру (Исаев 2006: 533–534).

С тех пор «джефферсиана» расширилась и включает в себя сотни томов. Заметное место среди них заняли труды В.О. Печатнова, хорошо известные российскому читателю (Печатнов 1984; Печатнов 2008: 11–24). В них можно найти ответы на многие вопросы, восходящие к ранней истории США. Что касается рецензируемой книги, то в ней очерку о «виргинском затворнике» отведена роль своеобразного «зачина», который призван наметить важные содержательные директории тома: в чём уникальность пути Америки как государственно-политической системы; на каких основаниях ей было уготовано строить свои взаимоотношения с внешним миром. Джефферсон здесь предстает не в роли

обласканного славой патриарха, а мудрым, дальновидным, но разочарованным старцем, который «прожил достаточно долго, чтобы увидеть собственными глазами, как отклоняется Америка от созданного им идеала» (с. 17) и убедиться в том, что его мечты о создании «империи свободы» воплотятся ещё нескоро и Соединённым Штатам предстоит проделать большой и трудный путь, чтобы суметь стать противовесом «не только Англии, но и всему враждебному Старому Свету» (с. 14–15).

Обращаясь к проблеме устойчивости американского конституционного строя, автор концентрируется главным образом на кризисных периодах истории страны, когда возникали реальные угрозы для сохранения демократических институтов. К числу таковых в XX–XXI вв. отнесены годы «нового курса» Ф.Д. Рузвельта (1933–1939), «леволиберальный бунт» конца 1960-х – начала 1970-х гг. и нынешний системный кризис, «тиски» которого сжимают США на протяжении уже почти двух десятилетий. В книге показано, что если в первых двух случаях политические партии и действовавшие администрации сумели разработать и претворить в жизнь программы преобразований, оздоровившие обстановку и открывшие новые перспективы для прогресса, то в отношении текущей ситуации вопрос остаётся открытым.

Альтернативы американской истории 1930-х гг. переданы через полемику ближайшего соратника Рузвельта, «ньюдилера», члена Верховного суда США Ф. Франкфуртера с одним из наиболее влиятельных политических обозревателей своего времени У. Липпманом. Если первый расценивал «новый курс» как «новую творческую эру в политике», а его достижения считал «синонимом серьёзных социальных перемен» (с. 415, 424), то второй оценил преобразования 1930-х как «новый императив современности», заключавшийся в усилении регулирующей роли государства, политизации массового сознания при «общей тенденции к росту политической неустойчивости» (с. 423). Сохраняя равноудалённость по отношению к позициям обоих полемистов, автор отмечает, что каждый из них в этом споре был по-своему прав. И тот, и другой вполне реалистично оценивали потенциал созданной Рузвельтом социально-политической коалиции «нового курса», смещение внутривластного курса администрации в сторону социальных преобразований, усиление исполнительной ветви власти и полномочий главы Белого дома, хотя и характеризовали эти достижения в терминах, имеющих полярные коннотации. Сам же В.О. Печатнов приходит к выводу, что реформы «спасли страну от переворота», продемонстрировав жизнеспособность капиталистической системы (с. 424–425).

В книге показано, что двухпартийная система стала действенным инструментом устойчивого политического развития США, доказавшим свою способность гибко реагировать на социальные запросы, своевременно включать их в программы правящих партий и обеспечивать конкурентное, но не конфронтационное взаимодействие демократов и республиканцев в моменты смены власти. Иногда эта система давала сбой, следствием чего становились массовые

волнения и движения протеста. Одним из таких периодов стала вторая половина 1960-х гг., ознаменованная расовыми выступлениями, подъёмом антивоенного движения, вызванного войной во Вьетнаме, и борьбой за гражданские права. Уникальность данного этапа развития американской демократии заключалась в том, что кризис был преодолен не столько через обновление политических платформ партий и электоральные перегруппировки, сколько путём радикальной перестройки самих партий и глубокой ротации партийной элиты (с. 427–428). Эту новаторскую стратегию инициировала группа молодых активистов Демократической партии, способных генерировать новый, «либерал-реформистский» тип сознания: Ю. Маккартни, Р. Кеннеди, Дж. Макговерн. Благодаря своей энергии и радикальному кредо («равенство результатов» вместо «равенства возможностей») им удалось до неузнаваемости изменить партию. Положительные эффекты их деятельности обнаружились не сразу. Участие Дж. Макговерна в кампании по выборам президента 1972 г. не увенчалось успехом, однако в долгосрочной перспективе молодые реформаторы добились неординарных результатов: Демократическая партия омолодилась, резко укрепила позиции среди женской части электората и технической интеллигенции, в кратчайшие сроки американская политическая система адаптировала новые расовые и этнические группы, существенно расширив и институционализовав свои «интеграционные свойства» (с. 443).

История «радикального полевения» Демократической партии на рубеже 1960-х – 1970-х гг. показывает, что демократия может обладать значительным потенциалом обновления, а своевременное выдвижение перспективных политических стратегий позволяет выводить на политическую арену целые поколения современно мыслящих политиков, способных длительное время контролировать политические процессы. Свидетельство тому – карьерные маршруты президента У. Клинтона, сенатора Г. Харта и их сторонников, начинавших свой путь в большую политику на пике радикального бума конца 1960-х.

Между тем история свидетельствует о том, что стабильность, какими бы способами она ни достигалась, не может длиться вечно. На исходе первого десятилетия XXI в. обстановка в США обострилась. К тому времени существенно изменилась внутривнутриполитическая повестка страны, Америка оказалась перед лицом новых вызовов – мировоззренческих, расовых, этнических, гендерных, которые дополнили и без того обширный перечень традиционных проблем в экономике, финансах, в сфере науки, технологий, социальной политики. Если Б. Клинтон, выступая с ежегодным посланием к стране за год до истечения своего второго президентского срока, завершил речь «призывом к единству и вызвал смех, напомнив Конгрессу, что даже республиканцы и демократы в генетическом отношении на 99,9% тождественны друг другу» (Клинтон 2005: 999), то следующие четверть века показали, что в стране накопились проблемы, способные расколоть нацию, и их не сгладить удачными риторическими приёмами.

«И хотя до новой гражданской войны ещё далеко, “эра недобрых чувств”, судя по многим показателям, уже наступила», – констатирует В.О. Печатнов в 2010 г. (с. 463). Америка поляризовалась, антагонизм между сторонниками Республиканской и Демократической партий, согласно оценкам экспертов, никогда не достигал такой остроты со времён вооружённой борьбы между Севером и Югом.

Термин «поляризация» для В.О. Печатнова имеет конкретное содержание; его сутью являются две взаимосвязанные характеристики – глубина идейно-политических разногласий между демократами и республиканцами и примерное равенство сил противоборствующих сторон (с. 463). Причём речь идёт не о соперничестве элит или лоббистских групп, а о непримиримых противоречиях, порой выливающимися в открытую вражду между целыми электоральными коалициями. Конфронтация имеет выраженные географические границы, разделяющие регионы демократического («синие») или республиканского («красные») доминирования, внутри которых практически отсутствует предвыборная конкуренция и перестали действовать механизмы сменяемости партий (с. 464, 466).

На конкретных примерах в книге показано, что поляризация проявляется через бескомпромиссное столкновение моральных ценностей («гражданскую культурную войну») (с. 500, 505), отход от принятых парламентских процедур (с. 501), идеологизацию партийных программ (с. 465), углубление конфликта между «белой» и «цветной» Америкой (с. 501–503) и очевидные свидетельства эрозии традиционной американской идентичности «с её англо-саксонским ядром» (с. 501).

Хронологически последовательное расположение статей позволяет не только зафиксировать главные вехи развития современного кризиса в США, но и убедиться в своевременности и точности оценок Печатновым каждого нового этапа. Концентрация недоверия и взаимного неприятия партиями друг друга накапливались на протяжении ряда лет, ослабляя межпартийный консенсус, отмечает автор (с. 469). И этот вывод подтверждают сами главные участники американской политической жизни. Если Клинтон, покидая Белый дом, благодушно призывал американцев «не предаваться самодовольству» и не воспринимать «благоприятную ситуацию», в которой находилась страна, «как нечто само собой разумеющееся» (Клинтон 2005: 998), то всего через несколько лет Б. Обама уже констатировал очевидные признаки раскола: «Американцы расходились во мнениях буквально обо всём: об Ираке, налогах, проблеме аборт, оружии, десяти заповедях, однополых браках, иммиграции, торговле, образовательной политике, экологическом законодательстве, количестве членов правительства и роли судов. Мы не просто не соглашались друг с другом, мы не соглашались радикально, причём сторонники разных мнений не жалели желчи и сарказма для критики противной стороны» (Обама 2008).

Автор отмечает, что сорок четвёртый президент США целенаправленно пытался разорвать «порочный круг поляризации», но не преуспел (с. 472–473, 540). Результатом стал почти полный разрыв межпартийного диалога, увенчавшийся сенсационным «прорывом» в Белый дом «несистемного президента» Д. Трампа – первого в истории США главы государства, который не только «не пытался объединить американский народ» (с. 507), но и под занавес собственного правления предпринял попытку возглавить «бунт недовольных против Капитолия» (с. 517). Во многом под воздействием популистских решений лидера республиканской администрации к 2020 г. окончательно сложилась уникальная ситуация, суть которой «в тесном переплетении сразу нескольких кризисов: социума, политической власти и идентичности» (с. 497). В области внутренней политики именно на эти вызовы в первую очередь и ищет ответы действующая администрация Д. Байдена.

Методологически выверенный и весьма продуктивный анализ текущего состояния демократии в США не ограничивается описанием специфики её нынешнего системного кризиса. К значимым её характеристикам автор также относит существенные нестыковки между фактически абсолютизированными либеральными ценностями и действующими демократическими нормами и институтами. В эпоху интернета и социальных сетей поддерживать баланс между этими двумя опорами американского процветания становится всё труднее (с. 468, 529–530). Для понимания возможных вариантов развития американской системы власти и сохранения её демократической природы существенное значение также имеет тезис о том, что «внутри страны параллельно социальному государству возникло мощное “государство национальной безопасности”» (с. 535), который В.О. Печатнов разделяет с В.В. Согриным (Согрин 2015: 362).

Небывалые по остроте и размаху трудности, с которыми столкнулась в XXI в. демократическая система США, заставили многих экспертов усомниться в универсальности американского опыта. Э.Я. Баталов, например, суммируя аргументы критиков «парадигмы транзита» американских ценностей, отмечал, что они нащупали её самое уязвимое место – постулат о безальтернативности демократического развития после гибели коммунизма: «Во-первых, демократия не монолит и внутри неё возможны варианты. Во-вторых, ... все демократические режимы не идеальны и существует пространство для их совершенствования и развития – в том числе в политическом аспекте. (Да и где доказательства того, что со временем не рождаются режимы более совершенные, чем демократия?) И ещё один момент ... стало очевидно, что демократия притягивает не всех, и возможны какие-то гибридные образования, включающие лишь отдельные элементы демократии» (Баталов 2014: 587). В.О. Печатнов в целом согласен с такой позицией: «Так ли хороша демократия, если её приходится навязывать силой?» (с. 456).

Но как быть с демократией для самих американцев? Насколько велик запас её прочности в условиях лавинообразного накопления проблем, способных разрушить страну, задуманную Джефферсоном как «империя счастья», изнутри? В этой связи прогноз автора книги умеренно-оптимистичен: «История парадокса американской демократии продолжается. Американская империя клонится к своему закату ... В то же время возможности американской демократии ещё не исчерпаны» (с. 541).

О двух великих потрясениях XX в.

Первые восемь статей второго раздела вопреки названию («Холодная война и советско-американские отношения») посвящены дипломатическим коллизиям Второй мировой войны. Включённые в него материалы освещают основные вехи эволюции антигитлеровской коалиции начиная с самых первых шагов в направлении создания Великого Альянса, заканчивая решениями Бреттон-Вудской и Ялтинской конференций, очертивших в первом приближении контуры послевоенного финансово-экономического порядка и заложивших фундамент политического урегулирования в Европе, а по большому счёту и всего мироустройства. Все отобранные для данного тома тексты отражают результаты многолетней работы автора в отечественных и зарубежных архивах, воплощённые в получивших широкое признание документальных публикациях, выступлениях на конференциях и отчётах о выполнении международных исследовательских проектов (Печатнов, Магадеев 2015; Reynolds, Pechatnov 2018).

В.О. Печатнов скрупулезно, используя огромное количество самых разнообразных источников, исследует взаимоотношения внутри «большой тройки», реконструирует мотивы каждого участника этого уникального союза, их политические цели, личные характеристики и психологические особенности. Показано, с каким трудом им удавалось согласовывать позиции по вопросам снабжения, военной стратегии, многообразных проблем текущей политической повестки и глобальных послевоенных планов.

Перечитывая заново работы В.О. Печатнова разных лет о дипломатической истории Второй мировой войны, в первую очередь отмечаешь их современность и внутреннюю цельность, которые обеспечиваются бережным отношением к документам и превосходным владением историографией затрагиваемых проблем. Содержательным стержнем этой части книги служит история взаимоотношений руководителей СССР, США и Великобритании на протяжении всей войны. Их переписка и сопутствующие ей обстоятельства проанализированы в контексте коалиционной дипломатии, содержание документов сопоставлено с более широкими форматами союзного взаимодействия. Раскрыты невидимые ранее характеристики Великого Альянса – исторический фон посланий его участников; психологическая атмосфера, в которой принимались важные решения, настроения и заботы, волновавшие в каждый конкретный момент лидеров

«Большой тройки»; работа личных помощников и сотрудников внешнеполитических ведомств. В итоге на основе самой полной и новой историографической и документальной базы вскрыты все перипетии, тонкости, нюансы и зигзаги личной дипломатии глав трёх держав (с. 132–152). Особая роль в книге отведена И.В. Сталину, ранее других соотечественников освоившему азы «сверхдержавного мышления» и не без успеха «поддерживавшего и внутри страны, и вне её ощущение несокрушимости мощи СССР и необратимости его нового мирового статуса» (с. 23, 177, 192).

При том, что всем разделам книги присущ лёгкий и образный стиль изложения, она лишена публицистичности, а многие её фрагменты представляют собой глубокое обоснование позиций автора в научных полемиках последних десятилетий. Одна из дискуссионных формулировок вынесена в заглавие статьи об итогах Ялтинской конференции: «Была ли альтернатива для Запада?» (с. 205). Ответ на этот вопрос содержит доводы, устраняющие почву для недобросовестных политических спекуляций: «Решения Ялтинской конференции по Восточной Европе и Дальнему Востоку определялись реальным соотношением сил и военной ситуацией, сложившейся к началу 1945 г. Каждая из союзных стран преследовала собственные интересы, но они смогли достичь взаимоприемлемого баланса этих интересов во имя окончательной победы над общим врагом» (с. 202).

Диалектике перехода от Второй мировой к Холодной войне уделено особое внимание. Среди важных итогов победы над Германией и Японией, кроме известных геополитических сдвигов и укрепления военных потенциалов СССР и США, большое значение Печатнов придаёт морально-политическим факторам. Опираясь на аналитические доклады американской разведки, он указывает, что в 1945 г. «Россия возвращалась на мировую арену в качестве великой державы, ещё раз подтвердив свою историческую роль “спасителя Европы от угрозы азиатского и тевтонского вторжения”» (с. 215). И хотя, по его мнению, «морально-политический капитал страны-освободительницы был быстро подрастерян уже в первые послевоенные годы», «страх и уважение к советской военной мощи и её человеческому ресурсу» в США остались надолго (с. 222)¹.

Это послевоенное «послевкусие» влияло на настрой американского истеблишмента в период генезиса Холодной войны. Склонность к конфронтационному мышлению в США подогревалась, как ни парадоксально, достижениями «нового курса», сумевшего справиться с предвоенным кризисом и, вкуче с победой в войне, укрепившего веру американцев в безграничность собственных возможностей: «Новый демократический эгалитаризм подкреплялся ощущени-

¹ Следует отметить, что тезис о быстро «утраченном морально-политическом капитале» в ряде случаев опровергается самим же автором

ем того, что США ведут справедливую войну и выступают в ней как сила добра», и этот настрой, по сути, запрограммировал «политический класс США к переходу от континентального к глобальному пониманию безопасности» (с. 533).

Присущий обеим сторонам мессианизм и глобальный (хотя и не симметричный) замах стратегического целеполагания, как справедливо отмечено в книге, предопределили глубину мировоззренческого конфликта сверхдержав в годы двухполюсной конфронтации. Отмечая, что на обоих полюсах были «уверены в том, что конфликт России и Запада коренится в самой сущности “другого”», и поэтому он «будет продолжаться до тех пор, пока сохраняется эта сущность», Печатнов делает вывод о том, что в Холодной войне «советская стратегия во многом была зеркальным отражением американской стратегии сдерживания» (с. 378–379). Во многом, но не во всём, имевшиеся различия, как показывает автор, носили принципиальный характер и многое объясняли как в поведении сторон, так и в обстоятельствах завершения Холодной войны и её итогах.

В отличие от различных «инкарнаций сдерживания», возникавших в США при всех администрациях от Трумэна до Рейгана и ставивших цель безоговорочно победить в Холодной войне, в Москве таких планов никогда не строили: «Если говорить о большом дизайне, то скорее он был не у Москвы, а у Вашингтона» (с. 371). Более того, доказывает автор, даже «в разгар Холодной войны у советских людей не было ненависти к американцам: тому мешала инерция традиции гармонии и ... избирательный характер советской пропаганды ... Да и советское руководство, судя по имеющимся архивным документам, на уровне реальной “большой стратегии” не ставило своей задачей подрыв и смену политического режима США, как это делалось в американской стратегии “сдерживания” в отношении СССР» (с. 451).

Прослеживая эволюцию стратегических установок СССР и США в 1945–1991 гг., Печатнов выделяет пять этапов: раннюю Холодную войну (1945–1953); соревновательное сосуществование (середина 1950-х – конец 1960-х); годы разрядки (1969–1976); позднюю Холодную войну (вторая половина 1970-х – начало 1980-х), завершение Холодной войны (середина 1980-х – 1991). В отличие от многих авторов, конец советско-американского детанта он относит не к декабрю 1979 г., отмеченному двойным решением НАТО по евракетам, вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан и последовавшими вслед за тем обрушением процесса ратификации ОСВ-2, санкциями и свертыванием программ сотрудничества в сфере торговли, науки и технологий (с. 361). Получается, что с приходом в Белый дом администрации Дж. Картера (20 января 1977 – 20 января 1981) процесс разрядки практически застыл, а затем началось попятное движение. Детали этой истории можно найти в работах автора, не вошедших в данный сборник (Печатнов, Манькин: 2012; Печатнов 2021), однако ключевые идеи и здесь представлены вполне аргументированно.

Прежде всего, автор отмечает глубокие различия в оценках Москвой и Вашингтоном политики разрядки. В «Советском Союзе детант считали если и не концом Холодной войны, то по крайней мере переходом Рубикона в направлении её завершения». Будучи изначально догоняющей в конфронтационном соревновании стороной, советское руководство воспринимало разрядку как результат, «близкий к победе», тогда как для Америки, сохранявшей превосходство в сферах экономики, науки, технологий и в уровне жизни, детант был равноценен утрате роли лидера, означал понижение статуса и был «близок к поражению» (с. 366).

Другим важным фактором, подрывающим курс разрядки и, по сути, минимизировавшим возможность свести советско-американскую Холодную войну к «почётной ничьей» (Печатнов 2021: 68), стало наличие влиятельных противников разрядки в руководстве и политических элитах обеих сверхдержав. Первый выпад был сделан Конгрессом США, принявшим поправку Джексона-Вэника, затем в повестку двусторонних отношений был внедрён вопрос о правах человека в СССР, однозначно воспринимавшийся в Кремле как вмешательство во внутренние дела страны, в довершение всего началось торможение на переговорах по контролю за вооружениями. «В Советском Союзе, – отмечает Печатнов, – политика разрядки также была полна противоречий. Сторонники советско-американского сотрудничества вскоре были оттеснены на задний план теми, кто увидел в разрядке шанс заполнить вакуум, который образовался после ослабления США, и расширить сферы влияния СССР в Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке» (с. 367, 452).

Активизацию внешней политики на периферии Холодной войны автор считает «проявлением великодержавных амбиций» и «самой большой ошибкой» Кремля (Печатнов 2021: 75; с. 367). По поводу данного тезиса, выделенного из общего контекста авторской периодизации Холодной войны, недавно прозвучала критика в том смысле, что В.О. Печатнов «склонен возлагать ответственность за новый виток конфронтации на советское руководство» (Филитов 2022: 240). Между тем при внимательном чтении приведённого фрагмента и иных опубликованных работ В.О. Печатнова на эту тему хорошо видно, что в данном случае автор говорит не об «инициаторе нового витка конфронтации», а об отсутствии у команды Брежнева продуманной и эффективной стратегии взаимодействия с США, основанной на адекватной оценке ресурсов и взвешенных прогнозах.

Ещё одна, на этот раз последняя возможность выйти из Холодной войны с ничейным исходом, по мнению В.О. Печатнова, имела место на рубеже 1980-х – 1990-х, но вновь была упущена. Правда, на этот раз у нового советского лидера М.С. Горбачёва, столкнувшегося с глубоким кризисом внутри страны и деградацией Варшавского договора, было гораздо меньше рычагов воздействия на зачарованных собственным превосходством американских партнёров.

В итоге Соединённые Штаты победили в Холодной войне. Это стало возможно, прежде всего, благодаря более эффективной и последовательно претворявшейся в жизнь стратегии сдерживания, предложенной в её начале Дж. Кеннаном и своевременно редактировавшийся в зависимости от смены обстоятельств на протяжении всех пяти этапов. Кроме того, Западу удалось создать более привлекательную и конкурентоспособную социально-политическую модель, способствующую сближению действующих и потенциальных союзников США, постоянно расширяя их круг, в том числе и за счёт недавних сторонников социалистического выбора (с. 369–372).

О США и России в современном мире

Конструирование американоцентричного мира, основанного на продвижении либеральных ценностей, соблюдении иерархии внутри складывающихся союзов и сообществ «при сохранении формального равенства союзников», началось задолго до завершения Холодной войны, однако расцвета эти процессы достигли уже после распада СССР (Войтоловский 2007: 442–443).

Автор доктрины сдерживания Дж. Кеннан в своё время, согласно оценке В.О. Печатнова, «на пять с минусом» предсказавший крушение советского строя, предостерегал от «поощрения сепаратизма на постсоветском пространстве, чреватого бумерангом русского национализма». Через сорок с лишним лет после этого предостережения политика США отклонилась от рекомендации Кеннана «в сторону откровенного поощрения национального самоопределения и центробежных тенденций на постсоветском пространстве» (с. 49). К 2005 г., когда В.О. Печатнов впервые опубликовал статью памяти Кеннана, представления «человека на все времена» о силе и политической воле русского национального самосознания казались ему «несколько идеализированными» и «русофильскими» (с. 48). В 2023 г., однако, и эта часть политического наследия американского дипломата «нашла себя» во времени, и оценка им уровня патриотизма в российском самосознании завышенной уже не кажется.

Успех прогнозов Кеннана в отношении России был основан прежде всего на знании истории и глубоком понимании особенностей российской внешнеполитической традиции. При этом до конца своей долгой и исключительно продуктивной жизни в дипломатии и науке он «оставался верен независимо-критическому отношению к собственному правительству», с тревогой отмечая «усиление гегемонистских и силовых начал» в его политике (с. 50). Подобно тому, как открывающий книгу очерк о Джефферсоне намечает магистральную для неё тему эволюции американской демократии, Кеннан помогает «сшить» сквозной красной нитью внешнеполитическую проблематику.

В связи с рубежным для международных отношений 1991 годом, завершившим историю двуполярного мира, возникает ключевой вопрос: почему рекомендации патриарха дипломатической службы на этот раз были проигнори-

рованы? Действительно, в книге показано, что уже во времена администраций Дж. Буша-ст. (1989–1993) и Б. Клинтона (1993–2001) стало ясно, что «российские интересы для Вашингтона являются второстепенными по сравнению с задачами распространения американского влияния и стремлением закрепить плоды победы в Холодной войне», а «считавшиеся нелегитимными интересы тоталитарного СССР уважались больше, чем законные интересы нынешней не тоталитарной России» (с. 454, 457). В развитие этих выводов Печатнов приводит слова известного британского эксперта А. Ливена о том, что падение коммунизма «для многих членов истеблишмента не изменило их враждебности к России как государству» (с. 456).

Из возможных сценариев практически все администрации США за последние тридцать лет выбирали наименее благоприятные или в принципе неприемлемые для России. «Американское понимание сотрудничества с Россией как “ведущего с ведомым” шло вразрез с российской традицией равноправных союзов или доминирования в них России», – отмечает автор (с. 454). И хотя сам он формулирует пока не находящий подтверждения тезис о том, что «рост самостоятельности России, её уверенности в собственных силах не обязательно предполагает неизбежность ухудшения российско-американских отношений» (с. 460), всей логикой сконцентрированных в заключительной части книги текстов он даёт понять, что главный вектор внешнеполитической стратегии Вашингтона на современном этапе детерминирован не столько «особенностями российского поведения», как это было во времена Кеннана, сколько закрепившимися в сознании американской элиты стандартами стратегического планирования.

Не случайно роль финального аккорда для всей книги отведена развернутому отзыву на капитальный труд крупного российского историка-американиста В.В. Согрина. В этом отзыве, с одной стороны, содержатся высказывания по поводу ключевых обобщений неординарного автора, а с другой – сформулированы собственные идеи. Важным в концептуальном отношении положением книги Согрина (Согрин 2015) является определение США как «демократической империи», в 1990-е гг. сделавшей выбор в пользу расширения своего влияния и втянувшейся в «новый крестовый поход за передел мира». Новая миссия США как единственной на тот момент сверхдержавы, окрылённой лозунгами «либерально-демократического фундаментализма», на практике стала «продолжением дела Холодной войны», с той лишь разницей, что сейчас речь шла не о «защите свободного мира», а о «его распространении на весь мир» (с. 537).

Конечно, в США и в XXI в. звучат голоса экспертов, предупреждающих о том, что «неоспоримое превосходство Америки в однополярном мире не может сохраняться вечно» (Burns 2019: 389), а попытки Запада изолировать или унижить Россию будут вызывать с её стороны сопротивление «против коварной “глобализации”, ответственной за все проблемы, свалившиеся на жителей

России» (Биллингтон 2011: 67). Тем не менее на текущем отрезке истории Соединённые Штаты, как показано в книге, не обнаруживают желаний отказаться от роли куратора процесса демократизации мира.

Обозревая коллизии международного развития последнего десятилетия XX в., президент Обама сетовал, что «в глазах общественности внешнеполитическому курсу девяностых не доставало чёткого стержня или великих императивов» (Обама 2008). Материалы новой книги В.О. Печатнова показывают, что ни сам Обама, ни сменившие его обитатели Белого дома «новых императивов» также не предложили.

Заключение

Рецензируемая книга энциклопедична и, как большинство удачно структурированных энциклопедий, выявляет имеющиеся на данный момент содержательные пустоты, требующие соответствующей академической «подсветки». В частности, при её чтении возникает желание прояснить, как на политические позиции американских партий и на целые государственные программы влияли и продолжают влиять волны эмиграции и национальные диаспоры, сохраняющие политическую и эмоциональную связь с родиной. Этот срез актуален для периода Холодной войны, но ещё важнее – для истории внешней политики США первой четверти XXI в. Если последствия этого процесса для европейской интеграции на отдельных этапах истории в последние годы затрагивались в ряде серьёзных исследований (Войтоловский 2007; Липкин 2016), то в части понимания причин восхождения атлантизма и формирования самого концепта «коллективный Запад» предстоит сделать ещё очень много.

Хотя отдельные фрагменты книги были написаны в разные годы, читатель практически не чувствует ни стилистических различий, ни смысловых или методологических противоречий, свойственных многим авторам, которым пришлось преодолевать болезненные мировоззренческие пороги в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Автор на каждом этапе своей творческой эволюции был верен себе, избегал конъюнктуры и штампов, предпочитая находить ответы на все вопросы не в злободневной политической повестке, а в архивах, открывая для себя и для исторической науки новые документы. Фундаментальность работ В.О. Печатнова обеспечена прежде всего превосходным знанием источников, которые ему довелось обнаружить в хранилищах России, США, Великобритании и ввести в научный оборот, сделав их всеобщим достоянием. При этом каждый текст, вышедший из-под его пера, лишён тяжеловесности. Стиль Печатнова отличают ясность мысли, чёткость формулировок при неумолимом соблюдении строгих академических канонов. На этом зиждется его высокая научная репутация, выходящая далеко за пределы России.

Перечень тем, отмеченных вниманием и талантом Владимира Олеговича Печатнова, намного шире списка статей, включённых в настоящий сборник, поэтому есть смысл подумать об издании собрания его исторических трудов, и для этого не обязательно ждать следующего юбилея.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327:9(73)+323(73)
Received: April 18, 2023
Accepted: June 23, 2023

"The fascinating world of high-grade historical analysis" (About V.O. Pechatnov's book History and Politics)

V.T. Yungblud
[DOI 10.24833/2071-8160-2023-3-90-298-314](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-298-314)

Vyatka State University

Book review: Pechatnov V.O. 2022. History and politics. Moscow: Publishing house "Aspect Press". 542 p.

Keywords: USA, American democracy, World War II, US-Russian relations, liberal democratic empire

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Burns W.J. 2019. *The Back Channel: a Memoir of American Diplomacy and the Case for its Renewal*. New York: Random House. 501 p.

Reynolds D., Pechatnov V. (Eds.). 2018. *The Kremlin Letters. Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt*. New Haven and London: Yale University Press. 660 p.

Batalov E.Ia. 2014. *Amerikanskaia politicheskaia mysl' XX veka* [American Political Thought of the 20th Century]. Moscow: Progress-Traditsiia. 616 p. (In Russian).

Billington J.H. 2011. *Raboty po istorii i kul'ture Rossii. Izdanie v 2-kh t. Tom II. Rossiia v poiskakh sebja. Stat'i i vystupleniia* [Works on the History and Culture of Russia. Edition in 2 vols. Volume II. Russia in Search of Itself. Articles and speeches]. Moscow: VGBIL im. M.I. Rudomino. 288 p. (In Russian).

Clinton W.J. 2005. *Moia zhizn'* [My Life]. Moscow. Al'pina Biznes Buks. 1088 p. (In Russian).

Filitov A.M. 2022. *Kak zakonchilas' kholodnaia voina i chto za etim posledovalo. Razmyshleniia v sviazi s novoi knigoi rossiiskikh i zarubezhnykh istorikov* [How the Cold War Ended and What Followed. Reflections on a New Book by Russian and Foreign Historians]. *Novaia i noveishaia istoriia*. Is. 5. P. 239–246. DOI: 10.31857/S013038640022425-5 (In Russian).

Isaev S.A. 2006. *Dzheims Medison: Politicheskaia biografiia* [James Madison: A Political Biography]. Saint Petersburg: Nauka. 551 p. (In Russian).

Lipkin M.A. 2016. *Sovetskii Soiuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and Integration Processes in Europe: Mid-1940s – late 1960s]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke. 560 p. (In Russian).

Obama B. 2008. *Derzost' nadezhdy: Mysli o vozrozhdenii amerikanskoi mechty* [The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream]. URL: <https://archive.org/details/B-001-003-993> (accessed: 25.04.2023) (In Russian).

Pechatnov V.O. 1984. *Gamil'ton i Dzhefferson* [Hamilton and Jefferson]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 335 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Trumen: SSSR i SShA v 1940-kh gg.: Dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940s: Documentary Essays]. Moscow: Terra – Knizhnyi klub. 722 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2008. *Ot Dzheffersona do Klintona. Demokraticheskaia partiia SShA v bor'be za izbiratelia* [From Jefferson to Clinton. The Democratic Party of the USA in the Struggle for the Voter]. Moscow: Nauka. 503 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2021. *Kak inache mogla zakonchit'sia kholodnaia voina?* [How Else Could the Cold War Have Ended?] Pavlenko O.V., Zhuravleva V.I. (eds.). *Okonchanie kholodnoi voiny v vospriiatii sovremennikov i istorikov: 1985–1991* [The End of the Cold War in the Perception of contemporaries and historians: 1985–1991]. Moscow: RGGU. P. 65–77. (In Russian).

Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dokumental'noe issledovanie. V 2-kh t* [Correspondence of J.V. Stalin with F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War. Documentary Research. In 2 Vol.]. Moscow: OLMA Media Grupp. Vol. 1. 656 p. Vol. 2. 768 p. (In Russian).

Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriia vneshnei politiki SShA* [History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 672 p. (In Russian).

Sogrin V.V. 2015. *SShA v KhKh-KhKhI vekakh. Liberalizm. Demokratiia. Imperiia* [USA in the 20–21 centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow: Ves' mir. 590 p. (In Russian).

Voitolovskii F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporiadka 1940-2000-e gg* [The Unity and Disunity of the West: an Ideological Reflection in the Minds of the Elites of the USA and Western Europe of the Transformations of the Political World Order of the 1940s–2000s.]. Moscow: Kraft+. 467 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Баталов Э.Я. 2014. *Американская политическая мысль XX века*. Москва: Прогресс-Традиция. 616 с.

Биллингтон Дж. Х. 2011. *Работы по истории и культуре России. Издание в 2-х т. Том II. Россия в поисках себя. Статьи и выступления*. Москва: ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. 288 с.

Войтоловский Ф.Г. 2007. *Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е гг.* Москва: Крафт+. 467 с.

Исаев С.А. 2006. *Джеймс Мэдисон: Политическая биография*. Санкт-Петербург: Наука. 551 с.

Клинтон У. Дж. 2005. *Моя жизнь*. Москва: Альпина Бизнес Букс. 1088 с.

Липкин М.А. 2016. *Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. 560 с.

Обама Б. 2008. *Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты*. URL: <https://archive.org/details/B-001-003-993> (дата обращения: 25.04.2023)

Печатнов В.О. 1984. *Гамильтон и Джефферсон*. Москва: Международные отношения. 335 с.

Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки*. Москва: Терра – Книжный клуб. 722 с.

Печатнов В.О. 2008. *От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя*. Москва: Наука. 503 с.

Печатнов В.О. 2021. Как иначе могла закончиться холодная война? Павленко О.В., Журавлева В.И. (ред.). *Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991*. Москва: РГГУ. С. 65–77.

Печатнов В.О., Магадеев И.Э. 2015. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование*. В 2-х т. Москва: ОЛМА Медиа Групп. Т. 1. 656 с. Т. 2. 768 с.

Печатнов В.О., Маныкин А.С. 2012. *История внешней политики США*. Москва: Международные отношения. 672 с.

Согрин В.В. 2015. *США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя*. Москва: Весь мир. 590 с.

Филитов А.М. 2022. Как закончилась холодная война и что за этим последовало. Размышления в связи с новой книгой российских и зарубежных историков. *Новая и новейшая история*. №5. С. 239–246. DOI: 10.31857/S013038640022425-5